ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №6 | 2021

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №6 | 2021

В номере

Д*и*Н публицистика

Николай Бурляев
3 Никита

Д*и*Н стихи

Олег Роменко
23 Я срывал колючие цветы

Андрей Деменюк
47 Перевёрнутый трамвай

Евгений Попов
49 У людей свои крылá…

Роман Смирнов
51 Мировое стекло

София Максимычева
52 Вчера июньский дождь прошёл

Вита Пшеничная
53 Дети нежности

Денис Кальнов
104 Строка воспоминания навеет

Дмитрий Ангарский
107 Мне мало просто верить

Галина Шубникова
109 Просто о главном

Игорь Голубь
111 Горчило во мне словечко

Д*и*Н время

Юрий Ромашков
24 Счастливая звезда Василия Харченко

Михаил Смирнов
37 Операция «Орлан»

Д*и*Н юбилей

Андрей Ребров
45 Цветёт небесный луг безбрежный

Библиотека современного рассказа

Марат Валеев
55 Изюминка

Елена Аушева
59 Всё рóвно

Наталья Потапова
65 Новый взгляд

Андрей Дмитриев
67 День предчувствия космоса

Вячеслав Нескоромных
135 Подарочки

Ахмедхан Зирихгеран
147 Карантин сближающий

Геннадий Гусаченко
152 Сила в правде

Синяя тетрадь

Алина Ширматова
69 Ромашковая поляна

Алсу Шайхутдинова
84 Я—часть Вселенной,
и я ей очень нужна!

134 Цветные мечтанья

Маргарита Стаканова
170 Малая Ничка, родное село…

Алина Скородумова
186 Что важнее всего?

191 Наш дом—Красноярье

ДиН проза

Леонид Подольский
70 Четырёхугольник

Валериан Маркаров
85 Миллион алых роз

ДиН миниатюра

Эльдар Ахадов
98 Заветные слова

ДиН роман

Анатолий Бимаев
113 Восемь-восемь

ДиН симметрия

Аркадий Аверченко
157 Из книги «Дюжина ножей в спину революции»

ДиН драма

Геннадий Васильев
158 Веничка, или Шаги Командора

ДиН дебют

Владимир Пахомов
164 Музыка Тундры

ДиН полемика

Дмитрий Косяков
171 Культ личности Бродского и его истоки

ДиН перевод

Аскар Махкам
183 Письмо, не отосланное бабушке

ДиН детям

Анастасия Антонова
184 «Замечательная» история

Людмила Назаренко
187 У телевизора в гостях

196 ДиН авторы

ДиН галерея

На обложке:
ВИКТОРИЯ ИСАЕНКОВА
Время из серии «Дети Земли»
2020

На обороте обложки:
ЛЕОНИД ЩЕМЕЛЬ
Исторический дворик
2008

Картины с выставки «Каждый желает» красноярского Творческого Союза художников России

На внутренней стороне обложки:

ОЛЬГА ЛЕВСКАЯ
Арбузная Зелень
2020

ЕЛЕНА ЛУКИЯНЧУК
Рождение вечера
2016

Николай Бурляев

Никита

Повесть о друге

Я не сразу узнал голос не определившегося в телефоне абонента.
— Это кто?
— Кто, кто — конь в пальто! — засмеялся Никита.
— Не узнал тебя, редко звонишь…

Дружба наша завязалась в 1959 году, когда мой «крёстный отец» по кино, молодой и красивый, двадцатидвухлетний Андрон Кончаловский, впервые ввёл в свою семью и познакомил с отцом Сергеем Владимировичем Михалковым, мамой Натальей Петровной Кончаловской и моим ровесником, братом Никитой. Младший брат, с почтением относившийся к старшему, с ходу принял героя его фильма в свои друзья. Я начал дневать и ночевать в добросердечной семье Михалковых. Дачный сторож-истопник, встречая меня, бывшего в те годы весьма худосочным, неизменно острил: «А-а… мёртвые души приехали…» Нам с Никитой — по тринадцать лет. Он старше меня всего на восемь месяцев и восемнадцать дней, но с самого начала и до сих пор показывает своё старшинство.

Ах, какие это были светлые дни! Мой новый друг возил меня на конезавод, где впервые посадил на лошадь и преподал навыки верховой езды. Он готовился к роли Пети Ростова в «Войне и мире» С. Ф. Бондарчука и уже был, казалось мне, опытным наездником. За год ожидания начала съёмок Никита на голову вымахал ростом, и роль Пети получил более юный исполнитель. Никита не переживал. Увлечённый баскетболом, брал меня на свои соревнования, где я с гордостью наблюдал, как ловко он перемещается по площадке и метко попадает в кольцо.

Мы были, как полагается в этом возрасте, весьма озорными подростками. Куролесили ночами по никологорским закоулкам с ватагой приятелей: Володей Грамматиковым, Колей Томашевским, имён остальных уже не припомню. Помню, как наши приятели усаживались на асфальтовую дорогу, подносили зажжённую спичку к штанам и делали огненный залп. Тайком допивали изобретённую Натальей Петровной знаменитую настойку «Кончаловку». Пели забористые частушки, травили анекдоты, и королём искромётного юмора всегда был Никита. Сбегали по глинистой тропинке заросшего душистого оврага, загорали на песочке, купались в Москва-реке. Как приятно было потом узнавать этот овраг и речные заводи в фильмах друга, воплощавшего на экране трепетные воспоминания своего детства. Благоговейно сидели за новогодним столом со старшими, пока нас, «детей», вскоре после полуночи не отправляли спать. Какие «дети»?.. Какой там сон, когда за стеной столь интересные события?

Я уже вовсю снимался. Вслед за фильмом Андрона последовало «Иваново детство» Тарковского. Фильмы двух друзей, Андреев, были отмечены венецианскими «Львами св. Марка». Фильм Тарковского получил ещё пятнадцать международных наград. Об «Ивановом детстве» писала мировая пресса — Жан-Поль Сартр, Константин Симонов… Мои портреты публиковались в зарубежных журналах рядом со звёздами мирового кино — Марчелло Мастроянни, Софи Лорен, Джиной Лоллобриджидой… Недалёкие критики гладили меня по головке, лили в уши опасный елей: «Ты гений! Ты играешь как большой артист!» Никита же никак не проявлял своего желания стать артистом. И вдруг — Гия Данелия пригласил его сняться в «Я шагаю по Москве». Узнав об этом, я, грешным делом, подумал, что моего друга пригласили по блату, потому что он — Михалков. Ну, я — понятно: пятнадцатилетний артист Академического театра Моссовета, у меня уже семь ролей в кино; а друг мой — разве он артист?..

Первая же роль показала удивительную органику, лёгкость и неповторимое обаяние юного Никиты. А дальше — началось неуклонное творческое восхождение от фильма к фильму, начала созидаться удивительная судьба большого художника. Никита начал серьёзно подготавливать себя к актёрской профессии: на дачном участке сдвигал столы, и мы делали через них кульбиты, обретая каскадёрские навыки сценического движения. Лет в пятнадцать он прочитал мне написанный им первый свой сценарий фильма-боевика о басмачах и бароне Унгерне. Это первое вторжение в кинодраматургию пригодилось ему и получило развитие в грядущем первом советском вестерне «Свой среди чужих».

В 1964 году, придя к Никите, я увидел ангелоподобное существо — Настю Вертинскую, уже прославившуюся в «Алых парусах» и «Человеке-амфибии». Не восторгаться её неземной красотой было невозможно. Но, мгновенно прочитав в глазах друга душевное расположение к этому ангелу, я и не помышлял давать волю своим восторгам.

Как-то я рассказал Никите о необыкновенной школе рабочей молодёжи для творческих детей, в которой я учился вместе с детьми из Большого театра, ансамбля Моисеева, спортсменами… Моими одноклассниками были Таня Тарасова и Алёша Уланов, вскоре заявивший о себе как выдающийся фигурист, победив на олимпийском, европейском и мировом чемпионатах вместе с Ирой Родниной, учившейся в этой же школе на два класса младше. Учились мы весьма комфортно — всего три дня в неделю.

— Ты учишься шесть дней, а мы — три дня, — сообщил я Никите. — Педагоги замечательные, отношение к ученикам творческое, оценки выставляют с лёгкостью.

— Где такая школа? — удивился Никита.

— Недалеко от твоего дома, на улице Чехова.

Никита мгновенно спикировал в эту школу и через год, закончив десятый класс, поступил на актёрский факультет Щукинского училища. На следующий год закончил школу и я и был удачно зачислен на второй курс, где учились мои друзья Никита и Настя.

Началось славное студенческое время. Каждую сессию мы готовились к экзаменам вдвоём в квартире Никиты на улице Воровского. Ночи напролёт зубрили предметы, встречали тихие майские рассветы под классическую музыку и пение Рэя Чарльза, Луи Армстронга, Шарля Азнавура, Эдит Пиаф, Рэя Конниффа… А потом шли на экзамен, и Никита принципиально шёл к экзаменаторам первым.

На третьем курсе Никита попросил меня сыграть Карла XII в его первой в жизни режиссёрской пробе — самостоятельном отрывке из «Петра Первого». Попытка была удачной, оценка — отличной. Воодушевлённый успехом, Никита решил поставить с нашим курсом одноактную пьесу по сценарию американского фильма «12 разгневанных мужчин».

— Ты фильм видел? — спросил он меня.

— Нет.

— Потрясающий фильм. В главной роли — Генри Фонда. Супермен, один идущий против суда присяжных, побеждающий их всех… Ты будешь играть эту роль.

Начали репетировать. Никита всё больше входил в режиссёрский кураж, работал самозабвенно. В разгар репетиций ректор Б. Е. Захава издал приказ об отчислении Михалкова из училища. За что? Как поговаривали — за анархию, за пропуски, за вольный дух и врождённое остроумие. Преодолевая унижение, смиряя гордость, Никита каждый вечер дожидался момента, когда все педагоги покидали училище, залезал в окно и продолжал репетиции. Он подпольно завершил постановку на столь высоком уровне, что изгнавшие его ректор и мастер курса утвердили произведение Никиты как наш дипломный спектакль. Через год и меня отчислили из училища за съёмки в «Андрее Рублёве» и опоздание к началу учебного года почти на месяц. Опытные педагоги посоветовали мне покаяться перед ректором — типа «больше не буду сниматься у Тарковского». Меня приняли обратно, а Никита — гордо и бесповоротно ушёл в режиссуру, поступив во ВГИК на курс М. И. Ромма.

Мы стали видеться редко, каждый пошёл своим путём. Никита начал совершать головокружительное восхождение, снимая фильм за фильмом, приносившие славу не только ему, но и всему советскому кинематографу. Путешествуя по миру, было удивительно видеть, что за границей знали уже не только Бондарчука и Тарковского, но и Никиту Михалкова. В роду Никиты прибыло, он стал отцом — родился сын Степан.

Однажды Никита предложил мне сняться в его новом фильме «Обломов». Я прочитал сценарий и не увидел никакой роли, даже имени не было, просто гость на пикнике у Ольги. Мне явно там нечего было играть. Но Никита умеет уговаривать.

— Мы сделаем замечательную роль. У меня даже эпизоды играют актёры экстра-класса… А я потом буду бесплатно сниматься у тебя, где захочешь…

Я согласился и приехал к нему в экспедицию на Оку. Приехал днём, думал, что друг, узнав о моём приезде, захочет меня увидеть, поговорить о предстоящем. До конца дня друг так и не появился. В шесть утра меня с массовкой посадили в автобус и привезли на площадку. Такое отношение к заслуженному артисту, с тридцатью ролями за плечами, меня удивило. Одели, загримировали, попросили встать у дерева, чтобы снять мой крупный план. Работа на площадке спорилась, а я пребывал в полном неведении и всё более тревожном расположении духа. Наконец Никита сказал мне, что сейчас будет моя главная сцена.

— Ты будешь делать «английский бокс» вот с этим актёром.

Он указал мне на молоденького паренька с весьма нежной пластикой и голосом.

— Я не знаю, что такое «английский бокс», — сказал я Никите, — покажи.

Никита показал мне несколько плавных, нежных движений руками.

Я отвёл друга в сторонку.

— Обо мне и так кто-то пустил слух, что я — «нежной ориентации». Ты хочешь, чтобы я делал эти «нежные» движения с «нежным» мальчиком, и ко мне прилепят этот «нежный» ярлык?
— Но ты же артист… Ты же должен…
— Ничего я не должен.

Не скрою, я был обижен на друга. Он ведь так и не рассказал мне, какую «замечательную роль» он намеревался со мною вылепить. Я покинул площадку, уехал в Москву, оставив фильму «Обломов» единственный крупный план неизвестно что тут делающего Бурляева.

Наши пути разошлись лет на пятнадцать, пересекались редко — на студии, в общественных местах, на улице… Никита продолжал своё блистательное восхождение. В 1984 году у Никиты родилась дочь Анна, а ещё через год — сын Артём.

В 1986 году Никита стал отцом в четвёртый раз — родилась дочь Надежда, которой в недалёком будущем было суждено вместе с Никитой воплотить на экране неповторимую родовую связь отца и его любимого дитяти. Самые пронзительные для мирового кино мгновения кровной, родовой связи. Как актёр скажу: это невозможно сыграть, если в сердце нет подлинной любви.

В Кремле грянул исторический «перестроечный» пятый съезд кинематографистов СССР, на котором Никита единственный встал на защиту чести и достоинства С. Ф. Бондарчука, обрекая себя на многолетнюю «нерукопожатность» серой кинематографической стаи, пока, наконец, не одержал, причём там же в Кремле, убедительную победу, будучи почти единогласно избран на пост председателя Союза кинематографистов России. «Нерукопожатным» после пятого съезда стал и я за свой первый авторский фильм «Лермонтов». Та же «стая» коллег и советские СМИ рвали меня на части, выпустив двадцать две разгромные статьи за десять месяцев до выхода «Лермонтова» на экран. Словно по команде, газеты и журналы давали только негатив, блокируя положительные рецензии, написанные Валентином Распутиным, Арсением Тарковским, Виктором Астафьевым, Василием Беловым, Юрием Бондаревым, профессорами МГУ и лермонтоведами… Я был для «стаи» что красная тряпка для разъярённого быка. С центральных телеканалов вытеснялись журналисты, посмевшие взять у меня интервью и показать вполне вменяемого Бурляева. Мне была нужна защита. Позвонил Никите, попросил посмотреть фильм и высказать своё мнение. Он ответил, что готов, но сейчас улетает за границу и не скоро появится. В эти же дни подруга Натальи Петровны Кончаловской сказала мне, что та сетовала: «Что-то Коленька меня совсем забыл… Давно не таскала его за вихры…» Услышав это, позвонил Наталье Петровне, и она пригласила меня на Николину гору. Спустя многие годы я снова приехал в сердечные места своего детства. Со мною был мой десятилетний сын Иван, который находился почти в том же возрасте, что и я, впервые вошедший в семью Михалковых. Иван, ученик Центральной музыкальной школы, поиграл Наталье Петровне на рояле Баха, Моцарта, Гайдна…
— Как хорошо, что ты учишь своих детей музыке… это пригодится. Я тоже учила Андрона и Никиту…

Я рассказал Наталье Петровне о травле, которой подвергаюсь со своим фильмом, о предательстве тех, кого я считал своими друзьями. После просмотра «Лермонтова» она взяла мои руки, гладила их, гладила голову и как-то особенно нежно промолвила:
— Вот какой ты стал, Коленька… Так ведь они тебе завидуют… И Никиту многие предают, — она горестно, но светло спросила: — Зачем же С…ка так поступил с Никитой?.. — она назвала имя нашего по отрочеству общего с Никитой приятеля.

В 1993 году, готовя III кинофорум «Золотой Витязь», увидел документальный фильм Никиты «Анна. От 6 до 18». Картина поразила меня своей исповедальной искренностью. Это был мощный, пронзительный фильм Мастера о времени, о себе, о России, переживающей историческую ломку. Я решил показать этот фильм на «Золотом Витязе». Приехав к Никите на Николину, застал его лежащим на полу, делающим зарядку. Мы провели вместе часа три. Я показал видеофильм о прошедшем в Югославии II кинофестивале «Золотой Витязь». Он смотрел внимательно, молча. Увидев кадр из фильма-призёра фестиваля «После войны мир», в котором паровоз неожиданно объезжает бегущего ему навстречу по рельсам весёлого человека, искренне, эмоционально воскликнул:
— Класс! Гениально! Прекрасно! Класс!

Так открыто радоваться творчеству коллег может только талантливый человек.
— Следующий «Витязь» я провожу в Приднестровье.
— А почему там? — спросил присутствовавший при нашей встрече украинский оператор Вилен Калюта.
— Правильно, что в Приднестровье, — поддержал Никита.
— Ты представишь на конкурс свою картину? — спросил я.
— Конечно… Какую?
— «Анну».
— Хорошо.
— А сам приедешь?
— А когда фестиваль?
— Открытие второго сентября.

Никита задумался.

— В конце августа — начале сентября я во Франции… Придётся прерывать поездку на два дня раньше… Я приеду.
— С этого года я решил не возглавлять жюри, — сказал я Никите. — Но я знаю всю программу и думаю, что «Золотой Витязь» — твой.
— Дай расписку! — с ходу сострил Никита.

Потом мы говорили о кино, о политике и политиках, о безверии, о необходимости спокойного, неустанного труда…
— Я должен перед тобой покаяться, — сказал я, прощаясь с Никитой. — Наблюдая за тобою эти годы издали, я, хотя мы и друзья, грешным делом, думал как и многие: удачник, благополучен, барин… А то, как ты все эти годы жил и страдал, увидел лишь в «Анне».

Пролетели три месяца. Наступило второе сентября, день открытия в Приднестровье кинофорума «Золотой Витязь». Двенадцатый час дня — Никиты нет. Ну, думаю, не приедет. Да это и понятно: зачем прерывать триумфальную поездку по Франции, где его «Утомлённых солнцем» носят на руках, и мчаться через три границы в Тирасполь?.. Спускаюсь в гостиничном лифте вниз. Двери раскрываются, передо мною — Никита с костюмом на вешалке за плечами.
— Приехал?! — изумился я.
— А х…ли, — улыбнулся Никита. — Я ж обещал.
— Через два часа участники фестиваля пойдут по главной улице с оркестром. Ты пойдёшь?
— А открытие во сколько?
— В восемнадцать.
— Я у тебя гвоздь программы?
— Гвоздь.
— Так вот я выйду в восемнадцать на открытии.

Вечером зрители кинофорума приветствовали появление Никиты с восторгом и благодарностью. Завершая своё выступление, он сказал:
— Я бы хотел пожелать фестивалю «Золотой Витязь» плавного поступательного движения. Покоя и мудрости, когда внутренней молитвы нам достаточно, чтобы бороться с теми, кто нас не любит.

В 1996 году, после своей победы в Думе, когда удалось сломить сопротивление председателя думского Комитета по культуре и пробить строку для «Золотого Витязя» в госбюджете, я спросил Никиту:
— А у твоего Фонда культуры есть строка в бюджете?
— Нет, — ответил Никита.
— Как нет? Ведь Фонд культуры делает так много важнейших проектов…
— Я не знаю, как это делается.
— А я уже знаю. Я прошёл этот путь. Давай попробуем.

Я начал действовать. Ввёл заместителя Никиты в Думу, познакомил с руководителями фракций, с Г. А. Зюгановым, который в те годы имел о Никите представление, навеянное его недругами. Я убедил Геннадия Андреевича в том, что Никита такой же патриот России, как и он сам, нарисовал подлинный портрет подвижника и труженика Никиты Михалкова. Поддержка была обещана. Я предложил прописать для Фонда культуры в строке госбюджета двести миллионов рублей — такую же сумму, как на весь кинематограф, чтобы Никита мог спокойно воплощать позитивные проекты. Но вновь на нашем пути встал наш коллега, председатель Комитета по культуре, который не любил Никиту и добился уменьшения суммы до шести миллионов. Но строку мы всё-таки пробили.

В 1998 году Никита стал участником открытия «Золотого Витязя» в дорогом для каждого русского сердца Киеве. И хотя новое украинское руководство, идя по пути укоренения русофобии, не желало видеть нас в Киеве, мы всюду встречали радушие и сердечность простых людей. После открытия, за дружеской трапезой на зафрахтованном нами теплоходе «Маршал Кошевой», далеко за полночь, Никита спросил:
— А супчика нет?

Супчика не оказалось. Сели по машинам, помчались по ночному Киеву в поисках желанного «супчика». Все рестораны закрыты. Остановились у подвальной корчмы: свет погашен, двери заперты. Постучались — открыла официантка, увидев Никиту, ахнула, и мы всей гурьбой ввалились внутрь. За столом началось представление всенародно любимого Никиты Михалкова. Словно исполняя соло на контрабасе, он расспрашивал млевшую от соприкосновения с кумиром порозовевшую барышню о возможных блюдах, и она подтверждала готовность принести всё, что его душе угодно. Ах, зачем эта ночь так была коротка?..

В 1999 году девятнадцать «цивилизованных» стран начали бомбардировку Югославии. Узнавший об этом Никита, находившийся в то время на кинофестивале в Каннах, выступил на пресс-конференции с жёсткой оценкой натовского злодеяния, обрекая себя на «нерукопожатность» в Европе и Америке, сразу же заблокировавшей попадание «Сибирского цирюльника» на киноэкраны США.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл благословил провести очередной «Золотой Витязь» в поддержку Югославии в Смоленске. Рискуя жизнью, невзирая на тотальную блокаду, угрозу попасть под бомбы НАТО, сербские кинематографисты добрались до Смоленска. На открытии кинофорума митрополит Кирилл и Никита высказали жизненно важные для славянских братьев слова духовной поддержки. Слово правды и видеоинформация, распространённые

участниками форума в двадцати странах мира, и сердечные проводы наших сербских братьев на свою распинаемую Родину были нашим посильным вкладом в их борьбу с дьявольским «новым мировым порядком».

Вскоре министр культуры Сербии пригласил меня и Никиту в Белград в одно и то же время. Никиту — для представления его ретроспективы, меня — для вручения Государственной премии Югославии.

Тринадцатого февраля 1999 года, едва наш самолёт начал выруливать на взлётную полосу, на весь салон раздался голос выдающейся сербской актрисы, нашей с Никитой подруги Иваны Жигон:
— Дорогие Никита Сергеевич и Николай Петрович, дорогая Инга…

Трепетные слова признательности за труды Никиты, за то, что он направляется в распинаемую Сербию, растрогали нас. Когда её голос стих, я обернулся к Никите, сидящему за спиной, и он ответил мне таким же потрясённым взглядом. Много приходится Никите летать по миру, но вряд ли его прежние перелёты начинались таким сердечным образом. И в моей жизни подобного не было. В белградском аэропорту нас встречало множество знакомых и незнакомых лиц: министр Желько Симич, наш посол Я. Ф. Герасимов, вице-президент «Золотого Витязя» Йован Маркович, Ивана Жигон… В этот же вечер нас ожидало около пяти тысяч людей в Русском центре и на улице возле него, куда из-за несогласованности действий нам не суждено было попасть.

Нас провезли по улицам Белграда, показали последствия бомбардировок НАТО. «Экскурсия» была почти молчаливой. То, что видели наши глаза, говорило само за себя. Министр культуры, Ивана Жигон и Йован Маркович рассказывали о своей жизни под градом ракет, начинённых ураном. Последствия облучения уже начали сказываться на сербах. Удар по иммунной системе людей был настолько велик, что зарегистрировано не виданное доселе количество онкологических заболеваний. Мы брели с Никитой и Ингой по вечернему Белграду, смотрели на следы варварства, молчали, и каждый думал о своём. Мы не могли говорить — настолько ошеломили нас виды современной «Герники», сознательно устроенной «цивилизованным миром» на территории избранного ими для публичного распятия маленького гордого народа. Наконец нас привезли в самый высокий храм Европы — недостроенный собор Святого Саввы. В соборе не было электрического освещения, но кто-то предусмотрительно принёс переносную лампу, свет которой вырывал из темноты земляной пол и величественные своды собора, сосредоточенное лицо Никиты…

В этот же вечер мы побывали в Народном театре на «Пигмалионе», где зал горячо приветствовал Никиту, чья популярность в Югославии невероятно велика, ведь недавно «Сибирский цирюльник» завершил своё триумфальное шествие по экранам страны, став абсолютным лидером проката 1999 года. Сербам была хорошо известна позиция Никиты в отношении агрессии НАТО в Югославии. Принципиальный мужской характер моего друга, всегда говорящего прямо, часто в ущерб себе, идущего наперекор толпе, но не предающего друзей и своей чести, достоин уважения.

Утро четырнадцатого февраля началось с посещения первой репетиции выдающегося режиссёра Югославии Стево Жигона, приступившего к постановке «Чайки» на сцене Народного театра. Актёры с большим интересом слушали выдающегося русского режиссёра Никиту Михалкова, делившегося с ними своим пониманием «Чайки» и Чехова, с которым его связывали давние творческие отношения.

В этот же день Никиту, меня и Ингу принял президент Югославии Слободан Милошевич. При встрече и рукопожатии Никита, нарушая протокол, задержал руку президента в своей руке и сказал:
— Крепкая рука мужика.

После приветственной речи президента Никита сказал то, что было и у меня на сердце. Он рассказал о нашем посещении собора Святого Саввы и тактично, но решительно высказал пожелание завершить строительство этого собора, который явится великим духовным православным магнитом в центре Европы. Встреча была очень сердечной и неформальной. Никита умеет нарушать протокол и расслаблять официоз президентов, очаровывая своей простотой и остроумием. Президент трижды подавал сигнал помощникам вносить традиционный сербский напиток и лично проводил нас до парадного выхода и ожидавших нас в парке резиденции машин.

Вечером в переполненном зале Белградской кинотеки, самом мощном кинохранилище Европы, которое пытался защитить от ракет НАТО своим обращением председатель Союза кинематографистов России Никита Михалков, состоялась встреча с ведущими кинематографистами Белграда. Шестисотместный зал был переполнен, люди стояли в проходах. Никите вручили диплом почётного профессора Сербской киноакадемии, а мне — Государственную премию Югославии. Фото запечатлело щедрые аплодисменты Никиты, адресованные другу.

Апофеозом этого дня стало открытие ретроспективы Никиты показом «Утомлённых солнцем» в «Сава-центре», одном из самых больших залов Белграда и Европы. Все пять тысяч мест были заполнены. Зрители встречали Никиту стоя, продолжительной овацией. И хотя этот популярный в Югославии фильм каждый зритель видел не менее двух раз, никто не покинул зал.

Резонанс в югославских СМИ о нашем визите был невероятный. Сербы сказали, что о приезде Марлона Брандо и Элизабет Тейлор к Иосипу Броз Тито не было написано и показано столько, сколько о нашем визите.

В 2000 году «Золотой Витязь» проводили в Москве. Никита решил представить на конкурс свой новый фильм «Сибирский цирюльник». На одной из пресс-конференций журналисты задали ему вопрос, почему он представил свой фильм только на «Золотой Витязь». Никита ответил:
— Есть кинофестивали, где показывают фильмы про уродов, а есть — где про людей. Вот я и отдал туда, где показывают про людей.

И этот фестиваль мы проводили в режиме уже привычного для нас чиновничьего удушения «Золотого Витязя». На третий день после открытия стало понятно, что завтра нам не на что будет кормить участников форума. Что делать?.. Где занимать деньги?.. Позвонил Никите. Он отреагировал мгновенно, без долгих объяснений понял, что «Витязь» надо спасать. Распорядился немедленно выделить со счёта «ТриТэ» заём, необходимый для продолжения нашего стояния.

Узнав о решении жюри вручить гран-при Никите за «Сибирского цирюльника», я позвонил и поздравил своего друга с победой. По моим расчётам, момент вручения гран-при в Кремлёвском дворце должен был наступить около двадцати часов. Никита обещал приехать в Кремль к этому моменту. В девятнадцать тридцать, чувствуя неотвратимое приближение кульминационного момента, я из зрительного зала позвонил Никите:
— Ты где?
— В Фонде культуры, — прошептал Никита, — вручаю награды детям.
— Ты помнишь, что через полчаса ты должен быть в Кремле?
— Помню.
— Если будешь опаздывать, я потяну время оркестром…

Перегнулся через барьер оркестровой ямы, сообщил дирижёру А. И. Полетаеву, что придётся играть, пока не появится Никита. Анатолий Иванович с улыбкой успокоил, что музыки хватит до утра.

В девятнадцать пятьдесят пять я в тревоге снова набрал Никиту:
— Ты где?..
— Вхожу в зрительный зал…

Я оглянулся — по проходу стремительно приближался Никита.

В 2004 году я увидел по телевидению новый документальный фильм Никиты «Отец», снятый к девяностолетнему юбилею С. В. Михалкова. Как всегда, ночью (днём пробиться к нему сложно) я позвонил Никите и высказал своё отношение к его новой кинематографической исповеди.
— Я хочу представить твой фильм «Отец» на «Золотой Витязь»…
— А хочешь — мать?

Я улыбнулся, думал, он шутит.
— Да нет, правда, — сказал Никита, — я вчера закончил фильм о маме.
— Тогда мы представим оба фильма как дилогию. Ты не возражаешь?
— Хорошо.

На следующий день получил от Никиты кассету с фильмом «Мама». Выбрал спокойный час перед сном, поставил кассету.

К концу просмотра ощущал спазмы в горле. Фильм тронул моё сердце. Ведь я любил Наталью Петровну и был ею любим. Несмотря на двенадцатый час ночи, позвонил Никите:
— Я целый час побыл подле твоей мамы.
— Ты смотрел фильм?
— Да, только что закончил просмотр.
— Да? — оживился Никита. — Ну и как?
— Это гимн не только твоей матери, твоему роду, это гимн русской семье. Для меня это всё очень близко. В моей жизни были три настоящие женщины: моя мама, моя тётя Фая и твоя мама. Благодаря им мы живём, верим и трудимся. Мы покажем фильм на открытии фестиваля в Калуге, и ты должен его представить.
— Но я в это время в Каннах как официальное лицо от Союза кинематографистов.
— У нас твоё присутствие более важно.

Никита начал высчитывать дни и свои обязанности в Каннах. Обещал приложить все усилия и приехать.
— А ты уверен, что это можно показывать на открытии фестиваля? Ведь фильм-то небольшой, — в голосе Никиты слышались не свойственные ему нотки нерешительности.
— Часовой фильм, — ответил я, — вполне достаточно.
— Но ведь фильм-то телевизионный. Как ты его будешь показывать?
— Очень просто… поставим в театре видеопроектор и большой экран.

Никита мчался из Москвы в сопровождении машины калужской милиции, поджидавшей его на границе области. Я то и дело созванивался с ним, пытаясь понять, где он находится и когда появится в театре. Он лишь отвечал:
— Коля, я не знаю, где я, но я лечу…

Я затянул открытие на двадцать минут, до появления Никиты. В зале мы сидели рядом. По окончании фильма «Мама» зрители устроили автору овацию. Никита поднялся, бегло оглядел зрителей, словно не веря тому, что его «семейный», исповедальный фильм встречен столь сердечно.

Но овация не смолкала. Зрители партера и балконов, поднявшись со своих мест, стоя приветствовали автора. Внезапно Никита резко склонил голову и стремительно пошёл на выход. Я—за ним. Догнав, положил руку на его плечо, а он, словно локомотив, влёк меня в дальний затемнённый угол фойе. Дойдя до стены, остановился, в глазах его стояли слёзы.
— Коля,—сказал он,—если б ты знал, как трудно быть и внутри фильма, и вовне…

Никита с трудом сдерживал слёзы.

В этот вечер в Калуге произошла ещё одна победа моего друга. Победа Художника, не боящегося обнажать своё сердце перед окружающими, которые подчас могут и каменьями забросать…

Узнав решение жюри о присуждении дилогии Никиты гран-при, я позвонил и поздравил друга с победой. Он был искренне потрясён и обрадован…
— Такого ещё не было,—сказал он и обещал приехать на закрытие.

Осенью этого же года на открытии театрального «Золотого Витязя» Никита вручил высшую награду—золотую медаль имени Н. Д. Мордвинова «За выдающийся вклад в театральное искусство»—великому сербскому режиссёру и актёру, нашему общему с Никитой другу Стево Жигону. Я заказал в иконописной мастерской подарок «неверующему» Стево—икону Спасителя. Когда Никита на сцене вручил ему икону, я, стоя рядом с ними, шепнул Стево:
— Поцелуй икону.

И «атеист» Стево Жигон, быть может, первый раз в жизни, благоговейно и продолжительно приник губами к иконе. Вскоре «атеист» Стево скончался. Его дочь рассказала, что в это время у них в доме шёл ремонт, из комнаты отца вынесли всю мебель, кроме его постели. Стево попросил оставить в его изголовье икону Спасителя и приз «Золотой Витязь», под которыми и перешёл в жизнь Вечную.

Вечер шестидесятилетнего юбилея и проводов Никиты «на пенсию», несмотря на многолюдность и присутствие большого количества вип-персон, прошёл неформально и весело. Никита своей режиссёрской волей направлял течение юбилея, оживляя его шутками в адрес тостующих: министров финансов и мчс, главы администрации президента, вице-премьеров… Выступая, я в шутку сказал, что ввёл в режиссуру двух гениальных режиссёров—Андрона и Никиту.
— И Тарковского!—ввернул Никита.

В 2006-м последовал и мой «выход на пенсию». Накануне, на закрытии Московского международного кинофестиваля, Никита сказал:
— Нужно снять фильм о тебе к юбилею.
— Да, уж если не ты, то никто не вспомнит…
— Ты хочешь, чтобы снимал Виталий Максимов?
— Да. Виталий был первым на российском телевидении, кто прорвал блокаду вокруг моего имени после «Лермонтова». Виталий больше других в теме… Да и времени-то осталось всего месяц…
— Надо договориться с «российским» каналом…—сказал Никита и перевёл разговор на недавно увиденный им фильм «Мастер и Маргарита», на моего Иешуа Га-Ноцри, который ему понравился.—Да… ты шёл на большой риск…

Двадцать седьмого августа 2009 года скончался Сергей Владимирович Михалков. Освободился от пут зависти, сопутствовавшей всей его жизни. Как не завидовать: с молодости—лауреат всевозможных наград, автор текстов гимнов СССР и России, под которые страна засыпает и просыпается вот уж семь десятков лет. Небожитель, приближённый к вождям, заикающийся и благополучный… Когда мы познакомились в 1959 году, он был на вершине общественного признания. Распускали сплетни: «Михалков—миллионер… У него открытый счёт в банке… У Михалкова всё по блату…» Всё повторяется: раньше завидовали Сергею Михалкову, сегодня завидуют его сыну Никите.

Частенько Сергей Владимирович, восседая за рулём своей «Волги», возил нас с Никитой на дачу на Николину гору, а мы, тринадцатилетние отроки, сидя на заднем сиденье, внимали редким, но метким высказываниям классика-отца. При встрече со мной Сергей Владимирович шутил:
— Ты что меня пе-передразниваешь?.. Будем за-заикаться на пару?..

Тёплые, уютные семейные застолья… Острый юмор отца, изысканность и добросердечность мамы… Зимними ночами мы прислушивались к весёлым разговорам взрослых… До сих пор я сохраняю память об удивительном, русском, тёплом, наполненном взаимной любовью мире семьи Михалковых. Я не обольщался мыслью, что я, мальчишка, могу что-то значить для Сергея Владимировича. Кто я—и кто он?! Однако его мгновенная реакция на мою неожиданную проблему меня поразила.

После фильма «Андрей Рублёв», имевшего большой резонанс на Западе, мой друг Савва Ямщиков попросил меня дать интервью шведской журналистке, председателю Общества шведско-советской дружбы Альме Браттен. Наша встреча началась в валютном баре гостиницы «Националь», где мы мирно ужинали и беседовали, а закончилась в комнате милиции гостиницы «Москва», куда меня препроводили двое молодцев в штатском. К счастью, когда меня вели из «Националя» в «Москву», меня увидел друг нашей семьи и сообщил о происшедшем моей маме.

Допрос, хамское обращение, обыск до носков… Меня подвёл брелок, приделанный к ключам,—железный немецкий крест, оставшийся от съёмок «Иванова детства».

— Ах, так ты — поклонник фашистов… Что ты делал в баре?
— Я а-артист… Давал и-интервью…
— Какой ты артист, заика?.. Что-то мы тебя нигде не видели…
— П-плохо знаете кино…
— Заткнись! Да мы тебя на пять лет укатаем…

Запихнули в воронок, доставили в пятидесятое отделение милиции, посадили в камеру, закрыли засов. Сижу, размышляю о печальной перспективе предстоящей жизни в неволе в ближайшие пять лет… Сидел недолго, может быть, час, но, словно перед казнью, в сознании промелькнула вся моя недолгая жизнь… Наконец под натиском моей мамы выпустили с протоколом в руке: «Штраф 50 рублей. За приставание к иностранным туристам у гостиницы „Националь“».

Дома, не понимая, что же мне теперь делать с этой «чёрной меткой» на моей биографии, я позвонил Никите. Выслушав мой взволнованный рассказ, он передал трубку отцу. Реакция Сергея Владимировича была мгновенной:
— Сейчас я за тобою приеду, выходи.

От улицы Воровского, где жили Михалковы, до Горького, 6, где жил я, — не так далеко. Через пятнадцать минут я уже сидел в «Волге» Сергея Владимировича, лихо затормозившего у арки моего дома, а ещё через пять минут мы входили в подъезд легендарной «Лубянки». По длинным коридорам нас провели в большой зал. Без промедления к нам вышли два солидных человека с внимательными лицами, в штатском, в ранге (не менее) заместителей председателя КГБ. Представив меня, рассказав анекдот, расслабив чекистов. Посмеявшись, Сергей Владимирович переключил внимание всех на меня:
— Ну, рассказывай…

Я подробно изложил своё приключение.
— Почерк не наш, — обронил один из чекистов, — это милиция. Пойдите в соседнюю комнату и запишите то, что рассказали нам.

Спустя несколько дней я получил официальное извещение: «…Ваше дело закрыто. Виновные в Вашем задержании наказаны. Изъятый у Вас железный крест возврату не подлежит, уничтожен…» Сергей Владимирович позвонил мне, довольный, сообщил:
— Твоих обидчиков разжаловали и отправили работать на дальний рынок.

Кто я был для С. В. Михалкова, чтобы он тратил своё время и энергию на возню со мной? Приятель его младшего сына, мальчишка, которого он видел-то всего несколько раз… Он и своих-то детей не баловал особым вниманием и лаской, а тут ради меня, в общем-то, постороннего пацана, бросив все дела, как орёл за своего орлёнка, мгновенно спикировал и атаковал моих обидчиков. Это был «момент истины», мгновение подлинного Сергея Владимировича Михалкова. Как похожи были реакции отца и сына: мгновенный, без промедления, ответ на сигнал «SOS», полученный от ближнего. Это происшествие сердечно спаяло нас. И хотя мы впоследствии виделись с Сергеем Владимировичем нечасто: то — в общественном месте, то — у Никиты на дне рождения, — я всегда подходил к Сергею Владимировичу, обнимал и говорил ему что-то сердечное. Память о его добром поступке навсегда пребудет со мною.

Ушёл «последний из могикан» — Сергей Михалков. С ним ушла целая эпоха, но остался пример красивой, талантливо прожитой жизни, проблеск светлого человека в царстве теней. Вечером по телевидению показали фильм Никиты «Отец» — исповедь об отце и перед отцом. В день, когда душа раба Божьего Сергия разлучилась с телом, исповедь эта приобрела свет истины на все времена, качество свидетельства об удивительном человеке, об эпохе, о русской культуре, о России, которой неизменно служит этот древний русский род.

Утром моего шестидесятилетнего юбилея, принимая звонки, услышал голос, который не признал:
— Я хотел тебя поздравить первым, но меня опередила Арина Шарапова по первому каналу.
— Это кто? — спросил я.
— Кто-кто — конь в пальто. Никита…

Я поблагодарил друга за поздравление и за подарок — фильм «Колокол Николая Бурляева», снятый его студией «ТриТэ» буквально за несколько дней до юбилея, который мне ещё только предстояло увидеть в тот вечер по телевидению.
— Хоть узнаю, что ты обо мне нынче думаешь…
— Да я о тебе там столько наврал!..
— Когда выберешь время повидаться — позвони. Давно пора попариться в баньке, поговорить… Ведь делаем одно дело, любим друг друга… А то так и перейдём в мир иной, не поговорив толком в этом…
— Коля, — ответил Никита, — любовь — это не когда глаза в глаза, а когда — в одну сторону…

В этот день мне позвонили настоятели трёх храмов Москвы и Подмосковья. Все трое пожелали одного и того же — спасения моей души. Есть о чём поразмыслить… Человеку свойственно откладывать строгий суд над собой в долгий ящик, ссылаясь на нехватку времени, надеясь на безразмерно долгую жизнь. А жизнь-то, как показывают юбилейные даты, весьма быстротекущее явление. Человеку присуще заниматься самолюбованием, самооправданием, преувеличением значения своих деяний. Как говорил Лермонтов: «Каждый гном почитает свои труды великими…» Не переоценить бы своего земного значения. Ведь *там* будут судить по Божьим законам.

Тускнеет зоркость, в сытости живя:
Благополучие считать за наказанье,
Всё принимать спокойно, не скорбя,
И даже в смерти не забыть дерзанья!

Не знаю, как мой друг Никита, а я, пожалуй, впервые задумался о спасении души. Перевесит ли чаша добрых дел и бескорыстного служения Отечеству чашу повседневных, обыденных и потому не заметных для сознания грехов?.. Как бы то ни было, живём мы и служим Святой Руси. На семейном юбилейном ужине я попытался внушить своим детям мысль, выстраданную за долгие годы. Мысль проста: много подвижников, героев и гениев было на Руси — Сергий Радонежский, Илия Муромец, Александр Невский, Серафим Саровский, Суворов, Кутузов, Ушаков, Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Мусоргский, Рахманинов, Чайковский, Есенин, Шукшин, Бондарчук, Тарковский… Да разве всех перечислишь?.. Тысячи великих душ… Несметно богата достойными именами Россия. Много праведников и гениев существовало на Руси, а Россия — *одна!* Ценность и значение каждого из них и смысл существования каждого из нас лишь в том, сколько мы сможем послужить Господу и России. Всё прочее — суета, и тлен, и томление духа и не имеет никакого значения. После русского человека на земле остаётся лишь мера его служения Отечеству, а в Вечности — мера служения Господу.

А коли так, какова же истинная цена всей этой рыночной кино-теле-театральной суете? Что останется от мелочного, тщеславного мельтешения по экрану и по подмосткам, от тотального кинобизнеса, от искусства, превратившегося в доходный промысел? Кого из деятелей театра и кино вспомнит Россия через сто-двести лет? Станиславского, Бондарчука, Шукшина, Тарковского… Народ будет сохранять память лишь о тех, кто служил Господу и Отечеству.

Пришло время выступать Никите на своё «Куликово поле». Сколько же он взвалил на свои плечи! Руководство Союзом кинематографистов, которое лично ему ничего не даёт, кроме проблем и траты собственных средств. Сколько же успел сделать этот гигант за годы своего правления! Создал фонд «Урга — территория любви». Разумно учредил его не в лоне российского Союза, понимая, что если бой будет проигран, фонд захватят маленькие и серые корыстолюбцы. Ныне этот фонд помогает продлевать жизнь нашим коллегам. Фонд помогает Санкт-Петербургу, Новосибирску, Уфе, Казани, Екатеринбургу, Ростову, Самаре, Владикавказу, Нальчику, Туле, а также Риге, Киеву, Кишинёву — а это уже ближнее зарубежье. Никиту упрекали в том, что он мало внимания уделяет Союзу, редко бывает на рабочем месте, снимая фильмы, поднимающие имидж России. Но даже если он не сидел в своём кабинете, его именем решались все проблемы Союза: сотни писем уходили в высшие инстанции, удовлетворялись нужды коллег — жильё, звания, материальная помощь, больницы, санатории, похороны… Кто сможет делать столько полезного и привлекать внимание руководства государства к проблемам отечественного кинематографа? Кто сможет противостоять раскольнической, «иудиной» деятельности некоторых членов Союза, составивших «пятую колонну», вернее, маленькую, но крикливую «колонку», борющуюся с председателем Союза и вожделеющую разорвать сообщество российских кинематографистов?

В 2012 году, поднявшись по ковровой лестнице Московского международного кинофестиваля, я подошёл к Никите. Он, в элегантном смокинге и белом шарфике на плечах, встречал гостей кинофестиваля. Обнявшись и по-православному трижды облобызавшись, Никита шепнул:
— Скоро поработаем.
— Наконец-то, — ответил я другу, ещё не зная, что он затевает.

По завершении Московского международного кинофестиваля Никита пригласил меня полететь с ним в Нижний Новгород в узком составе (пятьдесят звёзд кино) на традиционное «Эхо ММКФ». Поговорить с Никитой в эти два дня было физически невозможно. Он в постоянном окружении СМИ и ВИП-персон, разрываемый на части.

После открытия «Эха» погрузились на теплоход и пошли по Волге. Лето, солнышко ласковое. Увидел Никиту, сидящего в полном одиночестве на палубе, подставившего солнцу свой могучий обнажённый торс, спустился, сел рядом, положил руку на его шею, сказал:
— Гони ты от себя этих педерастов…
— Кого?.. — шея Никиты напряглась.
— Отборщиков своих. Что они тебе понабрали на фестиваль?.. Фильмы про голубых, лесбиянок, «мягкое порно» Тинто Брассо?..
— Да ладно, — Никиту мои слова явно задели. — Что ты брюзжишь… младо-православный?..
— Ты тоже православный. Ведь там будем отвечать за всё.

В наш разговор неожиданно вторглась Наташа Андрейченко. Не поняв толком, о чём идёт речь, она попробовала поддержать Никиту, а он поднялся и пошёл по своим делам.

Я рассказал Наташе, что я имею в виду, заодно попеняв ей:
— А ты что там играешь в Голливуде?.. Каких-то вурдалачек… Сколько там на экране мерзости, голубых и розовых…

Наташа согласилась и сказала:
— Да… Один крупный американский режиссёр попробовал поднять тему засилья гомосексуалистов

в Голливуде… Так на него подали в суд, и он проиграл.

Вскоре я узнал, что Никита приступил к постановке фильма «12». Однако приглашения мне участвовать в этом проекте не последовало. Через положенное время я увидел готовую картину. Она мне очень понравилась — ничего общего с нашими младыми «12 разгневанными мужчинами». Русская драматургия, актуальные для сегодняшней России проблемы, замечательный актёрский ансамбль, мощная михалковская режиссура.

Узнав о присуждении Никите «Золотого льва св. Марка» за фильм «12», позвонил ему в Венецию, поздравил с наградой.

— Ты поменял концепцию?..

— Да.

— Я понимаю тебя и поздравляю с победой — жаль, без моего участия.

В сентябре того же года, проводя в Тбилиси фестиваль «Эхо МКФ „Золотой Витязь“», пригласил Никиту полететь с нами. Он, привязанный к новгородским лесам и своему новому проекту «Утомлённые солнцем», вырваться никак не мог, но одну копию фильма «12» выдернул из премьерного кинопроката для показа в Тбилиси. Никита посетовал, что грузины допустили и терпят параноика-президента, что некоторые из грузинских кинематографистов, обласканных в России, за счёт которой жили и живут, процветая и развивая свой личный бизнес, требуют «обуздать русских агрессоров».

В центральном кинотеатре «Амирани» собралась вся интеллигенция Тбилиси: Резо Чхеидзе, Софико Чиаурели, Эльдар Шенгелая… Зал, вмещавший около двух тысяч человек, был переполнен. Три часа, пока длились открытие и фильм, люди стояли у стен в проходах. Бурно реагировали на фильм Никиты, особенно на монолог грузинского героя о ножах и «авлабарском детстве». По окончании долго аплодировали, со слезами на глазах благодарили за подаренную Никитой радость.

В 2008 году на торжественной церемонии закрытия очередного МКФ «Золотой Витязь» в Доме кино министр культуры А. А. Авдеев вручил Никите наш гран-при за фильм «12».

В ответном слове Никита сказал:

— За семнадцать лет, как стойкий оловянный солдатик, Коля Бурляев, начав свою карьеру в курсовой работе моего брата «Мальчик и голубь», стал крупнейшим актёром нашего великого кино. Семнадцать лет он посвящает тому, чтобы удержать этот аб-со-лют-но (он по слогам произнёс это слово) необходимый нашей стране и нашему миру фестиваль. Трудно!.. Ирония всесожигающая!.. Пресса, которая мочит нас как хочет… Огромное количество вопросов, непонятностей: нужен?.. не нужен?.. не национализм ли это?.. И так далее и так далее… Коля Бурляев и его товарищи: наши сербские друзья, болгарские друзья — люди славянского мира и не только… здесь и прекрасная мексиканская картина, и китайская, и картины двух десятков других стран… — это люди, которые понимают, что вот эти слова, написанные здесь (он показал рукой на транспарант, растянутый над всей сценой: «За нравственные, христианские идеалы, за возвышение души человека»), — это не просто слова, это реальная наша сегодня необходимость. Это необходимость всегда, а сегодня — особенно!..

Никита обратился к министру культуры, стоящему рядом с ним:

— Александр Алексеевич, вы первый раз вручаете приз на Родине в качестве министра культуры?..

— Первый, — ответил министр.

— Я очень рад, что это произошло именно на этом кинофестивале. Это знаковое событие…

В декабре 2008 года случился очередной шабаш серой московской киномассы — седьмой «съезд» кинематографистов. Двести разъярённых «декабристов-михалковофобов», мелкой россыпью рассеянных в тысячеместном, на две трети пустующем зале Дома кино, выглядели хилой, но озлобленной стайкой. Всё это мы уже однажды проходили — в 1986 году, на пятом съезде. Тогда распинали С. Ф. Бондарчука и СССР, теперь — Михалкова и Россию. Как и два десятилетия назад, всё те же «серые и кусачие» затеяли новый переворот: «демократически» не выбрали делегатами никого, кто мог бы противостоять их заговору, — ни Наумова, ни Ливанова, ни Хотиненко, ни Тодоровского, ни даже председателя Союза кинематографистов Михалкова. Меня выбрали от Гильдии актёров кино. «Серые» подготовились основательно. Никита же не предпринял никаких предвыборных действий и оказался в одиночестве. Куда делись все его многочисленные «друзья»? Переживая за него сердцем, поддерживая друга, я сел на пустующее рядом с ним место в первом ряду, и на протяжении двух дней мы сидели плечом к плечу. С самого начала «съезда» Никита объявил о нарушениях при выборе делегатов, что привело к нелегитимности данного сборища. Он предупредил, что Минюст не примет решений несостоятельного «съезда» и что он не намерен делать отчётный доклад. О несостоятельности данного собрания заявил и заместитель министра культуры А. Голутва. Попросив слова одним из первых, я тоже подчеркнул бесполезность происходящего. Сказал, что для меня, знающего Никиту с детства, было загадкой, почему он согласился возглавить Союз тогда, когда он был разрушен

и разворован до основания. Ведь ему предлагали и более высокие посты — например, министра культуры СССР. Он же принял на свои плечи расхищенный предшественниками, гибнущий Союз кинематографистов. И сделал он это только потому, что любит кино и своих коллег. Он не стал заводить уголовных дел на проворовавшихся товарищей, по-христиански простил их. За эти годы Михалков не только удержал Союз на краю пропасти, но оживил и сделал первые шаги к его возрождению. Некогда три авантюриста — Ленин, Троцкий и Свердлов — казнили царскую семью и государя Николая. Убили его потому, что он был удерживающим. Последовали кровавые для России времена. Никита Михалков все эти годы был удерживающим для Союза кинематографистов. Являясь по сути своей государственником, он старался уберечь Союз от раскола, как единый российский Союз. Михалков — безусловный всенародный и всемирно признанный лидер кинематографа. Кто достоин сменить его на этом посту? Кто может сделать для Союза больше, чем он? Если Михалков покинет Союз, то и мне здесь делать будет нечего. Когда я спустился со сцены и сел рядом с Никитой, он стукнул меня по колену и сказал:
— Дружбан!

Небольшой любитель выступать, я несколько раз за эти два дня поднимался к микрофону. Особенно меня возмутило, когда на второй день на председательское место сел склочный серый кинокритик. Я напомнил залу, как на пленуме 1999 года кинематографисты приняли единодушное обращение в поддержку братской Югославии, подвергшейся бомбардировкам НАТО. Как тогда этот «критик» выкрикнул из зала, что он против этого обращения. Как взволнованный Евгений Матвеев, взметнувшись со своего кресла, выбросил в сторону «критика» свою руку, словно гранату, и гневно крикнул: «Да там людей убивают!» Хилая «огневая точка» была подавлена. А Никита спокойно, с присущим ему юмором подытожил: «Но мы уже проголосовали за поддержку обращения. Если, господин Матизен, у вас есть иная точка зрения — можете обратиться в НАТО».

И вот теперь этот «серый критик» пытается руководить нами?! Я потребовал замены такого «председателя», но, естественно, не был поддержан его подельниками.

На исходе первого дня этого шабаша к Никите поступило множество обращений от делегатов со всей России с просьбой о встрече, и он предложил желающим спуститься вниз, в конференц-зал. Он встал и направился к выходу, я за ним, за нами — остальные. Нам в спину шипели: «Предатели». И без того немногочисленное собрание обезлюдело больше чем на треть. В конференц-зал набилось около ста пятидесяти человек. Никита спокойно объяснил собравшимся положение дел: интригу «московского союза» по захвату власти, их намерение расчленить Союз кинематографистов России. Сказал, что он, как председатель Союза, имеет право собрать на настоящий съезд не четыреста келейно выбранных делегатов, а всех членов Союза со всей России.

На следующий день начали выдвигать кандидатуры на пост председателя Союза кинематографистов. Назвали несколько фамилий, в том числе и меня. Каждый из кандидатов, в том числе и я, отказался от этого поста. Отказались все, кроме М. Хуциева. Его и выбрали. Только вот вопрос: зачем выдающемуся кинорежиссёру на склоне лет подобная головная боль и обречённость на бесславную «дружбу» с раскольниками? Было ясно, что его подталкивают в спину недруги Никиты, которые предполагают руководить Союзом за спиною восьмидесятитрёхлетнего мэтра.

Вскоре после этого судьба столкнула нас в белградском четырёхтысячном зале «Сава-центра» на большом празднике сербского народа, куда мы с Никитой прибыли, не сговариваясь. Учитывая занятость располагавшего всего двумя часами свободного времени Михалкова, сербское руководство предоставило арендованный в Испании самолёт. Поприветствовав собрание, Никита должен был вылететь в Москву и пригласил меня лететь с ним. Это было за несколько дней до собираемого Никитой легитимного Съезда кинематографистов. Мы, сидя в салоне друг против друга, проговорили всю дорогу. Помню свой вопрос:
— А если тебя снова изберут председателем Союза?..

Никита ответил после мучительного раздумья:
— Коля… Я не могу больше… Ну зачем мне это нужно?..

В его глазах была неподдельная мука и боль.
— Но если не ты, то — кто же?!

Спустя ещё несколько дней я приехал к нему в студию «ТриТэ» взять интервью для своей телепрограммы на «Спасе». Мы говорили обо всём прямо, открыто, без утайки. Я сравнил настоящую ситуацию с тем, что мы пережили в период «перестроечной» травли С. Ф. Бондарчука. Сегодня практически та же стая «серых и кусачих» пытается затравить нового лидера — Никиту Михалкова. На это он с грустной улыбкой ответил:
— Я не столь талантлив, как Сергей Фёдорович… со мной этот номер не пройдёт.

Нельзя сказать, что я всегда разделял действия Никиты, доверчивость окружению частенько предававших его выдвиженцев. В 1994 году, когда он вдруг решил поддержать Ельцина, я спросил его:
— Почему ты это делаешь? Ведь ты же был против расстрела им Белого дома!

— Ты понимаешь… ведь эти уже насосались, но могут прийти другие… ненасытные…

Мне не нравились многие персоны, продвигаемые им на руководящие посты. Я переживал, что мы, имеющие одни цели, делающие одно дело, так редко видимся и никак не координируем наши действия, тогда как стая «серых и кусачих» весьма сплочена. Понимал, что он самодостаточен, борется в одиночку, по принципу «и один в поле воин», не нуждается в моей прямой поддержке… Мне не хватало моего друга многие годы, но я глушил свою печаль и посильно продолжал поддерживать его во всех начинаниях. Однажды я сказал Никите:

— Помнишь, в детстве ты говорил мне: «Коля, ты гений». Я тебя очень люблю. Теперь я тебе говорю: я тебя очень люблю. Гораздо больше, чем в детстве.

Утром Прощёного воскресенья первого марта 2009 года, направляясь в храм на литургию, отправил Никите смс-ку: «Никитушка! Прости меня за всё. Вместе мы — 50 лет. Вместе нам до конца. Люблю тебя. Твой друг Колька». И сразу прилетел ответ: «Бог простит, и я прощу! И ты прости меня за всё, Христа ради, Коленька! Твой Никита».

Тридцатого марта 2009 года прошёл исторический чрезвычайный съезд Союза кинематографистов России. Как и одиннадцать лет назад, Никита пригласил в Москву всех членов СК. В Гостиный двор, к стенам Кремля, съехалось около двух с половиной тысяч кинематографистов со всей России. Это был настоящий праздник единения большинства вокруг своего признанного лидера. Столько знакомых знаменитых лиц, собранных в одно время в одном месте и охваченных единым порывом, я давно не встречал. В первых рядах — старейшины: В. Наумов, М. Ножкин, И. Макарова, Г. Боровик, В. Давыдов, В. Васильева, И. Скобцева, Г. Натансон, В. Юсов, Я. Лапшин, А. Петренко, С. Шакуров, Н. Губенко, Ж. Болотова, С. Любшин, А. Вертинская, А. Михайлов, М. Пореченков, А. Снаткина, Ю. Назаров, Л. Зайцева, Н. Бондарчук, И. Мирошниченко, В. Хотиненко, С. Соловьёв, Д. Месхиев, Е. Герасимов, С. Никоненко, А. Малюков, Е. Леонов-Гладышев — всех не перечесть…

Никогда я не видел Никиту столь собранным, открытым и волевым, как в эти дни. Перед собравшимися предстал исполин, воин кинематографа, Пересвет, вышедший на своё Куликово поле, на битву за своё честное имя, за всех нас, за русский кинематограф, за духовное будущее России. Я давно ожидал этого момента, когда Никита поднимет своё забрало и выскажется прямо, ибо отступать некуда: «за нами — Россия». Его речь, продолжавшаяся два часа, была настоящей сагой о фарисеях, вязавших его по рукам и ногам одиннадцать лет его правления, саботировавших все его благие намерения, лгавших и клеветавших на своего председателя, ожидавших, когда же он споткнётся, чтобы, навалившись на него всей «московской сворой», растерзать, как некогда они растерзали великого С. Ф. Бондарчука. Речь была яркой и мускулистой и, несмотря на свою продолжительность, держала собравшихся в непрестанном внимании. А оратор всё наращивал энергию наступления, шёл от кульминации к кульминации. И негде было просочиться шипению врагов.

Особенно потрясла та часть речи, когда он, с документальным приложением, начал раскрывать «тайны мадридского двора» — похищения у пяти тысяч членов СК некогда принадлежавшего всем нам Киноцентра на Красной Пресне. Помню, как на заре перестройки нам, кинематографистам, объявили, что все мы, пять тысяч членов СК, становимся акционерами этого гигантского (двадцать одна тысяча квадратных метров!) дворца. Радость наша была непродолжительной. Очень быстро узнали, что мы (пять тысяч членов СК) выведены из числа акционеров, а завладели им пятнадцать наших проворных коллег. Никита впервые назвал имена «героев», похитивших у нас нашу собственность: Ибрагимбеков, Говорухин, Бардин, Финн (Хальфин), Гусман, Дыховичный, Щербаков, Ярмольник, Волчек, Рощин, Ланской, Мурса, Мотыль, Фатеева, Цимбал. Это потрясло и всех собравшихся. Как же эти люди будут теперь жить и смотреть в глаза тем коллегам, которых они практически обокрали?

Дважды, и в первый, и во второй день съезда, мне пришлось выступать. В первый день я сказал о михалковофобии, о том, что зависть — мерило успеха, что быть первым на Руси — тяжёлый крест, о позитиве руководства Н. С. Михалкова, о достойном представительстве им Союза кинематографистов в высоких инстанциях, о привлечении внимания руководства государства к проблемам кинематографа, о том, что никто другой не пожертвовал семьсот тысяч долларов на помощь своим коллегам Н. А. Крючкову, С. С. Ростоцкому, В. И. Соловьёву, Г. С. Жжёнову, В. Дворжецкому, семье Геннадия Шпаликова, на операции Варлей и другим кинематографистам, об оказании помощи ВГИКу, коллегам из Санкт-Петербурга, Новосибирска, Уфы, Казани, Екатеринбурга, Самары, Ростова, Владикавказа, Нальчика, Тулы, Риги, Киева, Кишинёва, о помощи детским домам, интернатам и даже тем, кто не любит Михалкова. СК работает уже без долгов. В Доме кино проводятся серьёзные, духовно полезные программы, фестивали, творческие вечера, поддерживается жизнь Дома ветеранов кино… Издаются книги С. Бондарчука, Ю. Озерова, Н. Мордвинова… Никита организовал благотворительный фонд «Урга — территория любви», ежегодно расходующий по миллиону долларов на помощь своим ближним. Кто может

сегодня быть более эффективным руководителем Союза?

Съезд подавляющим большинством голосов: две тысячи — «за», сто семьдесят один — «против», — вновь избрал председателем Союза кинематографистов Никиту. Зал нескончаемо аплодировал. Я первым поднялся со своего места, за мною — остальные. Никита стоял на трибуне и едва сдерживал слёзы. Это были слёзы воина, одержавшего победу в тяжёлом бою, в котором победа вовсе не была гарантирована, слёзы обиды за несправедливую ненависть к нему и клевету, которой он подвергался на протяжении одиннадцати лет и трёх последних, невиданных по оголтелости, месяцев травли и шельмования в СМИ, на которую нашими «коллегами» были израсходованы сотни тысяч долларов из банков США. И вот он вышел из боя победителем, отстоявшим в этом бою и себя, и всех нас. Никита попросил меня работать в правлении СК. Впрочем, я и так бы помогал своему другу всем, чем могу. Общее ощущение от съезда — как у летописца битвы на Куликовом поле: «В зал вошла разрозненная масса, вышел — монолит!»

Когда заканчивался съезд, мне позвонили с телевидения и предложили прийти в программу В. Соловьёва «К барьеру». Я сказал, что правильнее предложить Н. Михалкову, который компетентнее меня в данном вопросе, поднялся к нему на сцену, предложил…

— Я не могу, — устало ответил Никита, — пойди ты.

Я пошёл, хотя противника, вызвавшего меня на «дуэль», некоего документалиста Манского, совсем не знал. Кто такой? Что знаменитого снял? Его коллеги говорят, что снимает явный негатив, тем и прославился. Вызов я принял. У «барьера» видел перед собой явно нервничающего противника. Поединок я выиграл с перевесом в четыре с половиной тысячи голосов, но ощущения полной победы не осталось. Поскольку правда была за мной и за Никитой, я ожидал большего отрыва. Этот поединок выявил печальную картину духовного расслоения российского общества.

Двадцать второго мая 2009 года Никита прилетел в Липецк на МКФ «Золотой Витязь». Приём в честь открытия форума проходил под открытым небом, за городом, подле аэропорта, куда на попутном вертолёте приземлился Никита, опоздав к трапезе на полчаса. Но встретили мы его праздничным салютом, на который он, впрочем, не успел полюбоваться, поскольку непрестанно говорил по телефону.

Утром двадцать третьего мая в конференц-зале администрации губернатора состоялось, пожалуй, главное событие нашего форума: круглый стол российской делегации с участием всех зарубежных делегатов фестиваля. Тема — «Российский кинематограф сегодня и завтра». Никита призвал коллег «определяться» на путях служения позитивному кинематографу и России. Подобного мощного собора выдающихся кинематографистов, секретарей и членов правления СК РФ, советников президента РФ и обеих палат парламента, политологов, философов, учёных я не видел за все мои пятьдесят кинематографических лет. А главное, не видел такого духовного, патриотического единомыслия. Вслед за Никитой на правах президента кинофорума я произнёс:

— Прежде чем говорить о российском кинематографе «сегодня и завтра», вспомним, каким был наш отечественный кинематограф «вчера», до так называемой перестройки. Советский кинематограф был поистине могучим. Великие режиссёры мира завидовали нам. Федерико Феллини в разговоре с Тарковским высказывал своё удивление тем, как функционирует кинематограф в России: стопроцентное финансирование, единая мощнейшая сеть государственного кинопроката, предоставляющая возможность единовременного показа по всей великой стране. А самое главное, какого высокого не только творческого, но и нравственного уровня достигали высшие творения наших кинематографистов, приносивших всемирную славу нашей стране: Эйзенштейн, Довженко, Чухрай, Герасимов, Ростоцкий, Бондарчук, Тарковский, Шукшин, Михалков, Панфилов, Тодоровский… Подавляющее большинство режиссёров носили в кармане партбилет, но при этом снимали поистине христианские фильмы, ставшие источником живой воды для миллионов людей на планете. Источник, к которому припадали и будут припадать грядущие поколения. Но это было светлое «вчера». Грянула перестройка, провозгласила наступление новой кинематографической эры. Что мы имеем сегодня? Почти до основания разрушенный и разрозненный государственный кинопрокат. Царство «торгующих во храме» новоявленных частных прокатных дельцов. Апологеты рыночного кинематографа, приторговывающие искусством кино, в эйфории сообщают народу о том, что всё идёт прекрасно. Построено около тысячи пятисот кинотеатров с «долби-стерео» и «попкорном в койку». Говорят, что в скором времени количество подобных суперкинотеатров возрастёт вдвое. Вроде всё красиво, а радости нет. Невольно задаёшься тревожными вопросами: а на чьи деньги построены эти кинотеатры? Оказывается, преимущественно — на иностранные. А что показывают эти кинотеатры? Заглянул как-то в один из них. Во всех залах — либо американское кино достаточно примитивного, пошлого содержания, либо российский «продукт», подражающий

«продукту» американскому. Киноискусство, с лёгкой руки лукавых телевизионных топ-менеджеров и обслуживающих их кинокритиков-рыночников, стали упорно называть «продуктом». О «кривом зеркале» насилующей зрителей примитивной эстрады и сериальных «продуктах» российского телевидения и говорить не хочется. Россию Пушкина, Лермонтова, Достоевского… Россию Эйзенштейна, Бондарчука и Тарковского год за годом, день за днём — «step by step» опускают всё ниже и ниже. Кинокритики, увенчанные степенями и солидным возрастом, уже отказываются серьёзно относиться к фильмам, говорящим о высоких идеалах. «А где же в вашем фильме гомосексуалисты? — вопрошают кинокритики. — Где любовь друг к другу девочек или, на худой конец, инцест?.. Это — не рейтингово! Неформат!» Имена этих критиков называть не стану. Кому надо, поймут, что это относится к ним. При вашем содействии, коллеги, ведётся разлагающая, лукавая работа по внедрению чужебесия в сознание наших детей. Хочется напомнить евангельские слова: «Невозможно не прийти в мир соблазнам, они должны прийти, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит». На протяжении двух десятилетий идёт последовательная вестернизация российского кино и телеэкрана, вытеснение, подмена традиционной духовно-нравственной сердцевины русской культуры, мутирование сознания новых поколений, нарождающихся на Святой Руси. Впрочем, вряд ли Русь станет святой при такой обработке. Невольно ещё и ещё раз вспомнишь откровение радио «Свобода», изречённое в эфир в самом начале перестройки: «Цель перестройки в том, чтобы произошла мутация русского духа. Нужно русских выбить из традиций». Очаги сопротивления этой чуме существуют. И сегодня, с великим трудом удерживая высоту, продолжают творить лучшие российские режиссёры: Михалков, Сокуров, Панфилов, Тодоровский, Абдрашитов, Прошкин, Бортко, Хотиненко… В документальном кино, несмотря на ликвидацию ЦСДФ и агонию «Леннаучфильма», не сдаются подвижники-одиночки: Мирошниченко, Гуркаленко, Лизнёв, Матвеева, Шиллер, Криницын и десятки других замечательных кинематографистов… Детский кинематограф практически умерщвлён. Российским детям приходится ориентироваться на Гарри Поттера, Шварценеггера и заокеанских анимационных монстров… Немудрено, что на уроках рисования сегодняшние дети рисуют не витязей, не Илью Муромца, не Ивана-царевича, а бэтменов, монстров, вампиров и одноглазых инопланетян. Что будет «завтра»? Во многом это зависит от всех нас. Пора осознать и нам, кинематографистам, и руководству государства, что экранные искусства есть духовно-стратегическое оружие нашей державы, и оружие это не должно служить массовому духовному поражению народа. Необходимо кардинальное изменение российской культурной политики и её составной части — национального кинематографа. Нужно рекомендовать высшей государственной власти задуматься об утверждении нового национального проекта в области культуры и духовного развития нашего государства. Возродим культуру и кинематограф — преобразим жизнь нашего Отечества. Необходимо на порядок увеличить средства федерального бюджета на культуру и кинематограф. Культура и государственный кинематограф в России не должны жить по законам рынка, ставя главной целью извлечение прибыли всеми дозволенными и недозволенными методами. Российская культура, кинематограф и телевидение должны быть переориентированы на традиционные духовно-нравственные ценности. Необходимо введение системы государственного заказа со стопроцентным государственным финансированием кинопроизводства фильмов, способствующих духовному возрождению и укреплению нашей культуры и нашей страны. Пора задуматься о возрождении государственного кинопроката и разбазаренных киностудий. В первую очередь — киностудии детских и юношеских фильмов имени Горького. Кинематографическая политика Министерства культуры должна определяться в творческом содружестве с Союзом кинематографистов. Российские кинематографисты прошли свой переломный исторический момент, консолидировали позитивные силы нашего сообщества, продемонстрировали стране сплочённость подавляющего большинства вокруг созидательной миссии вновь избранного руководителя Союза кинематографистов, безусловного лидера российского и мирового кинематографа, творчеством своим и жизнью своей доказавшего преданность Отечеству и российской культуре.

Российские кинематографисты словно дождались, наконец, того, что они соединились на родной земле, могут говорить на родном русском языке о наболевшем за годы разрушительных, преступных деяний вождей перестройки, подвергших народ духовной деградации. Эмоционально и по существу говорили губернатор О. П. Королёв, политолог С. Е. Кургинян, советник президента РФ Ю. К. Лаптев, советник председателя Совета Федераций С. М. Миронова А. В. Щипков, депутат ГД В. Р. Мединский, ректоры Щепкинского театрального института Б. Н. Любимов и ВГИКа В. С. Малышев, народные артисты СССР и России И. В. Макарова, А. Я. Михайлов, В. В. Гостюхин, С. П. Никоненко…

Результатом культурной «Липецкой дуги», битвы за духовное будущее России, явился коллективный меморандум кинематографистов «Будущее Российского государства и текущие задачи национального кинематографа». Текст меморандума

Н. С. Михалков передал лично в руки президенту России и председателю правительства.

После этого удивительного собора, когда пресса перестала терзать по разным углам Никиту, губернатор устроил для нас с Никитой дружеский приём, где мы продолжили общение от сердца к сердцу.

Восемнадцатого ноября сотрудник Никиты пригласил меня на конференцию «Российская киноиндустрия—2009». Собралось множество народу, около двухсот пятидесяти журналистов. Выступать не предполагал, но, послушав речи благополучных кинорыночников, удовлетворённых процессом российской экранной деградации, произнёс антирыночную речь, напомнив собравшимся о духовной миссии кинематографа и обязанности государства уделять особое внимание поддержке позитивного кино. Выступая, Никита со свойственными ему примирением и толерантностью сказал о целесообразности и моей, и «рыночной» позиции. В перерыве ко мне подходили люди, благодарили, что-то говорили о «мощной волне, пущенной по болоту», «о наконец-то прозвучавшем голосе правды»…

В 2012 году, узнав об уходе с поста министра А. А. Авдеева, я позвонил Никите, задал вопрос: кто же будет новым министром?
— Есть пара кандидатур.
— В принципе, министром должен быть или ты, или я.
— Коля… Мне это не нужно,—вздохнул Никита,— а тебя они сожрут.

Я сказал, что, пока они будут точить зубы, я бы успел поставить Минкультуры с головы на ноги, поменять идейную направленность министерства, очистить от коррупционеров, перевести стрелки с пошло-рыночного на традиционный путь… Сказал, что вовсе не рвусь к этой должности, она мне не нужна, но, в отличие от чиновников, не стал бы цепляться за министерское кресло. Чувствуя, что Никита не разделяет мои воззрения, спросил:
— И кто же будет?

Он назвал имена двух возможных кандидатов, не вызвавших моего восторга. Сердце подсказывало, что прав я.

В 2014 году Никита сообщил мне, что я введён в Общественный совет Минкультуры, и добавил:
— Только ты там—потише…

В этом же году в Томске прошёл XXIII МКФ «Золотой Витязь», я посетил воссозданную там стрелецкую слободу, стрелецкий воевода показал мне шкатулку с крестами шестнадцатого века и, указав на один из них, сказал:
— Это крест Бесогона…
— А можете вы подарить этот крест Никите Сергеевичу Михалкову?—спросил я.—Имя Никита означает—Бесогон…
— С удовольствием,—не раздумывая, ответил воевода.

Я пригласил его на торжественную церемонию закрытия, попросив, чтобы он сел поближе к сцене.

Оставалось главное—чтобы прилетел Никита. Я пригласил его задолго до начала фестиваля, бесконечно перезванивались, переписывались, уточняли дату… На открытии присутствовать он не мог, обещал на закрытие. То, что Никита обещает, он, как правило, исполняет, но как будет на сей раз?.. Ведь его новый фильм находится сейчас в стадии завершения. Я, как режиссёр, хорошо понимал, что такое последний этап рождения фильма, когда твоё долгожданное дитя вместе с тобой уже в «родильном отделении». Как оторваться от него, пресечь пуповину, связывающую тебя, родителя, с твоим творением?..

Последние дни перед прилётом, последние уточняющие звонки.
— Всё идёт по плану,—успокаивал Никита,—готовимся к вылету. Со мною ещё четыре человека… Могу быть у тебя несколько часов… Когда я должен выйти на сцену?
— Приблизительно в девятнадцать тридцать.
— Ты прости, но ровно в двадцать я покину зал.
— Конечно.
— А почему ваши хозяева в Томске требуют большие деньги за стоянку самолёта?..

Я пришёл в замешательство:
— Я не знал об этом. Будь спокоен. Прилетай. Я всё улажу.

Сразу позвонил томскому министру культуры:
— Вы хотите, чтобы на закрытии был Никита Сергеевич Михалков?
— О, конечно…
— Тогда предусмотрите средства за перелёт борта и стоянку.

Тревожная пауза свидетельствовала о том, что в сознании коллеги происходит лихорадочный подсчёт.
— Это шутка,—поспешил я успокоить министра,— Никита Сергеевич летит ко мне как к другу, бескорыстно. Только объясните мне, почему с человека, делающего такой щедрый подарок Томску, хотят содрать бешеную сумму за стоянку самолёта.
— Я вас услышал,—ответил министр,—я разберусь.

Днём тридцать первого мая я приехал в аэропорт встречать друга. В ВИП-зале—вице-губернатор и министр. Вижу, что цветов у них нет. Спрашиваю:
— А где же цветы?

Удивлённый вице-губернатор переадресовал мой вопрос министру, и тот поспешил на поиски букета.

— Мы должны ехать с Никитой Сергеевичем в машине одни.

Вице-губернатор был явно удивлён.

— Мы с Никитой Сергеевичем должны провести по дороге рабочее совещание.

И мы «провели совещание»: я поведал Никите подробности нашей томской «эпопеи»… Сказал, что по творческой части наш форум — событие для города центральное: зрители воодушевлённо принимают происходящее, залы переполнены… Но сам я нахожусь в чудовищном моральном состоянии. Губернатор выделил необходимые средства. Вот только исполнители его воли впервые за всю историю «Золотого Витязя» решили оставить эти средства у себя, сделав главным получателем средств и исполнителем проекта местную филармонию, отжимающую бюджет на свои нужды. Никита внимательно выслушал мой рассказ. На первой же встрече с губернатором он ему прямо высказал своё удивление, почему средства выделены филармонии, а не главному организатору — «Золотому Витязю».

— А что? Есть проблемы? — насторожился губернатор.

— Николай Петрович вам всё расскажет.

Я описал губернатору бесчинства филармонии.

За трапезой я произнёс тост за друга, сказал, что высоко ценю то, что он сдержал обещание и прилетел. Признался, что если бы он, Никита, позвал меня к себе в тот момент, когда я завершал бы работу над своим фильмом, я бы ещё подумал, лететь или нет…

— Ну, ты бы подумал, а я — прилетел, — как всегда, с юмором парировал мой друг.

По «звёздной дорожке» мы прошли втроём с Никитой и губернатором. Когда Никита завершил свою речь на церемонии закрытия, я попросил его задержаться и пригласил на сцену сибирского воеводу, который подарил Никите крест Бесогона. Никита, тронутый этим символическим подарком, расцеловал воеводу и, побыв в зале ещё несколько минут, ринулся в аэропорт. Я был сердечно благодарен Никите, подтвердившему фактом своего прилёта ко мне в Сибирь крепость нашей пятидесятипятилетней дружбы.

Пятого декабря 2014 года по традиции провели в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя закрытие годовой программы V Славянского форума искусств «Золотой Витязь». Святейший патриарх, пообещав присутствовать на церемонии ещё за полгода до закрытия, сдержал слово и, несмотря на то, что имел всего двадцать минут до своего отъезда в аэропорт, прибыл на церемонию. Я встретил Святейшего у входа и, пока шли к сцене, видя на его лице явное утомление и сосредоточенность, на ходу спросил:

— Как ваше здоровье?..

Мне было интересно, как чувствует себя наш с Никитой ровесник. Святейший после некоторого раздумья, словно прислушиваясь к своему состоянию, тихо сказал:

— Я даже не могу точно ответить… Видимо, Господь помогает…

Никита, несмотря на занятость, тоже примчался в зал Соборов. Перемежая юмор с серьёзностью, он сердечно приветствовал «Золотой Витязь». Отметил переполненность зала — свидетельство большого интереса зрителей к деятельности «Золотого Витязя». Я сделал ему публичное приглашение на XXIV МКФ в Севастополь с его новым фильмом «Солнечный удар». Он дипломатично ответил:

— Это мы с тобой обсудим…

Двадцать четвёртого августа 2015 года на заседании коллегии Минкультуры в Сколково по теме Фонда кино, хотя мест в зале было полно, Никита сел рядом со мной. Я спросил:

— Ты будешь выступать?

— Да… Сейчас услышишь, — многообещающе произнёс Никита.

— И ты услышишь… Я выступлю с критикой Фонда кино.

Я ожидал, что Никита, являясь членом попечительского совета Фонда, станет меня отговаривать, но он сказал:

— И правильно.

То, что произошло далее, вряд ли кто-то мог ожидать. Умиротворённый ход коллегии, где все выступающие благодушно одобряли деятельность Фонда кино, взорвал Никита. Он объявил о том, что, поскольку лишён какой бы-то ни было ответственности за работу Фонда, как, впрочем, и абсолютно всё безответственное руководство Фонда, он сделал прямой посыл в адрес сидевшей в президиуме, введённой в попечительский совет Фонда госпожи Тимаковой, пресс-секретаря премьер-министра, «которая, видимо, хорошо разбирается в кинематографе». С её назначением в Фонде всё стало решаться «подковёрным, телефонным правом». Поэтому он принял решение выйти из состава попечительского совета.

Когда Никита вернулся на своё место, я крепко сжал его руку и сказал:

— Молодец! Серьёзный поступок!

Выступая следом, я поддержал решение Никиты. Министр попробовал прервать, но я, мгновенно повысив звучание голоса на тональность сказал, что Общественный совет создан не для того, чтобы слушать окрики чиновников. Министр был вынужден дать мне договорить до конца. В финале, обратившись к президиуму, составленному из представителей всех ветвей власти (министр — Мединский, правительство — Тимакова, администрация президента — Толстой, Госдума — Кобзон

и Говорухин), я предложил ввести санкции относительно американского кино и допускать в наш прокат не более десяти американских фильмов, что уже давно практикуют Китай, Индия, Франция и другие страны. В этот день слова Михалкова о «латентной русофобии чиновников» и его выход из попечительского совета Фонда кино стали главной новостью многих СМИ.

Двадцать первого октября 2015 года поздравил Никиту с семидесятилетием. Боже, как быстро пролетает время! Никитушке—семьдесят! И мне в будущем году—столько же! Так определил Господь! «Время жить и время умирать. Дано нам время жизни праздник знать!» Мы ещё в силе, хотя уже налицо процесс нашего «взросления». Никита—молодец! Дай Бог пожить и послужить России подольше!

В ноябре впервые увидел спектакли Академии Никиты Михалкова («Воскресение» и «Метаморфозы»). Вновь мой друг делом доказал свою неукротимую творческую силу: создал Киноакадемию, лучшую в России и мире, и в кратчайшие сроки достиг блистательных результатов—два ярчайших спектакля. Переступал порог его Академии с тревогой: не угас ли театр? Получил удовлетворение и сердечную радость: театр жив!

С радостью наблюдаю телевизионное стояние друга с его «Бесогоном» перед обнаглевшим легионом лукавых. Горжусь крепостью его духа и непреклонным служением Господу и России. Мог ли я предполагать, что друг детства—озорник и балагур Никита—превратится в столь мужественную и талантливую личность, необходимую России, нескончаемо атакуемой бесами?

Прислушиваясь к лидеру российской культуры Н. С. Михалкову, обратившему внимание общественности на склонность некоторых ответственных чиновников к скрытой латентной русофобии, этим трусливым «тварям дрожащим» следовало бы задуматься о том, что недостаточно произносить правильные слова о патриотизме и традиционных ценностях и уверять общественность в том, что указ президента «Об основах государственной культурной политики» является конституцией для Минкультуры. Пора на деле выполнять требования этой «конституции». Как говорит Священное Писание: «По делам их—узнаете их». Дела «дрожащих» приспособленцев—постыдны, дела моего друга—праведны.

Дорожа нашей дружбой, понимая перегруженность Никиты неисчислимыми заботами, я никогда не обременял его своими житейскими проблемами. Но однажды, узнав о том, какую сумму мне заломили стоматологи за капитальный ремонт, он сказал:
— Коля, они тебя разводят…

И мгновенно отправил в знакомую ему клинику, приняв все расходы на себя. Сам бы я, конечно, не смог бы справиться с решением этой задачи. Вскоре после починки, сидя в зале напротив пребывающего в президиуме Никиты, я оскалил свою «голливудскую улыбку», на что он не мог не прыснуть от смеха.

Пятого октября 2020 года неожиданно позвонил Никита и сказал:
— Коля, есть ох…тельная авантюра…
— Что такое? У тебя вся жизнь—авантюра…
— Мы написали пьесу. Хочу, чтобы ты сыграл на сцене главную роль в «12». Я буду играть то, что играл в фильме, а ты—роль, которую играл Серёжа Маковецкий.
— Интересное предложение. Давно хотел с тобой поработать… но в кино… Театр я бросил пятьдесят лет назад и не хотел возвращаться на сцену. Правда, написал пьесу «Бемби», и недавно пришлось самому в ней сыграть в театре Вахтангова. Я ориентирован на кино. Когда репетиции?
— Вчера.
— Но не люблю репетиции. Включаюсь только на команду мотор. Когда Алексей Баталов просил на съёмках «Игрока» «порепетировать», я сказал ему: не требуйте от меня репетиций, сядьте в ваше кресло, подождите, я всё сделаю в дубле. Я особого склада, могу играть лишь в момент полного подключения…
— А я обожаю репетиции.
— Пришли пьесу.

На следующий день получил пьесу. Понял, что, видимо, соглашусь. Ради возобновления нашей дружбы на излёте жизни, чтобы вспомнить нашу молодость, азартную работу над «12 разгневанными мужчинами» в Щукинском училище.

Двадцать первого октября 2020-го Никите стукнуло семьдесят пять! Мог ли я предполагать в далёком 1959 году, что моему тринадцатилетнему другу предстоит такая судьба, что он превратится в выдающегося режиссёра, актёра и общественного деятеля, что он станет шестикратным лауреатом высших наград «Золотой Витязь» и его почётным попечителем? Присоединяясь к поздравлениям юбиляру, награждённому президентом страны высшим званием—Герой Труда Российской Федерации, я поздравил его не только по телефону, но и со страниц экранов и СМИ.

На протяжении шестидесяти лет мы сохранили любовь и уважение друг к другу. С годами эти чувства лишь возрастали. Люблю Никиту за то, что он такой же, каким был в нашем далёком

детстве—никогда не терявшим чувства юмора, устремлённым к своей цели, неугомонным в творчестве, бесконечно, каторжно работающим и своими творениями пробуждающим в людях «чувства добрые». Он один из немногих кинорежиссёров постперестроечного периода страны, не предавших истинного назначения искусства, которое призвано возвышать душу человека. Безусловный лидер, маяк отечественного кинематографа и российской культуры.

Масштаб личности Никиты, как водится, в полной мере оценят позже, когда будут оглядываться на прошлые достижения. Любовь к ближним у Никиты, можно сказать, врождённая. Он—свой среди своих и с ближними, и с дальними, всегда готовый прийти на помощь, он—не раз предаваемый, сам—верный в дружбе. Когда в 1993 году расстреливали российский парламент и арестовывали защитников Белого дома, тележурналисты задавали Михалкову вопрос о его дружбе с опальным, посаженным в Лефортово А. Руцким. Никита ответил прямо: да, мы друзья,—давая понять, что друзей своих он не предаёт. То, что Никита таков по сути своей,—это Промысел Божий о нём.

Его нарекли именем Никита, «изгоняющий бесов», что он еженедельно доказывает своей пронзительной, эпохальной и любимой миллионами телепрограмме «Бесогон». Подняв забрало, он говорит правду, которую сейчас может себе позволить в эфире только он. Никита—Бесогон современной России. Он работает непрестанно, титанически. Позвонишь ему в десять вечера—говорит: «Подожди, я сейчас монтирую, звони в двенадцать». Набираю в полночь—помощник отвечает: «Никита Сергеевич играет со съёмочной группой в футбол». Приверженность Никиты к спортивным занятиям—это не только для поддержания личного тонуса, это форма сплочения коллектива. Он один из немногих режиссёров в нашем кинематографе, кто реально заботится о своей группе, понимая, что его сотрудники тратят годы жизни на воплощение его идей. Его постоянное попечительство о людях—его сердечная благодарность сотоварищам. Он умеет создавать удивительную атмосферу вокруг себя. Спроси любого артиста: у кого вы бы хотели сниматься?—ответит: у Михалкова. Сняться у Михалкова—означает обрести новое актёрское дыхание и популярность. Михалков—мастер, умеющий докапываться до психологических глубин личности.

Встречаясь, беседуя по телефону, мы говорим обо всём открыто: о проблемах кинематографа, об отдельных личностях, рассказываем анекдоты… Есть фото, на котором он улыбается до ушей, а я еле сдерживаю улыбку. Камера выхватила нас в тот миг, когда только что примчавшийся в зал на открытие кинофорума «Золотой Витязь» в Калугу Никита, сев в зале рядом со мной, с ходу рассказал анекдот. Мы в эпицентре события, на нас все смотрят, надо поддержать строгость лица, а он легко сбивает официоз искромётным юмором.

Вызывает уважение и благодарность то, что он постоянно вписывается в истории, где нужна его помощь. Когда мы учились в Щукинском училище, он уже тогда был «третейским судьёй» в разборе конфликтных ситуаций сокурсников. Таким он остаётся и поныне. У Никиты обострённое чувство справедливости.

Конечно, не все поголовно любят Никиту. Зависть всегда сопутствовала роду Михалковых. Как же не завидовать—успешны, благополучны, самодостаточны, «оскароносцы», уважаемы властью, влияют на многие процессы российской культуры и при этом говорят в полный голос, без обиняков и иносказаний. Лермонтов писал: «Провозглашать я стал любви и правды чистые ученья, в меня все ближние мои бросали бешено каменья». Лермонтова пристрелили в двадцать шесть лет. А Никита Сергеевич, слава Богу, дожил до семидесяти пяти—плодотворно трудится, борется и для подавляющего большинства нашего народа является маяком. К зависти, злобе и прочим неблаговидным человеческим проявлениям он научился относиться спокойно. Град «бешеных каменьев» закалил его. Стрелы-то подчас весьма ядовиты, но то, как он с этим справляется, вызывает восхищение.

Юбилейный день рождения Никита не стал отмечать многолюдно, а на следующий же день приступил к постановке спектакля «12». Собрал весь актёрский состав в студии «ТриТэ», рассказал о своём видении спектакля. Из «народных» только он, я и два приглашённых из разных театров. Остальные—молодёжь из его Академии. Начали, как заведено, с читки пьесы по ролям. Процедура, которую я всегда не любил и внутренне опасался. На читке артисты пробалтывают текст весьма приблизительно, чего в силу своих психологических особенностей я не терплю. Мне нужно полное погружение в образ. Было интересно наблюдать за Никитой спустя полвека просвистевшей, как пуля, жизни. Оба мы крепко «повзрослели», подморщились, поредели перья на голове. Но какая творческая мощь накоплена моим другом… Солируя, он мастерски прошёлся по характерам каждого персонажа, проигрывая его образ—сердцем, до слёз. Когда он, «не читки требуя с актёра, а полной гибели всерьёз», произнёс библейскую фразу: «От избытка сердца говорят уста»,—я удивился тому, что ведь и я, не сговариваясь с ним, повторяю это на своих мастер-классах, укрепляя эту истину ещё одной евангельской мыслью, в которой заключена тайна не только актёрского, но любого творчества: «Много в мире различных слов, и ни одного нет без значения». Каким он стал удивительным режиссёром-артистом, вгрызающимся в существо

характера и психологию каждого персонажа, сердцем проживающим и при этом наблюдающим хозяйским глазом за собой и за каждым со стороны. Спросил его:
— Допускаешь ли ты импровизацию на сцене и в каких пределах?
— Конечно,— ответил Никита.

И меня это устраивает: живи и твори! Он заявил, что абсолютно знает, чего хочет, и уже готов выйти на площадку. Я сказал, что тоже готов. Он шёпотом спросил меня:
— Интересно?
— Да,— ответил я.

Подмигнули друг другу, как в юности: мы сделаем это! Ради этих мгновений я и пошёл на ненавистную репетиционную голгофу, для того чтобы побыть в поле прежней нашей любви и сердечности.
— Может, с тобой я полюблю репетиции…— сказал я другу.

Работая ежедневно, за пять репетиций вчерне прогнали две трети спектакля. Поражался уверенности и мастерству Никиты. В отличие от меня, не впрягающегося последнее тридцатилетие в кинотеатральное режиссёрское и актёрское тягло, критически относящегося к актёрству и современному рыночному кинопроцессу, Никита — стопроцентный, преданный кино и театру режиссёр. Удивлялся тому, как в свои семьдесят пять, перенёсший не одну сложную операцию, обременённый бездной проблем и обязанностей: студией «ТриТэ», Академией, Союзом кинематографистов, руководством фондами, бизнесом, благотворительностью, подготовкой нового кинопроекта, еженедельным «Бесогоном», исполнением сыплющихся на него отовсюду просьб о помощи,— как он смог загореться желанием в кратчайшие сроки, в условиях «пандемического психоза», ринуться в постановку спектакля. Наблюдал со стороны и радовался, видя его искреннее добросердечие ко всем сотрудникам: артистам, осветителям, звуковикам, администрации. Аристократично, мягко, без игры на публику, без режиссёрского «топанья ножками», с неизменным юмором, терпеливо и спокойно он добивался результата, который видел лишь один он. С полной отдачей и темпераментом он блистательно показывал, проигрывал за каждого артиста существо его характера. Я сказал Никите, что в силу полувекового разрыва с театром и кинематографической практики я стал бегуном на короткие дистанции: «выучил текст — снял короткий дубль». А здесь требуется непрерывное трёхчасовое проживание на сцене в образе.

Шестнадцатого — двадцатого декабря 2020 года репетировали в нижегородском имении Никиты — Щепачихе. Начали с литургии и причастия в уютном домашнем деревянном храме, наполненном уникальными иконами и мощами святых. У каждого до Бога своя дорога. Мы оба были крещены нашими мамами в младенчестве, но никогда — ни в детстве, ни потом — не говорили о религии. Каждый из нас шёл к сокровенному своим путём. Уже в зрелые годы я начал замечать, что мой друг, в отличие от многих, не скрывает того, что он православный, верующий человек. Это грело моё сердце, но вопрос, насколько это глубоко, не покидал меня. В домашней церкви я невольно наблюдал за другом и с радостью отмечал, насколько сосредоточена и устремлена в горний мир его молитва.

После завтрака посидел подле Никиты в спортгорнице, посмотрел, как он разминается, восстанавливает после операций своё могучее тело. Потом репетировали в большом пространстве теннисного корта. Работали спокойно, внимательно и уважительно. Никита впервые несколько раз ободрил меня:
— Хорошо… Это туда… в правильном направлении…

Несколько лет назад я подарил другу свой трёхтомник. Сомневаясь, что он его раскрывал, привёз ещё экземпляр, написав следующие слова: «Дорогой мой друг, Никитушка! Грядёт 2021 год — 62-й год нашей дружбы, проверки на прочность и любовь. Не знаю, станешь ли читать всё, что я написал за мою жизнь… Для облегчения загнул страницы, которые говорят о тебе, одном из главных героев моего трёхтомника. Ты стал мощной личностью. Моя любовь и уважение к тебе стали со временем гораздо более крепкими, чем в нашем детстве и юности. Ты нужен России. Храни тебя Господь! Твой друг Колька. 18.XII.2020, Щепачиха».

Девятнадцатого декабря, в праздник Николы Зимнего, в той же домашней благодатной церкви совершили литургию и причастие. От избытка сердца выступали слёзы. Из пяти дней — четырежды проводили службы в храме, трижды причащались.

После репетиций трапезничали за широким хлебосольным столом, хранящим традиции своих предков: незабвенной Натальи Петровны и Сергея Владимировича, всегда внешне усталого, а по сути трепетного и доброго, вечного ребёнка. Никита сберегает дух светлого творческого рода Михалковых-Кончаловских, православных, грешных и кающихся, стремящихся ко Господу русских аристократов, вечно «чужих среди своих» и внешне — «своих среди чужих», писателей, художников, кинематографистов и воинов, желающих блага своему Отечеству, добра людям, посильно творящих славную историю Руси: помогающих ближним гимнами, детскими книжками, живописными полотнами, снимающих не искажающие правды и не опошляющие искусство фильмы.

Небольшой отдых после завтрака и репетиции в огромном прохладном корте. Если бы не Никита, никогда бы не ввязался в подобную авантюру: не рискнул бы «ваньку ломать» на подмостках в свои семьдесят четыре. Ибо давно потерял желание корячиться на сцене, произнося чужие слова и представляя из себя того, кем не являюсь… Но погружение с Никитой в давно забытый процесс создания спектакля, наблюдение за другом, умеющим создавать новую психологическую реальность, сердечные дни прикосновения к нашим истокам придают этой «авантюре» особый интерес на завершающем витке земных судеб.

Утомившись на дневной репетиции, решил уснуть пораньше. Только задремал, как задрожал деревянный щепачихинский терем: грохот, крики, пальба… Что такое?.. На снегоходах, что ли, решили покататься?.. салют запустить?.. Вышел поглядеть, что происходит. В тёмном холле, перед большим экраном, Никита с учениками и помощниками смотрели голливудскую галиматью на полную громкость. Подсел, досмотрел с ними оставшиеся десять минут грохочущей пустоты, недоумевая, зачем тратить на это время жизни.
— Какая х…ня! — изрёк Никита, едва потекли титры.

В нескольких фразах припечатал режиссёра:
— Спекулянт! Два с половиной часа пустоты, бездарных диалогов ни о чём…
— Разве тебе не было это ясно с первых минут просмотра? Зачем тратить два с половиной часа жизни на это дерьмо?
— Врага нужно знать в лицо…
— Я тоже досматриваю мерзость до конца, — признался я.
— Вот они, — Никита кивнул в сторону учеников, — смотрели эту… в четвёртый раз… с придыханием произносили название фильма и режиссёра…

Шесть месяцев ежедневных изнурительных репетиций. Каждая — на пределе сил. Никита изредка подбадривал, хвалил:
— Это туда…

Иногда сердился, не получая того результата, которого он хотел от меня добиться, в праведном гневе бросался из зала на сцену:
— Коля! Просрал монолог!..

Я в душе обижался, выслушивая подобное в мой адрес, да ещё при молодых партнёрах. Подобного на моём веку не позволял себе ни один режиссёр. Но, понимая, что он прав, смирял гордыню. Я ведь предупреждал, что не люблю репетиции и полностью включаюсь лишь при команде «мотор». Перед первым прогоном на публике он позвонил и сказал:
— Коленька, ты сделаешь потрясающую роль, если сделаешь то-то и то-то…

Я уже твёрдо знал, что всё сделаю на премьере. Шестнадцатого апреля 2021 года состоялся первый прогон на публике — рождение спектакля «12». Зрители долго аплодировали стоя, кричали «браво», глаза восторженные. Равнодушных лиц не наблюдали. Первые же отзывы:
— Ошеломляющее воздействие… Ничего подобного не видели на сцене много лет… Спектакль держит в постоянном напряжении…

Моё исполнение принято, многие требуют моего возвращения на подмостки, о чём я не помышляю. С фильмом «12», к нашему с Никитой удовлетворению, никто не сравнивает, считая эту постановку новым, самостоятельным произведением театрального искусства. Со времени создания фильма «12» прошло пятнадцать лет, но пьеса выглядит ещё более актуальной: деликатно и с любовью затронутые в ней межнациональные отношения, столкновение различных характеров, «чувство правды в сердце человека», милосердие и гармонизация жизни тронули сердца зрителей. Никита снова рисковал и вновь одержал победу — над собой, над окружающим недоброжелательством «коллег». Да и надо мной одержал победу, добился-таки чего хотел. Включили мотор», и я пошёл в атаку, работая абсолютно спокойно, владея собой и залом. Никита после моего первого монолога, сидя спиной к залу, подмигнул: мол, хорошо! Горжусь своим другом. Он — большой талант, быть может, последний подлинный профессионал настоящего кино и театра, национальное достояние, которое нужно беречь, значение которого в полной мере оценят, как водится, по истечении сроков.

Двадцать четвёртого апреля грянула премьера «12» на исторической сцене Большого театра. Триумфальный итог рискованной авантюры Никиты, изнурительного полугодового репетиционного марафона. Зрители Большого театра — представители государственной власти и сотни людей — стоя приветствовали победу Михалкова — нашу победу! Несмотря на усталость и дневной прогон спектакля, чувствовал себя на сцене Большого театра совершенно спокойно, забыв о зрителях, сидевших затаив дыхание, напоминавших о себе лишь всплесками аплодисментов. На приёме после спектакля подошли человек двадцать с выражением высокой оценки нашего труда. Хвалу и клевету приемлем равнодушно, зная, что удалось, чего нет и каков в будущем потенциал роста. Приятно было получить от Никиты после спектакля смс-ку: «Ты молодец и боец!» Не менее лестными были и его слова в интервью каналу «Россия 24», сказанные сразу после премьеры в Большом:
— Мне хотелось, чтобы Николай Петрович окунулся со своего пьедестала «Золотого Витязя» и всех общественных трудов в эту творческую шахту. Это тяжёлый труд. Я должен сказать, что

он прошёл невероятный путь от первого дня до сегодняшнего. Это была такая глубинная метаморфоза и такое возрастающее мастерство, прямо на глазах. Я благодарен ему за то, что он согласился это с нами сделать.

Следом Никита отправил участникам спектакля смс: «Дорогие мои, хорошие! Посмотрел видео спектакля в Большом. Если исключить ужасающий монтаж, это—серьёзно и хорошо! Кое-что нужно скорректировать, но это в рабочем порядке. Что очень важно (!)—правильный и пульсирующий ритм. Это действительно основополагающе. Ещё чрезвычайно важно—это то, что все „включены“. Это нужно сохранять и культивировать. По персонажам какие-то соображения скажу каждому. Важно, что я вижу и чувствую азарт и удовольствие, которые царят на сцене. Обнимаю всех сердечно. Ваш Н. М.».

Двадцать первого мая сыграли вторую премьеру в пятитысячном зале екатеринбургского «Экспоцентра». Отделённые от зала сеткой-экраном, сыграли спектакль, не ведая, сколько там собралось зрителей. Обещали из-за карантинного психоза собрать половину зала. Выйдя на поклоны, пришлось пережить непередаваемые ощущения—зал переполнен! Зрители, стоя, взволнованно и щедро одаривали нас овацией. Предполагалось, что мы с Никитой вылетим ночью после спектакля в Севастополь на завтрашнее открытие «Золотого Витязя». Он сказал, что никак не сможет, ожидая важнейшей встречи. Неожиданно предложил мне эксклюзивный показ, мировую премьеру его новой документальной картины «История не получившегося фильма», со своим видеоприветствием фестивалю. Несмотря на финансовую и организационную петлю, не ослабевающую на горле «Золотого Витязя» все тридцать лет, XXX кинофорум прошёл на достойном уровне. Международное жюри присудило фильму Никиты гран-при.

На протяжении полувека, читая и слушая бесчисленные интервью Никиты, я видел, что он никогда не юлил и не лукавил, говорил то, что думает, постоянно подтверждая сказанное реальными делами.

Вижу лукавую улыбку на устах недоброжелателей, читающих эту повесть, но я не мог не высказать о друге всё, что на сердце моём сейчас, при нашем ещё земном бытии. Но слово это должно было быть произнесено вовремя. Точку не ставлю, ибо желаю Никите долгой жизни во славу Господа, Отечества и ближних, а значит, и продолжение последует.

Олег Роменко

Я срывал колючие цветы

Союз

Он говорил, что горек мёд на вкус
Душе, истосковавшейся по воле,
И повторял: «Супружеский союз—
Союз коня и всадника, не боле…»

И философски озирал жильё,
Корыто, уплотнившее жилплощадь,
Над ним жена, стиравшая бельё,
Вся в мыле, словно загнанная лошадь.

* * *

Я срывал колючие цветы,
И горели раны на руках,
Но кружили голову мечты,
И витали мысли в облаках.

А в ушах звучание фанфар…
Впрочем, было так уже не раз:
Днём получишь солнечный удар,
Ночью звёзды сыплются из глаз.

Юрий Ромашков

Счастливая звезда Василия Харченко

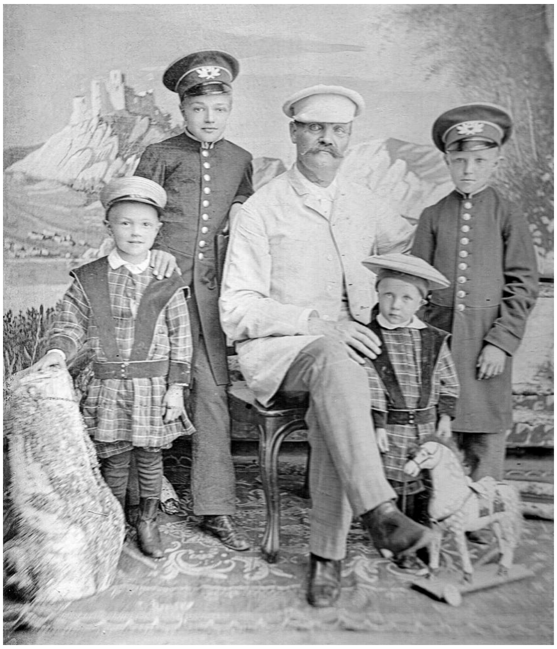
О енисейском купце Василии Михайловиче Харченко, на первый взгляд, написано достаточно, чтобы сформировать у читателя, интересующегося темой сибирского купечества, полное представление об этой личности. И действительно, если мы обратимся к историографии данного вопроса, то выяснится, что на протяжении лет о нём неоднократно писали как научные сотрудники Енисейского музея, так и краеведы из общества «Енисейский родослов». Однако в данных работах большое место уделялось либо вопросу происхождения рода Харченко в целом, либо его отдельным представителям в лице многочисленных потомков. Таким образом, если посмотреть на проблему исследования с точки зрения хронологически вымеренного раскрытия личности Василия Михайловича в этих работах, то окажется, что ни одна из них не содержит полного повествования о нём, хотя отдельные аспекты, связанные с его политической и общественной деятельностью, можно увидеть в работах Т. В. Игнатьевой и других сотрудников Енисейского музея. Иными словами, данная статья, опираясь на ранние исследования и с привлечением новых материалов, призвана взглянуть на фигуру В. М. Харченко с другой стороны — оценить его как предпринимателя, а также общественного и политического деятеля.

Василий Михайлович Харченко, по некоторым данным, родился в 1842 году и происходил из семьи семипалатинских мещан[1], хотя опубликованные О. В. Копыцкой материалы исповедных записей енисейской Успенской церкви позволяют говорить о 1843 годе[2]. Свой первый капитал он образовал в результате службы на приисках. Его ранние приисковые должности нам неизвестны, но, как отмечает А. И. Кытманов, в 1876 году

Василий Михайлович Харченко. Фото 1880-х гг.

Харченко, ранее являвшийся управляющим на прииске И. П. Кытманова, «оставил управление и завёл своё приисковое дело, которое вёл удачно»[3]. В этот же год его постигло личное несчастье — от чахотки скончалась супруга Мамельфа Алексеевна, происходившая из купеческой династии Калашниковых. Василий Михайлович женится повторно, но от первого брака останутся дети: Хрисия и Михаил. Повторным браком он свяжет свою судьбу с Терезой Николаевной Ястржембской, получившей с переходом из лютеранского вероисповедания в православие имя Конкордия. Параллельно с первыми успехами в сфере золотопромышленности Василий Михайлович делает первые шаги в винокурении. В 1879 году он, в компании с купцом И. М. Хейсиным, по одним данным строит, а по другим арендует винокуренный завод на северо-западе Енисейска. В этом же году семейство Харченко включается в финансирование строительства мужской прогимназии в Енисейске. В частности, Конкордия Николаевна в числе прочих устраивает любительский спектакль, который дал пятьсот рублей чистого сбора[4]. Возвращаясь к золотопромышленности, следует отметить, что одним из ранних приисков, разрабатываемых семейством, был прииск

1. *Аксёнова А. В., Гонина Н. В., Дворецкая А. П., Терскова А. А.* Мир культуры города Енисейска второй половины XIX — начала XX вв. Словарь современных характеристик, понятий, персоналий. Красноярск, 2019. С. 443.
2. *Копыцкая О. В.* Род Харченко // Енисейский родослов. Альманах. Выпуск №9. Енисейск, 2018. С. 22.
3. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. ЕКМ. Машинопись. С. 530.
4. Там же. С. 547.



В. М. Харченко с семьёй

Александровский, который до 1876 года находился во владении купца В. И. Базилевского. По словам инженера В. М. Внуковского, «Харченко разрабатывал прииск беспрерывно с 1876 по 1880 гг.»[5]. Собственно, после 1880 года золото семейством здесь не добывалось, и право на разработку перешло к И. П. Кытманову.

Ещё один прииск был приобретён Василием Михайловичем в 1894 году. До этого он находился в собственности купца Семёнова, а также Базилевского. После Харченко месторождение перешло к предпринимателю А. Е. Коробейникову. Кроме двух вышеперечисленных приисков, с 1877 по 1900 год семья Харченко владела прииском Свято-Троицким, который ранее разрабатывало товарищество В. И. Базилевского и В. А. Ратькова-Рожнова. По сообщению инженера В. М. Внуковского, на прииске имелась артель старателей в десять человек, разрабатывавшая борта прежних работ и получавшая по три рубля за каждый золотник. Всего на самом месторождении работало двадцать три человека[6]. По реке Нойбе у купца также имелся участок, отведённый ему в 1878 году. Затем на этом месте начали разрабатывать прииск Конкордиевский. Решил ли Василий Михайлович наречь его в честь своей супруги или одной из дочерей—сегодня сказать сложно, но именно этот прииск оказался самым доходным: с начала аренды до 1900 года здесь было намыто 51 пуд, 30 фунтов, 53 золотника, 72 доли золота[7]. Последним в списке приисковых владений стоит Нафанаиловский прииск, полная информация о разработке которого на данный момент отсутствует. В плане труда рабочих на разработках золота прииски Харченко довольно мало чем отличались от других. Современник тех событий М. Ф. Кривошапкин довольно интересно описал непростое положение найма рабочих: «В договорах рабочий обязуется быть готовым к отправке в путь к месту работ по первому требованию, а не в известный срок, день, час. Связанный таким условием, рабочий не может свободно предпринять никакого другого дела, не может ни отлучится из дома для продажи хлеба, ни наняться в извоз до времени отбытия на прииски»[8]. И всё же в плане личного отношения к рабочим, по словам современников, золотопромышленник не допускал барства, стараясь по возможности сделать надбавку за старания.

Напомним, что, кроме сферы золотопромышленности, Харченко активно продвигал свою алкогольную продукцию на рынке Енисейска и Енисейского округа. Развитие винного дела и зарождение частных монополий приводило к настоящим винным войнам между производителями, условно разделявшими «владения» между собой. По этому поводу хорошо заметил А. Уманьский: «Весь округ поделён крупными виноторговцами на части, причём между ними условлено не преступать заповедных границ. Но часто жадность увлекает кого-либо из них за условную границу, заставляя нарушать интересы своего товарища. Результатом таких нарушений являются войны между виноторговцами, выражающиеся в намерении разорить своих сотоварищей, отбив у них клиентов»[9]. Начиная производство спиртного, предприниматель шёл на значительный риск. В этом свете винное производство оставалось наиболее выгодным и более безопасным, так как быстро окупалось. Данную точку зрения подтверждает А. И. Кытманов: «Винное дело было очень выгодным. Так, одно питейное заведение приходилось на 211 душ обоего пола или на 113 душ мужского пола. По некоторым данным, в Енисейске приходится вина 2 ведра на одну душу или более 3 вёдер, если принимать в расчёт только мужское население»[10]. Показатели для Енисейска значительные. Впрочем, тенденция, характерная не только для уездного

5. *Внуковский В. М.* Отчёт по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности северной части Енисейского округа. С.-Петербург, 1905. С. 117.
6. Там же. С. 236.
7. Там же. С. 347.
8. *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. Издание Императорского Русского географического общества. С.-Петербург, 1865. С. 170.
9. *Уманьский А.* Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. С.-Петербург, 1882. С. 14.
10. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Ук. соч. С. 567.

Вид на господский дом и хозяйственные постройки винокуренного завода В. М. Харченко. 1900 г.

городка. Три десятилетия спустя один из ведущих специалистов Российской империи по наркологии доктор И. В. Сажин напишет: «С тревогой до́лжно отметить, что у нас в России с каждым годом заметно растёт алкализация населения. Так, лишь в 1910 и 1911 гг. потребление казённого вина увеличилось на 7 329 000 вёдер, в 1912 г. оно значительно превысило размеры ожидавшегося, достигнув свыше 96 000 000 вёдер. <…> Ужас охватывает при мысли, что за десятилетие с 1903 по 1913 гг. у нас, при неудовлетворении самых насущных потребностей, расход на спиртные напитки увеличился почти на 9 миллиардов рублей»[11].

«Винные войны» в Енисейске начались с того, что В. М. Харченко, стремящийся к более широкому распространению в Енисейске собственной винной продукции, объявил настоящую войну другому заводчику — Баландину, понизив цену за шкалик с семи до шести копеек, а затем и до четырёх копеек. Это сильно подорвало винную ценовую политику старожилов енисейского питейного рынка. Не останавливаясь на этом, Харченко объявил войну ещё одному местному заводчику — И. Н. Гундобину. Последний арендовал питейное заведение у Думы на Береговой улице за тысячу четыреста рублей. Харченко же предложил Думе построить напротив кабака Гундобина свой собственный, на свои же средства, с расчётом передачи его через год в распоряжение Думы. Предложение, разумеется, нашло отклик: Дума согласилась, хотя импровизированная коалиция Баландин — Гундобин имела реальную силу. Алексей Сафронович ещё до строительства спиртового завода Василия Михайловича выступал против, заявляя, что отходы производства Харченко на Каштаке будут сбрасываться в Енисей. Разумеется, Баландин думал об экосистеме Енисея меньше, чем о собственном потребителе спирта, ведь Гундобин являлся главным закупщиком его продукции. Иван Никифорович Гундобин сбывал, в свою очередь, продукт через сеть небольших кабаков, в том числе в питейной мещанина Казанцева по Большой улице. Но и у В. М. Харченко тоже сложилась своя постоянная каста перекупщиков. Среди прочих можно выделить купца II гильдии М. П. Щербакова, ежегодно закупавшего бочку спирта для переработки в ягодные наливки. Конечно, местные власти не могли долго закрывать на это глаза. К 1884 году «кабацкий вопрос» в городской Думе обострился до предела. Сенат, вследствие жалобы Думы, признал за ней право ограничить число питейных заведений с 1 января следующего года. Закон об ограничении таких заведений был принят Думой на голосовании, причём «за» подали голоса семнадцать гласных, «против» — шесть. Механизм ограничения был прост: предполагалось оставить семь из восьми ровенских погребов, которые

11. *Сажин И. В.* Наиболее распространённые причины алкоголизма и необходимость борьбы с ними. Москва, 1914. С. 5–6.

будут розданы по жребию желающим; дело касалось и самих питейных заведений[12].

Борьба продолжилась в следующем, 1885 году, когда посредством увеличения налога с доходов заведений удалось немного сбить волну повального пьянства. На этот раз это была вполне законная мера, так как глава пятая из «Городового положения» 1870 года «О городских сборах» заключала следующее: «Городской Думой предоставляется устанавливать сборы с трактирных заведений, постоялых дворов и съестных лавочек»[13]. И вновь поднялись на сечу за правое винное дело думские фракционеры-виноторговцы. На этот раз им на помощь пришло акцизное ведомство, просившее губернатора признать решение Думы незаконным, так как она не предоставила мотивов для данной акции. Дума, в свою очередь, обратилась с жалобой в Сенат, заверяя, что таким образом ведёт борьбу с монопольной торговлей спиртным. Реакция Сената неизвестна, но продажа вина в Енисейске продолжала оставаться неограниченной монополией. Поиски компромисса предпринимались и со стороны воинствующих виноторговцев. В 1884 году последовала «разрядка», когда монополисты договорились между собой, установив единую для всех цену на ведро в восемнадцать рублей. И снова их планы были разрушены—теперь угрозой извне: на рынке появился новый игрок—красноярский купец Г. В. Юдин, сбивший цену до пяти рублей. Как писал по этому поводу корреспондент «Сибирской газеты», «взвыли наши кабатчики, но принуждены были сделать то же. И теперь пей, честной народ,—благодетель Юдин припас много спирта!»[14]. Дума предприняла ещё один антиалкогольный демарш в 1885 году. С целью уменьшить приток потенциальных клиентов в винные лавки был выпущен указ, запрещавший рабочим осенью посещать город. Но и эта мера не удалась—рабочие продолжали покупать вино в окрестных деревнях, куда его заранее привозили предприниматели. Данная акция вызвала лишь недовольство жителей и приисковых рабочих. Дабы закрепить свои успехи, виноторговцы, среди которых был и Харченко, устроили стачку в 1888 году и подняли цены на свою продукцию. В этом отношении Енисейская Дума столкнулась с настоящей фрондой винных монополистов. Выход из сложившейся ситуации постарался найти гласный Енисейской Думы Н. В. Скорняков, предложив ходатайствовать о введении казённой продажи спиртного, но его проект остался лишь предложением. Тем не менее в том же 1888 году Дума вновь решилась ограничить число кабаков. Решение предлагалось следующее: виноторговцам, имевшим кабаки, разрешалось располагать лишь одним винным погребом, ещё один мог быть открыт по результату жеребьёвки. Но губернское присутствие не признало такой порядок приемлемым, отменив соответствующие акты. Справедливости ради стоит завершить повествование тем, что в конце 1888 году акцизное ведомство открыло в Енисейске казённый винный склад, помещение которого было нанято у купца И. Н. Гундобина за семьсот рублей[15].

Теперь постараемся подробно рассмотреть, что из себя представляло винокуренное производство купца Харченко. Главная производственная база—это Васильевский винокуренный завод. Из обзорной ведомости по предприятиям Енисейской губернии следует подробное описание этого заведения: «Завод находится на городской земле, содержится по свидетельству II гильдии, число рабочих на 1887 г.—40 человек. Имеется 1 паровая машина при 1 котле. Корпус завода деревянный. Рабочие живут отдельно от предприятия. Получают 35 руб. в месяц. Сбыт ориентирован на Енисейский и Красноярский уезды. Год учреждения предприятия 1880-й»[16]. В 1890 году Василий Михайлович в письме губернатору сообщал следующие подробности: «*Его Превосходительству господину Енисейскому Губернатору от владельца Васильевского винокуренного завода №25 енисейского II гильдии купца и степенного гражданина В. М. Харченко. Прошение. В бытность на принадлежащем мне Васильевском винокуренном заводе командированного Вашим Превосходительством техника—господина Александрова для осмотра находящегося при заводе паровика, который тогда был в разобранном виде и некоторые его части были отняты, в настоящее время таковой восстановлен в прежнем виде и, соответственно, готов для испытания. О чём имею честь донести Вашему Превосходительству для зависящего от Вас распоряжения. Сентябрь, 24 дня 1890 г.*»[17].

А. Л. Яворский, чьи детские годы были связаны с Енисейском, вспоминал: «Я неоднократно с отцом бывал у Харченко. Обычно отец ездил туда под воскресенье и, сняв какие-то остатки и что-то проверив на каком-то контрольном снаряде, шёл мыться в баню, после которой оставался ночевать на заводе в специально имевшийся комнате для

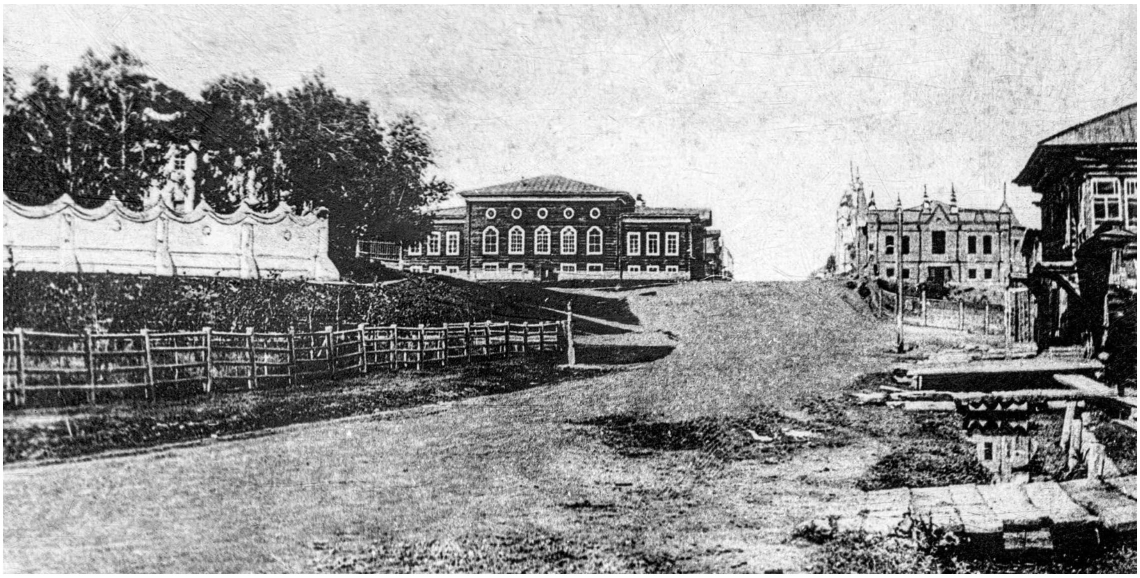
12. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Ук. соч. С. 590.
13. Там же. С. 623.
14. «Сибирская газета» // 1884.
15. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Ук. соч. С. 623.
16. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 103А. Ведомости о фабриках и заводах в Енисейской губернии за 1886–1887 гг. Л. 37–38.
17. ГАКК. Ф. 595. Оп. 60. Д. 123. Дело об испытании парового котла на винокуренном заводе купца В. М. Харченко в Енисейском округе. Л. 1.

Вид на здание Общественного собрания с открытки 1906 г.

акцизного чиновника. Харченковская баня при заводе считалась по Енисейску образцовой по чистоте, по пару и по обслуге парщиком. Её посещали по особому распоряжению хозяина — Василия Михайловича Харченко — енисейские чиновные люди»[18]. Более полное описание владений купца в части Енисейска, именовавшейся Каштак, выглядит так: «Винокуренный №25 завод полукаменный, двухэтажный дом, флигель, баня и прачечная. Три амбара, два каретника, сарай и солодовня»[19]. Стоит отметить, что для распространения своей продукции купец арендовал в разных частях Енисейска два каменных флигеля. Один из них располагался по улице Большой (сегодня улица Ленина) рядом с небольшим деревянным одноэтажным домом, который использовался как питейное заведение. В источнике есть такое описание: «Флигель каменный с подвалами, деревянный дом и амбар двухэтажный с навесом»[20]. Не менее впечатляющее по енисейским меркам домовладение имелось у семейства в районе Нагорно-Береговой улицы (сегодня улица Иоффе): «Деревянный двухэтажный дом, амбар, подвал, кладовая, баня, каретник и каменный пакгауз»[21]. Помимо вышеизложенного, семье принадлежал деревянный одноэтажный дом на Кедровой улице (сегодня улица Кирова). К сожалению, на сегодняшний день, кроме двух каменных флигелей, от домовладений семейства Харченко ничего больше не сохранилось. Сам же Васильевский завод перейдёт к сыну — Михаилу Васильевичу, который покажет его в перечне своих владений за 1910 год. Во время Гражданской войны завод был разрушен[22].

Разумеется, накопление капитала и расширение собственного влияния в высших слоях общества не могли не повлиять на изменение социального статуса Василия Михайловича. Примерно во второй половине 1870-х годов он из мещан записывается во II гильдию енисейского купечества, что, соответственно, позволяет строить свою политическую карьеру и вести торговые дела более масштабно. Однако выше II гильдии ему подняться так и не удалось, так как именно доход определял успешное перемещение купца в гильдейской иерархии. Причём в этом статусе Харченко оставался стабильно всегда. Так, например, в перечне енисейских предпринимателей на страницах Торгово-промышленного календаря за 1897 год он числится золотопромышленником в купечестве II гильдии[23]. Не менее интересен процесс обретения им других почётных статусов, а именно статуса степенного и почётного гражданина, что было немаловажным для дальнейшего успешного предпринимательства, а также политической и общественной деятельности. Как пишет А. Н. Лушин, «следует обратить особое внимание на то, что статус именитых граждан в Российской империи законодательно подкреплялся комплексом льгот и привилегий, которые частично относились к дворянскому благородному сословию. Таким

18. КГБУК. ЕКМ. Оф. 5459. *Яворский А. Л.* Енисейск. Воспоминания. Машинопись. 1958.
19. АГЕ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 38. Книга регистрации домовладений г. Енисейска. 1856–1922 гг. Л. 130.
20. Там же. Л. 157.
21. Там же. Л. 327.
22. *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII — начало XIX вв.). С. 270.
23. Торгово-промышленный календарь на 1897 г. Томск, 1897. С. 657.



Вид на здание Общественного собрания с открытки 1906 г.

образом, государство старалось выделить не просто именитых граждан из городской среды, но и подчеркнуть значимость их трудов, направленных на пользу *Отечеству*»[24]. Василий Михайлович к 1890 году уже имел статус степенного гражданина Енисейска, а в 1897 году он становится потомственным почётным гражданином этого города.

После личной трагедии, связанной со смертью первой жены, и повторной женитьбы в жизнь Василия Михайловича пришло семейное счастье. Во втором браке рождается много детей: Василий, Леонид, Николай, Эмилия, Варвара, Милица, Конкордия, Маргарита, Зоя и Борис. Примечательно, что Борис был рождён не в Енисейске, а в С.-Петербурге[25]. Именно в столице продолжат своё обучение и некоторые дочери Василия Михайловича. Сохранилось его заявление в попечительный совет Александровского императорского института: «*Имею честь сообщить попечительному совету, что я в 1896 г. 3 февраля Всемилостивейше пожалован в кавалеры ордена Святой Анны 3-й степени, 14 января 1897 г. Всемилостивейшее возведён в звание Почётного Гражданина. Покорнейше прошу попечительный совет дочерей моих — воспитанниц института: Маргариту и Зою записать в этом звании*»[26]. То, что как минимум четыре дочери купца обучались в Александровском институте, подчёркивает и прошение Конкордии Николаевны Харченко в совет этого института: «*Желая дочь мою, Конкордию Васильевну Харченко, родившуюся в 1882 г., определить в Санкт-Петербургский Александровский институт на собственное моё иждивение, прошу совет учинить о том зависящее распоряжение на основании прилагаемых документов: метрического свидетельства и свидетельства об оспопрививании. При сём предоставляю полугодовую плату, которая не обращается в счёт пансионских платежей, но оставляется залогом до последнего полугодия перед выпуском девицы и зачисляется лишь за сие полугодие*»[27]. При этом у семьи были все возможности: от оплаты за обучение до помощи проживавших в столице родственников Конкордии Николаевны — Ястржембских. Так, в подписке при поступлении девицы Конкордии в обучение Александровского института в 1893 году в качестве её попечительницы выступила тётя — Варвара Николаевна Ястржембская[28].

Пожалуй, самым ярким достижением Василия Михайловича в глазах его современников явилась постройка в Енисейске на Успенской улице (сегодня улица Рабоче-Крестьянская) здания Общественного Благородного собрания, через год утратившего приставку «Благородное». Попытки объединить разнородное енисейское высшее общество, представленное золотопромышленниками, чиновниками, военными и небольшим процентом интеллигенции, предпринимались и раньше, но такие объединения обычно существовали недолго. Интересно, что идея создания собрания стала

24. *Лушин А. Н.* Именитые и почётные граждане России в XVII — начале XX века: становление и развитие правового статуса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2012. С. 24.
25. *Копыцкая О. В.* Род Харченко // Енисейский родослов. Альманах. Ук. соч. С. 23.
26. ЦГИА. С.-Петербург. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13714. Л. 10.
27. ЦГИА. С.-Петербург. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14668. Л. 2.
28. Там же. Л. 1.

Интерьеры Общественного собрания. Витрина для шампанского на маскарад—базаре в 1892 г. Публикуется впервые

муссироваться в прессе ещё задолго до его очередного провозглашения и строительства специализированного здания: «В последнее время прошли слухи о намерении нашего начальства устроить собрание, но только не знаю какое; мысль, в принципе, пожалуй, и хорошая—собрать наше разрозненное общество, вдохнуть в него новые элементы, но, осматриваясь кругом, невольно рождается вопрос: кто же будет руководителем, вожаком этого дела?»[29],—писал в 1871 году корреспондент «Биржевых ведомостей». Такой человек нашёлся. Им стал Василий Михайлович Харченко. И если ранее первые собрания открывались при частных домах, например, Хейсина или Баркова, то Харченко задумал для него отдельное здание, в котором можно было бы разместить и Енисейский театр, ютившийся на Сенной площади.

По словам А. И. Кытманова, «устав Енисейского Общественного собрания утверждён 15 сентября; члены благородного собрания, помещающегося ещё в доме Хейсина, приглашены для ознакомления с ним и вступления в члены нового Общественного собрания. Вскоре Общественное собрание перешло в новое здание, построенное Харченко»[30]. Важно отметить, что сумма на постройку складывалась из разных источников: была организована подписка, в результате чего удалось собрать сумму 4723 рубля, также с кассы предыдущего собрания поступило порядка 2174 рубля, позаимствовано у купцов Хейсина и Дрямина 3000 рублей, сам Харченко внёс сумму из собственных средств в 10 101 рубль. Всего постройка обошлась енисейцам в 21 342 рубля. Новое собрание открыло свои двери для посетителей в октябре 1880 года. Во главе этого заведения было принято назначать старшин. А. И. Кытманов указывает, что «первыми старшинами Общественного собрания были Харченко, Кытманов, Баторевич, Балакшин, Вицин, Григорьев и Хейсин»[31]. До наших дней сохранился план этого здания, которое своим деревянным корпусом занимало площадь недалеко от Спасо-Преображенского мужского монастыря, вытянувшись с севера на юг. Внутренняя планировка включала в себя множество различных переходов, чтобы посетитель мог без труда попасть из театральной зоны в помещения буфета или танцевального зала. В свою очередь, Енисейский театр обрёл самостоятельную площадку, на которой труппа актёров-любителей давала представления, в основном развлекательного жанра, часть средств из которых шла на благотворительность. Здесь же выступали различные гастролёры. А. Уманьский так характеризовал возможности Енисейского театра: «Для театральных представлений имеется в собрании особая зала со сценой. Конечно, зала эта невелика, но театр сравнительно чистенький и весёлый, хотя и не лишённый недостатков. На высокой сцене зрителям слишком большими кажутся фигуры актёров, слишком громко раздаются их голоса и доносится хриплый шёпот суфлёра»[32]. Однако главной доходной статьёй заведения являлись буфет и комнаты для игры в карты. Для желающих приобщиться к чтению существовала библиотека, для которой журналов и газет выписывалось на двести рублей. Также некоторые современники отмечают наличие бильярда.

Отдельно стоит подчеркнуть, что большой любовью у енисейской публики пользовался маскарад. «Маскарады здесь по своему приличию существенно отличаются от европейских. Это, скорее, семейные вечера, потому что все посетители знакомы если не лично, то понаслышке и легко узнают друг друга под масками»[33],—писал А. Уманьский. «К истории наших маскарадов я должен сказать, что происхождение их недавнее, и они велись благодаря буфетчику из ссыльных—господину Пулло»[34],—можно прочесть в газете «Сибирь».

29. «Биржевые ведомости» // 1871.
30. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Ук. соч. С. 548.
31. Там же. С. 548.
32. *Уманьский А.* Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. Ук. соч. С. 25.
33. Там же. С. 25.
34. «Сибирь» // №23, 1881.

Любопытно, но данное заведение попало и на страницы книги С. Я. Елпатьевского «Очерки Сибири», где Енисейск предстаёт в образе некоего Тайгинска. В одной из глав произведения, под названием «Маскарад в Тайгинске», Сергей Яковлевич пишет следующее: «Маскарад удался как нельзя больше. Продано 700 входных билетов — огромная сумма для маленького Тайгинска. Тут, впрочем, не один город — в маскараде собрались чуть не все золотопромышленники, их управляющие, служащие. Они задают тон, они — цари вечера. <…> Разнохарактерная гудящая толпа наполнила танцевальную залу и гостиную клуба и ложи, партер и сцену театра, помещающегося в том же здании. Острое заражающее веселье чувствуется в смеющихся, возбуждённых лицах, в оригинальных костюмах. Вот двенадцать птичек с длинными картонными носами, в балахонах, обсыпанных перьями и развевающихся, как крылья, словно пугливая птичья стая, с птичьим криком и шумом врываются в залу, расталкивая толпу и спасаясь от преследования тунгуса, натягивающего стрелу на тугой тетиве тунгусского лука»[35]. Таким увидел и художественно переосмыслил енисейский маскарад человек, которого судьба свела на пару лет с этим городом.

Впрочем, случались в Общественном собрании выступления, масштабность которых не сразу была осознана тогдашней публикой. В 1891 году в стенах собрания дала два своих концерта Ольга Дюбуан, прозванная современниками «кругосветной пианисткой». Действительно, ей рукоплескали залы Германии, Франции, Италии, Греции, ей покорился Египет, она побывала на Цейлоне и в Австралии. И вот, гастролируя по Сибири, Дюбуан оказывается в Енисейске. Как встретил известную пианистку Енисейск, и как к её талантам отнеслась здешняя публика? На этот вопрос проливает свет любопытная заметка в газете «Сибирский листок»: «Несколько дней тому назад разнёсся слух, что в Енисейск прибудет знаменитая своим кругосветным путешествием пианистка госпожа Ольга Дюбуан, приглашения оказать ей содействие прибыли из разных мест. Не знаю, впрочем, была ли у неё рекомендация от султана или от персидского шаха, но должно было быть нечто вроде этого, так как рвение относительно раздачи билетов было изумительное: что называется, „честью просили“. Я не позволю себе сказать, чтобы госпожа Дюбуан дурно играла, нет, это было бы несправедливо, но справедливость требует также сказать, что она обладает талантом весьма умеренным. Выходя из театра, один весьма почтенный енисеец захотел узнать моё мнение об её игре и, услышав не особенно высокий отзыв, сказал: „Всё-таки приятно играет“»[36], —так не без иронии писал корреспондент «Сибирского листка».

Нужно сказать, что детищу Василия Михайловича Харченко часто доставалось от сибирской прессы. Например, спустя два года после открытия на страницах «Сибирской газеты» появилась заметка, в которой автор, оставшийся неизвестным, отмечал: «Енисейское Общественное собрание, как нам сообщают, начинает разлагаться; члены и публика оставляют его, и только маскарады поддерживают его *существование*»[37]. Данной заметке вторит ещё одна, похожего критического содержания: «Здешнее Общественное собрание превратилось в игорный дом: картёжные игры в так называемый „ландскнехт“ идут без перерыва. Состояния игроков то и дело переходят из рук в руки. Заправилы собрания на такие недоразумения, как и на саму игру, смотрят сквозь пальцы, потому что это даёт громадный доход собранию, выручающему ежемесячно за тысячу рублей»[38]. Финансовые дела у собрания шил по-разному. В 1884 году городская Дума решила обложить буфет собрания акцизом, приравняв его, таким образом, к харчевням. Вицин, Дрямин и другие члены собрания активно возражали, по словам А. И. Кытманова, «доказывая, что оно не харчевня, а общественное учреждение, которому Дума должна покровительствовать»[39]. Иногда его руководство прибегало к сдаче сцены театра разным заезжим антрепренёрам. В «Справочном листке» за 1901 год встречается такая информация: «Из Енисейска сообщают, что тамошнее Общественное собрание решило отдать свой театр С. А. Ярославцеву, который решил продолжать антрепризу на будущий год, обновив и дополнив состав труппы в течение предстоящего лета»[40]. Отметим также, что и супруга Василия Михайловича, Конкордия Николаевна, принимала участие в театральной жизни. Например, её имя можно было прочесть среди других исполнителей на афише, извещавшей о постановке пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба».

Так и продолжало служить городу построенное купцом Харченко Общественное собрание, пока не погибло в пожаре 1911 года. Енисейский общественный деятель М. П. Миндаровский, на протяжении двенадцати лет бывший членом собрания, вспоминал: «В первый день праздника Рождества Христова город постигло крупное несчастье. Сгорело громадное деревянное здание театра и Общественного собрания — краса и

35. *Елпатьевский С. Я.* Очерки Сибири. Москва, 1893. С. 84.
36. «Сибирский листок» // №17, 1891.
37. «Сибирская газета» // №2, 1882.
38. «Сибирские губернские ведомости» // №13, 1886.
39. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Ук. соч. С. 590.
40. «Справочный листок» // №6, 1901.

Михаил Васильевич Харченко

гордость нашего города»[41]. По некоторым данным, причиной пожара явилась неосторожность обслуживающего персонала. Так прекратило своё существование одно из интереснейших зданий Енисейска, которое на протяжении тридцати лет служило очагом культуры в городе. Енисейск и его общество потеряло красивый пример деревянного зодчества, некогда выстроенный стараниями золотопромышленника Харченко. Тот же Миндаровский о днях, проведённых в этом заведении, сказал: «И так скажу в заключение, что приятные годы своей молодой жизни для меня и моей покойной жены тесно связаны с теми отрадными вечерами, в которые мы бывали в стенах сгоревшего театра-собрания»[42].

Возвращаясь к личности Василия Михайловича, нельзя не сказать о нём как о политическом и общественном деятеле. Впервые в списках гласных городской Думы он упоминается за 1880 год. Позднее, в 1891 году, во время проезда через Красноярск наследника престола цесаревича Николая, Харченко совместно с купцами Кытмановым, Бородкиным, являвшимся тогда городским головой, и Грязновым представлял депутацию из Енисейска. В 1895 году Василий Михайлович снова баллотировался в гласные, однако на этот раз часть думских представителей высказалась против его кандидатуры. Дало о себе знать участие в «винных войнах», а также в стачке, устроенной винозаводчиками. Впоследствии «отцы города» одумались, но теперь уже отказался сам Харченко. Ещё раз думцы отомстили ему за стачку, когда он вышел с предложением о постройке небольшого летнего помещения на берегу Енисея, что предполагало занятие городской земли. Как пишет М. П. Миндаровский, «постройка на летнее время особого помещения вызывалась тем, что обычно в это время вся жизнь горожан сосредотачивалась на берегу, где всех и каждого прельщали красивая панорама реки, пароходная пристань и бульвар как место гуляния»[43]. Старейшие гласные Енисейска при голосовании не позволили осуществить задуманную постройку. В итоге в политической жизни города зародилось некое противостояние между «думской партией» и представителями Общественного собрания.

Тем не менее в 1898 году Василий Михайлович избирается гласным в местную Думу. На этом посту ему ежедневно приходилось решать вопросы, связанные с дальнейшим развитием города: от проблем городского обустройства до обеспечения всех нуждающихся после очередных разливов Енисея. Возвращаясь немного назад, стоит сказать, что весной 1888 года он и его семья едва сами не стали такими нуждающимися. Тогда поднявшаяся вода затопила район Каштака. Обитателей этого района Енисейска пришлось спасать при помощи парохода. По сообщениям корреспондента «Сибирской газеты», «пароход Сибирякова должен был выйти из Енисейска, но по просьбе исправника пробыл ещё сутки и ходил на так называемый Каштак и винокуренный завод господина Харченко спасать затопленных. Пароход совершенно свободно подошёл к самому крыльцу дома Харченко»[44]. Интересно отметить, что эта Дума считалась наиболее либеральной по своим взглядам за всю историю существования данного органа в Енисейске. Городским головой продолжал оставаться известный общественный деятель С. В. Востротин, избранный ещё в 1894 году. Однако в 1899-м Степан Васильевич отказался от второго срока (голову выбирали на четырёхлетие), поэтому последовавшими перевыборами должность перешла к Харченко. Встав во главе города, Василий Михайлович постарался воплотить в жизнь свои замыслы по обустройству города. Параллельно он нёс на себе и общественную нагрузку, ещё в 1889 году являясь почётным блюстителем начального училища в селе Казачинское[45]. Также с 1893

41. *Миндаровский М. П.* Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского, 1891–1935 гг. Красноярск, 2019. С. 216.
42. Там же. С. 218.
43. Там же. С. 64.
44. «Сибирская газета» // № 41, 1888.
45. Памятная книжка Енисейской губернии на 1889 г. Красноярск. С. 50.

Вид на здание Енисейской женской гимназии с открытки 1906 г.

по 1894 год он исполняет обязанности церковного старосты енисейского Успенского храма, прихожанином которого состоял[46]. Подчеркнём, что данная должность являлась общественной, не предполагавшей какой-либо оплаты. По окончании срока службы он, в числе нескольких енисейцев, был пожалован золотой медалью «За усердие». Но и здесь, уже в третий раз, всплыло дело о стачке виноторговцев. Из документов Общего Енисейского управления следует, что «Василий Михайлович Харченко по решению Правительствующего Сената, изложенному в указе Енисейского губернского суда от 24 марта 1894 г., за стачку с прочими виноторговцами принуждён был к аресту при тюрьме на один месяц и три недели»[47]. Кстати, от этого наказания распоряжением того же губернского суда он был освобождён. Иными словами, в отличие от своего коллеги — купца Т. С. Востротина, также служившего старостой кладбищенской Крестовоздвиженской церкви и тоже награждённого золотой медалью, Харченко своей награды не получил. Немаловажным было и его участие в деле развития Енисейского общественного местного музея в качестве дарителя. По крайне мере, в первом полном отчёте музея он и его сын Михаил присутствуют в списках жертвователей предметами[48].

Отдельно стоит поведать о проектах, которые Харченко предлагал с целью экономического развития края. Купец достаточно критически относился к проекту Обь-Енисейского водного канала, взамен предложив конно-железную дорогу, которая соединила бы Енисейск с пристанью Полуустной, находящейся на Чулыме. Именно эту реку Василий Михайлович рассматривал как будущую важную артерию, способную вернуть округу былую торговую славу. В состав экспедиции, собранной на его средства, был приглашён местный метеоролог, ссыльный М. О. Маркс, который сделал съёмку пути и нанёс картографические указатели. По его расчётам, конно-железная дорога получила протяжённость в сто шестьдесят одну версту. Харченко, в свою очередь, определил стоимость строительства в две четверти миллиона рублей. И, как писал А. И. Кытманов, «Дума приняла проект Харченко сочувственно и считала, что дорога эта будет полезнее канала, соединяющего мелководные речки»[49]. У проекта нашёлся конкурент в лице купца А. С. Баландина, не меньше Харченко мечтавшего о железной дороге. Однако если предложение Василия Михайловича было расценено как интересное, то замысел Алексея Сафроновича был встречен прохладно. «Упомянутый проект железной дороги А. С. Баландина был для нас, енисейцев, совершенной новинкою, о

46. *Глухова В. К., протоиерей Фаст Г.* Енисейск православный. Исторический очерк. Красноярск, 2018. С. 120.
47. АГЕ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5085. Дело Енисейского Общего Губернского управления по отношению Главного морского штаба о предоставлении сведений о енисейских купцах: Лалетине, Харченко, Востротине, Кытманове на предмет представления их к награждению. Л. 43.
48. Отчёт Енисейского общественного местного музея 1883–1908 гг. Красноярск, 1909. С. 12.
49. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Ук. соч. С. 565.

В. М. Харченко (средний ряд второй слева) на съезде золотопромышленников. Публикуется впервые. Фото кон. 1890-х гг.

котором автор проекта не считал нужным и сообщить нам, своим землякам; поэтому можно думать, что этот запоздалый проект явился в фантазии господина Баландина скорее под впечатлением петербургской жизни, чем местной»[50],—писал корреспондент «Восточного обозрения». Из источников, правда, неясно, в чём, собственно, заключалось предложение Баландина, но, к сожалению, оба проекта остались невоплощёнными. Спустя годы М. П. Миндаровский опубликует брошюру «Томск-Енисейская дорога и Севморпуть как мера к экономическому развитию края», в которой ещё раз затронет тему предложения Харченко, одобренного Думой, в то же время, по словам самого автора, «оказавшегося запоздалой мерой»[51].

Тем временем в Енисейске приступили к постройке нового здания женской гимназии на территории, пожертвованной купцом Кобычевым. «Со вступлением Харченко происходит как бы некоторый перелом в направлении работ по городскому самоуправлению. И это весьма естественно. Востротин и Харченко—величины диаметрально противоположные друг другу и по образованию, и по направлению»[52],—подчёркивал М. П. Миндаровский. В отношении постройки нового здания для женской гимназии не всё обстояло гладко: пожертвованной Кобычевым территории не хватало, чтобы разместить проект, созданный Н. Л. Бенуа. Тогда Харченко предложил ещё два варианта в разных участках города, однако Дума сошлась на том, что неудобно отказывать жертвователю, поэтому здание выстроили там, где оно стоит теперь,—на пересечении переулка Мельничного и улицы Кедровой (улицы Горького и Кирова сегодня). Стоит добавить также, что возведение здания гимназии затянулось надолго и было завершено только после смерти Василия Михайловича усилиями его супруги и других енисейских общественников.

В начале 1900-х годов Василий Михайлович уже почти не уделял внимания золотопромышленности—числившиеся за ним прииски приносили всё меньше дохода. И только Конкордиевское месторождение продолжало действовать и приносить определённый доход. Судя по ведомости выдачи продуктов питания и одежды на этот прииск, в сезон летних операций там трудилось сто девяносто восемь человек[53]. Харченко исправно посещает съезды золотопромышленников и избирается

50. «Восточное обозрение» // №32, 1883.

51. *Миндаровский М. П.* Томск-Енисейская дорога и Севморпуть как мера к экономическому развитию края. Очерк. Енисейск, типография горсовета, 1929. С. 8.

52. *Миндаровский М. П.* Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского, 1891–1935 гг. Ук. соч. С. 115.

53. ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4574. Ведомость о выдаче продуктов питания и одежды рабочим Конкордиевского прииска купца В. М. Харченко за июль 1897 г. Л. 1–6.

Маргарита Васильевна Харченко

Милица Васильевна Харченко

в члены местного Раскладочного присутствия бюро золотопромышленников[54]. Кроме того, в отчётах съездов отмечено, что им сданы средства на содержание приисковых дорог и почты[55]. Единственным ещё приносящим хоть какой-то доход оставался Васильевский винокуренный завод. Причём, как упоминалось выше, удалось наладить сбыт не только в самом Енисейске, но и в округе (уезде). Например, в 1880-х и в 1890-х годах активно действовал склад вина и спирта в селе *Казачинском*[56]. Будучи одним из ведущих производителей алкогольной продукции региона, Харченко часто вёл переписку с другими винозаводчиками. В частности, до нас дошла телеграмма от 18 апреля 1899 года, которую купец отправлял Г. В. Юдину накануне Пасхи. Вот её содержание: *«Христос Воскресе! Геннадий Васильевич! С высокоторжественным праздником Светлого Христова Воскресения искренне поздравляю Вас и желаю Вам провести его в добром здравии, радости и в полном благополучии»*[57]. Сохранилось также его письмо с просьбой помочь решить вопрос при грядущем заседании по винному делу, которое должно было состояться в Красноярске.

Но любая жизнь, насколько бы она ни была импульсивна и деятельна, рано или поздно подходит к концу. Енисейского II гильдии купца Василия Михайловича Харченко не стало в ночь на 14 ноября 1902 года в возрасте пятидесяти восьми лет. Ещё летом этого года он успел сделать пристройку к зданию Александровского дома призрения бедных детей. Усадьба, в которой размещалось это учреждение по Спасской улице (сегодня переулок Тамарова), получила дополнительную территорию, купчая была оформлена на имя города. Это был последний, как оказалось, жест на благо города со стороны Харченко. «Василий Михайлович не обладал солидными капиталами, но умел давать тон и умел поставить себя в обществе людей, себе подобных, на такой уровень, что с ним считались, и его побаивались

54. Протоколы заседаний пятого очередного съезда золотопромышленников Северо-Енисейского горного округа. Енисейск, 1901–1902. С. 20–21.
55. Протоколы заседаний пятого очередного съезда золотопромышленников Северо-Енисейского горного округа. Енисейск, 1898–1899. С. 25.
56. ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4577. Ведомость о приходе и расходе денежных сумм, вина и спирта по казачинскому складу купца Харченко за январь 1899 г. и за октябрь-декабрь 1890 г.
57. ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4765. Письма и телеграмма В. М. Харченко Г. В. Юдину. Л. 1–4.

такие тузы, которые располагали сотнями тысяч и чуть ли не миллионами»[58],—скажет в своих воспоминаниях М. П. Миндаровский. Этот человек пользовался уважением у всех слоёв населения, поэтому в прощальной процессии от Каштака до Крестовоздвиженского кладбища шла тысячная толпа, невзирая на ноябрьский мороз. Купец был отпет в Успенской церкви, прихожанином которой являлся, и похоронен на енисейском Крестовоздвиженском кладбище[59]. На сегодняшний день захоронение утрачено.

После смерти мужа Конкордия Николаевна продолжила его дело. Не без её участия спустя десять лет удалось достроить новое здание для женской гимназии, почётной попечительницей она являлась с 1890 года. В этом статусе, например, она отмечена в списке устроителей лотереи-аллегри в пользу учащихся 28 декабря 1904 года, а также среди членов комитета для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам. В этом комитете она состояла примерно с 1896 года. К тому времени и старшие дети занимались общественными делами: например, Михаил и Конкордия входили в Общество пособия бедным Енисейска. К тому же Михаил Васильевич вступил в права владения Васильевским винокуренным заводом, а Конкордия вышла замуж за В. В. Востротина, объединив, таким образом, два крупных купеческих клана. Младшим же ещё предстояло дать образование. Изыскания современных авторов позволяют пролить свет на судьбы некоторых детей Василия Михайловича. Так, О. В. Копыцкая сообщает, что Маргарита Васильевна (первая дочь во втором браке) родилась в Енисейске, получила образование в Александровском институте С.-Петербурга, по окончании обучения преподавала немецкий и французские языки, вышла замуж за юриста Д. И. Нарциссова, проживала в Красноярске, затем в Новониколаевске. Зоя Васильевна после окончания института преподавала в Енисейске французский язык в женской и мужской гимназии[60]. Милица Харченко стала преподавателем Иверской школы Енисейска. Двое сыновей купца, Леонид и Борис, были репрессированы советской властью (расстреляны) в 1937 г.[61] Сама Конкордия Николаевна переживёт своего супруга на семнадцать лет и уйдёт из жизни также в возрасте пятидесяти восьми лет 9 ноября 1919 года. Она погребена на том же Крестовоздвиженском кладбище, захоронение не сохранилось.

Потомственный почётный гражданин города Енисейска Василий Михайлович Харченко, как и в целом всё семейство, оставил заметный след в истории города. Выйдя из рядов переселенцев, он смог подняться по иерархической лестнице путём долгого и усердного труда, а также купеческой прозорливости. Разумеется, он был человеком, и всё человеческое ему не было чуждым, особенно если учесть, что торг вином редко украшает в положительном плане купеческую биографию. Тем не менее это была одна из экономических ниш города, которую Василий Михайлович поспешил занять. В то же время, не будучи старожилом Енисейска, Харченко много для него сделал, занимая разные должности в его управлении. И город и его жители ответили благодарной взаимностью своему благодетелю. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что, некогда переехав в Енисейск, Василий Михайлович обрёл свою счастливую звезду.

58. *Миндаровский М. П.* Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского, 1891–1935 гг. Ук. соч. С. 146.

59. Енисейский некрополь. 1867–1920 гг. Редакторы-составители: Глухова В. К., Пирогова Н. В. Енисейск, 2020. С. 244.

60. *Копыцкая О. В.* Харченко: семья, дети и новые находки // Енисейский родослов. Альманах. Выпуск №11. Енисейск, 2019. С. 6–9.

61. *Аксёнова А. В., Гонина Н. В., Дворецкая А. П., Терскова А. А.* Мир культуры города Енисейска второй половины XIX—начала XX вв. Словарь современных характеристик, понятий, персоналий. Ук. соч. С. 444.

Михаил Смирнов

Операция «Орлан»

Александровский централ

История одного побега

Иркутская губерния, село Александровское, Александровская центральная каторжная тюрьма (в просторечии Александровский централ[1])…

Июль 1913 года. Лето выдалось тёплым и солнечным. В кабинете начальника тюрьмы полковника Гусарова было очень душно. Только что он переговорил по телефону с военным генерал-губернатором Князевым. Высокий губернский чиновник попросил выделить на два месяца для работ на Усольский солеваренный завод два десятка арестантов. Гусаров знал, что этот завод принадлежал родственнику губернатора. Полковник согласился, хотя по циркуляру номер тридцать три Главного тюремного управления Российской империи только тюремное ведомство имело право давать распоряжения на работы арестантов. Но как он, Гусаров, мог отказать Князеву?! Ведь приближался срок получения серебряной медали «За беспорочную службу в тюремной страже». Также, зная, как относится к своеволию губернаторов педантичный столичный Петербург, докладывать своему тюремному начальству полковник не решился…

Раздумывая, хозяин кабинета по привычке пальцами потормошил свои богатые чёрные кучерявые волосы. «Как хорошо год шёл в заведении, и вот принесло…»

Недавно с Нерчинской тюрьмы в Забайкалье сбежало полторы дюжины каторжан. И сбежали они с не санкционированных Главным тюремным управлением хозяйственных работ. Начальник Главного тюремного управления России лютовал, разжаловал и выгнал без пенсии начальника Нерчинской тюрьмы.

Гусаров хмуро подумал: «Авось меня пронесёт…»

Выпив стопку водки, тюремный полковник вызвал своего помощника майора Мясновича и дал указание на отправку арестантов в находившееся в семи верстах село Усолье (в 1925 году получило статус города, в 1940 году переименовано в Усолье-Сибирское).

— Ваше высокородие, господин полковник, разрешите старшим колонны назначить старшего надзирателя Кукуева?

— Разрешаю,— изрёк начальник тюрьмы.— Пусть возьмёт с собой троих младших надзирателей. Да, и в эту группу не бери политических осуждённых, ещё начнут заводских будоражить.

— Слушаюсь, ваше высокородие…

Укатанная телегами, ухабистая, извилистая пыльная дорога вдоль скальных отлогов, поросших в основном хвойными деревьями. Небольшая арестантская колонна в серой одежде двигалась медленно. Кроме пыли, люто досаждали комары и особенно огромные агрессивные слепни. Колонну охраняли четверо надзирателей в чёрной форменной одежде. На поясном ремне служивых находился наган в чёрной кобуре, сбоку плеть. Старший надзиратель, уже в возрасте, усатый, худой и длинный, как жердь, мужчина, замыкал шествие. Спереди и по бокам колонны шли младшие, более молодые по возрасту надзиратели.

Кто-то один из арестантов тянул старинную каторжанскую песню:

Далеко в стране иркутской,
Между скал и крутых гор,
Обнесён стеной высокой
Чисто выметенный двор…

Некоторые сотоварищи нестройно подпевали:

…Это, парень, дом казённый —
Александровский централ…[2]

1. Александровская центральная каторжная и пересыльная тюрьма. Учреждена в 1873 году в селе Александровском, что в 76 километрах к северо-западу от Иркутска, на территории Александровского винокуренного завода, основанного в XVIII веке. В царские и советские времена через тюрьму прошли десятки тысяч уголовных и политических заключённых. В 1956 году в бывшем Александровском централе была организована Иркутская психиатрическая больница №2. В 2016 году содержание пациентов было признано деятелями российского правозащитного движения антигуманным. Больница была закрыта. Полуразрушенные постройки сохранились до сих пор и отнесены к историко-архитектурным памятникам федерального значения.
2. Данная песня являлась неофициальным гимном Александровского централа, слова и мотив народные.

Контора солеваренного завода, село Усолье

Село Усолье, солеваренный завод

Огромная металлическая сковорода (или чан) наполнена рассолом, под ней бушует огонь. Двое полураздетых мужчин подбрасывают в печь дрова. Шипя и дымя, вода испаряется, соль остаётся в низу чана. В воздухе витают умопомрачительные, непередаваемые запахи.

Невдалеке двое мужчин белую соль уже паковали в мешки. Другая пара сносила мешки в соляной амбар. Вдали стояла трёхэтажная рассолоподъёмная башня. Под ней трубы уходили на ставосьмидесятиметровую глубину. Лошади с завязанными глазами вращали шкивы, медный цилиндр поднимался-опускался по одной трубе, выдавливая по второй рассол наружу.

Метрах в ста виднелась водная голубая гладь реки Ангара. На реке стояли две баржи. На одну из них группа мужчин на спинах носили мешки с солью. На берегу в теньке расположились двое надзирателей и мужчина в кафтане. Они выпивали и закусывали, вели разговоры.

— Надо присмотреть на ночь бабец,— изрекает один надзиратель.

— Надо бы,— соглашается второй.

— Есть тут у нас вдовушки,— смеётся мужчина в кафтане…

Заброшенный склад солеваренного завода

Ночь.

Всё небо усыпано звёздами, большими и малыми, едва видимыми и невидимыми вовсе…

В дырявом бараке на соломе спят два десятка мужчин. После изнурительной работы кто-то спит беззвучно, кто-то храпит, а кто-то и мычит, издаёт странные звуки.

В одном из углов не спят двое мужчин. Они ведут тихий разговор.

— Ваньша, надо уходить по реке,— говорит мужчина с полностью лысой головой.— Я видел, у берега стоят лодки с вёслами. До Иркутска всего пятьдесят вёрст, а там свобода,— довольно улыбаясь, обнажает свой беззубый рот.

— Против течения за ночь не успеем пройти,— изрекает бородатый собеседник.

— По берегам почти сплошной лес, заночуем. Рванём сейчас? Надзиратели пьют да гуляют.

— Ярослав, не спеши. Надо всё обдумать, попробовать запастись провизией, спичками, ножом. Давай рванём следующей ночью?

— Давай…

Заброшенный склад солеваренного завода

Ночь. Всё небо усыпано миллионами, если не миллиардами, звёзд…

Из барака осторожно, слегка согнувшись, выходят двое мужчин. Оглядываясь по сторонам, они тихо пробираются к Ангаре, где на приколе у берега стоит с десяток лодок. Кругом тишина. Кажется, что и река спит, не видно ни волн, ни лёгких водных волнений, да и течения вовсе не ощущается.

Подойдя к берегу, один из мужчин отвязывает верёвку одной лодки. Вот лодка с двумя мужчинами уже тихо отходит от берега. Мужчины стали активно работать вёслами, лодка разворачивается и направляется вверх по течению…

Через некоторое время дно лодки оказалось заполненным водой.

— Маху мы дали, Ваньша,— изрёк мужчина с полностью лысой головой.— Лодку взяли дырявую.

— Дали,— соглашается напарник, ругается.— Смотри, Ярослав, справа в Ангару впадает какая-то река, видимо, Китой. На солеварне местные про неё говорили, что она в горах начинается, река рыбная. Давай причалим и пойдём по её берегу, может, ещё лодку найдём.

— Давай. А с этой лодкой что?

— Возьмём вёсла на всякий случай, а лодку пустим по реке. Она скоро затонет.

— Годится. Только перед прогулкой давай похаваем, что-то есть я захотел сильно.

Во время трапезы Ярослав изрёк:

— Я что подумал, Ваньша. В Иркутске сейчас установят кругом засады на нас. Может, нам по Китою в горы махнуть? И отсидеться там месяц, пока тепло, да и шухер по нам пройдёт. В тайге да на реке с голоду точно не помрём. Ну а потом уж и дальше пойдём.

— А что? Дело говоришь…

Село Усолье, заводоуправление солеваренного завода

Только что старший надзиратель Кукуев доложил по телефону начальнику Александровского централа полковнику Гусарову о бегстве двух заключённых.

Начальник тюрьмы спросонья смачно выругался и грозно спросил:

— Когда сбежали?

Кукуев посмотрел на висевшие на стене ходики. Они показывали восемь тридцать.

— Так ночью и сбежали, точное время не скажу. Лодка одна пропала.

— Куда сбежали? — ещё толком не проснувшись, спросил полковник.

— Так это… неизвестно…

Начальник тюрьмы снова смачно выругался, хмуро подумал: «Будет теперь мне серебряная медаль», — и выкрикнул:

— Найти и наказать плетьми или шпицрутенами!

— Так это… как найти?

На три-четыре секунды полковник задумался. Затем отдал команду:

— Кукуев, сообщи местному полицмейстеру, и организуйте поиск беглецов. Пусть поднимут на поиск всех: уездную полицейскую стражу, казаков, старост ближайших поселений. Ты со своими надзирателями. Мне докладывать каждые три часа. Всё.

Снова хмуро задумался. Ведь о побеге следовало сообщить в Иркутск. А ой как не хотелось…

Река Ангара

По берегу медленно шли двое тюремных надзирателей в чёрной форме. В руке одного была палка, он ею разгребал попадавшийся по ходу движения мусор.

— А кто хоть эти беглецы были? — спросил мужчина, идущий впереди.

— Оба матёрые, с большими сроками, — ответил второй, с палкой в руке. — Один — убийца-душегуб, порезал ножом двоих. Второй — закоренелый бандит и вор, грабил лавки да магазины.

— Да, — изрёк первый надзиратель. — Эти утекут, ищи-свищи.

— Утопли они. Промашка получилась у них, лодку не ту взяли.

— Может, и утонули…

Выше по берегу следовала на конях пара полицейских всадников. Это была привлечённая к поискам местная конная уездная полицейская стража.

— Им веселее, чем нам, — кивая на всадников, изрёк мужчина, идущий впереди.

— Точно, — согласился второй и заунывно затянул:

> На переднем на фасаде
> Большая вывеска висит.
> А на ней орёл двуглавый
> Позолоченный блестит…

— А ну прекратить петь арестантские песни! — крикнул один из всадников. — Или плети захотел… (далее следовала ненормативная лексика).

Река Китой

Светает.

По извилистой и каменистой по берегам реке крадучись движется небольшая лодка. Двое мужчин, её пассажиры, выбиваясь из сил, усердно работают вёслами. Плыть против течения нелегко. Впереди сквозь предрассветный туман показались смутные горные очертания.

Мужчины продолжают упорно работать вёслами.

Вот впереди справа на берегу показались контуры поселения.

— Ваньша, я больше не могу, — тяжело изрекает один из гребцов. — Давай пристанем, найдём в деревне заброшенный амбар с сеном да хоть выспимся толком.

— Дело говоришь, Ярослав…

Недалеко от берега стоит небольшой амбар. Внутри на пожухшей, пожелтевшей соломе лежат двое мужчин в серой одежде. Они безмятежно спят.

Скрипнула дверь и широко распахнулась. Показался бородатый мужчина в длинном синем зипуне. Внезапно возле него оказались двое мужчин в сером. В руке одного был нож.

— Здоров, дядя, — изрёк один из парочки.

— Не боись, мужик, не будем мы тебя резать, — выдавил второй. — Лучше скажи, что это за деревня.

— Так это Раздолье, — определённо испугавшись, с акцентом вымолвил вошедший мужчина. — Не убивайте, у меня семья, дети, — перекрестился.

— Как-то говоришь ты коряво, — бросил первый из парочки. — Кто ты? Инородец какой?

— Белорус я, Ульян, и в деревне все пять дворов белорусских, — ответил вошедший мужчина. — Переселенцы мы, православные, — перекрестился. — Польские паны житься не дали, вот и сбегли мы в эти сибирские края. А вы беглые?

> Александровский централ —
> Это, парень, дом казённый… —

с хрипотцой пропел один из парочки.

— Скажи вот что, паря Ульян,—изрёк второй.— Полиции нет в деревне?
— Нет. У меня в родне тоже есть сидельцы. Двоюродный брат в Елецкой тюрьме.
Парочка ухмыляется и переглядывается.
— Значит, не сдашь нас?—спрашивает второй из парочки.—А не то гляди, мы тебе в дом красного петуха запустим.
Ульян отрицательно машет головой, жалобно изрекает:
— Не сдам. Не убивайте…
— Не боись, мужик, не убьём. Не убийцы мы, а воры,—весело выдавил первый из парочки.— Нам идти надо,—махнул рукой в сторону гор,—а жорева нет у нас. Принеси картошки, шмат сала, хлеба. Ну?
— Принесу-принесу…

Предгорья Восточных Саян

Двое мужчин в серой одежде шли по берегу реки. На плече идущего первым находился наполовину наполненный мешок, у второго в руке был небольшой пакет. Справа от тропинки поднимались поросшие хвойными деревьями небольшие пригорки, дальше—острые серые горные пики.
— Фу!—громко изрёк несущий на плече мешок мужчина.—Мы долго ещё будем тащиться?
— Надо найти пристанище, где можно будет пересидеть, укрыться от солнца и дождя,—всматриваясь в горный грунт, изрёк второй мужчина.— Какую-нибудь расщелину, лучше пещеру.
Мужчины продолжили движение.
Вот идущим вторым мужчина сошёл с тропинки и полез на один пригорок.
— Ваньша, дуй сюда,—крикнул он вскоре.—Я, кажется, нашёл пригодную пещеру…

Сначала один, а затем и второй мужчина в серой одежде вошли в пещеру. Сквозь проём она неплохо освещалась. Почти квадратная, метра три на три и высотой порядка двух метров. Коричневые почти вертикальные стены местами выступали вперёд, местами образовывали щели. Выступы кое-где осыпались, с потолка местами спускались окаменевшие древние водоросли. Неровный, усыпанный галькой и камнями пол.
Мужчины какое-то время рассматривали природное творение.
— О! Да здесь можно жить и жить и не тужить!— весело бросил один из мужчин.
— Точно, Ваньша,—изрёк второй.—Давай всё оборудуем—место для спанья, уголок для костра…
— Наварим картопли да устроим обжираловку,— весело вставил товарищ.
— Но до обжираловки надо заделать вход в пещеру от непрошеных гостей…

Деревня Раздолье

У плетня, огораживающего деревянный дом от улицы, остановились три всадника в типичной казачьей форме, с нагайками в руках, шашками на боку и винтовками за спиной.
— Хозяин!—зычно гаркнул один из служивых.
Из собачьей будки выходит чёрная овчарка и начинает зычно лаять. Казаки матерятся. Один из них снимает с плеча винтовку.
В это время из дверей крыльца выходит бородатый мужчина в длинном синем зипуне. Быстро оценив обстановку, он загоняет пса в будку.
— Здравия желаю, господа казаки,—трусцой подходя к плетню, улыбаясь, вымолвил мужчина в зипуне.
— Как кличут тебя?—спросил усатый, самый грузный из казаков.
— Ульяном, а фамилия Климович, господин казак.
— Есаул я!—крикнул усатый всадник.—Аль не видишь знаков? Или не хочешь видеть?— замахнулся плёткой.
— Плохо у меня со зрением, господин есаул,—промямлил Климович.—Извиняйте…
— Ладно,—отрезал есаул, убирая плётку.—Беглых арестантов эти дни не видел, Ульян?
— Сколько живу здесь, а живу, поди, семь лет, не видывал никаких беглецов.
— Сам, Ульян, станешь арестантом, если совръёшь,— грубо бросает другой казак.
Ульян крестится, что-то жалобно бубнит.
Есаул недовольно сплюнул. Повернул голову в сторону гор.
— Скажи, Ульян, там дороги или поселения имеются?
— В горах ничего нет, только горы.
Есаул снова сплюнул и ругнулся.
— Поворачиваем назад,—недовольно бросил казакам…

Село Александровское,
центральная каторжная тюрьма

В кабинете начальника тюрьмы полковника Гусарова находился срочно прибывший из Иркутска губернский тюремный инспектор в звании майора и по фамилии Карп. Грузному майору в плохо подобранном парике было на вид под пятьдесят лет. Он определённо страдал одышкой и наверняка ещё приличным набором разных других болячек. Майор родился в Бессарабии, сделал быструю карьеру по полицейской линии. Но бурная интрижка с женой высокого вельможи привела его в Восточную Сибирь. Вот уже тридцать лет он трудился в тюремном ведомстве. Как оказалось, ведомстве «хлебном» и по-своему привлекательном.
— …Вы нарушили «Устав о содержащихся под стражею»,—монотонно-привычно излагал инспектор с кислым выражением лица.—Вы нарушили

основополагающие нормы циркуляра номер тридцать три. Вы нарушили Высочайше утверждённое «Положение об Александровской пересыльной тюрьме». В результате посланные вами на солеварни осуждённые устроили побег…

Удручённо слушая инспектора и раздумывая о своей дальнейшей судьбе, хозяин кабинета по привычке пальцами потормошил свои богатые чёрные кучерявые волосы.

— Сгинули беглецы,— выждав момент, вставил полковник.— Мы же лодку, на которой они ушли из Усолья, нашли утопленную. Поскольку их никто и нигде не видел, значит, и они утопли.

— Но достоверно это не установлено.

— Это дело времени. Трупы их через три-пять дней точно всплывут…

Постучав в дверь, в кабинет вошла с подносом в руках молодая полная женщина в ярком сарафане. Широко улыбаясь, светловолосая и краснощёкая, она буквально проплыла к столу. Поставила поднос, на котором находились графин, очевидно, с водкой, и закуска.

— Марфа, иди и приготовь комнату для господина инспектора,— строго вымолвил полковник.— Кроватку помягче заправь и сама будь в комнате. Если что господину инспектору потребуется, безотказно предоставить. Слышишь? Безотказно всё-всё.

— Слушаюсь, господин полковник,— улыбаясь, тихо изрекла женщина и бесшумно удалилась.

Хозяин кабинета, разливая водку по стопкам, вымолвил:

— Своего жилья у нас нет. Я снял для вас лучшую комнату в доме приезжих.

Инспектор неопределённо прикрякнул.

Хозяин кабинета, поднимая свою стопку, весело продолжил:

— Предлагаю, господин майор, отметить начало вашей важной миссии.

Инспектор заметно подобрел лицом, бросил:

— Можно и отметить,— потянулся за стопкой…

Предгорья Восточных Саян

Мужчина в серой одежде стоял у неровной стены и ножом что-то выковыривал из каменистого горного уступа.

В пещеру с охапкой веток с листвой вошёл ещё один мужчина в серой одежде.

— Ваньша, какого х… ты копаешься у стены, а не занимаешься делом?— грозно изрёк вошедший мужчина.

— А ты, Ярослав, разуй глаза да посмотри, какого х… я делаю,— продолжая своё занятие, выдавил Ваньша.

Ярослав бросил охапку на пол и шагнул к напарнику. На его ладони он увидел с десяток золотисто-жёлтых, примерно сантиметровых в диаметре шариков и несколько чуть крупнее листочков.

— Что это?

— Золото, Ярослав! Я нашёл золото! Нашёл бездонную золотую жилу! Наша пещера золотая! Я буду богат! Я буду свободен!

Какое-то время Ярослав рассматривал необычные и нежданные находки-шарики. Также заметил, что сквозь коричнево-чёрный грунт стены пещеры просматривались жёлтые вкрапления.

Затем впивается взглядом в радостного Ваньшу и изрекает:

— Ты богат? А я?

— Я немного поделюсь с тобой,— весело бросает Ваньша и громко напевает:

Александровский централ
Между скал и крутых гор…

Ярослав зло сверкнул глазами.

— Да ты… (ненормативная лексика).

Крикнув оскорбление, он набрасывается на Ваньшу и начинает его душить руками. Ваньша изворачивается и наносит напавшему удар ножом в живот, затем второй. Но смертельно раненный Ярослав, очевидно из последних сил, мёртвой хваткой схватился за горло Ваньши. Бедняга глотает ртом воздух, у него сгибаются ноги, и он падает. Следом с выпученными стеклянными глазами и ножом в животе грузно падает на него и Ярослав. Его сильные костистые руки замерли на шее слабеющего Ваньши.

Так, казалось, спасительная, да и золотая, пещера стала для беглецов их безвестной могилой…

Село Александровское, дом приезжих

В комнате был бардак: повсюду валялись мужские и женские вещи, на столе стояла пустая посуда с остатками пищи в тарелках, валялись стул, сапог…

На кровати лежали рядышком обнажённые полный лысый мужчина и светловолосая добротелая женщина. Они определённо крепко спали, возможно, судя по улыбающимся лицам, даже видели эротические сны.

В дверь постучали, обитатели комнаты никак не отреагировали. Послышались звуки, похоже, исходящие от ключа, открывавшего дверной замок. Вскоре дверь осторожно отворилась, вошёл полковник Гусаров.

— Прошу прощения, господа,— громко вымолвил полковник.— Господа!

Парочка проснулась и заёрзала на кровати. Женщина приподнялась, обнажив свои полные груди и жирные ноги. Мужчина привстал, выпятив свой большой живот.

— В чём дело?!— гаркнул он громко и явно недовольно.

Женщина заулыбалась, стала натягивать на своё большое белое тело простыню.

— Прошу прощения, господин инспектор Карп,— улыбаясь, вымолвил полковник.— Звонил губернатор, интересовался ходом вашего расследования.

Я сообщил: беглецы-арестанты утонули, расследование закончено. Губернатор ждёт вашего личного доклада.

— Да, доклада,—зевая, вяло выдавил инспектор.— Срочно заложите мне бричку, я сейчас выезжаю в Иркутск.

— Ещё звонили из Петербурга, из нашего тюремного ведомства,—продолжил полковник.—Я им тоже сообщил результаты вашего, господин инспектор, расследования. Сказал и о вашем личном участии в поисках каторжан. Они остались довольны.

— Да-да. Бричку мне!—поднимаясь в полный обнажённый рост, выкрикнул инспектор.

— Как скажете,—широко улыбаясь, изрекает полковник.

«Авось, может, пронесёт меня в этот раз?»—думает, весело бросает:

— Марфа! Помоги господину инспектору, одень, накорми да поцелуй на дорожку жарко,—и медленно удаляется…

Через три года в Восточных Саянах произошло серьёзное землетрясение. «Золотую» пещеру с останками двоих мужчин основательно придавил и засыпал скальный массив…

Операция «Орлан»

Весна 1945 года! Великая Победа! Красная Армия добила германский фашизм в его логове. Страна праздновала Победу!..

Но на востоке было тревожно, шли ещё войны, лилась кровь. Верный своему союзническому долгу, Советский Союз готовился вступить в войну с милитаристской императорской Японией, поработившей многие народы Юго-Восточной Азии и оккупировавшей часть исконно российских территорий.

Залив Советская Гавань, Хабаровский край, главная база Северной Тихоокеанской флотилии, август 1945 года

В помещении находилась группа военных мужчин: трое в военно-морской форме и один в общевойсковой полевой форме. Мужчины стояли с одной стороны большого стола, на котором лежала военно-топографическая карта с различными обозначениями. На карте просматривались контуры острова Сахалина, Татарского пролива…

Старший из присутствующих офицеров, командующий базой контр-адмирал Иванов, объяснял общую диспозицию предстоящей секретной операции присутствующим—начальнику разведки базы капитану первого ранга Корниенко, командиру подводной лодки «щ-101» капитану третьего ранга Северскому и сухопутному майору, командиру диверсионно-разведывательной группы[3] Тигрову.

— …За несколько суток перед Южно-Сахалинской операцией по освобождению Южного Сахалина проводится диверсионная операция под кодовым названием «Орлан». Орлан—сильная, умная птица и является одним из символов Сахалина. Надеемся, он вам на острове поможет. Так вот, в тыл японских войск на Сахалине направляется диверсионно-разведывательная офицерская группа. Причём направляется скрытным морским путём. Вашей группе, майор Тигров, приказано нанести удары по коммуникациям противника: подорвать железнодорожное полотно двух веток, автодороги, линии связи. Тем самым лишить японцев возможности подвоза резервов к местам предстоящих основных боёв. Ну и подпортить им хорошо нервы в тылу. Действовать будете полностью автономно до прихода наших войск. Пароль при встрече с нашими получите. Давайте обсудим рабочие моменты операции…

Далее начальник разведки базы сообщил о японских пограничных постах на западном побережье Сахалина. Он предложил высадиться группе между населёнными пунктами Торо (в настоящее время Шахтёрск) и Эсутору (Углегорск). Командир подлодки стал интересоваться морскими глубинами в акватории этого района, майор—природным естественным ландшафтом, наличием лесов, сопок…

После окончания совещания, прощаясь с майором Тигровым, капитан первого ранга Корниенко сказал:

— Передвигаясь по сахалинским лесам, помните, что там рассеяны десятки японских снайперов-«кукушек»[4]. И ни в коем случае не обращайтесь к местному населению.

Тёмная ночь

От пирса медленно и почти беззвучно отходит подводная лодка. На борту субмарины стоит номер «щ-101». Выходя из залива, лодка одновременно погружается в воду.

В лодке царит деловая обстановка. Командир, капитан третьего ранга Северский, отдаёт соответствующие указания. В одном из кубриков расположились трое военнослужащих в пятнистой зелёной военной форме. Несмотря на небольшой гул от двигателей лодки, мужчины пытаются поспать…

3. Диверсионно-разведывательная группа (дрг)—подразделение специального назначения, используемое для разведки и диверсий в тылу противника в военное и предвоенное время с целью дезорганизации тыловых учреждений, уничтожения или временного выведения из строя важнейших промышленных предприятий, военных объектов, транспорта, связи, а также сбора информации о противнике.

4. «Кукушка»—сленговое название военнослужащих-снайперов, использовавших скрытные замаскированные позиции на деревьях.

В кубрик со спящими военными врывается матрос и весело и громко бросает:
— Товарищи сухопутные офицеры! Подъём! Прибыли на Сахалин! На выход!

Мужчины в пятнистой зелёной военной форме просыпаются, поднимаются. Заученно-быстро проверяют и собирают свои вещевые мешки и оружие: автоматы, пистолеты, гранаты, кинжалы, ножи, взрывчатку, аптечку, сухпайки.

Минутой позже всплывшая подводная лодка в предрассветной ещё темноте и пелене тумана медленно причалила к небольшому каменному выступу скалистого берега. Из рубки лодки вышли трое военнослужащих с автоматами в руках, вещмешками за спинами и быстро проследовали на береговой выступ. Один из них просигналил рукой, и лодка стала отходить от берега. Троица военных быстро миновала каменистый берег и стала углубляться в лесистый массив из хвойных деревьев. Лодка тем временем полностью скрылась в пелене предрассветного тумана…

Орденоносец майор Тигров со своим разведбатом заканчивал войну в составе 2-го Белорусского фронта, участвуя в Берлинской операции. Сейчас на операции с ним были его испытанные боевые товарищи, также орденоносцы: капитан Нетребко и капитан Жвания. Офицеры участвовали в многочисленных операциях в тылу врага, имели ранения и контузии.

Светало. Разведчики сделали привал в зарослях ивы и ольхи, присели на траву. Майор Тигров достал карту и стал внимательно её рассматривать. Невдалеке журчала небольшая каменистая извилистая речка.

Вдруг с её стороны раздался резкий крик какой-то птицы. Очевидно, её покой кто-то нарушил. Троица разведчиков насторожилась, поднялась и осторожно двинулась по речке на птичий крик. Тигров жестом показал Нетребко идти правее, Жвания — левее.

Метров через десять на берегу речки показался японец-мужчина в гражданской одежде, но с винтовкой на плече. Очевидно, это был представитель гражданского резерва японской армии[5]. Он пил воду из речки. Напившись, мужчина бросил взгляд на находящегося в десяти метрах ниже по течению Тигрова. Мужские взгляды встретились. Секунда, другая… Японец сбросил с плеча винтовку и стал приводить её в боевое положение. Но выстрелить не успел. Это Жвания из-за куста метнул в него боевой кинжал. Он чётко и глубоко впился в спину, японец упал на живот. В это время послышался гудок паровоза.

К лежащему японцу подошли разведчики.
— Очевидно, он охранял пути, — вымолвил Нетребко. — Пошёл в кустики и заодно испить водицы.
— Убираем его в кусты и выдвигаемся к железнодорожным путям, — скомандовал майор.

На минирование участка полотна дороги ушло несколько минут. После этого троица двинулась дальше в глубь острова на восток. А через пятнадцать минут из-за спин они услышали взрыв, затем второй. Это какой-то японский железнодорожный состав подорвался на заложенной в двух местах взрывчатке. А на восстановление путей уйдёт не менее пяти-шести дней…

Группа Тигрова устроила привал. Они удалились от места взрыва путей где-то на пятнадцать километров. Лесной переход был непрост, да и ещё им пришлось форсировать одну, высотой с километр, сопку.

Тигров и Жвания, сидя на траве, принимали пищу. Нетребко в это время находился наверху одной сосны и с помощью бинокля наблюдал за округой. Ведь группа находилась на вражеской территории, и бдительность терять было нельзя. Метрах в ста на верхушке лиственницы сидел величественный красавец-орлан и горделиво озирал округу.

Вот внезапно раздался крик орлана. Он взлетел и быстро скрылся из вида. Окинув взором местность, Нетребко стал спускаться вниз.
— Группа японцев с собаками, примерно человек двадцать, движется по нашим следам, — оказавшись на земле, вымолвил Нетребко.
— Быстро работают самураи, — выдавил Тигров. — Так, собираемся и уходим вправо.
— Подарки самураям оставим? — спросил Нетребко.

Очевидно, он имел в виду скрытое минирование местности.
— Нет, в другой раз, — ответил майор.
— А может…
— Если мы их уничтожим, то японцы организуют армейскую операцию по нашей поимке, и мы не сможем выполнить свои задачи, — отчеканил майор. — Быстро собираемся и уходим.

Через минуту троица стала покидать место привала. При этом двигались они спиной вперёд и следы свои чем-то посыпáли.

Вскоре на место их привала вышла группа японских военных с двумя собаками. Четвероногие стали кружить по траве, солдаты — осматривать место. В руках двоих были миноискатели. Японский офицер тихо давал отрывистые команды собакам, очевидно, требуя идти за беглецами. Но собаки не двигались вперёд. Поджав хвосты, они виновато смотрели на людей…

5. Резерв японской армии — принудительно поставленная под ружьё часть гражданского мужского японского населения Сахалина.

Группа Тигрова вышла к просёлочной дороге. На дорожном песчаном покрытии виднелись автомобильные следы.

— Минируем? — спросил Нетребко.

— Да, давай действуй, — ответил майор.

Вдоль дороги стояли столбы и висели провода. Кивая на них, Жвания спросил:

— Обрываем?

— Да, — ответил Тигров.

Жвания достал пистолет.

— Только тихо, друг, — бросил майор.

Жвания кивнул, убрал пистолет и прошёл к ближайшему столбу. Вот он уже ловко поднимается по нему вверх…

Группа Тигрова заночевала в лесу.

А с утра двинулась дальше…

Найоро (в настоящее время Гастелло), Сахалин, штаб 125-го пехотного полка

Командующий полком полковник Кобаяси был в бешенстве.

— Взрывы на железной дороге, взрыв на автодороге, обрывы связи, наконец, гибель резервиста при исполнении своих обязанностей! — постоянно поправляя очки, кричал полковник. — Партизан здесь нет. Граница на севере с русскими закрыта. Тогда чьих рук эти действия?! Отвечать!

Сидевшие на стульях в большом кабинете десять угрюмых штабистов-офицеров, опустив глаза, молчали.

— И это в преддверии ожидаемых серьёзных боевых действий с русскими на границе острова, в районе пятидесятой параллели[6], — извергая слюну, продолжал кричать полковник. — Что скажут пограничники?

Резко поднялся майор, поклонился и вымолвил:

— Наши посты не обнаружили нарушений границы… В ближайшие дни русские корабли не приближались к острову…

— Тогда кто всё это сделал?! И сделал профессионально! — истерично рявкнул полковник. — Я вас всех отдам под трибунал…

Тигров дал команду на привал. Жвания пошёл в охранение, Нетребко стал накрывать стол. Майор достал карту и стал её рассматривать.

Через двадцать минут, перекусив и обсудив свои дальнейшие действия, группа двинулась дальше…

Группа обычным порядком: Нетребко впереди, через два метра Тигров и ещё через два — Жвания, — шла тёмно-хвойным лесом, лавируя между листьями огромного папоротника. Внезапно и громко прогремел выстрел. Члены группы стали стрелять из автоматов по верхушкам деревьев, откуда предположительно раздался выстрел.

— Прекратить стрельбу, — вскоре крикнул майор. — Надо обследовать место, куда мы палили.

Троица осторожно двинулась в сторону, откуда был произведён выстрел. Вскоре они увидели следующую картину. На большой ели головой вниз неподвижно висел японский солдат. Висел он на металлической цепи, которая сверху была прикреплена к стволу дерева, а внизу — к ноге солдата. Внизу на земле валялась винтовка.

— «Кукушка»-смертник, — вымолвил Тигров. — Прикован к дереву, дабы не сбежал с огневой точки.

— А винтовка-то — тысяча восемьсот восьмидесятого года выпуска. Старушка, — рассматривая оружие смертника, изрёк Жвания.

— Похоже, несовершенное оружие и спасло меня от смерти, лишь только ранило в руку, — вымолвил Нетребко.

— Капитан Жвания, срочно оказать помощь боевому товарищу, — распорядился Тигров…

К вечеру группа вышла на вторую железнодорожную ветку, следующую с юга острова на север. Ночью офицеры-разведчики сумели заминировать её аж в трёх местах. Вскоре последовала и череда взрывов на путях.

При отходе подорвался на мине-ловушке капитан Жвания, получил ранение и майор Тигров…

Буквально на следующий день советские войска с боями перешли пятидесятую параллель. И, сокрушая массированную эшелонированную японскую оборону, неудержимо-победоносно устремились на юг Сахалина. Через две недели военные действия завершились полной победой Красной Армии — весь остров Сахалин целиком вновь стал принадлежать СССР…

6. По Портсмутскому мирному договору, заключённому 25 августа (5 сентября) 1905 года, территория Южного Сахалина (к югу от 50-го градуса с. ш.), включавшая в себя весь Корсаковский округ и бóльшую часть Александровск-Сахалинского, отошла под управление Японии.

к 60-летию

Андрей Ребров

Цветёт небесный луг безбрежный

* * *

Скрылись долы в густеющем мраке,
Стал стеной на пути тёмный лес.
Но созвездий заветные знаки
Засветились на свитке небес.

И светло из-под глади ледовой
Засквозили зеницы озёр,
Словно знаками звёздного слова
Их глубинный исполнился взор.

Верно, так же, под высью глубокой,
В бездорожье библейских песков,
Сквозь прозрачные вежды пророков
Звёздно брезжились дали веков.

Осенний вечер

Купают ветви в невской пене
Златые купы ивняка.
И вверх по каменным ступеням
Шагает медленно река.

И вихрь бесплотными руками
Срывает с ветхих ив листву
И золотыми облаками
Стремит куда-то за Неву.

И я под ивой сиротливой
Стою, утраты не таю —
Как будто времени порывы
Уносят молодость мою…

Минует вечер, сникнет ветер,
Спадёт вода… Взрастут года.
И, может быть, когда-то, в детях
Моих, нахлынувших сюда,
Неувядаемые эти
Дни возвратятся навсегда.

В подземном переходе

Здесь бродяги да влюблённые
Дантовский нашли приют.
Здесь незрячие поют:
«У беды глаза зелёные…»

* * *

Застив маковками звёзды,
Липы в парке зацвели.
И казался липким воздух —
Аж от выси до земли, —

Словно им, как сущим клеем,
С дней Творения до нас,
Та цветущая аллея
С высью звёздной скреплена.

Видно, нам со дня рожденья,
Будто давний сон цветной,
Помнить райское цветенье
До могилы суждено.

На смерть художника

Замер пульс часов, и вязко
Время в теле кабинета.
Блекнет кисточка без краски,
Как цветок, лишённый цвета.
Запустел мольберт, и плотно-
Плотно скатаны полотна…

Лишь в оконной раме белой:
Ночь и небо — без предела,
Светотоки звёздных лет —
Свежий Вечности портрет,

Где мазком, что схож с кометой,
На пути в Бессмертье где-то,
Замерцала, чуть дрожа,
Чья-то светлая душа.

Любовь

Выйди ночью за порог
Со свечой в руке —
И увидишь огонёк
В дальнем далеќе.

Это я, храня свечу
От семи ветров,
Твоему огню шепчу:
«Выведи под кров».

● ● ●

…Время собирать камни…
Еккл. 3:5

Когда с высот нисходит свет землистый
И замирает праздная молва,
Я зарываюсь в книгах летописных,
Стремясь прозреть заветные слова.
Я отверзаю спудные страницы,
Как земляные древние пласты,
И всею сутью силюсь углубиться
До корневой глагольной высоты.
Но, словно камни—почвою тяжёлой,
Сокрыты долгим временем глаголы.
И кажется—не хватит целой жизни,
Чтоб даже в самом тонком слое книжном
Весь вековой пророческий их вес
Собрать в прообраз будущих небес.

Преображение

Глядится высь в разлившееся Нево,
Наводнены безбрежностью сады.
И с яблонь,
яко с жизненного древа,
В поток небесный падают плоды.

И, словно чьи-то прожитые годы,
Несут их вдаль речные облака.
И чудится,
что яблоки на водах
В скопленье
сочетаются в века.

И те века плывут,
плывут…
И встречно
Течёт им
жизнь грядущая моя.
И я гляжу на яблочную вечность,
Преображаясь чудом Бытия.

● ● ●

Клокочет море в камышах
За каменной губою,
И кровь шумит в моих ушах,
Как вечный гул прибоя.

Но слышу, время, как в тебе
Суставы жизни—при ходьбе—
Скрипят от юрской соли,
И на прокушенной губе
Я ощущаю вкус скорбей
И первородной боли.

Знать, просолила наши дни
Навечно боль людская.
Не оттого ль вода морская
Крови клокочущей сродни?

Петербургские львы

Я иду по мостам между каменных львов,
Что дружны мне с моих первых детских шагов,
Что под снегом сейчас, как в берлогах, сонливо,
Сторожат Петербург, словно—в древности—Фивы.
И, наверное, снится завьюженным львам
О песчаных сугробах, подобных векам.

Небоводье

Цветёт небесный луг безбрежный
Над затонувшею грядой,
Где под высокою водой,
Как в первозданной зыби той,
Лучится солнечный подснежник
Сверхновой зыбкою звездой,
Как будто явленной в зените
Всего земного бытия,
И вкруг неё, как по орбите,
Течёт к началу жизнь моя.
И в этой вещей круговерти,
В нездешнем росте донных трав
Я вижу жизнь за кромкой смерти,
Я внемлю: «…Смертью смерть поправ…»

После дождя

Восходит солнышко над лугом,
Над миром, сущим тыщи лет.
И в каждой капельке упругой,
И в каждом миге—длится свет.

И каждой сущею частицей—
Всей сутью—ощущаю я,
Что с тем насущным светом
длится
Душа бессмертная моя.

У рождественской ёлки

Там мир таинственный, согретый
Воображеньем детворы:
И за спиралью мишуры—
Не просто полые шары,
А населённые планеты.

Там детских грёз чудесной силой
Гирлянды лампочек цветных—
В неугасимые светила
Невинно преображены.

И, как сгущённый—до сверканья,
Овеществлённый в форму свет,
Шпиль—над еловым мирозданьем—
Горит, мечтами их согрет.

А здесь, пред ёлкою, в сторонке—
Весь в чистых, радужных слезах,—
Лик обомлевшего ребёнка,
Его нездешние глаза.

Андрей Деменюк

Перевёрнутый трамвай

На Пряжке

Фонарь. Ну да—аптека рядом…
Я Блока в школе заучил…
И, может, умничать не надо,
Здесь проходя под строгим взглядом
Аптеки памятной в ночи?
Но память метит, как дворняжка,
Стихов приметы наяву.
И про фонарь не вспомнить тяжко
Там, где застёгивает Пряжка
Надёжно Мойку и Неву.
Здесь столько раз слова звучали
Известные,
Что в свой черёд
Их не сказать я мог едва ли…
Вот так кружит строка в канале
И из Невы в Неву течёт.

Апрель

Удивляется прохожий,
Наблюдая, что вода,
Как змея из старой кожи,
Поползла из-подо льда.
Словно скобками, мостами
С твердью сцеплен Обводной,
Потому что воды стали
Снова в небо глубиной.
За перила ухватиться
Так и тянется рука…
С непривычки даже птица
Вниз летит на облака.
Небо сверху, небо снизу.
Нить гранита делит дом,
По весеннему капризу
Мир удвоил свой объём.
И снуют по небу рыбы,
Чайки реют в глубине,
Льда сиреневые глыбы
Гладят солнце по спине.
И на пару с двойниками
Люди, множа суету,
Прут весенними деньками—
Вверх ногами, вниз ногами—
По овальному мосту.

Декабрьское

Четыре месяца сентябрь…
В конце недели Новый год…
А снега нет, и дождь идёт.
И черенками мокрых швабр
Упёрлись парки в небосвод.

Давно хрустит моя Сибирь
Зернистым рафинадом зим.
А здесь расслабленный Гольфстрим
Каналов чёрных пьёт чифирь
И выдыхает белый дым.

Огней тончайшая слюда
Невы покрыла рукава.
Искрит трамвая голова,
И над мостом плывёт звезда
Готического Рождества.

Санкт-Петербург, плесни и мне
В ладонь балтийского вина.
Нам светит истина одна:
Она в туманной глубине
Звездой ночною рождена.

спб

Ночи, дни, сезоны, годы
Здесь вращаются в повторе.
Город входит в те же воды,
Что текут из моря в море.
Над рекой собора темя
Пробивает бесконечность,
А расплавленное время
Застывает сразу в вечность.
И чугунными мостами
Тут в одно пространство сшиты
Небо,
Воды,
Воздух,
Камень…
И в просвет над облаками
Ангел медными губами
Шепчет:
Боже,
Сохрани Ты…

Март

Небеса обвалились
В виде снега на крыши.
Знать, не так мы молились:
Не расслышали свыше.
Мы хотели капели,
Не молились с опаской.
Нам закрыли метели
Лица марлевой маской.
Февралём заразились
Дни в потоках воздушных.
Знать, не тем мы молились
В небесах равнодушных.
Мы подвешены в белом
Снежном облаке марта,
И душою, и телом
Вне системы Декарта.

• • •

Я иду морозным утром
По пустому Петербургу,
Что засыпан щедро снегом
И намазан густо льдом.
И, как мой замёрзший котик,
Ветер лезет мне под куртку,
А Луна дрожит в тумане
Над простуженным мостом.
Только мне не страшен холод
Столь непитерской картины,
Так как я одною мыслью
И надеждой обогрет:
Завтра ночь короче станет,
Будут солнца именины.
И ему мы пожелаем—
Тёплых зим! И долгих лет!

Утро

Сливок полная бадья
Пролилась на плащ тумана.
Утра белая ладья—
Мост чугунного литья—
Проплывает невозбранно.

По обтёсанным камням
Вдоль канала, ночи полном,
Светотенью пишут волны
Шифром вечности безмолвным
Песнь, неведомую нам.

Досыпает время сон,
Сон о том, что будет вскоре.
Через чёрный горизонт,
Безрассудно, как Язон,
Солнце спрыгивает в море…

• • •

Вот пришёл и в Питер май,
Крепче зонтик обнимай!
Под ногами в луже едет перевёрнутый трамвай.
От угла и до угла
Мир построен из стекла
Приколола небо к небу Петропавловки игла.
С ней Земли переворот
Сотворил бы пешеход,
Только вот опоры точку здесь он точно не найдёт.
Верха нет, и низа нет…
В луже видно на просвет,
Как в Австралии шагают антиподы след во след.

• • •

Как предугадывал трамвай
В дрожанье рельса,
Так предугадываю май
В поре апрельской.
Пути проторила трава
У теплотрассы.
Парк, что у церкви Покрова́,
Оделся в рясы.
Уже направил чаек порт
В эскорт почётный,
И режет лужу, словно торт,
Трамвай нечётный…
Скорей кати по рельсам строк,
Май долгожданный,
Приклеить липовый листок
На наши раны
И, прогоняя год чумной
В Аид на муки,
Водой серебряной омой
Каналов руки.

Весна

И вот пришла опять она
Под звонкий хор капели,
Не календарная весна,
А та, что в самом деле.
Она напомнила опять
Улыбкой лучезарной,
Что время глупо измерять
Рулеткой календарной,
Что время мерит частота
Биенья сердца в теле:
И возраст—это завсегда
Не календарные года,
А те, что в самом деле.

Евгений Попов

У людей свои крыла́…

Числа

Вспоминая академика В. Заславскую

Снегопад на зелень лёг,
Майский ветреный денёк.
Затуманилось окно.
Хлопья выпали на дно.

Всё впадает в тишину,
Как в гражданскую войну.
И кукушка кличет всех
Без надежды на успех.

У неё свои дела.
У людей свои крыла́.
В вышине гудит ковчег
На три сотни человек.

На четырнадцать дворов
Было двадцать здесь коров
И четырнадцать семей
Самых избранных кровей.

А теперь—как дальше жить?
На двоих не поделить—
Три деревни на двоих.
Всех подхватывает вихрь.

Всё держалось здесь на них—
На вихрастых и стальных.

* * *

Жизнь зарождается химерой,
Но побеждает высший смысл.
Всё принимается на веру,
Но есть рабочий механизм.

Он отделяет злато света
И отпускает в космос тьму.
Повсюду есть её приметы.
Ты не кивай здесь на тюрьму

Или продажную элиту—
Есть уголки в любой душе,
Где хочется, чтоб шито-крыто,
Но здесь работает клише

И клацает, как гильотина,
Ведь совесть вечно начеку,
И прорывается плотина,
И я тебя туда влеку.

* * *

Возмутитель спокойствия, пёсик Пират,
Как ты рад возвращению нашему! Рад!
Из-за дюн, из-за туч, из скитаний морских
Мы вернулись домой ради взвизгов твоих.

Ты облаял меня, ты облапал меня,
Закрутился волчком и сверчком заскулил,
И ругалась родня, и смеялась родня—
Как ты пасть раскрывал, как большой крокодил.

Ты увёл нас на речку, в просторы полей,
Ты показывал нам водопад и грибы
И мотал головой: мол, водички налей
И колбаски подбрось без особой борьбы.

Набежала вода. Убежала вода.
И глядим мы не в окна, а в тёмную ночь.
Мы опять побежали бы. Но не туда.
Нет желания это пространство толочь.

Дождь стучит жестяной. И задумчив простор.
И гуляют деревья по мокрой земле.
Утихает к зиме путешествий задор,
И калачик вселенной сопит на столе.

* * *

Из долины, входящей в туман,
В золочённую вечером степь
Поднимается медленно великан,
Словно ощупывает ногами податливую твердь.

Он идёт в направлении Туда,
Куда всегда стремились самолёты и поезда,
Где к площади примыкает кольцо,
Где головы катились и прибивали яйцо.

Он не думает, куда и зачем идёт,
Его тянет большая сила и хоккейный счёт
Не в нашу пользу. Не хватает игрока,
Удалённого в качестве дурака.

Там будет ещё курантов бой и не один салют,
Там многих претендентов ещё сольют.
Он идёт медленно и тяжело.
И земля прогибается, и время ему мало́.

• • •

Усмиряя действительность, велено нынче ворчать,
И пугать, и следы заносить, и сказаться болезнью.
Вера хочет сказать, что смиряться и верить полезней.
Но за правду стоят те, кто предпочитает молчать.

И колышется снежное поле в мерцании дней,
И как будто никто здесь весны не изведал.
Но припомнит ребёнок, что здесь пробегает ручей.
Он действительно слышит. Он будущей занят беседой.

Но ведь кто-то бывает бесспорной причиной дождя,
И мешают, как правило, этому круглые твёрдые даты,
Даже если за тёплыми днями снега наследили, твердя,
Что наследников будни превратностями чреваты.

• • •

Здесь другие краски, другие люди,
И мелодия тоже чуть-чуть не та,
И за смелость здесь никого не судят,
Говорят: добавляется красота.

Да и я тебя ни за что не ругаю,
Ещё меньше, чем раньше, то есть никак.
Здесь актёры все хорошо играют:
Жесты отточены, и важен каждый пустяк.

И никто не прикормлен, никому не нужно,
Чтоб его заметил большой человек.
Начинают петь здесь всегда дружно,
Голоса прекрасны, как теченья рек.

Это царство птичье или речь влюблённых,
Где любое слово и жест любой,
И в снегах глухих, и в полях зелёных,
Не переча вечности, полны тобой.

• • •

Самолёт лежит на коврике неба,
А в прорехах—тугодумные звёзды.
По освещённым тротуарам бегают трапеции юбок,
У мужчин глаза лабрадоров грустных.
«Тега-тега»,—хочется сказать трамваю скользящему.
Полвагона в экраны залипло, на лицах экраны.
В коллективе города много спящих,
Поэтому они рифмуются с пищей.
Гортань выдаёт ассигнации звуков
В любой валюте и даже золотом.
Колёса—сердечные стуки,
А вместе они—колокол.

Соблюдаю дистанцию в строф движенье,
Высаживаю рифмы на кольце трамвайном.
Оно—не оно, а латунная дыра в небе,
Куда улетают пассажиры,
Как последние ступени ракеты.

• • •

Косая пятница, косящая дождями,
И ветер пишет почерком косым,
Вся эта рукопись: и заголовок солнца,
Абзацы деревень и буквицы холмов,—
Напоминает чью-то жизнь без края.
Советую задуматься над этим
И продолжать читать.
Там есть сюжет один сквозной,
Что даже люди
Бессмертные
И не хотят, а плачут.

• • •

Тихо. Вёдро. Штиль. Загадка,
Не подвластная уму.
Тихо-тихо. Сладко-сладко.
Этот мир к щеке прижму.

Обниму его за плечи…
И нащупаю суму.
—Мир, куда ты?
—Вновь далече.
Я тебя с собой возьму.

—Забирай нас всех с собою!
—Бог с тобой. Куда же всех?
—Просто всех. Мы всё освоим.
Есть надежда на успех.

Мир задумался. Сумою
Покачал. И был таков.
Дал стихи. Оставил море.
Небо. Землю. И врагов.

• • •

Яблоневый сад на склоне,
Дикий яблоневый сад
Тихо яблоки уронит—
В небе яблоки висят.

В чистом небе распростёртом,
В тёплом небе голубом
Имена и даты стёрты,
Всё известно о былом.

И твоя душа припомнит
Всё, что надобно душе:
И сиянье летних комнат,
Лёгкость строк в карандаше,

И свидание с грозою,
И такой желанный взгляд
Той единственной порою—
Много тысяч лет назад.

Роман Смирнов

Мировое стекло

Воскресный вечер после Рождества

Убирались в доме, например.
Вот, нашли ключи, шнуры, миньоны,
старый удлинитель в шесть ампер,
годный для зарядки телефона,

плюшевых зверей, значки, стишки
на открытках, спереди и сзади,
мусорные новые мешки…
Ох, чего не отыскалось за день.

Сели так на стулья и глядим
на дары, накопленные нами.
Сжечь? Отдать на память молодым?
Присоединить к другому хламу?

Телевизор фоном: та-ба-да.
Песенка звучала унисонно:
«Никому тебя я не отдам…»—
что-то из последнего шансона.

● ● ●

Из окна тц я вижу баки,
школу и заборную дыру.
Бегают голодные собаки
по пустому школьному двору.

На сухой берёзе чаша веток,
то есть просто галочье гнездо.
Что-то есть рождественское в этом,
или так уложено крестом.

А ещё мне видно часть дороги.
То такси проедет, то какой
частник, не выдерживая долгий
праздник и безвыходный покой.

Может, где-то на краю Нью-Йорка
кто-то так же смотрит из окна.
У него одно окно в каморке.
В полной мере улица видна.

● ● ●

Уходя—уходи восвояси.
Возвращаясь, под ноги смотри.
Жизнь—клубок синаптических связей,
озарений, делённых на три.
Поделом говори и по делу.
За душой говори и в душе.
Чтоб летело оно и летело
и крошилось на карандаше.
Чтобы перстни-узлы, что на пальцах
седовласых отцов, матерей,
доставались в наследство, опасность
нищеты отводя от дверей.
Чтобы дней было девять и месяц,
как положено—память и нимб,
и тянулся за юбкой младенец—
тёплым пологом жизни над ним.

● ● ●

держишь руку на плюсе
вычитая грехи
боже не убоюсь я
говоришь говори
и держи на цепочке
сына духом его
протирает ли отче
мировое стекло
что окажется адом
или раем за ним
если встретиться взглядом
с отраженьем своим
двух поверхностей воздух
помогает словам
аз воздáм или вóздам
только вам только вам
и поэтому стаи
двух вместилищ хотят
поменяться местами
и навстречу летят

София Максимычева

Вчера июньский дождь прошёл

Неонила

Не о Ниле все мечты Неонилы,
Ползунки да распашонки—вот эпос,
Раззвонит округу колокол:
—Было!
Только что с того, раз слепы мы, слепы?

Неонила крестит небо с размаха,
А себя—совсем легонько в охотку;
К телу ластится льняная рубаха,
Громко лает пёс—лужёная глотка.

Чалит к берегу рыбацкие лодки
Ярый лоцман—разухабистый ветер…
Соблазняет Неонила походкой,
И на божий свет являются дети.

Вот и мне

Вот и мне обижаться нет смысла
за огонь, за цыганство в крови.
Изгибается мост коромыслом
над рекой… Та хохочет:
—Плыви!
Под чугунной оградой, быками,
под копытами строгих опор
волны в берег толкаются лбами,
расширяя воды кругозор.
Я смотрю на движение молча,
на упорный и тягостный труд.
С аппетитом отчаянно-волчьим
белогрудые чайки орут.
Тихий ход бесконечной рутины,
мельтешение ряби… Сейчас
всё—от святости до чертовщины—
от души перемешано в нас.
Отрицание правды мятежно,
а река всё течёт да течёт…
Белый дым, голубая скворешня
и черёмушный крупчатый мёд.

Трамвай 4

Воды немного, по колено,
вчера июньский дождь прошёл;
придашь пейзажу свой оттенок,
чтоб в этом был какой-то толк.
С мостков на камешек и дальше:
по хрупкой кромке, чуть дыша.
Гудят две рельсины без фальши,
снуют прохожие, спешат.
Трамвай гремит, маршрут четыре,
над головой стрижи висят,
водитель молод и настырен,
проезд с таким весьма чреват
простой возможностью—влюбиться,
кататься в транспорте весь день.
А за окном плывущим—птицы,
и бирючина, и сирень.

Хорошо

Хорошо когда в окошке
на ветвях сидят коты,—
значит, свет не понарошку
льёт свой голос с высоты.
Разбавляет вербы с ивой,
смотрит в зеркало ручья.
Воробей глядит красивый,
ну почти такой, как я!
Мне растить меж рам рассаду,
крошки сыпать воронью;
облака гуляют стадом,
я под ними устою.
Потому что в небе—кошки,
свежий воздух, светлый дым,
а в подвале—пуд картошки:
живы будем—всю съедим!

Вита Пшеничная

Дети нежности

Светлой памяти В.

● ● ●

Второе августа. Прохладно. Утро. Тишь.
Спокойное дыханье воскресения.
Ты у окна открытого стоишь,
Вдыхая свежий воздух,
смотришь в небо
И понимаешь: нет в тебе смятения,
Обиды нет и разочарования.
Но есть всему черёд, всему свой срок.
И на земле никто не одинок,
Хоть многие теряются нелепо,
Сдержать в душе пытаясь чувств поток
И от судьбы открещиваясь слепо,
Чтобы однажды, посмотрев на звёзды,
Понять, что ничего ещё не поздно,
Пока, вплетая жизнь в соцветья строк,
С тобою разговаривает Бог…

● ● ●

Не думалось мне о возвышенном
Ни сердцем, ни рекой строки,
Казалось, что на поле выжженном
Не вырастут и сорняки.

Но вырос сад: пахучим облаком
Он вплыл из августа в сентябрь;
Земля уже менялась обликом,
И ветер в лужах сеял рябь.

Вставал закат ржаною россыпью,
Как в плед, укутываясь в темь,
И наливались травы росами
На выцветающем холсте.

Но рукотворною иконою
Никольский храм «летал» вдали
И неба синь глотал бездонную,
Не отрываясь от земли.

Как здесь мечтается и пишется!
Куда ни глянешь—чудь окрест,
Листвы коснёшься—звон послышится
Святых староизборских мест…

● ● ●

Надо мной неуклюжая туча виснет,
Заслоняя дневной свет.
Я люблю твоё время в моей жизни—
Эту чёртову дюжину лет.
И от счастья такого
То в жар, то в холод
Пробивает на раз-два.
Посмотри, как зарёй горизонт вспорот,
Как в ночи льнёт к земле трава,
Как темнеет небо—вот-вот брызнет,
Освятив весны первоцвет…
Я люблю твоё время в моей жизни—
Эту чёртову дюжину лет!..
Но мы встанем врозь у черты зыбкой—
Сколько ж можно идти след в след?
Что бы там ни стряслось,
Вспоминай с улыбкой
Нашу чёртову дюжину лет.

Дети нежности

Проплывай над головой
Белым облаком,
Светлым ангелом.
Разговаривай со мной
Снами вещими
Или знаками.

Отражаются в реке
Ивы тонкие—
Дети нежности.
Прикоснись к моей руке
Птицы пёрышком,
Ветра свежестью.

Мне души не утолить
Ни смятения,
Ни отчаянья.
Выпало мне дальше жить.
Только по глазам твоим
Так скучаю я.

● ● ●

Осень—время прощаний и стылой воды по утрам;
Из туманного утра спешит на автобус прохожий,
Куполами целует века восстановленный храм,
Да всё чаще и дольше прохлада елозит по коже.

Осень—бремя потерь, о которых ни сном и ни духом,
Нараспах акварели—природа чудит и творит:
Всё, что скажешь в сердцах,
Обрастает немыслимым слухом,
Что укроешь в душе—то однажды отблагодарит.

Я люблю тебя, яркое Время невидимых слёз,
И приметы твои я читаю по шороху листьев…
Свет погашен. И звёзды гурьбою спешат на помост—
Как посланцы простых, не всегда понимаемых истин.

Невольное

Обними меня, но потом уже не отпускай.
Я глаза закрою, уткнусь носом в плечо.
И мы оба поймём: каждый из нас нашёл,
Что давно искал.

И в закате, таком нашем и таком ничьём,
Пусть утонет день—какой-то из октября—
И под ноги настелет листву
И дождей шёлк,
По и над паря́.

Обними. Заговори, словно кот-баюн,
Я поверю любой из тобой сказанных фраз.
Пусть звенит россыпь натянутых туго струн,
Исцеляя нас.

● ● ●

Половина промчалась от лета Господня,
Всё росне́е восходы, всё алее закаты…
И вчерашним уже не найдёшься в сегодня
Никогда ты.
Незаметно две чаши весов накренятся
От дождей, зачастивших ночами.
И почувствуешь крылья (откуда ж им взяться?)—
За плечами.
И к полёту, как птица, готово, готово,
И в ладонях уже не успеет пригреться
Откровенное, чистое, нежное Слово—
Чадо сердца.
И помчится по свету, от заходни до всходни,
То дорогой лучистой, то лесною тропою
Уводя-увлекая пол-лета Господня
За собою.

Сон

Ангел справа, крест на шее—
Вот и вся моя защита.
Вновь проглядывает солнце
Сквозь завесу облаков.
Вдоль шоссе до горизонта
Лента алая завита,
И не верится, что скоро—
Снег, морозы и Покров.

Крест на шее. Дремлет Ангел,
В снах моих себя заметив.
Нынче с Богом и Вселенной
На одной волне висим.
И, заглядывая в небо,
Я шепчу лишь: «Тихий Свете,
За мечты и жизнь—спасибо,
И за прошлое—спаси…»

Ангел справа. Слева—пусто,
Разогнала всех рогатых:
На чужих плечах пусть ищут
Собеседников себе.
Осень, осень… Время катит…
И ходить тебе в заплатах,
Разбросав свои наряды
В танцах, в плясках, в ворожбе.

Время катит… обрастая
Нитями потерь и судеб.
И исписан лист бумаги,
Чтобы к полночи истлеть.
В семь утра проснусь и втиснусь
В хищную утробу буден…
И расправит крылья Ангел—
На церковный крест взлететь.

Марат Валеев

Изюминка

Весеннее обострение

Весна пришла, солнышко засияло, растопило сугробы. Весело чирикающие воробьи стали купаться в лужах. А тут и почки распустились… у начинающего пенсионера Сергея Львовича. Заодно и печень о себе напомнила, застарелая язва когти выпустила. Сергей Львович терпел, терпел и всё же позвонил своему участковому врачу.

Она, немолодая уже, пришла в сырых ботах, сердитая и тяжело дышащая. Послушала Сергея Львовича и равнодушно сказала:

— У вас весеннее обострение. Не смертельно, но я бы посоветовала сходить на приём к нефрологу. Прямо завтра и идите.

И Сергей Львович прямо завтра и пошёл. Отстоял очередь в регистратуре, получил талончик и сел на жёсткую лавку под дверью кабинета нефролога. На табличке значилось, что приём ведёт врач второй категории Мошкина Н. Е. «Новенькая какая-то»,— отметил про себя Сергей Львович.

Попасть к этой самой Н. Е. также хотели ещё несколько человек. Сергей Львович терпеливо дожидался своей очереди, с досадой прислушиваясь к тому, что у него происходит во взбунтовавшемся организме. А было всё то же: почки, печень ныли, в висках бухало.

«Боже мой, а ведь ещё всего лет двадцать назад у меня по весне было только сердцебиение. И лишь при виде хорошеньких девушек. Особенно в мини-юбках,— с тоской подумал Сергей Львович.— А теперь что? Финита ля комедия?»

Наконец пригласили его. Сергей Львович тяжело поднялся и прошёл в кабинет. За столом что-то быстро-быстро писала врач, Мошкина Н. Е. Она тоже была уже немолодой. Но такая аккуратненькая, такая приятная на лицо и с такой статной осанкой, которая угадывалась в ней, даже сидящей, что Сергей Львович тут же принял боевую стойку. А когда Мошкина Н. Е. оторвалась от бумаг и подняла на него совсем ещё молодые ярко-синие глаза, сердце у Сергея Львовича дрогнуло и забилось учащённо.

Врач была похожа на неприступную красавицу Ниночку Ершову, в которую в своё время была влюблена вся мальчишеская половина их класса. И ещё добрая половина пацанов из параллельного. Но больше всех влюблённым в Ниночку был Серёжка Бурцев.

Однако, как это часто бывает, выбор Ниночки Ершовой пал совсем не на него и вообще ни на кого из их школы. Жениха Ниночке подыскали её родители — сыночка какого-то большого начальника. Она вышла замуж за того придурка и затем уехала с ним из их маленького городка в областной центр, где, говорили, выучилась на врача. Сергей же страдал недолго и скоро влюбился в другую девочку, свою однокурсницу. На ней он и женился, когда они уже заканчивали строительный техникум. Потом развёлся, ещё раз женился, неожиданно овдовел и больше уже не испытывал судьбу, а предпочёл жить один.

Год назад Сергей Львович, дослужившись до начальника СМУ, ушёл на пенсию и подрабатывал вахтёром в стенах родного техникума. Конечно, женщины в этой его холостой жизни всё ещё присутствовали, но всё реже и реже. Либидо Сергея Львовича вполне закономерно стало ослабевать под грузом прожитых лет и настырно подступающих хворей. А тут, при виде моложавой врачихи, так похожей на Ниночку Ершову, это самое либидо встрепенулось и как никогда живо напомнило о себе.

— На что жалуетесь? — спросила Сергея Львовича Мошкина Н. Е. всё ещё мелодичным голосом.

И кровь бросилась в лицо Сергею Львовичу: это был её голос, Ниночки Ершовой!

— Нина… Нина Егоровна, ты что, не узнаёшь меня? — севшим от волнения голосом спросил он, вспомнив даже имя её отца.

— А кто вы? — с любопытством спросила Нина Егоровна, внимательно вглядываясь в лицо Сергея Львовича.— Погодите, погодите… Это ты, Андрей? Нет? Значит, Игорёшка? Тоже нет? Ну, тогда это ты, Мишаня!

— Это я, Серёжка Бурцев! — печально сказал Сергей Львович.

— Боже мой, Серёжка! — Нина Егоровна прижала ухоженные руки к накрахмаленному белоснежному халату.— Ну да, Серёжка! Какой ты стал солидный. Я бы сказала, импозантный! То-то я тебя не узнала. Ну, что ты, как ты? Болеешь, что ли?

— Да что ты, Нина! Я присяду? Просто… Просто, я случайно узнал, что ты вернулась в наш городок

и работаешь в больнице,—соврал Сергей Львович.—Дай, думаю, навещу, проверю: узнаешь ли, вспомнишь ли. Как семья, как муж?

—Да я уже лет пятнадцать как одна. Не спрашивай почему. Увы, уже пенсионерка. Два года как вернулась в наш городок. Но дома не сидится, а в больнице как раз врачей не хватает. Вот и работаю ещё. Давай я тебя всё же послушаю. Весна же, пора обострений. Вон как у тебя лицо пылает. Давление, наверное, подскочило. Давай померю.

—Да я и так знаю, Ниночка, что оно у меня скакнуло. А ещё у меня сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Какое счастье, что я тебя увидел! А помнишь, что я тебе написал в записке в шестом классе? А в восьмом—портрет твой нарисовал. Правда, он тебе почему-то не понравился…

—А как я в девятом от тебя бегала?—подхватила оживившаяся и тоже вся раскрасневшаяся Нина Егоровна.—Как же ты мне тогда надоел, Бурцев, со своими ухаживаниями! Да и сейчас, вижу, смотришь на меня такими же глазами… Ну что ты на меня так смотришь, Серёжка? Я ведь уже старуха!

Нина Егоровна вздохнула и опустила глаза.

—Кто? Ты?!—почти закричал Сергей Львович.—Да ты как была для меня самой красивой девчонкой не только нашей школы, но и всего нашего городка, всей планеты, так ею осталась!

—Это правда?—Нина Егоровна вновь подняла на Сергея Львовича свои лучистые синие глаза.—Врёшь ведь, Серёжка… Ну ладно, раз ты у меня здоровый, выйди в коридор, и подожди, я уже заканчиваю приём. Посидим где-нибудь, поговорим.

—Можно—у меня дома, Ниночка? Я тут недалеко живу, тоже, кстати, один. Нам никто мешать не будет. И у меня такой гуляш есть, сам вчера приготовил!

—А приставать не будешь, как в десятом классе?—лукаво спросила Нина Егоровна, кокетливо поправляя выбившийся из-под белой шапочки локон.

—Да ну что ты, как можно!—неуверенно сказал, выходя из кабинета, Сергей Львович.

А уже в коридоре, прислушавшись к своим почкам, печени и прочим органам, решил: ещё как можно! И даже нужно. Уж сейчас-то он своего счастья не упустит. Ну а случись чего, личный врач—вот он, под боком!

«Самое *оно*»

В пятницу Валентина позвонила Пятайкину на работу и попросила по пути домой зайти в аптеку и купить какой-то чепухи—то ли от кашля, то ли от головной боли. Григорий прикинул: если взять на вечер не шесть, а три банки любимой «Балтики», денег на эту чепуху должно хватить.

В аптеке Пятайкин долго ходил от витрины к витрине, разглядывая разноцветные и разномастные коробки и упаковки, пузырьки. И тут Григорий увидел неприметную коробочку с крупной надписью «Самое *оно*» и ниже помельче: «Мужчина становится неотразим! Все женщины в восторге! Эффект—24 часа».

«Интересно»,—подумал Григорий. Он уже принимал и «Виагру», и «Вука Вука», но всё это было не то. То есть ему-то нравилось, а вот Валентине—нет. Попробовать, что ли, это самое «Самое *оно*»? И Григорий купил две упаковки многообещающего средства.

Дома он отдал жене её лекарства, а своё оставил в кармане куртки. И забыл про него—по ящику допоздна шёл хоккей, а что может быть лучше хоккея с пивом? Валентина уже посапывала в их супружеской постели, когда Пятайкин наконец угомонился. Забравшись под одеяло, он потянулся было к спящей жене, но вспомнил, что забыл принять «Самое *оно*». Впереди же были выходные, и Пятайкин решил перенести своё законное домогательство к жене на субботу.

Утром он проснулся первым («Балтика» своё дело знала!) и пошлёпал в туалет. Уже когда умылся, вспомнил про «Самое *оно*». «А приму-ка я его с утра!»—озорно подумал Григорий.

Он распаковал коробку, там оказалась всего одна таблетка. Григорий подумал и распечатал вторую упаковку—чтобы уж наверняка! Запил обе таблетки водой из-под крана. И тут же почувствовал, что на него накатила волна необыкновенной нежности и желания позаботиться о жене, он даже весь содрогнулся от охватившего его чувства.

Григорий хотел было тут же пойти в спальню. Но ноги его понесли почему-то на кухню. А там Пятайкин неумело, но споро пожарил яичницу с колбасой, заварил свежего чая с лимоном, поставил всё это на поднос. И понёс в спальню!

—Вставай, милая!—хрипло, но нежно сказал Григорий, сам не понимая, что говорит.—Я тебе завтрак принёс. В постель. Вот!

Валентину как будто кто подбросил.

—Пятайкин,—сказала она тонким голосом,—это ты?

—Да, милая, это я,—подтвердил Григорий, целуя Валентину в тёплую и розовую со сна щёку.—Завтракай, дорогая. А я пока пойду помою посуду.

Чашка с чаем выпала из рук Валентины на простыню.

—И простынку постираю, ты не беспокойся,—поспешно сказал Пятайкин и, оставив жену сидеть с открытым ртом, пошёл мыть посуду.

А ещё он в тот день пропылесосил квартиру, развесил на балконе бельё на просушку (стирку Валентина всё же отбила для себя) и сварил обед, правда, пересолив его. При этом каждый раз, когда их пути в квартире пересекались, Григорий без конца обнимал и тискал свою жену и говорил ей такие

комплименты, что Валентина просто вся светилась от удовольствия. Надо ли говорить, что вечером телевизор в доме Пятайкиных остался не включённым, и супруги до самого утра в постели выделывали такое, что никакой «Камасутре» и не снилось…

Выходные пролетели как сон. Впереди были однообразные будни. А Пятайкину хотелось продолжения праздника. После работы он вновь заехал в аптеку, подарившую ему два незабываемых счастливых дня.

— Мне «Самое *оно*», на все,— сказал Григорий, протягивая сидящей на кассе матроне в белом халате всю свою заначку — пятьсот рублей.

— Нету, молодой человек, кончились.

— А как же теперь?..— растерянно пробормотал Пятайкин.— А когда мне зайти?

— Не знаю,— пожала плечами матрона.— Насколько мне известно, остановили производство этого лекарственного средства. Лицензии у них не было. Да вы лучше «Виагру» купите…

— Нет, это совсем не то,— грустно сказал Пятайкин.— Валентине моей не это нужно. Вернее, не совсем это…

— Здрасьте-пожалуйста! — насмешливо хмыкнула матрона.— Можно подумать, что вы, мужики, всегда знаете, что женщине нужно.

— Я, пожалуй, знаю,— убеждённо заявил Григорий.

По пути домой он завернул не за пивом, как обычно, а зашёл в гастроном и купил готового фарша и макарон. Уже совсем перед домом заглянул и в цветочный павильон.

Открыв дверь, Валентина ахнула: Пятайкин протягивал ей цветы и невыразимо нежно улыбался. И привлекательнее, сексуальнее мужчины для неё в этот момент просто не существовало. А когда Григорий ещё и заявил, что на ужин сегодня будут макароны по-флотски, Валентина расплакалась прямо у него на груди.

— Милый, что с тобой? — всхлипывая, спросила она.— Ты не заболел?

— Да, милая моя, я вновь заболел. Тобой! — ласково сказал Григорий, целуя жену в завиток на виске.

— Тогда не выздоравливай. Никогда! Хорошо?

— Я постараюсь…

Рыбка моя

Я свою Светланку ласково зову «рыбкой». Ну, маленькая потому что, живая очень, трепетная. Красивая, конечно, а как же. И вот, казалось бы, за такой-то срок, что мы вместе, можно было изучить свою спутницу и подругу вдоль и поперёк. Ан нет — всё время открываю в ней что-то новое, неожиданное. Как вот в этот раз. Мы осуществили давнюю мечту — съездили отдохнуть вдвоём (а то всегда отдыхали порознь, иного совместная работа не позволяла, с прошлого же года ушли на пенсию). Да не куда-нибудь, а на сказочный Крит!

Всё там было чудесно. Но не обошлось без «ложки дёгтя»: туроператор «Пегас Туристик» в день отъезда выдернул нас из отеля не в десять часов утра, как было условлено ранее, а в пять тридцать, чтобы в шесть быть уже в порту на посадке в самолёт. Ну, поворчали накануне, потом смирились: попадём в Красноярск не ранним утром следующего дня, а вечером сегодняшнего, так что сын нас сможет встретить на машине.

Рано обрадовались! Встретивший нас в порту Ираклиона дежурный экипаж самолёта сообщил, что машина по техническим причинам задерживается. Сначала на одно время, потом — на второе, третье. И так — двенадцать часов! Нас, а это было почти полторы сотни туристов, уже вывели из накопителя обратно в здание порта, завели в пищеблок, да там и оставили ожидать.

Правда, два раза покормили при этом, чтобы не шибко ворчали, да и поводов меньше будет для возбуждения судебных исков. Время тянулось утомительно долго, и что при этом было особенно обидно — отправка других самолётов по всем направлениям шла бесперебойно. Одни мы, сибиряки, торчали как неприкаянные на втором этаже здания порта, заняв все сиденья и столики кафе.

И тут я увидел у кого-то из наших в руках «Комсомолку». Спрашиваю: где взял? Внизу, отвечает, есть газетный киоск. И я отправился вниз по лестнице, чтобы прикупить и себе газету, всё веселей будет дальше ждать затерявшийся где-то наш самолёт. Рыбку, задремавшую за столом, беспокоить не стал. Но, увы, «Комсомолку» уже разобрали. Греческие газеты мне, конечно, и задаром были не нужны. Нашёл мятый экземпляр «Жизни» (толстый усатый продавец взял за газетку, между прочим, два евро — чистый грабёж!) — думаю, хоть что-то будет почитать.

И только отошёл от киоска, слышу объявление по внутренней трансляции пассажирам красноярского рейса, которые должны срочно пройти на паспортный контроль! И заждавшийся народ как повалил сверху!

Смотрю, Светланка моя стоит у перил на втором этаже, озирается по сторонам. Меня-то нет! Она туда метнулась, сюда. Очками своими поблёскивает, всё вокруг сканирует, а меня, машущего ей снизу газетой — я, мол, здесь, спускайся! — не видит.

А все бегут в это время к стойке паспортной регистрации — мы, россияне, всегда так, всё боимся, что без нас автобус уедет, поезд уйдёт или самолёт улетит. И тут Светка выкидывает такой финт. Не выдержав нервного напряжения: мужа-то всё нет и нет, а все ведь уже пошли на посадку,— она начала нервически подпрыгивать на месте и всплёскивать руками. Ну совсем как ребёнок. А ведь ей (открою страшную тайну!) через пару

лет уже шестьдесят! Бабушка уже рыбка-то моя. А ведёт себя как глупая девчонка.

Я не выдержал и захохотал при виде такой картины. И громко, никого не стесняясь, перекрикивая гомон толпы, крикнул:

— Светка, да я здесь! Спускайся давай!

Ну, подробности того, чего наговорила мне моя любимая, опущу. Это же она любя, боясь потерять меня. И поплыли мы с моей рыбкой… то есть полетели, счастливые, вместе домой…

Изюминка

Как-то одним мартовским утром я стоял в очереди в регистратуре красноярского СПИД-центра, чтобы сдать кровь на анализы,—не подумайте плохого, просто собирался на плановую госпитализацию, а без этого анализа, понятное дело, больница не примет.

Окошечко было ещё закрыто, и я, выбравшись из очереди, присел на лавку у стены. И тут мой взгляд зацепился за молодую женщину, стоявшую до этого впереди меня. Там, в очереди, я мог видеть только её узкую спину с рассыпанными по плечам роскошными рыжими, почти красными волосами. А тут, немного со стороны, появилась возможность рассмотреть её получше.

Правильно, начал я с ног, обтянутых колготками телесного цвета. И хотя ноги эти были открыты только до колен, выше их скрывало пальто, я от этих ног уже не мог оторвать глаз. Вернее, от щиколоток.

Боюсь, у меня не хватит слов, чтобы описать их красоту. Они были тонкие—не худые, а именно тонкие и изящные, плавно переходящие опять же в изящные округлые икры. Полы пальто не могли скрыть стройности этих ножек.

Обладательница их время от времени как-то по-особенному отставляла в сторону то одну, то другую ножку в красивых ботильонах (вот не люблю этого слова, но это были именно они, ботильоны). И столько женственности и сексуальности было в этой отставленной ножке!..

Но, блин, лучше бы она не оборачивалась, и я бы унёс с собой созданный в моём воображении образ пленительной молодой женщины.

Однако она обернулась. И оказалась простушкой, с размалёванными глазами, мелкий калибр которых не могла скрыть никакая краска, с толстоватым носом и большегубым ртом, опять же искусно, посредством помады, визуально уменьшенным в размере.

М-да, не красавица… Но, с другой стороны, друзья мои, много ли вообще на свете таких женщин, в которых бы всё сочеталось самым наилучшим образом: и лицо, и фигура, и манеры, и этот, как его, ум? Таких, если честно, единицы. И я не открою большого секрета, если скажу, что женщину мы вообще-то можем любить и за отдельные её, извините, части, наиболее пришедшиеся нам по вкусу.

Вот когда мне было десять лет, я влюбился в одноклассницу за то, что однажды увидел её на морозе синей, и этот цвет её к тому же ещё и хорошенького личика так сочетался с её сизоватой меховой шубкой, что я на долгие годы, вплоть до окончания сельской восьмилетки, был в неё безответно влюблён. Впрочем, она о моих чувствах, я так думаю, и не догадывалась.

А уже став взрослым, перед армией влюбился в девчонку, в которой меня покорил её… носик! Такой аккуратный, точёный—ну просто само совершенство среди женских носиков. И я любил целовать его. Ну да, и губы тоже. До всего остального добраться, увы, не успел—до меня раньше добрался военкомат.

Ещё одна девушка, это когда я уже вернулся из армии, сводила меня с ума своей шеей—длинной, белой, с пульсирующей под почти прозрачной кожей синеватой жилкой. И для меня эта часть её тела была самой привлекательной. Не отказывался я, конечно, и от остальных, но вот эта почти лебединая шейка вводила меня в экстаз, и сколько бы её хозяйка шаловливо, а порой и сердито, ни шлёпала меня по губам, я так и не научился не оставлять на ней следы.

Или вот мой знакомый, Виктор—тот сходил с ума, если встречал особей с зелёными глазами. Он прямо трясся от вожделения и был готов идти за зеленоглазой женщиной на край света. И ведь встретилась ему такая—Наташа, с глазами цвета малахита.

Правда, замужняя уже, с ребёнком. Но Виктора это не остановило, он увёл зеленоглазую Наталью из семьи и увёз её хоть и не на край света, но, считайте, на край России, в Ставрополье. И они жили там счастливо, но, правда, недолго, потому что у Виктора эту Наташу сумел отбить другой любитель зелёных глаз.

Впрочем, пора уже возвращаться ко мне. Мне вот повезло: женился на женщине, которая ну само совершенство (чего уж там скромничать!). Но больше всего мне нравится её профиль. Он и сегодня у Светки остаётся очень милым и женственным, и я люблю вглядываться в него и думать: «До чего же хорошо, что я тебя когда-то встретил!..»

А то, что я иногда обращаю внимание и на других женщин, вовсе не означает, что я готов променять свою жену на кого-то другого. Ведь и на неё тоже кто-то смотрит. И пусть смотрит. Нельзя не любоваться красотой и совершенством женщины. Пусть они при этом не все красавицы. Но в каждой есть своя изюминка, заставляющая мужиков идти с ними хоть на край света…

Елена Аушева

Всё ро́вно

Северное лето Арину не радовало.

Она ждала его долгие девять месяцев, то обнадёженная короткими мягкими оттепелями, то снова разочарованная завыванием свирепых ветров. Они, словно в припадке гнева, били по лицу наотмашь ледяной крупой, сердито разгоняли всех по домам, опускали ртутные столбики термометров ниже сорока градусов.

Арина постепенно смирилась с тем, что нужно постоянно носить лыжный костюм, что приходится прятать лицо в пушистый шарф, оставляя на потеху морозу одни глаза с белой бахромой ресниц.

И, когда зима стала казаться бесконечной, о себе заявила весна. Робко и несмело. Месяц сугробы медленно оседали, словно дамы в реверансе, подбирая пышные юбки — сначала белые, потом серые, — и вдруг исчезли, расплескались огромными лужами, потекли мутными ручьями, а солнце щедро поливало сверху светом настолько ярким, что все краски слились в одно слепяще-белое пространство.

Долгожданное лето обозначило своё присутствие только на календаре. Оно было размеренным, холодным, сшитым из облаков, рвущихся об острые верхушки ёлок. И ветер, ветер снова дышал в лицо холодом, забавляясь, перегонял вдоль линии горизонта — от запада к востоку — огромные ватные куски туч. А когда он, наигравшись, сдул последние клочья, небо чистой синью устремилось ввысь и сразу же полиняло от внезапной жары. Город поплыл в мареве, а воздух наполнился влажной липкой духотой.

Отмахиваясь от лезущих в глаза настырных мошек, Арина всё чаще вспоминала море, свежий бриз, таинственные сказки неумолчного прибоя.

Но о море приходилось только мечтать! Молодая женщина поменяла работу в разгар лета, и по воскресеньям она вместо морской набережной ходила по речному берегу, слушала резкие крики чаек и, закрывая глаза тёмными очками, пыталась обмануть себя и представить, что она на далёком южном курорте.

В коридоре административного здания было тихо и сумрачно: период отпусков в разгаре. Арина Леонидовна не сразу отыскала дверь с табличкой «Отдел правовой и кадровой работы». Надпись гласила, что здесь работают два специалиста: Светлана Борисовна Лямкина и Юлия Ивановна Ромашкина. Ячейка начальника отдела пустовала.

Арина, тихо потянув на себя дверь, вошла в кабинет. За столом, у распахнутого настежь окна, восседала женщина с короткой старомодной стрижкой «перьями», в строгом костюме классического кроя. Полная дама увлечённо рассматривала документы и не обращала внимания на вошедшую. По неестественно прямой позе и по тому, что она поминутно вытирала лоб бумажной салфеткой, Арина Леонидовна сделала вывод, что костюмы женщина носит нечасто, а ткань, скорее всего, синтетическая. Видимо, специалист отдела принарядилась к приходу новой начальницы.

Где-то на столе зазвонил телефон. Отыскав его в ворохе бумаг, женщина нажала на кнопку приёма звонка:

— Алё! Да. Специалист по кадрам Лямкина. Да. Какие ещё остатки отпусков? Нет у вас ничего! Я откуда знаю? — оторвалась от телефона и сердито буркнула, заметив Арину: — Вам чего?

— Здравствуйте. Я — Арина Леонидовна, новый начальник отдела. Вас заместитель генерального директора должен был предупредить.

— Здрасьте! Светлана Борисовна, специалист по кадрам, — скуластое лицо женщины расплылось в улыбке, а широко посаженные глаза стали узкими щёлками. — Вот, рабочие вопросы с отпускниками решаю. Такие все умные! Всё норовят побольше дней отпуска хапнуть! Но я не даю! А работать кто будет?

Арина не поддержала беседу. Она посмотрела на единственное свободное рабочее место в маленьком кабинете: на столе громоздятся коробки, валяются бумаги, журналы. Новый руководитель отдела принялась освобождать от канцелярского хлама кресло.

— Ой, Арина… как ваше отчество? у меня на имена память плохая… не трожьте! — высоким пронзительным голосом почти закричала Светлана Борисовна. — Это не разложено! Вот приберусь, потом сядете. А может, пойдёте познакомитесь пока с коллективом?

И Лямкина, несмотря на свою полноту, бойко выскочила из-за рабочего стола, торопливой походкой засеменила к двери и, улыбаясь и разговаривая, пухлой рукой поманила начальницу в коридор.

— Айдате! Прямо — экономисты, направо — бухгалтерия, налево — приёмная. Ну, знакомьтесь, я покамест разберусь тут, — холодный пристальный взгляд не сочетался с приклеенной к лицу улыбкой.

Позже из личного дела Светланы Борисовны Лямкиной Арина узнала, что коллега носила звание «Ветеран труда». Она всю жизнь проработала в городском потребительском обществе продавцом, а незадолго до выхода на пенсию получила высшее образование по специальности «менеджмент» и сменила сферу деятельности. Никто не мог объяснить, почему её взяли специалистом по кадрам: без опыта, без особого желания учиться новому.

Впрочем, сама Светлана Борисовна считала себя большим специалистом, особенно в области психологии общения. Понятие о психологии было у неё очень своеобразным: она задавала сотрудникам личные вопросы, а потом сплетничала обо всех, кто заходил в кабинет. Работники робели под прицелом внимательных глаз и интуитивно обходили отдел кадров стороной, решая все вопросы через заявления и появляясь в нём лишь при крайней необходимости.

Лямкиной было комфортно делать стандартные рутинные операции, а сложные задачи ставили её в тупик. Каждый день проходил в борьбе: Арина Леонидовна намечала задачи, а Светлана Борисовна их саботировала. В конце рабочего дня Арина Леонидовна чувствовала себя эмоционально опустошённой и физически ослабленной, как будто противостояние с подчинённой было не словесной перепалкой, а тяжким ощутимым бременем.

Однако, как только выдавалась свободная минутка, Светлана Борисовна оживлялась и обрушивала на руководителя поток информации.

— Арин Льнидовна, — хитро прищурившись, начинала Лямкина. — Раз мы на работе всю жисть живём, так и знать друг о друге всё должны! Вот я тётка простая, мне скрывать нечего! У меня муж есть, Паша, мой дедушка, я так его зову. Я в молодости его женила, можно сказать, на себе. А что было делать? Я его заметила на работе, а он скромный. Любила, наверное. Да. А сейчас — и не знаю. Да и какая нынче любовь? Теперь что надо? Поддерживать друг друга. В болезни и в здравии — или как там? А теперь вы о себе расскажите!

— Я разведена. Дочку воспитываю, она школьница, — сухо ответила Арина.

— И что он? Муж-то бывший? Помогает? — допытывалась Лямкина.

— Он умер.

— Да-да. Вот так живёшь-живёшь. А потом… Ну ничего, вы ещё замуж выйдете! — подмигнула густо накрашенными глазами в обрамлении голубых ресниц Светлана Борисовна.

Она смолкла на мгновенье. Но тут же продолжила с неподдельным интересом:

— А кто вы по гороскопу?

— Я в гороскопы не верю, — ушла от темы руководительница.

— И зря! Вы — типичная Дева, я же вижу! Я верю и в гороскопы, и в фэншуй, и в силу слов! — лицо Светланы Борисовны приобрело очень серьёзный вид, а голос — назидательный тон. — Вот в спальне у вас есть картина?

— Да, абстракция какая-то висит.

— А надо пару!

— Что пару? Пару картин?

— Нет же! Пару лебедей или пару котиков! Для парной жизни. Тогда и замуж выйдете. А как же?!

Начальница, еле сдерживая улыбку, наклонила голову, посмотрела на своего специалиста через очки и выдержала долгую паузу. Светлана Борисовна горячо продолжала:

— И нельзя никогда говорить, что у вас всё плохо или всё отлично, если спрашивают: «Как дела?»

— Вот как? — уже не выдержала Арина Леонидовна. — А что же нужно отвечать?

— Всё ро́вно! Вы говорите: «Всё ро́вно!» — и будет всё без сучка без задоринки! Это так.

— Вы приказы напечатали? — прерывала словоохотливую подчинённую руководительница.

И Светлана Борисовна, вздохнув, неохотно шла на своё рабочее место, короткими пухлыми указательными пальцами медленно стукала по клавишам, а выполнив поручение, тут же убегала в соседний кабинет. Арине Леонидовне казалось, что если Лямкина не поделится с кем-нибудь очередной новостью, то её просто разорвёт от невысказанности.

Отношения подчинённой и начальницы всё больше напоминали театр военных действий: спокойное состояние холодной войны сменялось ожесточёнными боями. Но и на этом фронте случилось затишье: Лямкина написала заявление о предоставлении отпуска на целый месяц!

Арина Леонидовна с нескрываемым чувством блаженства поглядывала на календарь в день по нескольку раз.

В последний день работы Светлана Борисовна много суетилась, собирая домой горшки с цветами.

— Цветы одну руку любят, — уклончиво ответила она на предложение оставить растения в кабинете.

Когда груз был упакован, дверь приоткрылась, и Лямкина радостно замахала рукой, приглашая кого-то войти.

— Вот, Арин Льнидовна, вот он, мой дедушка, мальчишка мой худенький! — игривый тон сразу изменился на ворчливый, и она деловито всунула мужу в руки коробку. — Держи, да покрепче! Неси в машину. Чего стоишь-то? Иди давай!

Арина Леонидовна поздоровалась. Высокий худощавый мужчина, одетый не по погоде в камуфляжный костюм, смущённо кивнул головой и быстро вышел.

— Похудел чё-то. Раньше справнее был,— призадумалась Светлана Борисовна.— Да и хорошо! Не люблю толстых. Ну, до понедельника!

Лямкина залилась громким, на весь коридор, резко-пронзительным смехом. Каждый день, прощаясь, она говорила «до понедельника» и каждый день искренне хохотала надоевшей всем шутке. Арина Леонидовна кисло улыбнулась, но, взглянув на календарь, от всей души пожелала коллеге хорошего отдыха.

Светлану Борисовну сменила на рабочем посту Юлечка — девушка с огромными серыми задумчивыми глазами, пепельно-русой толстой косой. Она работала быстро, без лишних вопросов, и от малейшего внимания со стороны заливалась здоровым румянцем.

Стояли прохладные дни августа. Михаил Сергеевич, заместитель генерального директора, перед рабочим днём зашёл в отдел Арины Леонидовны. Задал пару вопросов и столкнулся в дверях со Светланой Борисовной. Михаил Сергеевич, крупный моложавый мужчина слегка под сорок, необыкновенно энергичный, в смущении остановился, пропуская специалиста по кадрам, лезущего напролом.

— Здрасьте! — громко, но не обращаясь ни к кому, поздоровалась Лямкина и, поставив сумку на стол, начала активно в ней что-то искать. Михаил Сергеевич оглянулся на Арину Леонидовну, в нерешительности провёл огромной ладонью по гладко выбритой голове:

— Так я жду от вас предложений после обеда, Арина Леонидовна?

— Да, Михаил Сергеевич. В два часа я подойду к вам.

Заместитель директора вышел.

Светлана Борисовна перестала копаться в своей сумке и посмотрела на начальницу сощуренными глазами, многозначительно улыбаясь:

— Так-так… неровно дышим, значит!

— Вы о чём, Светлана Борисовна?

— Дак как о чём? Запал наш Михаил Сергеевич на вас. Я ещё перед отпуском заметила, уж слишком он к нам часто заходить стал,— улыбка стала ещё слаще.

— Запомните, и больше к этой теме возвращаться не будем: я на работе романы ни с кем не завожу. И не желаю выслушивать ваши домыслы! Вам понятно? — Арина Леонидовна разговаривала резко, отрывисто.

— Как будто я не вижу,— продолжала бурчать Лямкина.— Вот вам, нате!

Она сунула начальнице и Юлечке по магнитику с изображением Анталии и пошла по кабинетам раздавать коллегам сувениры. Из коридора доносились взрывы хохота. Раздался знакомый визгливо-смеющийся возглас:

— А! Мышки-мормышки! Тоже с отпуска приехали? Это мне? Ну, спасибо! — и Светлана Борисовна, зайдя в кабинет, сменила улыбающееся выражение лица на сердито-хмурое.

Она покрутила в руках магниты, подаренные ей коллегами, и выбросила подарки в мусорную корзину.

— Что за дрянь! Терпеть эту ерунду не могу. Вот прямо бесит! Привозят из отпуска хлам, пространство засоряют. А по фэншую пространство должно быть свободным для энергии!

— Чтобы всё было ро́вно? — подняла голову от отчёта Юлечка, с трудом сдерживая улыбку.

— Да. Всё ро́вно.

— А почему вы девочек из бухгалтерии мормышками зовёте? Мормышка, кажется, имеет отношение к рыбалке? — оторвалась от срочного проекта Арина Леонидовна.

— Да? Не знаю. Слово смешное. Мышки-мормышки. Но вы правы! Серые мышки такими только прикидываются, а на них мужики и клюют! А вот вы слишком умная, Арин Льнидовна. Поэтому и не замужем. Умных не любят! — произнеся свой вердикт, Светлана Борисовна удалилась на место.

Арина Леонидовна снова не нашлась что сказать.

И это ощущение растерянности росло в ней с каждым днём. Казалось, что Светлана Борисовна, соскучившись по рабочим новостям, старалась возместить своё отсутствие удесятерённой активностью: она каждые пять минут бегала по кабинетам, громко смеялась в коридоре, раздавала направо и налево советы, отпускала пошлые шутки, в которых целомудренно не договаривала сальные слова, и игнорировала поручения начальницы.

— Ну всё, обед. Пора ням-ням! — залилась фальшивым смехом Лямкина.

В производственной столовой к Светлане Борисовне плывущей походкой приблизилась шеф-повар Лариса Григорьевна. Маленькая, кругленькая, с аккуратной стрижкой и ярким макияжем, она выглядела гораздо моложе Лямкиной. Работница общепита и бывший работник торговли могли разговаривать часами, обсуждая своих коллег. Арина Леонидовна торопливо проглатывала свой салат «Цезарь» и борщ с пампушками, стараясь не слушать увлечённой трескотни.

— Сегодня как принарядился! — кивнула в сторону столика, за которым сидел Михаил Сергеевич, Лариса Григорьевна.— Ишь ты! Прям павлин! Причина какая есть?

Лариса Григорьевна, не отрываясь, смотрела на Арину.

— Сегодня собрание учредителей, Лариса Григорьевна,— сухо ответила Арина.

— Да? — шеф-повар переглянулась с Лямкиной.— А может, романтический вечер после работы? А?

Лариса Григорьевна и Светлана Борисовна дружно хихикнули.

— Спасибо за обед. Всё, как всегда, очень вкусно,— поспешно встала из-за стола начальница отдела.
— А чай? Чай что, не будете пить?—громко, на всю столовую, закричала вслед уходящей Арине шеф-повар.

В кабинете Юлечка корпела надо документами.
— Юля, почему вы не пошли на обед?—поинтересовалась Арина Леонидовна.
— Я не успеваю. Мне Светлана Борисовна документы отдала, а я ещё свои не закончила,—на глазах безответной Юлечки блеснули слёзы.

Юля сидела, испуганно вжавшись в кресло. Арина разговаривала с Лямкиной на повышенных тонах. Ровным жёстким голосом она перекрывала торгашеский речитатив, переходящий на визг, и снова спрашивала:
— На каком основании вы даёте поручение другому специалисту?

Лицо Светланы Борисовны покрылось пятнами, фразы давно лишились стройности и смысла, она выкрикивала бессвязно:
— Да как вы потом будете жить? Как вам… Вы мне в дочери годитесь! Я—ветеран труда!

И Арина сказала фразу, за которую ей было действительно стыдно:
— Или вы выполняете мои поручения, или пишете заявление на увольнение!
— Не напишу. Увольняйте по статье!—Лямкина с силой грохнула о стол папкой с документами.

Спокойным железным голосом Арина равнодушно отчеканила:
— Перестаньте ломать комедию. Идите и займитесь своими обязанностями.

Лямкина выскочила из кабинета.

До конца рабочего дня больше никто не произнёс ни слова.

И снова понеслись рабочие дни, и снова Светлана Борисовна произносила каждый день банальные вещи с видом глубокомысленным и просветлённым:
— Вот так и живём. С понедельника по пятницу. Всю жисть на работе. Работа—дом—работа. И можно ведь мне пойти на пенсию. Но хочется уровень жизни иметь соответствующий. Для чего мы живём? Да чтобы работать! Матушка ты моя, да чего ж тебе надо?—переключалась она на вошедшего посетителя.

И если «матушкой» оказывался мужчина, протестующий против такого звания, Лямкина громко и фальшиво смеялась, щуря глаза в голубых ресницах.

Михаил Сергеевич по-прежнему заглядывал в кабинет, лично обсуждая с Ариной Леонидовной важные вопросы, в нерешительности потирал блестящую бритую голову и уходил, легко унося большое тело, оставляя в кабинете запах дорогого мужского парфюма. Светлана Борисовна бросала красноречивые взгляды на начальницу, но комментировать историю взаимоотношений заместителя директора и начальника отдела не решалась.

Арина Леонидовна мучилась чувством вины. Она твердила себе каждый день, что не имела права повышать голос, грозить увольнением. Впрочем, когда подчинённая устраивала очередной акт неповиновения, угрызения совести затихали, и крепла уверенность в правильности своих поступков.

Наступил ветреный студёный февраль. Заваленная отчётами и срочными запросами, Арина Леонидовна мало обращала внимания на своих подчинённых: Юлечка работала тихо и быстро, а Светлана Борисовна всё свободное время посвящала поиску санатория, чтобы поправить своё и без того крепкое здоровье. Поэтому, поручив новое дело Лямкиной, начальница не сразу поняла, в чём дело: Светлана Борисовна громко зашмыгала носом. Удивлённо повернув голову в её сторону, она увидела, что специалист по кадрам плачет, прижимая к глазам платочек.
— Светлана Борисовна, да… что вы так близко к сердцу всё принимаете? Давайте я ещё раз вам объясню, как этот приказ составить!—она налила из чайника воды в стакан.—Выпейте, успокойтесь. Ничего страшного, вы всё успеете.
— Ой, Арин Льнидовна, я такая плакса!—миловидное широкое лицо расплылось в слезливой гримасе.—У нас ведь Скорпион скоро родится, представляете!

Арина заулыбалась:
— Ну наконец-то! Вы же так хотели, чтобы у Тани второй ребёнок родился! Я вас поздравляю! Оставьте вы свои суеверия, нет никаких Скорпионов и Водолеев, главное—у вас будет ещё один внук. Или внучка?
— Нет, зря вы не верите!—как-то резко прекратила плакать Лямкина.—Если в семье рождается Скорпион, он забирает кого-то взамен. Это такой вампир, понимаете? Он выпивает чужую жизнь! Паша скоро умрёт…

Светлана Борисовна снова стала сморкаться в платочек.

Арина Леонидовна оторопела:
— Как умрёт? Почему? Он такой крепкий мужчина, не старый совсем. Господи, да что с вами, Светлана Борисовна?! Вы верующий человек?
— Немного. Но крестом иконы вышиваю. Батюшка освящает. Недавно Троицу вышила, я на телефон фотографировала, вам сейчас покажу,—опять оживилась и перестала шмыгать Лямкина.
— Как интересно! «Троица» Рублёва?
— Какого Рублёва? Ну, Троица: Христос Спаситель, Богородица и Николай Чудотворец! Вы не знаете разве?—с чувством превосходства посмотрела подчинённая.

— Да. Наверное,— не стала опровергать начальница.
— Я долго думала, куда повесить: в спальне — лебеди, на кухне — натюрморт. Повесила в коридоре возле входа. Как раз местечко свободное,— листала фотографии в «Галерее» Светлана Борисовна.
— Вы в церковь сходите, все мысли грустные и уйдут,— положила руку на её телефон Арина.
— Да зачем?! Ведь у Паши-то рак! Умрёт он, не жилец! — разрыдалась Лямкина.

Юлечка, которая робко смотрела на всю сцену из-за монитора, решительно вскочила и подошла к коллеге:
— Светлана Борисовна! У меня сестра двоюродная уже шесть лет как раком лёгких болеет. И держится! Вы не отчаивайтесь, вы надейтесь на лучшее!
— Ему операцию назначили. На март.
— Вот и хорошо! Если оперируют, значит, шансы есть! — убеждали в два голоса Юлечка и Арина.
— Да. Но как же быть с путёвкой в санаторий? Я же билеты невозвратные взяла! — и Лямкина запричитала в голос.

Весна в этом году нагрянула в начале марта. Синоптики поражали противоречащими прогнозами, Интернет пестрел сообщениями о природных аномалиях, а старожилы не могли припомнить такой ранней и тёплой весны.

Арина Леонидовна ловила себя на мысли, что, идя по улице, беспричинно улыбается: синицы тенькали заливистыми колокольчиками, в воздухе пахло огуречной и арбузной свежестью, руки приятно холодила хрупкая тяжесть тюльпанов. В первый раз Восьмое марта на работе она встречала радостно, а не отбывая повинность. Для Арины этот праздник был днём весны, а зима постоянно превращала его в продолжение февраля. Но только не в этом году! Но только не сегодня! И второй букет тюльпанов, подаренный галантным Михаилом Сергеевичем ей и Юлечке, удваивал её радость и неудержимый, юношеский восторг жизни.

Светлана Борисовна уехала в санаторий, а после взяла длительный отпуск без сохранения заработной платы. «Буду ждать, как Паша…» — вздыхала она в трубку интересующимся коллегам.

А летом Арина Леонидовна наконец-то осуществила свою мечту и уехала с дочерью на море. Юлечка работала за троих, не доставляя никому хлопот, не тревожа в отпуске начальницу.

Арина Леонидовна приехала постройневшей, загоревшей и удивительно помолодевшей. Стеснительная немногословная Юлечка на этот раз не удержалась и восхищённо сказала:
— Ой, какая ж вы красивая!

Начальница рассмеялась:
— Вот что значит правильно отдыхать! Юлечка, а не назначить ли тебе премию? За отличную работу? Михаил Сергеевич не должен возражать.

Юля почему-то покраснела и закивала головой.
— А когда же вернётся наша Светлана Борисовна? Она из отпуска без сохранения вышла?
— Я вам не стала писать, чтобы не расстраивать. У неё позавчера были похороны. Муж умер,— тихо и печально сказала Юля.

Светлана Борисовна пришла на работу через неделю. Она не изменилась внешне: короткие каштановые волосы, глаза, обведённые ярко-синим, чёрные брюки в обтяжку и легкомысленная прозрачная кофточка. Арина Леонидовна шагнула навстречу:
— Примите мои соболезнования, Светлана Борисовна. Мы с коллегами собрали… в общем, возьмите от нас. Трат у вас было достаточно, здесь небольшая помощь.

Лямкина взяла конверт, положила на стол, хотела что-то сказать и начала плакать:
— Вот ведь. Одна я теперь! Как мне жить-то? Паша мой теперь не со мной! Мы ж с двадцати лет вместе. Как же так-то?

Весь день она то успокаивалась, то снова начинала вспоминать, порой разражалась бурными рыданиями. Никто не заметил, когда она успела позвонить в столовую, заказать Ларисе Григорьевне испечь блины. Во второй половине дня прибежала кухрабочая Даша, от которой вкусно пахло пирожками, поставила на стол блюдо с блинами, скомканно сказала слова сочувствия и убежала обратно на кухню. Необходимость действовать подняла расстроенную Светлану Борисовну с кресла. Со словами:
— Уж помяните-то Пашу,— предложила блины начальнице и Юлечке, унеся оставшиеся коллегам.

Среди гнетущей тишины раздался долгий и протяжный вздох, после чего Лямкина начала рассказывать.
— Паша-то всем угодил. Умер именно тогда, когда надо было. Ведь у Тани, у дочери, был юбилей со дня свадьбы — пятнадцать лет. А они с отцом последние десять лет не общались. Не знаю, что там у них произошло, только Таня его видеть не могла, даже к трубке не подходила, когда он звонил. Дак это понятно! И у меня отец такой же был! Нас с мамкой и братом и бил в детстве, и гонял, когда напьётся. Зато старым дедкой стал, жил уже когда один, всё меня просил: «Светочка, а ты бы меня к себе забрала!» А я как вспомню, сколько я от него натерпелась, то и скажу ему: «Живи, дедка, один! Я прихожу к тебе раз в день, тебе и хватит». Да и то сказать, он же из ума почти выжил в последнее время: то из дома уйдёт, потеряется, то целыми днями не ест, то мерещится ему, что за ним с улицы подглядывают. И чтобы я такого в свою новую квартиру с евроремонтом забрала? Нет. Одет, обут, накормлен. И хорошо. Я свой долг перед ним выполнила. Всё ро́вно.

Светлана Борисовна помолчала. Промокнула глаза, на которые опять набежала слеза.

— Так Таня, значит, тоже с отцом не очень. Я уж Паше говорю: ты, мол, давай помирись. А он гордый: «Пусть она первая!» Так и не помирились. Но Таня мне сказала: «Мать, если отец надумает раньше нашего юбилея умереть, ты мне не говори. Скажи позже. Нечего мне праздник портить». И ведь он всё сделал как надо! Умер на следующий день после юбилея. Такой хороший был… Хотя по молодости тоже и пил, и гулял. Но раз уж жили вместе, то всё ему прощала. А он, вредный такой, никак мне простить не мог, что я уехала в санаторий, когда ему операцию делали. А я ж разве не переживала? Конечно, переживала! Брату моему звонила несколько раз в день: как там Паша да как там Паша. Не отпуск, а мучение просто! Фотографии вы ведь ещё не видели, Арин Льнидовна? Я ж только Юльке показала!

— Да, покажете. Потом,—остановила её начальница.

Светлана Борисовна посидела молча, листая фото в телефоне:

— А фотографию на памятник ему я заказала, где он молодой. Что его старым, от болезни измученным показывать, правда? Вот он, Паша мой, мальчишечка мой!

Лямкина шумно отхлебнула из стакана, протянутого ей Ариной Леонидовной.

— Я ж покойников страсть как боюсь! А он задыхаться стал, умирать. Я позвонила в скорую, они приехали, я и говорю: «Забирайте его в больницу». А фельдшерица смотрит на меня, будто я не понимаю, и говорит: «Он уходит. Это последние часы. Может, минуты». Не забрали. Укол поставили, ему легче стало. Я тогда такси вызвала, посадила его и в больницу сама привезла. Ну не могу я с покойниками находиться. Нет, пусть лучше так! В больнице. Вот так и умер мой Паша. Как же я теперь без него? Он же ходил кота кормить. У нас, я рассказывала, избушка недалеко от квартиры—наш дом старый. Мы там давно не живём, а огород я засаживаю. И кот в избушке живёт. Степаныч. Старый, лет двадцать ему. Когда переехали в новую квартиру, куда я его? Поцарапает мне всё. Вот Паша его десять лет и кормил, ходил каждый вечер. Каждую зиму думала: ну, отмучился Степаныч! В морозы точно околеет. А нет. Он в сено закопается, тепло ему. Кто ж кормить будет ходить? Картошку выкопала уже, больше там делать нечего. Усыплю, наверное. Что мучить животное? Да. Надо же ветеринару позвонить, записаться.

И Светлана Борисовна стала набирать телефон ветеринарной клиники.

Открылась дверь, и вошёл Михаил Сергеевич. Он немного похудел, от него пахло новым дорогим парфюмом. Погладив бритую голову, он долго не находился что сказать, потом начал:

— Светлана Борисовна, я слышал про вашу потерю. Очень сочувствую,—он помолчал, потом с трудом продолжил, улыбаясь:—Может, неуместно. Но дело в том, что я женился. Я вас приглашаю в пятницу вечером в нашу столовую. Мы отмечаем нашу свадьбу—скромно, тихо. Всех пригласить в ресторан не смог, а на работе удобнее.

Лямкина оживилась, хитро заулыбалась, глядя на начальницу:

— Ох уж, Арина Леонидовна! «На работе романы не завожу»! Такого мужа отхватила! Поздравляю.

— А я и не завожу,—серьёзно ответила руководительница.—Поздравьте Юлю.

Юлечка покраснела и кивнула.

Михаил Сергеевич ещё раз сказал:

— Приходите,—и поспешно вышел из кабинета.

Светлана Борисовна некоторое время обескураженно молчала, потом громко расхохоталась:

— Ах ты, мышка-мормышка! Будешь теперь Князева! Ах ты, матушка моя!—и уже серьёзно добавила:—Лямкина—бурлацкая какая-то фамилия. Тоже поменяю. Через шесть месяцев можно и замуж! У меня уже два кандидата на примете есть. Надо ж пару. Надо, чтоб всё было ро́вно.

Наталья Потапова

Новый взгляд

«Мы выбираем, нас выбирают»

Я шла мимо сквера и вдруг застыла от зависти, увидев женщину, играющую с карликовым пуделем.

Осенило: хочу собаку. Пуделя или таксу? А может, взять в приюте брошенного пса?

Я думала над этим во время обеденного перерыва и перед сном. Думала весь следующий день. Такса хороша короткой шерстью, но у неё слабый позвоночник. Пудель — отличный компаньон, но не надоест ли мне заботиться о его «причёске»?

На третий день я поискала в Интернете адреса приютов. Когда стала планировать поездку, задумалась: так ладно смотрятся дети, гуляющие со своими собачками!

По моему наблюдению, женщины заводят собак от одиночества. Не ждёт ли оно и меня?!

Но, говорят, «судьба и на печке найдёт». Мы ехали в лифте с соседом по подъезду. Мне так понравилась ямочка на его подбородке, что я заулыбалась, и мы познакомились. Он пригласил меня в театр. Это будет послезавтра, в выходной. Обещают ясную тёплую погоду. Мы пойдём через парк, где живут белки.

Поэтому я решаю, о чём поговорить, что надеть и какое лакомство захватить для пушистых красавиц.

А страницу с собачьими приютами удалила — не стоит заводить… животных, когда есть симпатичный мужчина, потенциальный глава семьи.

Три звонка

Говорят, что без конфликтов нет развития. Я сомневался. А после этого случая перестал.

Как обычно, я работал дома за компьютером, когда позвонил Пётр, брат во Христе, неоднократно бывавший у меня в гостях. После взаимных приветствий он поделился:

— Был сегодня на рынке, «глаза продавал». Сейчас ужинать собираюсь, купил кильку в томатном соусе. Обидно: хотелось навагу, а денег не хватило.

Этот звонок всплыл в памяти через два дня, когда мне перечислили зарплату. Я пожалел Петра, живущего на маленькую пенсию и редкие подработки в качестве художника. План звонка созрел сразу.

— Пётр, ты вроде говорил, что хорошо в багажниках к велосипедам разбираешься и время свободное есть?

— Точно так. А что?

— Скоро узнаешь, — загадочно попрощался я и перевёл на его банковскую карту три тысячи рублей.

Сопроводительная надпись гласила: «Пётр, ты получил и забыл. Только, когда сможешь, купи багажник!»

Через час раздался звонок, и я услышал голос Петра, срывающийся на крик:

— Владимир, ты что творишь? Багажник стоит тысячу, зачем ты послал три? Я не голодаю и на паперть не собираюсь! Эх ты, а я думал, мы — друзья!

Выпалив это без паузы, он сбросил звонок. Я не мог продолжать работу и пошёл курить на балкон.

Я вглядывался в себя, думая, почему перевёл деньги. Увидел гордость за умение зарабатывать. Понял, что мой жест выглядел как скинуть шубу с барского плеча…

Я помолился, прося у Бога мудрости и крепкого ночного сна.

Утром меня разбудил звонок Петра. Мой брат во Христе говорил почти спокойно:

— Володя, ты прости меня за вчерашнюю грубость.

— Ладно. Забыли! — обрадовался я.

— А я ночью плохо спал и всё думал. Если бы меня спросили, чем ещё нужно дополнить Библию, то ответил бы: строкой «это тоже грех — запрещать человеку творить благо».

Просветление

История о надоевшем

— Всё, Сергей, до свидания! — прорычав в трубку, я бросила её на рычаг телефона, потом нокаутировала свою подушку и, обессиленная, поплелась на кухню пить валерьянку.

Ну почему мой брат так себя ведёт? Как мне надоело быть старшей сестрой!

А никуда не денешься: мама, перед тем как её не стало, велела мне заботиться о Серёже. Но у меня же не стальные нервы! Только валерьянкой и спасаюсь.

Я пью душистый чай с мёдом и смотрю на книжные полки, решая, что почитать перед сном. Асадов. Беляев. Николай Островский. Новый Завет — люблю читать вечные истины, открыв наугад.

У меня больше сотни книг, но сейчас только эти бросились в глаза. Почему? Пока не знаю.

Открываю наугад Новый Завет и читаю: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими». И тут-то у меня пазл сложился!

Пришло осознание, что я не права: смотрю на брата как на здорового. А ведь он болен! Хотя внешне это менее заметно, чем у моих любимых писателей, но болезнь наложила отпечаток.

Уф! Камень с плеч! Теперь я не буду терпеть брата, как мать Тереза, которая старалась любить людей, сжав зубы. Буду фильтровать его общение через снисходительность.

Я благодарно шепчу: «Слава Богу»,—и звоню брату.

— Серёжа, прости, я не дослушала. Хочешь, ещё расскажи, что у тебя?

Выбор профессии

Через год после войны Тамара и Клавдия окончили семилетку и прошли десять километров из деревни в город—поступать в медучилище на фармацевтов.

— Ой! Ну ни раньше, ни позже! Почему мы невезучие-то такие?—запричитала Клава, прочитав, что сегодня приёмная комиссия не работает.

Девчонки сели на лавочку, давая отдых уставшим ногам. Попутный грузовик проехал мимо.

— Что делать будем, подруженька?—спросила Тома, вытирая пот со лба.

Клава выпалила:

— Придётся завтра идти. Да?

— Нет, на меня мама завтра рассчитывает. Нашей Зорьке надо сено косить да с малыми нянчиться—ну что я тебе рассказываю! Надо что-нибудь придумать… А куда ещё можно поступить?

Клава наморщила лоб и вспомнила:

— Настя в педучилище документы сдала. Оно тут близко… Сходим, что ли?

— Ага!—воскликнула Тома.—Как тебе профессия учителя? Давай попробуем!

…Студенческие годы подруг прошли непросто. Девушки прилежно учились, помогая родителям в хозяйстве.

Наконец настал день, когда они вошли к первоклассникам. Работа пришлась им по душе.

Позже Тамара стала моей мамой.

Я и сейчас восхищаюсь её увлечённостью профессией и тем, насколько творчески она вводила малышей в огромный мир знаний.

Спасибо маме и тому повороту в судьбе!

Новый взгляд

Согласитесь, перед нами открывается мир иным, совершенно новым, когда мы смотрим со стороны, так сказать, с другого ракурса.

Например, видя впервые землю из окошка самолёта, мы замираем от нахлынувшего огромного пространства и панорамного обзора.

Точно такое же чувство я испытала, когда задумалась о своём месте в этой жизни.

Перед хирургической операцией спросила себя: кто я? зачем я? Видит ли меня сейчас Христос, знающий всё от начала мира по сегодня? В чём моё предназначение в этом мире?

С этими вопросами я и приняла наркоз.

Когда проснулась, вспомнила свои вопросы и внимательно посмотрела вокруг. Представила, что меня нет, что это не я, а кто-то за меня сейчас разглядывает окружающий мир.

Яблоки на тумбочке и их аромат вдруг оказались для меня самыми чудесными вещами в жизни.

Зашла медсестра, заговорила со мной. Она мне показалась самой доброй и симпатичной женщиной из всех виденных прежде.

За окном догорал закат—прекраснейший из пережитых.

И тут пришли ответы на эти сложные вопросы и понимание: я в этой жизни по важному плану Христа!

Он мне подарил этот мир, и я его увидела сейчас таким прекрасным, как никогда прежде.

Именно так и надо его видеть. Я прозрела и знаю теперь, для чего я и зачем я.

С тех пор и в печали, и в радости стараюсь смотреть на всё как бы из вечности, прошедшей и будущей.

Душу переполняют радость и красота. И благодарность…

Андрей Дмитриев

День предчувствия космоса

Дорога от райцентра до села тянулась через апрельские раскисшие поля, где тут и там ещё белел не успевший сойти снег, напоминая клочья пены на недобритой щеке спящего великана. Кстати, оставшаяся с прошлогодней жатвы стерня, пробиваясь щетиной сквозь обмылки сугробов, при всей фантасмагории делала подобное сравнение крайне реалистичным. В этом Богом забытом уголке среднерусской глубинки сельское хозяйство явно продолжало теплиться, судя по довольно широкой пашне, которой осталось уже недолго дожидаться очередного сева. К сожалению, того же нельзя было сказать о целом ряде других сёл и деревень, встреченных на пути, где примыкающие поля без рачительного хозяина успели порасти молодым лесом.

Но там, куда журналиста из газеты вёз «уазик» сельской администрации, аграрное предприятие продолжало худо-бедно стоять на ногах, хотя в условиях свободного рынка и жёсткой конкуренции, к которым колхозы в новую эпоху оказались неготовыми, оно растеряло былой потенциал и практически лишилось молодёжи, что разъехалась в поисках сладкой городской жизни. Впрочем, не совсем уж, получается, худо, раз хозяйству недавно удалось осилить серьёзный проект и сдать в эксплуатацию животноводческий комплекс на несколько сотен голов дойного стада. Это событие и ехал освещать через весеннюю распутицу корреспондент Александр Шаров.

«Тоже мне—стройка века,—думал про себя Александр, молча глядя в окно на однообразный пейзаж.—Разве возведение молочных ферм для села не должно быть производственной обыденностью? Люди испокон веков селились поближе к земле лишь с одной целью—чтобы работать на ней, а теперь каждый новый коровник презентуется так, будто это космический корабль. Кстати, название населённого пункта—Гагарино, и оно впрямь космическое». Александр даже улыбнулся, подметив это.

Конечно, не раз видя в журналистских командировках брошенные дома и целые деревни, он в глубине души всё-таки понимал, что сейчас в этих многострадальных краях запуск животноводческого комплекса действительно сродни полёту на Луну, потому что даёт шанс хоть как-то подняться над бездной.

— А далеко ещё до Гагарина?—спросил Александр пожилого водителя, который представился Владимиром Петровичем.

— До Гагарина нам ох как далеко,—засмеялся в седые усы бывалый шофёр, показывая указательным пальцем куда-то в потолок, видимо, подразумевая за ним всю необъятность Вселенной.—Неужели не помните, какое нынче число? Ай-яй-яй! Сегодня же двенадцатое апреля—День космонавтики!

— И правда, что-то я выпал из сетки календарной.

— А вот мне очень хорошо этот день запомнился—тот самый, что случился именно в тысяча девятьсот шестьдесят первом, хотя такая уйма времени уже пролетела. Я десятилетним пацаном ещё был. Мы тогда в городе жили, отец лесником служил и получил должность в управлении лесного хозяйства. Вся улица, помню, ликовала, когда по репродуктору объявили, что в СССР на орбиту Земли выведен первый в мире космический корабль с человеком на борту—майором авиации Юрием Алексеевичем Гагариным. Впрочем, это сообщение лично у меня вызвало, помимо восторга, ещё и в некотором смысле испуг. Чего я так напугался? О, это весьма забавная история, до сих пор хохочу. В конце пятидесятых в стране на волне успехов в освоении космоса большую популярность приобрёл ракетомоделизм. Появились специализированные кружки при Дворцах пионеров и станциях юных техников, где мальчишек учили строить действующие модели даже многоступенчатых ракет, от которых в полёте отделялась носовая часть и спускалась на землю на парашюте подобно капсуле с собаками Белкой и Стрелкой, чей успешный полёт стал в тысяча девятьсот шестидесятом году настоящей сенсацией. Свою посильную лепту в кустарное ракетостроение старались внести и мы.

— Неужели у вас была возможность самостоятельно изготавливать цельнометаллические конструкции?—наукоёмкий термин «ракетостроение» тут же приобрёл в голове Александра промышленный масштаб.

— Ну что вы, нет, разумеется. Корпуса наших космических кораблей мы клеили из обычного картона, снабжали их конусными обтекателями и стабилизаторами, а внутрь импровизированных камер сгорания помещали заряды пороха, которого у нас—детей лесников—было в достатке.

Честно сказать, неудачных стартов случалось больше, чем успешных,—то из-за криво приделанного оперения ракету бросало в сторону, а то она вообще взрывалась на земле, не успев взлететь, если где-то немного перехимичивали. Но за ошибками приходил практический опыт, и однажды мы сконструировали большую модель: проклеили корпус силикатным клеем, пролачили, покрыли серебрянкой, чтоб по цвету был похож на взаправдашний, дюралевый. Предусмотрели и маленький парашют для мягкой посадки.

— И как высоко в итоге эта ракета смогла взлететь?—поинтересовался Александр, несколько удивлённый тем, что обычный сельский водитель изъясняется столь литературным языком.

— Пробный пуск мы решили произвести как-то апрельским вечерком. Нашим космодромом был безлюдный пустырь на окраине города—абсолютно голое место, практически без деревьев, что облегчало поиски ракет, вернувшихся из полёта на землю. В этот раз всё прошло гладко: самодельный бикфордов шнур запалился и доставил искру к пороховому заряду, из-под сопла вспыхнул огонь, и серебристая модель взмыла в небо, оставив за собой хвост дыма. Мы задрали головы вверх, стараясь отследить траекторию полёта и приметить раскрывшийся белый купол, однако в считанные мгновения ракета исчезла из вида, будто растворилась в воздухе. Полагая, что радиус возможного падения не должен быть велик, так как взлёт получился на удивление чётко вертикальным, мы принялись осматривать пустырь, разделившись по всему его периметру. Однако наши тщательные поиски не увенчались успехом: нигде среди осевшего и местами побуревшего весеннего снега не блестел корпус ракеты, не наблюдалось и его отдельных фрагментов.

— Что, так и не нашли?

— Нет, хотя долго ещё искали—до тех пор, пока над пустырём не начали сгущаться сумерки. Проступили первые звёзды, прорисовался контур лунного серпа, а мы с досадой всё смотрели, как медленно разворачиваются очертания далёкого космоса, и с детской наивностью надеялись, что наша ракета просто продолжила полёт туда—навстречу мерцающей бесконечности. А что, всерьёз размышлял я тогда, пороху ушло у нас много, считай, весь имевшийся запас потратили, до орбиты планеты вполне может хватить. На следующий день из всех радиоточек город услышал, что советский корабль «Восток» доставил в космос человека. Как человека? Мы же никого туда не отправляли! О том, что запустить ракету, кроме нас, мог кто-то ещё, в тот момент даже мысли не приходило. Она же не вернулась, значит, наверняка улетела в атмосферу, а потом, должно быть, выше и дальше. Точно наша. Но человек на борту… Во дела! Эх, прознает отец-фронтовик про наши подвиги, а затем выяснит, что подворовываю у него порох из охотничьего арсенала, да ещё и вляпался в историю планетарного масштаба,—всыплет мне своим солдатским ремнём по первое число и во двор запретит выходить на месяц или на два.

— Что ж, в свои десять лет я, кажется, ещё в Деда Мороза верил, пока не застукал папу, прилаживавшего искусственную бороду, а в вашем случае фантастика неожиданно всё-таки воплотилась в реальность—можно представить, каково было потрясение,—мимолётно Александр мысленно вернулся к поворотному для своего юного сознания моменту.

— По мере поступления информации картина начала проясняться: полёт совершил лётчик Юрий Гагарин, выполнив виток вокруг Земли и успешно приземлившись. Мы с ребятами ликовали, даже про свою ракету на время забыли. Впрочем, следующая у нас получилась ещё лучше прежней. Собрать её нам помог дядя одного из друзей, который работал конструктором на оборонном заводе. Когда впоследствии я служил в ракетных войсках, часто вспоминал наши мальчишеские эксперименты, наблюдая за пусками с боевого поста и раз за разом убеждаясь: а ведь наши-то, хоть и картонные, летали всё-таки почти как настоящие. Впрочем, почему как?

— А вам не хотелось связать дальнейшую судьбу с ракетами и полётами в космос?

— Ну какому же парню тогда не хотелось? Хотелось, конечно, однако забот и на земле хватало. Демобилизовался, окончил сельхозинститут и пошёл по стопам отца—стал работать инженером лесного хозяйства, приехал в эти места. Сейчас я давно на пенсии, да на неё одну разве ж проживёшь? Приходится, пока силы есть, баранку крутить. Но чувствую: хватит уже на мой век, пора и на покой. Займусь внуками, научу, кстати, их ракеты мастерить. Они, конечно, у меня парни башковитые, с компьютером на «ты» и с разными там электронными штуками, книжки умные читают, но и руками неплохо бы уметь работать. Хотя разве ж это работа? Тут, скорее, страсть, азарт, воплощение мечты в реальность, от такого устать невозможно.

За разговорами Александр не заметил, как из-за поворота показалось Гагарино—старинное большое село, невдалеке от которого в лучах весеннего солнца поблёскивал металлической кровлей животноводческий комплекс.

— Ну что же, Владимир Петрович, вас, значит, можно смело поздравить с Днём космонавтики, вы ведь с друзьями, получается, самого Гагарина с полётом опередили,—улыбнулся корреспондент, ища в сумке диктофон, ручку и блокнот для предстоящего интервью с председателем сельхозпредприятия.

— Так мы ракету запустили одиннадцатого апреля, а не двенадцатого, мой праздник, выходит, вчера был,—отшутился водитель, въезжая на территорию молочной фермы.

— Это какой же?
— Хм... День предчувствия космоса, вот какой.

Александр выбрался из машины и направился к входу в здание, откуда к нему навстречу уверенным шагом вышел уже немолодой, но энергичный человек в резиновых сапогах и в серой зимней куртке, наброшенной на деловой пиджак. Приблизившись, он на ходу показал на центральный корпус недавно построенного объекта, как бы очерчивая журналисту главную тему его репортажа, а потом эту же руку протянул для крепкого мужского приветствия:

— Сергей Павлович Королёв — председатель сельскохозяйственного производственного кооператива «Гагаринский», а это наш новый животноводческий комплекс.

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Алина Ширматова (7 класс)

Ромашковая поляна

Что может быть бесценнее родного села? Взглянешь на знакомые и милые места и думаешь: «Какая же красота кругом!» Чем же так привлекательно моё любимое село? Прежде всего, хорошими людьми. Сибиряки во все времена вызывали уважение, потому что характер надёжный, закалённый. Ещё у нас прекрасная природа. Конечно, нет экзотики, всё просто — берёзки, кедры, сосны, ромашки да клевер. Но такую красоту никогда не затмят диковинные пальмы и лианы, потому что это наше, кровное, родное навеки. Я горжусь тем, что живу в Сибири. Для меня всё дорого, но роднее моей деревеньки нет ничего.

А деревенька эта -Весёлые -Ключи Шушенского района. Маленькое сибирское селение. Природа здесь ещё сохранила свою прелесть, потому что мы бережём свои родные места. Именно природа — наше главное богатство. Как же описать её, какие найти слова? Невозможно передать словами всё, это надо видеть! Особенно красиво у нас летом, когда всё цветёт, пышет, благоухает.

Село моё окружено лесом. Лес — наш кормилец, наше тепло и здоровье. Я часто хожу в лес с друзьями, чтобы отдохнуть на природе. Там мы устраиваем пикники, играем, общаемся. Ещё у нас есть пруд, летом мы там купаемся, ловим рыбу, зимой любим кататься на коньках.

В лесу — цветочные поляны. Какая красота тут летом! Цветут, огнём горя, жарки, качают головками на ветру жёлтые лилии, фиалки скромненько ютятся. А ромашковые поляны?! Глянешь — белым — бело, целое море цветов. Мы с девчонками прибегаем сюда, чтобы венков наплести и погадать — «любит — не любит».

А вы знаете, как пахнет лесная земляника? Наберёшь её в ладонь, поднесёшь к лицу, а от неё — волшебный, неописуемо вкусный аромат! У нас большие земляничные поляны, и в июле, в урожайный год, всё красно от ягод. Но чтобы набрать её, надо потрудиться — наклониться к самой земле, заглянуть под листочки. Принесёшь домой баночку с земляникой, поставишь на стол — запах на весь дом! Природа помогает нам ощутить все прелести жизни. В нашем селе мало жителей, но зато все люди помогают друг другу, относятся с теплотой и окружают заботой.

Также у нас есть небольшой клуб, куда приходят дети разного возраста, там мы готовим разные выступления к праздникам, ходим на кружки, играем, развлекаемся, ходим на дискотеки. Рядом с клубом у нас есть детская площадка, детям очень нравится проводить там время. Недалеко от клуба у нас стоит памятник погибшим воинам в Великую Отечественную войну, куда мы всегда приходим 9 мая и возлагаем цветы нашим воинам-героям. Мы никогда не забудем о тех, кто отдал жизнь за наше светлое будущее.

О родном селе можно говорить бесконечно. Здесь всё милее и дороже, чем в других краях. И небо здесь чище, и цветы ярче, и люди приветливей, потому что это моя родина.

Я знаю, что скоро отсюда уеду, но меня будет тянуть сюда всегда, в край моего детства, моих мечтаний, на мою ромашковую поляну!

Леонид Подольский

Четырёхугольник

Юрий Матвеевич Новиков, главный редактор московского литературного журнала, много лет не читал стихи: устал, надоело, давно разочаровался в поэзии, а оттого всё передоверил безотказной, вечной Эльмире Антоновне, старой деве, у которой ничего за душой, кроме поэзии и доброго сердца, не было. В прошлой жизни она поклонялась Пастернаку, ездила в Переделкино, чтобы увидеть его хотя бы издалека, тайно обожала Самойлова, безответно любила Коржавина и помогала по хозяйству безбытной Ахматовой. Вообще в её натуре было обожать и влюбляться, но по величайшему секрету, так что можно было только догадываться. Она и стихи писала очень даже недурно, но почти не печаталась. Словом, шестидесятница, но тайная, романтическая натура, и имя—романтическое: Эльмира—Электрификация мира. На неё можно было положиться, чем и пользовался Юрий Матвеевич. Сам Новиков, хоть и был лет на десять её моложе, много лет мечтал уйти, сбросить лямку, но никак не мог решиться. В литературе он считался тяжеловесом и оттого боялся, что его не поймут: ни знакомые и вроде бы приятели, которых он безотказно печатал—не просто так, конечно, а на паритетных началах, ни в Союзе, ни жена.

Ольга Николаевна, пожалуй, первая. Юрий Матвеевич никогда не был с ней душевно близок. Брак их до некоторой степени был случайный, не из тех, что заключают на небесах, как шутил сам Новиков,—литературный, без настоящей любви и без детей. Четверть века жили они под одной крышей, но каждый своей, особенной жизнью—настолько, что так и остались и со временем всё больше становились чужими, будто где-то между ними пролегла невидимая полоса. С годами Новиков от этого стал уставать: он больше не желал ни молоденьких поклонниц, ни самовлюблённых, не слишком умных писательниц среднего возраста, и всё меньше хотелось быть похожим на Панаева, но и муторный опыт Некрасова его не привлекал—напротив, он всё больше жаждал душевного тепла и уюта. Прижаться, склонить голову на плечо, закрыть глаза… Он пытался рыться в памяти, но не находил… Почти не находил… Всё было не то или безнадёжно испорчено. Им самим испорчено. Он начинал впадать в хандру: всё, чему Новиков посвятил жизнь, что казалось исключительно важным, незыблемым, что он написал, ради чего кривил душой, лгал в другой жизни, а ведь его считали прогрессивным, талантливым, подающим большие надежды, сравнивали то с Фёдором Абрамовым, то с Юрием Трифоновым,—всё со временем обесцветилось, обесценилось. Оказалось не то. Многое он не додумывал раньше, недопонимал, боялся признаться даже самому себе, что ему не хватало смелости, прыти, что он слишком любил себя, был чрезмерно осторожным.

А потом всё сломалось в одночасье. Казалось бы, свобода! Ан нет, писатели растерялись, замолчали. Цензуру отменили, и писать стало не о чем. Захлестнуло мелкотемье. Парадокс, но литературу перекрыла журналистика. Вместо выдуманного—настоящее…

Литература выживала, но как? Все кругом делали вид, притворялись, будто ничего не происходит. Между тем Новикову казалось, будто он на похоронах. Журнал умирал. Читателей становилось всё меньше, в разы. И сил что-то изменить не было. И таланта не хватало. И начатый им роман, написанный до середины, много лет пылился на столе.

Что-то происходило и с ним самим. Устал, сломался. Юрий Матвеевич был грамотный человек. Он сам себе поставил диагноз: депрессия. Хоть в петлю лезь!

Случайно взгляд Новикова остановился на подшивке стихов, которые положила перед ним вечная энтузиастка Эльмира. Электрификация мира. Зачем? Он всё равно их не читал. Скучно. Он устал от рифм. Как часто рифмы заменяют мысли. Но она с упорством старой девы всё равно клала их на самое видное место.

> Вы не такой, как мечталось—не лучше, не хуже—
> просто иной.
> Мне показалось, что стало чуть-чуть расстояние у́же
> между Вами и мной.
>
> Кажется, скоро оно и совсем растает,
> и до руки
> чтоб дотянуться, лишь шага всего не хватает
> или строки[1].

1. В рассказе использованы стихи поэтессы Наталии Кравченко.

В первый момент Новиков растерялся. Вздрогнул. Будто сквозь тело, прямо к сердцу, прошёл ток. Сквозь его тоску. Словно незнакомка из Сызрани, золотоволосая, красивая, молодая, с дивным одухотворённым лицом, с тонкими изящными руками,—словно не стихи она прислала, а тайное послание ему! Ему! Будто многие пустые годы ждал он этого письма. Будто душа его, истосковавшаяся, замёрзшая, ждала именно этих слов! Именно от неё! И вот—дождался!

А ведь были у него женщины, и немало. Жена—не в счёт. Чёрствая эгоистка, эготистка. Настоящего дарования у неё не было, хотя умна, хитра, пронырлива. Заурядная, в общем-то, женщина, средненькая, талантик—так себе. Наделена, однако, необыкновенной пробивной силой. Впрочем, тут не столько сила. Деньги, женские прелести. Да, Ольга Николаевна не в счёт… А ведь промелькнуло же множество поклонниц… Как же—главный редактор! Даже больше до того! Писатель! Имя! Лауреат! Это сейчас писатель—чудак, неудачник, а ещё недавно—почти небожитель. И все эти девочки, мечтательницы, графоманки, хотя встречались среди них иногда и талантливые,—все с экзальтированным восторгом смотрели на него. Только чтó видели? Человека? Мужчину? Хотя бывало… Или одно имя? Да что им далось имя? Писатель… «Что в имени тебе моём?» Да, что? А ведь пусто, ничего не осталось. Как мираж… Чаще всего Татьяны… Разве что на память пальцы загибать…

А эта милашка из Сызрани, золотоволосая. Сколько ей лет? О ком это она? Слова, какие слова! Особенные! Юрий Матвеевич давно разучился верить словам, но тут… Тут не могло быть фальши!

Зову тебя. Ау!—кричу—Алё!
Невыносима тяжесть опозданий,
нависших между небом и землёй,
невыполненных ангельских заданий.

Пути Господни, происки планет,
всё говорило: не бывает чуда.
Огромное и каменное «Нет»
Тысячекратно множилось повсюду.

Ты слышишь, слышишь? Я тебя люблю!—
шепчу на неизведанном наречье,
косноязычно, словно во хмелю,
и Господу, и Дьяволу переча.

Луна звучит высокой нотой «си»,
но ничего под ней уже не светит.
О, кто-нибудь, помилуй и спаси!
Как нет тебя! Как я одна на свете.

«Неужели это о муже?»

Только теперь Юрий Матвеевич начинал догадываться, что мучило его все последние дни, недели, годы. Одиночество. С младых ногтей, с тех самых пор, как вырвался от родителей и учился в Литинституте. Среди людей, среди друзей, только вот друзей настоящих не нашлось. Карьера… Вот о карьере думал…

Сколько их было там, девчонок, в Литинституте. Неглупых вроде бы девчонок. И настоящих, талантливых кто хорошие стихи писал, и графоманок. И ребят тоже. И ведь никто не пробился, никто. Печатались. Ну и что, что печатались? Положить на это жизнь? За несколько строчек—жизнь? А ведь неплохие, хорошие, замечательные даже девчонки и ребята.

А он сам? Посмотреть со стороны—преуспел. А на самом деле? Жил этим—пробиться, выскочить на самый верх, до сумасшествия этим жил…

Когда-то Новиков начинал совсем неплохо. Издал несколько книг, и вроде даже неплохих книг—так, по крайней мере, казалось тогда. Получил премию, стал лауреатом. Но ведь и книги под нож…

Да, было. Сам себе цензор. В Литинституте ещё. Нельзя сказать, что колыбель свободы—того нельзя, и этого нельзя, и то опасно,—но трепыхались. Говорили, говорили ночи напролёт. Вот тогда впервые и решил написать. Так и назвал свою повесть: «Три поэта». Название рабочее, условное. О Борисе Корнилове, Павле Васильеве, Ярославе Смелякове. Но так и не докопался, за что двух первых расстреляли,—антисоветского ничего в них не открыл. За то, что пили? Так богема! Стихи писали и водку пили. Только кто не пил? Шолохов, и тот: «С такой жизни запьёшь!»[2] Однако протянул нитку—в Крым, «Жидовка»[3] привела. И дальше, дальше. Десятки тысяч казнённых. Мёртвые в море, как неубитая армия. «Фурия красного террора»[4]. Всё-таки гуманитарии, кое-что читали, как ни шмонали на границе… Мельгунова…[5]

2. Якобы эти слова сказал М. Шолохов Сталину в ответ на упрёк в злоупотреблении спиртным.

3. «Жидовка»—стихотворение Я. Смелякова о большевичке Розалии Землячке (Р. С. Залкинд; другой псевдоним—Демон).

4. Фурией красного террора назвал А. Солженицын Р. Землячку, организовавшую и возглавившую красный террор против оставшихся в Крыму военнослужащих белой армии Врангеля. Но не только они, фактически террору жесточайшим образом было подвергнуто всё население Крыма.

5. *Мельгунов Сергей Петрович* (1880–1956)—русский историк и политический деятель. Находясь в эмиграции, занимался историческими исследованиями о русской революции и Гражданской войне. Наибольшую известность С. П. Мельгунову принесла книга «Красный террор в России», впервые изданная в 1923 году в Германии. Книга переведена на многие иностранные языки, в России впервые издана в 1990 году.

Шмелёва…[6] Толе Блинникову читал — добрый был парень, так и застрял в провинции, рядовым от литературы. Не всё читал, отрывки. Но сам же и испугался. Не дай бог разболтает, а то и хуже. Спрятать негде было: общежитие, всё под негласным контролем. Уж что контроль — знал, и все знали, дежурная как-то проболталась. Дураки, и те догадывались. Идеологическая сфера. Оттого сам, ножницами на мелкие кусочки. Нельзя было.

И потом не раз чесались руки. Серебряный век, эмиграция, революция, Париж — всё не так, как в учебниках. Дон Аминадо[7], граф Толстой, Бунин, Цветаева, Мережковские…[8] Так и не написал ни строчки! Всё в себе носил. Ждал. А ведь какие образы! Те же Кутепов[9], Миллер[10]. Так ведь и Пастернак сколько лет до доктора своего, Живаго, всё в себе держал. Всё в себе.

Мы обречены на немоту.
Всё с собой уносим в темноту.

Так и жили, пока в девяносто первом всё не рухнуло, вся прежняя жизнь. Думали — свобода, а оказались не нужны. И он сам, и книги его, Новикова. Вместе с «совком». Войнович вернулся, Рыбаков, бестия, вылез из подполья. А он, Новиков, где был, там и остался. Верноподданный… Не скандалист… Вот она, плата. Расплата…

Так ведь и в самом деле «совковые» книги. Лицемерил. Нельзя было без этого.

Он давно их перерос, эти книги. Сознавал и в то же время боялся сознаться себе. Это как ребёнок, когда вырастает из старых одежд. Хотел написать новое, всё ещё было впереди, собирался, и всё никак. Закрутился. Рассказы ещё туда-сюда, но роман, большой, энциклопедический… Не только люди. Эпоха. Собственный взгляд… Что-то застопорилось. Устал… Слишком рано устал… Тело — в порядке, а вот душа… Заряд закончился… В Советском Союзе — год за два.

Хотел на необитаемый остров, но где он, тот остров? Разруха в голове. Но главное — сказать оказалось нечего. Пусто…

Юрию Матвеевичу стукнуло сорок пять, когда ему предложили стать главным редактором. Нет, он, конечно, лукавит, будто предложили. Пути искал. Ходил и просил. К самому. И не просто так ходил. Не с пустыми руками… Написал пьесу, предложил соавторство. Унижался. Посмотрите, мол, сделайте исправления…

Хотя тут больше всего случай. Время такое подвернулось. Перестройка…

Претендентов трое было: Васильев, Савельев и он, Новиков. Другие разбежались. В самом деле, не советское хлебное время: безденежье. Всё сразу рухнуло, вся система. Сразу стали никому не нужны. Хотя, с другой стороны, — сам Новиков не застал, но рассказывали, — вызывали на ковёр, как школьников, придирались к каждому слову. Чихвостили, доводили до инфарктов, чуть ли не ставили в угол. Умели. Был там особенно один такой, дядя Митя… Хам… Как же-с, идеологический фронт!

6. *Шмелёв Иван Сергеевич* (1873–1950) — русский писатель, публицист, православный мыслитель. О красном терроре в Крыму пишет с потрясающей силой в своём произведении «Солнце мёртвых». Жертвой красного террора в Крыму стал 25-летний сын Ивана Шмелёва, офицер царской армии Сергей Шмелёв.
7. *Дон Аминадо* (Д. Аминадо, настоящее имя — Аминад Петрович Шполянский; имя при рождении — Аминодав Пейсахлович Шполянский; 1888–1957) — поэт-сатирик, мемуарист, по профессии адвокат, один из заметных представителей Серебряного века, в 1920 году эмигрировал из Советской России, жил во Франции, печатался в эмигрантской прессе, больше всего — в газете Павла Милюкова «Последние новости».
8. Супруги *Дмитрий Мережковский* (1865–1941) и *Зинаида Гиппиус* (1869–1945).

   Дмитрий Мережковский — выдающийся русский писатель и мыслитель, поэт, переводчик, литературный критик, историк, религиозный философ, общественный деятель, борец против коммунизма, один из главных представителей русского Серебряного века, в частности, один из зачинателей русского символизма, основоположник русского историософского романа, пионер религиозно-философского анализа литературы, выдающийся эссеист. Многократно был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

   Зинаида Гиппиус — русская поэтесса и писательница, драматург и литературный критик, идеолог русского символизма, одна из наиболее ярких фигур Серебряного века.

   С 1919 года супруги находились в эмиграции, преимущественно во Франции, являясь одними из самых значительных фигур русской эмиграции.
9. Генерал от инфантерии (1920) *Александр Павлович Кутепов* (1882–1930) — русский военный деятель, участник Первой мировой войны, один из лидеров Белого движения, эмигрант. В 1928–1930 гг. — председатель Русского общевоинского союза (РОВС), активный борец против большевизма, был похищен в Париже агентами ОГПУ в рамках операции «Трест». Место гибели генерала неизвестно. По одним данным, генерал Кутепов оказал сопротивление и скончался от сердечного приступа, вероятно, вследствие введения ему большой дозы морфия в процессе борьбы, и похоронен во дворе частного дома. По другим данным, скончался на пароходе, следовавшем из Марселя в Новороссийск.
10. Генерал-лейтенант (1915) *Евгений-Людвиг Карлович Миллер* (1869–1939) — русский военачальник, руководитель Белого движения на севере России (1919–1920), с 1930 года, после похищения генерала А. Кутепова, возглавлял Русский общевоинский союз (РОВС), непримиримый борец против большевизма, похищен агентами НКВД в 1937 году, вывезен в СССР и заключён во внутренней тюрьме на Лубянке. Приговорён к смертной казни и расстрелян в 1939 году.

И тут тоже: Васильев вроде как тайный диссидент. Крикливый был тип, безудержный. Когда-то чуть ли не чёрной сотне служил, вернее, прислуживал, но потом резко забрал влево. Так вот, никем не доказано, ни до ни после: в «Апрель»[11] не входил, в «Метрополе» не участвовал, но где-то там выступил. Рубашку на себе рвал. Думал, оценят, а вышло наоборот. Подозревали, хотя, вероятно, зря, будто либерал. А в Союзе терпеть не могли либералов.

Потом он заходил иногда, этот Васильев, стрелял червонцы и плакался на жизнь. С женой развёлся, и пил, и давно ничего не писал. Да и зачем? В молодости написал несколько вещей и считался перспективным, но потом всё пошло кувырком. И погиб бессмысленно и страшно: попал под электричку. Писали—перья-то не перевелись,—что будто не его одного, что будто всю российскую литературу переехала та электричка. А, мол, он, Васильев, только частный случай.

Савельев тоже не подошёл. Патентованный консерватор. Охранитель. Ругал Солженицына и Сахарова. Опять же, профессиональная болезнь—пил. Только умные люди—в меру, а этот—без меры. Учитель. Назидательный такой. К тому же слишком на слуху: только проиграл выборы. Народ, особенно гуманитарный, против него скрипел: ретроград. И в самом деле: прославился охотой на ведьм. Словом, момент для него неподходящий. Он чуть позже всплыл, дождался-таки своего часа…

А он, Новиков, как раз посередине. И тем, и этим. Не то чтобы близкий друг, но и не враг. Проходная фигура…

…Человек сам выбирает свою судьбу. Сам? Или обстоятельства? Теперь-то он точно знает: сам, но только один раз. Это как экзамен без права пересдачи. И он выбрал. Или всё же судьба сделала выбор за него?

Лиля. Он до сих пор её помнит. Вспоминает по ночам. Её родинки, ямочки на щеках, глаза, губы, её аккуратные груди, соски. Хочет. Словно она жива. Кощунственно хочет. Разве можно хотеть мёртвую? Лиля…

…Недолгий был роман в Литинституте. Концерты. Театры. Стихи писала… Любовь… Да, любовь…

Всё могло быть совсем иначе. Но… Был ли он виноват? С этой их идеологией, классовостью, со всем этим фарисейством… Только весь как оплёванный—на всю жизнь. Хотел наложить на себя руки… Но пережил… Со временем забылось. Только в Интернете появляется иногда… Редко.

…Век-волкодав. Бандитский век…

Это, кажется, Брехт сказал: «Несчастная страна, которая нуждается в героях». А он, Новиков, не герой. Совсем не герой. Он и не мечтал стать героем. Он—человек рациональный.

…Стихи писала. Вот и дописалась. Зато какие стихи! Только время нехорошее было, брежневское. Новиков уговаривал её—не о том писать. О чём-нибудь безопасном. Хоть о любви, о комсомоле, хоть про Братскую ГЭС. И не такие люди писали. Или, как он, Юра, о деревне. Про русских писателей, про советских. Да хоть о чём. Уже много чего было можно. Хотя как чуть чего копнёшь, так табу. Он ведь тоже мучился, тоже не всё писал. Нельзя! Какое слово могучее было: «нельзя»! Да, нельзя было о том, как собственного деда высылали. И как соседей расстреляли в двадцатом—прямо за околицей. Он, Юра, конечно, не мог видеть. Это бабушка—крестилась и цветы полевые на том месте клала…

Только он не писал, боялся, а она писала, Лиля! Хоть бы прославилась сначала, а потом… Так нет же. Стихи её в списках ходили. Про Свободу, про это самое «нельзя», про Бутовский полигон[12]. Дед у неё был там расстрелян. Так ведь большевик дед. Раскулачивал-расказачивал, расстреливал направо и налево, вот и до него докатилось красное колесо.

Прямо из постели (а хороша была Лилечка, во всём она была хороша) вытащили Новикова к оперу, студентом ещё последнего курса, и вот эти самые стихи положили перед ним:

— Узнаёшь? Читал?

Отпираться было глупо. На всю жизнь Новиков запомнил дрожь в ногах и пот под мышками. Резкий такой запах. Страх. Вот только тогда он понял, что у страха есть запах. Ещё успел подумать: «Павлик Морозов». Догадался, что и ему придётся стать Павликом Морозовым. Только тот сам, по глупости, а он…

— Узнаю…

Не герой. Но и выхода не было. Не мог сказать, что не читал.

— Пиши всё, что знаешь. Или—из института. Ей ты ничем не поможешь. Доигрались…

И Новиков писал, всё писал. И ходил на очную ставку. Своего сексота, настоящего, они выгораживали, он мог ещё пригодиться. Хотя Новиков догадывался. Впрочем, сексот наверняка существовал не один. Но, увы, так выходило, что сексот—это он, Новиков. Лиля так и решила и не стала разговаривать. Гордая. Да что такое гордость против системы?!

После этого им ничего не стоило Новикова доломать. Уж что-что, а ломать они умели. Выбора у него не было. Если хочешь стать писателем, сделать карьеру—сотрудничай. А нет—значит, пропадай или уезжай, только никто тебя никуда не отпустит.

Лилю Новиков с тех пор видел всего два раза. На очной ставке и когда уезжала. Высылали

11. «Апрель»—объединение писателей, выступавших за демократические перемены.

12. Бутовский полигон—в годы большого террора место массовых казней в Подмосковье (сейчас Москва).

из страны. Но и там—недолго. Руки у них были длинные. Дотягивались и туда. Уж что они умели в совершенстве—ненавидеть. Мстить. Всех, кто не с ними, считали отщепенцами. А Лиля продолжала писать. Не боялась. Не верила, что могут убить.

Опять же, никем не доказано, но почему-то именно у Лили в горах отказали тормоза. Как у Амальрика. А Гинзбурга-Галича убило током. И Литвиненко. А Рохлина непонятно почему убила жена.

Когда Лиля уезжала, Новиков работал в журнале. Должность была небольшая, и всё же провожать Лилю казалось опасно, даже поговорить минуту—могли уволить с работы, как-никак идеологический фронт. Новиков догадывался, что ничего хорошего не выйдет, пятно было несмываемое, хотя, видит Бог, ему не в чем себя упрекнуть, мало кому удавалось не измазаться, лишь отдельным чудакам, но он пересилил себя и пошёл. Хотелось оправдаться.

Но всё получилось именно так, как он и боялся. Провожали Лилю только два человека. Два отвязных поэта, которые сами… провоцировали… Тоже хотели на Запад. Из остальных—а друзей у неё было много, и сочувствующих тоже,—никто не пришёл. Боялись. Прощались заранее. Но всё равно разговора не вышло.

—Ты, Новиков, слабый человек. Они потому и процветают, что кругом слабые, что боятся говорить правду. Я не держу на тебя зла: это не вина твоя—беда. Я тебе даже сочувствую. Хотя ты ведь далеко пойдёшь, Новиков.

—Это, Лиля, не я. Всё у них было готово. Не отвертеться. Я предупреждал. Тут у них чуть ли не каждый второй служит.

Но она и слушать не стала. Всё такая же гордая, в мыслях Лиля уже находилась там. На свободе. И Новиков стал ей неинтересен.

После этой встречи, последней, Новиков долго ходил как побитый. Репутация его оказалась сильно испорчена. Он подумывал: а не податься ли на Запад? За Лилей. Чем вся эта шушера, все эти Савенко-Лимоновы, мистики Мамлеевы и откровенные придурки Дугины[13], лучше его? Там, на Западе, всякой твари по паре.

Но—не решился. Быть может, из-за женщин и не решился. Что американки? Пахнущие спортзалом феминистки. Кому он нужен там, бедный русский писатель? Со своими кошёлками ехали наши ниспровергатели. А тут—замужние, незамужние, всякие. Писатели были в цене. Кто-то догадывался, конечно, что сотрудничал, ходили слухи, но… молчали. Не принято было об этом говорить. Знали: от них не отбиться.

И вот на склоне лет и вспомнить нечего—все промелькнули. Ни любви, ни привязанности особой. Имена и те не всегда удавалось вспомнить. Богема…

Женился Юрий Матвеевич далеко за сорок на известной писательнице Варвариной, однако как жил до того бобылём, так бобылём и остался. Ольга Николаевна была на несколько лет старше Новикова и хозяйка никакая, кастрюли она не переносила, зато вся в себе, в астрале, как говорила сама. Обожала себя в литературе. Новикова она почти не замечала и уже много лет только по понедельникам и пятницам подпускала его к себе.

Считалась Ольга Николаевна природной рифейкой, и по рождению, и по образу мыслей, хотя давно прижилась в Москве,—от этого в её прозе, мелковатой и эклектической, присутствовали и Хозяйка медной горы, и Великий полоз, и бабка Синюшка, и Огневушка-поскакушка, и недавние бандиты, уралмашевские и центровые, и новые русские форбсы. Писала она и о загадочных волшебных камнях, и о необыкновенных корундах, и о горных духах и чудо-мастерах. Вообще, помешана была на потустороннем и сказочном, чего никак не могло быть. Многие, и Новиков в их числе, писания её считали странными и даже болезненными, но это не мешало ни её непонятной известности, ни необыкновенной практичности. В том, что касалось премий, грантов, поддержки меценатов, дружбы с телеведущими, поездок за границу, равных ей не существовало. Варварину всюду печатали, даже за границей, и рецензенты как один находились от неё без ума, хотя, видит Бог, имелось множество авторов лучше её. Но их отчего-то не замечали. Вообще, её проза казалась Новикову искусственной и надуманной, но главное—ни о чём. Не то чтобы Юрий Матвеевич ей завидовал—всё же супруга, но…

Таинственные свои связи Варварина пуще ока берегла от посторонних глаз, так что Новиков только лет через пять докопался, что главный её спонсор—бывший гражданский муж и по совместительству олигарх, Катин, с которым Варварина по-прежнему поддерживала очень тесные отношения. Настолько тесные, что Юрию Матвеевичу казалось впору подавать на развод. Хотя, с другой стороны, у Катина к тому времени имелась прелестная юная супруга, которую он, не жалея денег, раскручивал в качестве телеведущей.

Он, этот бывший, Катин, имел самые близкие отношения с литературой: состоял в учредителях и спонсорах всех главных премий, которыми награждалась Варварина. Он же, как оказалось, оплачивал рекламу и издание её книг: статьи в газетах,

13. В отличие от Э. Лимонова и Ю. Мамлеева, Александр Дугин, считающийся философом, социологом и политологом, бывший член фашистского «Чёрного ордена», национально-патриотического фронта «Память» Дмитрия Васильева и один из основателей национал-большевистской партии, в эмиграции не был.

многочисленные рецензии и выступления на телевидении, в гордом одиночестве и в окружении таких же, как она сама, придуманных звёзд.

— А мне ты не хочешь помочь?—как-то, слегка подшофе, спросил Новиков.—Я, чай, тоже не последний человек в литературе. Тоже лауреат, ещё советского времени. Прощелыга твой банкир, не обеднеет. Ведь графоман, ну чистый графоман. Предлагал мне хорошие деньги за публикацию в журнале. И я бы, грешным делом, взял, не святой, но есть же для всякой бездарности предел.

— С тех пор он про тебя и слышать не хочет,— пожала плечами Ольга Николаевна.

— Ревнует,—засмеялся Новиков.—Всё-таки родственник. Как говорили римляне, через это самое место. Сакральное.

— Ты не смейся,—обиделась Варварина.—Он не бездарный. Он любой текст может купить, ему не нужно писать. У него другой дар!

Пришлось Новикову осознать, что любовь любовью, хотя какая тут любовь, а денежки врозь. И слава тоже. Слава, наверное, особенно. И при этом смотрит на него свысока, с ощущением превосходства, а с чего бы? И плевать ей, что Новиков замыслил гениальный роман про Серебряный век, грандиознейший, не чета её доморощенным «Корундам» и потешным через сто лет «Красным и белым».

Печатать, однако, Ольгу Николаевну приходилось регулярно. Выбрасывал других и ставил Варварину. Не читал—давно не читал, неинтересно, но ставил. Не мог отказать. Не только жена, но и имя.

Ольга Николаевна, правда, не оставалась в долгу. Сама она редко что-то редактировала, не любила черновую работу, но всюду у неё находились приятели и знакомые—от агентов до издателей, а рецензенты так просто готовы были расшибиться.

Когда-то с Ольгой Николаевной встретились они на книжной ярмарке в Нижнем. То есть и раньше были знакомы, но шапочно, пересекались изредка в цдл[14], бывало, произносили несколько слов, и Юрий Матвеевич тайно (хотя разве можно скрыть такое от женщины?) пялил глаза на её красивые, стройные ноги. И ещё писатель Кротов хвастался, будто у него с Варвариной был недолгий, но бурный роман. Хотя, скорее, не роман, а трёхактовая интрижка. Мол, тот ещё темперамент. А тут—торжественный банкет, вино, стихи, проза, и Новиков, слегка пьяный, первым из писателей решился подсесть к знаменитости.

В тот вечер он был красноречив, как Цицерон, стихи, от Лорки до Гамзатова и от Фета до Юрия Кузнецова, как из дырявой кошёлки, сыпались из него—сказывалось литинститутское прошлое. Затем он перешёл на трагический Серебряный век—в самом деле трагический: кто расстрелян, кто с сумой, кого уморили, кто сам наложил на себя руки, только самые удачливые тихо умерли на чужбине. Ольга Николаевна, раскрасневшаяся, растаявшая, поощрительно улыбалась, так что к концу вечера Новиков, не стесняясь, всё больше, всё сильнее обнимал знаменитую. Так, в обнимку, хмельные, они едва добрались до гостиницы.

Новиков вошёл к ней и торопливо стал расстёгивать платье. Груди у неё оказались стоячие, красивые, с большими сосками. Новиков припал к ней, к своей Афродите, стал целовать, он изнемогал от желания, будто безусый юнец. И она, Ольга Николаевна, оказалась женщиной опытной, бывалой.

Позже Новиков ревновал её: и к бывшему мужу-олигарху, и к другим,—и всякий раз переживал, когда она ездила без него на разные фестивали и конференции. Воображал, да что воображал— знал буйный литературный народ. Сначала неумеренно пьют, говорят высокие слова, читают стихи, а потом… Любовь, вот что потом. Кто как, конечно. Но Ольга Николаевна не из смирных. Одно слово—богема…

В тот раз было совершенно замечательно. Невообразимо, невозможно! «Сучка, сучка,—вспоминал он потом, и сердце начинало колотиться.— Сучка!» Но это—четверть века назад.

Она была умелая, жадная, баба что надо, так что к утру Новиков выдохся. Проснулся он поздно, с трудом разлепил глаза, опоздал к завтраку и едва не пропустил встречу с читателями. Да уж какая там встреча: Новиков был явно не в себе и нёс, что называется, пургу. В гостиницу он вернулся к обеду и, как сумасшедший, с воскресшими силами кинулся в номер к Варвариной. Но, увы, Ольга Николаевна оказалась не одна. Рядом с ней, на кровати, сидел писатель Сергиенко, совершенно бездарный, к тому же имевший нехорошую репутацию тусовщика и волокиты. Новиков хотел с ним подраться, но тут увидел ещё двоих. Вся компания сидела с сигаретами и распивала коньяк.

— А, Юрочка,—приветствовала Ольга Николаевна так, будто это не Новиков проснулся сегодня утром в её постели, и поощрительно улыбнулась.—Вы знакомы?

— Слегка,—сквозь зубы процедил Новиков.— Александр Васильевич, автор знаменитого «Государева преступника»?

Книгу эту Сергиенко написал много лет назад. В своё время он учинил громкий скандал из-за того, что его роман, по отзывам—весьма слабый, остался без премии, и с тех пор ничего не писал и не публиковал, но регулярно мелькал в разных литературных тусовках и всюду рассказывал, что вот-вот закончит нечто совершенно великое. Что, мол, раньше было нельзя, но он всё равно секретно собирал материал.

Но что мог делать этот пьяница, балабол и бабник в обществе Ольги Николаевны? С какой

14. цдл—Центральный Дом литераторов в Москве.

стати она терпела его? До конца фестиваля раздосадованный Юрий Матвеевич не отходил от Варвариной ни на шаг. Сергиенко тоже крутился где-то рядом, но, слава Богу, обошлось без драки, и предпочтение было оказано ему, Новикову, так что и вторая ночь была его, и третья тоже, и в Москву Новиков вернулся вымотанный до дна и отсыпался целые сутки.

С тех пор они периодически встречались в течение нескольких месяцев. Нельзя сказать, что их отношения сложились безоблачно; напротив, чем больше Новиков узнавал свою Венеру, тем больше колебался. Ольга Николаевна то приближала его, то намеренно отдаляла. У неё имелась другая жизнь, закрытая от Новикова, она, вероятно, тоже испытывала немалые сомнения. С ней вовсе не было так комфортно, как с какой-нибудь молоденькой поэтессочкой, которая таяла от одной мысли, что перед ней главный редактор известного журнала и лауреат и что он может напечатать её стихи. Но с другой стороны, Варварина была известная писательница, при деньгах, и могла быть Новикову полезна, и—все эти девочки не стоили этой изощрённой блудницы в постели. Новиков догадывался уже: вовсе не золотым своим пером всплыла Варварина на самый верх. И всё её фарисейство, всё манерничанье, вся многозначительность—ну, нужно же было что-то выложить на стол. От этих мыслей Новиков испытывал нехорошую ревность, однако странно: ревность не отталкивала, а совсем наоборот. Он рвался стать победителем, взнуздать эту дикую, хитрую, себялюбивую, так до конца и не объезженную кобылицу.

У Юрия Матвеевича, правда, бывали опасения, что он не справится с ней, что при случае, а случай всегда подвернётся, эта женщина наставит ему рога, но удивительно: это ещё сильнее притягивало к ней—в этом заключался спортивный азарт, а может, и что-то болезненное, гипосексуальное, мазохистское. Он утешал себя: «Все мы имеем право на свои извращения!»

Юрий Матвеевич сильно колебался, а решилось всё в один миг.

— Юра,—он почувствовал, что она волнуется, но взгляд её был испытующим, холодным, они оба едва отдышались после очередной близости, в изнеможении упав на подушки,—Юра, меня приглашают во Францию. Премия, очень даже престижная. Приглашают… с супругом. Я, конечно, могу одна, но… Тебе очень подойдёт фрак.

Дело было не во фраке и не во Франции. Новиков уже бывал у пожирателей лягушек, и не раз. Видел и Версаль, и Лувр, и замки Луары, и гулял по Елисейским полям, в первый раз возили ещё в советское время, и он, Новиков, писал потом подробный отчёт про себя и про других. Однако предложение было сделано, и нужно было отвечать. А он, Новиков, вовсе не хотел Варварину обидеть. И тем более потерять.

Да, так, хотя странно: были любовниками, и он печатал её в своём журнале, и всё равно—Варварина. Оля, Олечка, Оленька—в минуты тепла, а про себя всё равно—Ольга Николаевна; что-то зациклилось в нём, какой-то рудиментарный механизм, уж очень давила авторитетом. Ей требовалось поклоняться, дарить цветы, требовалось восхищаться её писульками, признавать её гениальность. Рифейская Жорж Санд. Хотя он, Юрий Матвеевич, был на голову выше. В одну минуту мог расчеркать любой её текст.

Характер у Варвариной был трудный. Нарцисс в юбке. Всю молодость терпела, ждала, плакала. Тихий ангел. Как кошечка, прятала до времени коготки. И вовсе не пером, не талантом… Но сучкой оставалась манящей и в свои пятьдесят. Знала, что ещё недолго. Умна. Недаром вокруг неё всегда вились мужчины. И олигарх Катин, бывший её—кто? Муж, любовник, содержатель, партнёр? Ё-арь? Разошлись, а всё ещё облизывался. Гарем развёл, а с Варвариной в дружбе. Новиков никогда их не ловил, да и не мог бы, но что-то по-прежнему между ними было. Новиков видел его вблизи: мужчина как мужчина, длинношеий, как жираф, только взгляд холодный, жестокий. Так богатые смотрят на бедных, успешные—на неудачников. И этот, Сергиенко, тоже крутился вокруг неё. И другие. Как мухи на мёд.

В Париже всё было замечательно. Белые сорочки, фраки, речи, застолья, на книжной выставке очередь к Варвариной. «Да что ж она такое?» Новиков никак не мог взять в толк. Пишет бездарно, а… Ну точно, всё точно про голого короля. Читателю можно всучить. Читатель купит и поставит на полку.

Главное, он, Новиков, стоял и улыбался.

В Париже первая кошка пробежала. Хотя нет, наверное, раньше.

— Я вижу, Юра, ты не рад за меня?

— Рад,—сказал он через силу и попытался улыбнуться.—Скромный муж великой жены.

— Нет, не рад.—Варварина серьёзно обиделась.

А между тем никогда не прочла ни один его рассказ, ни роман, тот самый, что Новиков много раз начинал и бросал. Тот самый, про Серебряный век, который собирал буквально по крупицам. Правда, и он никогда не читал ей отрывки. Разве лишь однажды, в самом начале. И увидел: ей неинтересно.

— Ты пишешь про Гумилёва, а думаешь про себя.

«Вот язва так язва». Больше он читать ей не пытался.

Сам Новиков Варварину читал редко и с двойственным чувством: неглупа, продвинута, но о чём? Для чего? Её бабья проза казалась Новикову искусственной и холодной. Ненастоящей.

Придуманной. Литературный фианит по цене изумруда. Неужели критика не видит? Хотя уж кто-кто, а он-то знал: критики не существует больше. Существует обслуга. Коррупция не только в правительстве.

Они съехались. Это был настоящий марафон, многолетний, многотрудный. До того у Варвариной имелась двухкомнатка-малогабаритка, на большее олигарх не расщедрился. Съехались, сделали ремонт, расставили новую-старую мебель, книжные тома и—поняли, что чужие. Не оставалось ни сил, ни денег, и жалко стало трудов. Да и куда, зачем? С тех пор Новиков обитал в роскошном своём кабинете, а Ольга Николаевна облюбовала спальню с антикварным столом, за которым, по утверждению продавца, сам Евгений Боратынский писал свои поэмы. Развесили на стенах мрачноватые картины передвижников. И только по понедельникам и пятницам…

В остальные дни они встречались только на кухне и в огромной, с мебелью в стиле Людовика, гостиной-столовой, захламлённой шкафами, книгами и старыми вещами, выбросить которые было некогда и жалко. Книгами, которые они никогда не прочтут, а хранить больше негде. В молодости, в другой ещё жизни, Новиков, как и множество иных людей, коллекционировал книги, благо стоили они копейки. У него, как у члена Союза, имелся доступ к писательской лавке на Кузнецком мосту, и он без особого разбора покупал всё подряд. Юрий Матвеевич в некотором роде немалую часть жизни прожил при коммунизме: писательская книжная лавка, писательская поликлиника, дома отдыха писателей, писательские наборы с колбасой и икрой—отдельно по будням и к праздникам. Как-то на исходе той жизни Юрий Матвеевич получил даже пропуск в ателье цк. И если бы не рухнуло всё, Новикову положено было в конце пути место на Новодевичьем кладбище. В крайнем случае—на Ваганьковском.

Но то—раньше. Сейчас же они с Ольгой Николаевной жили, можно сказать, в коммунальной квартире, где волей-неволей наблюдали друг за другом, как в стеклянном «Доме-2».

Новиков в этой жизни так и не обзавёлся детьми, суетливые годы пролетели мимо. У Варвариной же имелась дочь, появившаяся на свет в городе цареубийства в те далёкие дни, которые для Новикова навсегда остались тайной. Он сумел только выпытать, что в это гиблое время Варварина тихо прозябала в нищем издательстве, безнадёжно пыталась печататься и думать не думала о Москве. Как полагал Новиков, была одной из тех девочек, которым несть числа в искусстве—от литературы до балета, которые, словно бабочки, порхают из рук в руки профессиональных ловцов. Что Ольга Николаевна тоже—он не сомневался: её соблазнил махровый критик, известный непримиримостью к противникам соцреализма. Она, правда, отрицала—утверждала, что будто бы это любовь. Но скоро всё закончилось трагическим разрывом.

Что происходило потом, Ольга Николаевна не делилась с Новиковым никогда, десять лет её рифейско-московской жизни словно поглотила чёрная дыра, длинное многоточие, где неотчётливо грезились литературные романы с литературными же генералами, и лишь в самом конце многоточия чудесным образом материализовались олигарх Катин и финансово близкая к нему издательница Маша Шуткина, молодящаяся, очень влиятельная дама в чёрных очках и в чёрных же перчатках без пальцев.

Новиков знал только, что дочку Ольги Николаевны Настеньку вырастила бабушка вдали от тогда ещё не знаменитой мамаши. И что, закончив институт, очень далёкий от литературы—о родительской стезе обиженная Настенька и слышать не хотела,—Настенька, не попрощавшись с матерью, сбежала в Америку и вышла замуж за миллионера.

«Как Екатерина Первая,—мнилось иногда Новикову, когда он размышлял о супруге.—Так же из рук в руки… И стала императрицей… А тут после олигарха Катина настоящая литературная богиня. А ведь и Крым, и рым—через всё прошла».

В самом деле, Катин всё умел превращать в золото, как ослоухий Мидас[15]. А ведь сам когда-то неудачливый режиссёришка, бомбила[16], катала[17], авторитет, как писали про него в Интернете, но, опять же,—богема! Новорусский Мамонтов[18]. Любил и покровительствовал артистам. В новое время он перебесился и вырос на обмене и обналичке, а в приватизацию задёшево скупил активы.

И насчёт махрового критика Новиков навёл справки. К тому времени бывший сердцеед уже лет десять как умер. Рассказывали, что порядочная сволочь, выслуживался, на том и сделал карьеру. И насчёт Синявского с Даниэлем, и насчёт Солженицына, и даже Любимова и Нуреева—про всех писал и ничего, в перестройку перестроился и стал очень даже прогрессивным.

…К семидесяти он устал, Новиков, устал. Усталость накапливалась долго, давно, но вот как-то сразу… Тело ещё оставалось крепким, но душа… Жизнь, можно сказать, прожита зря—пустая

15. Согласно греческой мифологии, фригийский царь Мидас прославился тем, что всё мог превращать в золото, а также ослиными ушами.
16. Бомбила—частный таксист, который не платит налоги.
17. Катала—карточный шулер (уголовный жаргон).
18. *Савва Мамонтов* (1841–1918)—известный русский предприниматель, железнодорожный магнат и одновременно крупный меценат, организатор и владелец частного театра.

жизнь, ничего после него не останется. И Ольга Николаевна не та, чужая, всегда была чужая. И сил нет разойтись, да и незачем…

Вчера только уехала в Германию выступать. Не попрощались, как чужие…

Но если подумать, то и сказать-то ей нечего. Эгоцентрична, только о себе и говорит. Но и ему, Новикову, нечего. Всё оказалось не то. Всё, что происходило после Литинститута. И писал—не то, так ведь и не дали бы написать то. Но и не знал, не умел. Вот Лиля, она знала. Тут не как писать—главное, это многие умеют—излагать свои маленькие мысли. Тут ведь—что писать. Вот что важно—о чём, чтó ты есть сам.

Всё промелькнуло, очень быстро промелькнуло. А роман не дописан. И сил нет. И вдохновения нет. И читателей нет. Люди перестали читать. А зачем? Кто такие писатели, чтобы поучать? Литература—жалкое подобие жизни…

Из пены сирени рождается лето,
из первого слова—строка…

Юрий Матвеевич оторопело посмотрел на бумагу. Это Эльмира Антоновна постаралась. Подсунула. Старая дева терпеливо читала всё. И иногда находила бриллианты—из сора, из почты, из самотёка.

Новые, молодые её не заменят. Им скучно это всё. У них нет этого адского терпения. Этой любви…

А стихи хороши. Кто она, эта незнакомка из Сызрани? Молода? Красива? Печаталась? Что она слышала о нём, Новикове, в своей тихой провинции? Быть может, он для неё бог? Может, она думает, что в Москве живут боги? Гении? Что в Москве нет ни интриг, ни сплетен, что там особенные люди? И он, Новиков, особенный, что к нему ничего не пристало? Не слышала здешних шепотков?

Новикову хотелось, чтобы она была красива. Чтобы не замужем. Чтобы…

Он знал, что всё это глупо, что всё—поздно, что ничего из этого не выйдет, что он не избавится от Варвариной, но… Он не мог запретить себе мечтать.

…Начать всё сначала. Пусть он недостоин, пусть стар, пусть совсем не хороший человек. Грешен. Хотя другие разве лучше?..

Всё заново. Всё с чистого листа. Новикову непременно захотелось её увидеть…

Больше ничего. Увидеть.

Такие стихи!

Следовательно, душа у неё нежная, тонкая, поэтическая. Это вам не камни, фарцовщики, битники, хипстеры… Не брутальная проза Ольги Николаевны.

Возвышенная натура. Быть может, одинокая. Как он, Новиков.

—Будем печатать,—распорядился Юрий Матвеевич и, чего никогда не делал, сам написал незнакомке:

«Ваши стихи произвели огромное впечатление. Должен сознаться, я давно не испытывал ничего подобного. Планируем напечатать их в ближайшем номере. Просьба срочно прислать Вашу фотографию и Вашу краткую литературную биографию. И, если можете, пришлите ещё стихи».

Юрию Матвеевичу хотелось узнать о ней как можно больше, прежде всего—замужем ли она и сколько ей лет; он долго сидел над письмом, но спрашивать напрямую казалось неприлично, и он не решился. И само письмо получилось слишком деловое, сдержанное. Он хотел бы написать совсем иначе, но не знал как.

Ответ пришёл на следующий день. Удивительно, но всё это время Юрий Матвеевич, чего никогда с ним не случалось, испытывал сильное волнение, он, словно мальчишка, ждал её ответ, мечтал о ней и сам же смеялся над собой. И опять-таки сам же и поставил себе диагноз: влюблён. Но вовсе не так, как влюбляются мальчишки, бескорыстно и бездумно. Он влюблён был от одиночества, от неустроенности собственной жизни, оттого, что до сих пор жил не так, как бы ему теперь хотелось. Оттого, что Ольга Николаевна не любит его, да и не любила, она вообще не умеет любить, и он тоже не любит её. Когда-то был секс, но давно кончился.

Вот прожил жизнь, а—никого. Многие из окружающих зависят от него, он окружён уважением и почётом, казалось бы, всё у него в порядке, известный литератор, а… Если посмотреть правде в глаза—не нужен никому. Умрёт—и на следующий день забудут.

Юлия Савченко—так звали поэтессу из Сызрани—прислала, как просил Новиков, фото и биографию. И ещё письмо. Очень вежливо благодарила и обещала прислать новые стихи. И не только стихи, но ещё и эссе о ныне здравствующих и ушедших поэтах. Одно эссе—про Фета—она вложила отдельным файлом. Новиков прочёл и был потрясён: Фет и Мария Лазич, смерть девушки, страдание и несчастная, безвыходная, трагическая любовь—он, конечно, всё это знал, но как она написала!..

Чуть успокоившись, Новиков почувствовал лёгкую досаду за её романтический взгляд. Фет—вне критики, святой? Сентиментальный, рассудочный немец. Немецкая кровь. Довёл девушку до самоубийства и пишет. Страдает. «А сам, сам?—Новиков почувствовал отвращение к себе.—Тоже немец?»

Одно было очевидно: что Юлия не простая провинциалка, не просто стихи пишет, как другие. Однако её не слишком печатают. И что в провинции она страдает от невостребованности. «Проблема небольших городов—там нет места большому

таланту. Оттуда бежать нужно»,—Новиков не знал, должен ли он радоваться или печалиться.

Но главное—фото. Юлия оказалась красива. С золотыми кудрями, с голубыми глазами, с чуть вздёрнутым носиком. Тонкие наманикюренные пальцы держали микрофон. Так хороша, что Новиков почувствовал стеснение в сердце. Услышал голос: чистое серебро. Представил, как она читает. На фото ей лет тридцать пять—сорок. А может, меньше. Но… Это могло быть старое фото.

Из биографии Новиков выяснил, что она журналистка и автор четырнадцати книг. Наверное, не очень молодая.

«Чего ты хочешь, Юра?—спросил он себя.—Чтобы ей было двадцать лет? Или двадцать пять?»

Нет, двадцать лет было бы слишком. Он не мог представить, что делать с двадцатилетней. Тем более сейчас они совсем другие. Прагматичные. А он не олигарх…

Лет сорок-пятьдесят или чуть больше—было б идеально для него. В бальзаковском возрасте женщины в самом соку. Уже без предрассудков…

Про мужа она не упомянула. Да и с какой стати? Юрий Матвеевич залез в Интернет и долго искал—с Интернетом он был на «вы». Наконец, нашёл Юлию Савченко. Среди Савченко с именем Юлия имелось аж три поэтессы, но свою Новиков узнал сразу!

Любовь—не когда прожигает огонь,
когда проживают подолгу вдвоём,
когда унимается то, что трясло,
когда понимаешь всё с полусло…

Любовь—когда тапочки, чай и очки,
когда близко-близко родные зрачки,
когда не срывают одежд, не крадут—
во сне укрывают теплей от простуд.

Когда замечаешь: белеет висок,
когда оставляешь получше кусок,
когда не стенанья, не розы к ногам,
а ловишь дыханье в ночи по губам.

Любовь—когда нету ни дня, чтобы врозь,
когда прорастаешь друг в друга насквозь,
когда словно слиты в один монолит,
и больно, когда у другого болит.

Сомнений у Новикова почти не оставалось. Едва ли такое можно придумать! Он почувствовал зависть, потому что у него никогда ничего подобного не было. Были женщины, много, а—не было…

Но ведь такая не изменит, не уйдёт от мужа, не кинется на шею другому оттого, что он главный редактор. Тем более бездумно. Ни за какие коврижки. Она, может, и в своей Сызрани сидит из-за мужа. Она не уедет в Москву, будет охранять своё гнёздышко. Своего…

Но кто же он, этот счастливчик?

Счастливчик? Однако:

Твой бедный разум, не подвластный фразам,
напоминает жаркий и бессвязный
тот бред, что ты шептал мне по ночам,
когда мы были молоды, безумны
и страсти огнедышащий Везувий
объятья наши грешные венчал.

Во мне ты видишь маму или дочку,
и каждый день—подарок и отсрочка,
но мы теперь—навеки визави,
я не уйду, я буду близко, тесно,
я дочь твоя, и мать, сестра, невеста,
зови как хочешь, лишь зови, зови.

О ком это она, о муже? Новиков не решился спросить. Он знал: всё со временем разъяснится.

В конце года, то есть всего через пару месяцев, лучшие авторы журнала выступали на радио, и Юрий Матвеевич пригласил Юлию в Москву. Сам. Лично. Он жаждал её увидеть! Услышать! Новикову плохо было одному…

В это самое время у Ольги Николаевны вышла новая книга, и на книжной выставке её торжественно презентовали. Во главе стола сидела сама Шуткина, в неизменных чёрных очках и в чёрных, без пальцев, перчатках. Новиков обязан был присутствовать, но—один, один… Верно говорят, что одиночество особенно тяжко на людях. Между тем Юрий Матвеевич тихо начинал ненавидеть Шуткину: от неё зависело напечатать новиковские рассказы и тем самым пропустить Новикова в классики.

Ольга Николаевна радовалась, как девочка. Новиков читал это по её глазам. На сей раз это был исторический роман из рифейской старины, в котором правды содержалось не больше, чем золота в медных монетах,—Варварина терпеть не могла рыться в архивах. Но какое это имело значение? Кому нужна правда? Намного важнее казалось то, что Варварина снова замахивалась на премию, тем более что Маша Шуткина выступала одним из главных учредителей этой самой премии.

С Машей у Новикова имелись свои счёты: когда-то—тогда он не был ещё главным редактором—Новиков помог ей напечататься в журнале. Но Маша Шуткина оказалась на редкость неблагодарной. Вот и на сей раз слукавила старая карга: сама подошла к Новикову—неудобно было не подойти—и протянула руку в перчатке с голыми костлявыми пальцами.

—Значит, Юрий Матвеевич, печатаетесь у конкурентов?

Новикову неудобно показалось её уличить. Много лет, пока всерьёз не обиделся, искал он подступы к этой шапокляк. От отчаянья, было дело, даже письмо написал, но она не ответила. Вдвойне обидно: Ольга Николаевна то ли не смогла,

то ли не захотела ничего сделать. Ларчик между тем открывался просто: стихи Шуткиной, которые Новиков протолкнул, были, как она сама, бесцветные и сухие, словно осенняя трава, настолько, что неподкупная Эльмира Антоновна после этого не здоровалась с Юрием Матвеевичем целый год. Так вот, как-то в лёгком подпитии Новиков ляпнул об этом с юморком, и доброхоты тотчас же донесли. С тех пор Шуткина много лет демонстративно держала дистанцию. Она и сейчас наверняка только делала вид. Маша Шуткина никогда ничего не забывала.

На выставке Новиков особенно почувствовал своё одиночество. К нему подходили, жали руки, с ним заговаривали, даже заискивали, особенно молодые, малознакомые, но он как никогда остро чувствовал фальшь…

А в этой, из Сызрани, Юлии, в ней издали ощущалась чистота. Редкая в наше время искренность, неиспорченность. Она вдалеке от всяких столичных дрязг. От сплетен. Она — другая, из другого теста. Такая не обманет, не станет лгать. В её стихах не ощущается притворства. Новиков уверен был, что не ошибся, к своим семидесяти он считал себя душеведом.

Увы, Юлия не смогла приехать в Москву. Написала, что давно не выезжает из-за мужа. Муж её, Дмитрий, в прошлом журналист и писатель, написал несколько очень неплохих книг, но он давно страдал гипертонией, и из-за скандала в областной организации (всё из-за денег, как всегда, в этот раз у писателей украли гранты) у него случился инсульт. С тех пор Дмитрий лежит дома, у него повышенное внутричерепное давление, нарушения психики, он ничего не помнит и едва, только с её помощью, передвигается по квартире. Юлии одной приходится смотреть за мужем, лишь изредка помогает сестра Дмитрия, но она работает, и у неё семья, дети и внуки, а оставить Диму одного надолго нельзя. Он всякий раз падает, и он такой тяжёлый, что она не может его поднять. Приходится вызывать то мчс, то скорую помощь. Врачи вначале назначали инъекции, но Диме лучше не становилось, наоборот, всё хуже и хуже, и Юлия уже шесть лет никуда не ездит.

За последние годы ей присудили несколько премий, сообщала Юлия, и она ведёт блог — читателей не очень много, бóльшую часть времени приходится посвящать мужу, пишет она больше по ночам. И даже получить премии не может, хотя её везде зовут. И денег совсем нет, хорошо хоть, что она стала получать пенсию, и очень благодарна, что публикацию в журнале ей оплатили, но всё равно всё уходит на лекарства. Какие-то лекарства мужу дают бесплатно, но это не совсем те, которые нужны. Так что, увы, приехать она не сможет, просит её простить, хотя очень бы хотелось выступить на радио. Ей очень неудобно, что он, известный столичный писатель и главный редактор, её приглашает, а она никак не может приехать и, наверное, долго ещё не сможет. И что она, Юлия, прочла последнюю книгу рассказов Новикова, и книга ей очень понравилась, и что она с нетерпением ждёт его роман про Серебряный век, о котором он говорил в своём недавнем интервью.

Письмо было длинное, Юлии требовалось выговориться, очень может быть, что у неё никого не было близких, кому можно уткнуться в грудь и порыдать, — и вот он, Новиков. Две одиноких души. Она ведь со своей сверхъестественной проницательностью уловила его одиночество — в его рассказах. Ни один критик не заметил, все писали о другом, а она…

Но Юлия, судя по всему, очень любила своего мужа. Или — раньше любила? Пишет в стихах, что штопала ему носки. Кто штопает сейчас носки? Это ведь какая бедность, это только в Советском Союзе штопали… Что моет его и ухаживает за ним, может быть, кормит с ложечки. Но любить? Да можно ли любить такого глубокого инвалида? Или только жалеет? Ностальгия по прошлому?

В сущности, это всё не так важно. Не о нём, Новикове, думает сейчас Юлия. Он угадывал это по отдельным деталям, словам и очень огорчался. Между ними было несколько очень хороших писем: о поэзии, о литературе, о людях. Юлия постепенно открывалась — всего лишь несколько тёплых писем, не больше…

Юрий Матвеевич попытался представить, что произойдёт, если, не дай Бог, такое случится с ним. Что станет делать Ольга Николаевна? Наймёт сиделку? Отправит в больницу или в дом престарелых? Слава Богу, в последнее время появились очень приличные дома престарелых для богатых. Но разве они с Ольгой Николаевной богатые? Даже Ольга Николаевна — при всей своей знаменитости. Новиков не знал, сколько у неё денег. По его расчётам выходило, что не так уж много. Разве что ей подкидывал олигарх Катин. Зато знал, что Ольга Николаевна тарелку лишний раз не помоет. А уж он, главный редактор, — почти нищий. Оттого в литературе чудовищная коррупция. Всё продаётся и все продаются — за очень небольшие деньги. Книги писать — это вам не в банке работать. Это раньше, в советское время, писатели жили как при коммунизме. Продавали душу и жили припеваючи. И вот — итог…

Нет, лучше обо всём этом было не думать.

Новиков написал ответное письмо Юлии:

«Дорогая, милая Юлия! Я потрясён тем, что Вы мне сообщили. Увы, наша жизнь очень плохо устроена, бездумно, будто ничего с нами не может произойти. Все мы похожи на страусов, прячущих головы в песок, и если всё же происходит, мы оказываемся беззащитными перед судьбой. Наша

медицина не приспособлена к тяжёлым болезням, к уходу. Всё ложится на рядовых граждан.

Я восторгаюсь Вами, Вашим мужеством и Вашей преданностью. Может быть, я чем-то смогу Вам помочь? Прислать денег? Помочь с врачами, хотя не знаю как? Сызрань небольшой город, и медицина у вас наверняка не самая лучшая. Вы всегда можете рассчитывать на меня.

Всё же, несмотря ни на что, мне очень хочется Вас увидеть. Говорить с Вами. Слушать Ваши стихи. Они такие тёплые, добрые. И талантливые. Возможно, Вы всё-таки смогли бы на день-другой вырваться? Я мог бы устроить Вам встречу с читателями или выступление на радио.

И ещё: можно мне звать Вас просто Юля? Не Юлия, хотя звучит это очень красиво, а—Юля? И—на „ты“?

Ваш (до разрешения) Юрий».

Ответное письмо пришло в тот же день. Юлия разрешала обращаться на «ты» и сама впервые написала Новикову «ты». Благодарила его за тёплое письмо, но от денег и от помощи отказывалась. У неё всё есть. Они с Дмитрием всегда жили скромно и в прошлой жизни отложили немного денег. Муж заведовал большим клубом, где выступали многие известные артисты. Правда, в девяностые годы они, как и большинство, все свои сбережения потеряли, но потом дела пошли лучше.

Но, самое главное, Юлия написала, что тоже хотела бы его, Новикова, видеть, только не сейчас, сейчас она никак не может, но когда-нибудь потом. И ещё желала ему побыстрее закончить замечательный роман про Серебряный век. Она, Юля, когда-то очень увлекалась поэтами Серебряного века, да и сейчас их очень любит. «Когда мне грустно и плохо, они приходят ко мне на помощь»,—написала она. И сообщила, что в разное время написала о гениях Серебряного века несколько эссе: о Мережковском и Гиппиус, о Николае Гумилёве, о Мандельштаме и Блоке,—и что давно собирается писать о Ходасевиче.

«Серебряный век в действительности—несколько десятилетий, последних, трагических, накануне и во время катастрофы, когда прежний мир рухнул, а новый, жестокий, плебейский, родился в крови и во зле. Поэты, как самые чувствительные, ощутили приближение катастрофы раньше всех и все, почти все погибли, как погибают бабочки и стрекозы с наступлением холодов. Гумилёв, Мандельштам, Блок, Есенин, Цветаева, даже Маяковский—ни один из них не умер собственной, естественной смертью, не дожил до преклонных лет. Но и судьбы тех, кто не наложил на себя руки, не сошёл с ума, не спился и не был убит—Ахматовой, Мережковского, Гиппиус, Пастернака, Мариенгофа, Ходасевича—оказались почти столь же трагическими: до конца жизни им предстояла эмиграция, внутренняя или внешняя. Новый мир не принял поэтов Серебряного века, и они, за малым исключением, не приняли этот новый мир, построенный на обмане и крови, мир иллюзорных надежд»,—написала Юля. А Новиков поразился совпадению их мыслей и чувств. Именно так, почти теми же словами, собирался он завершить свою незаконченную книгу.

Одно эссе, о Гумилёве, Юля вложила в электронный файл—и снова Новиков был восхищён. И тем, как Юля рассказывала о жизни поэта, так, будто прожила её где-то рядом: об африканских путешествиях Гумилёва, о любви и расставании с Ахматовой, о несуществующем, выдуманном заговоре Таганцева,—и тем, как глубоко и точно цитировала его стихи. Как ни странно, для Новикова это стало открытием: он очень неплохо знал биографию Гумилёва, в своё время в Литинституте он написал работу по имажинизму, но вот стихи поэта он знал мало, да и то, что знал когда-то, помнил уже плохо. Но, пожалуй, не меньше, чем стихи Гумилёва, поразило Новикова Юлино знание эпохи: умерший век оживал во множестве ярких, противоречивых деталей, обретал плоть, агонизировал, жизнь словно подходила к обрыву… «Безумству храбрых поём мы песню»[19]—«безумство храбрых» оборачивалось кровью, насилием, ужасом, махновскими тачанками и будённовскими погромами…

Будь Юля решительней и амбициозней, она могла бы стать замечательной романисткой, намного талантливей Варвариной. Но куда бы она понесла свои сочинения в маленькой Сызрани? А если бы понесла, кто бы стал их читать? В его собственном журнале в советское время работали двенадцать ридеров и ещё очень грамотные люди на непостоянной основе, совместители, а сейчас на прозе оставался один верный старый Руслан, и непонятно было, кем его заменить, когда он уйдёт.

Новиков сразу же опубликовал Юлино эссе в своём журнале. Ему очень хотелось сделать ей приятное. И снова написал ей—и что он в полном восторге, что было сущей правдой, и что по-прежнему мечтает встретиться с ней.

Ждать ответа на сей раз пришлось несколько дней, и Новиков совершенно извёлся. Стал бояться, что Юлия не ответит. Ведь могла же она что-то почувствовать. Он, пожалуй, написал слишком смело, нетерпение сердца его подвело.

Юрий Матвеевич вынужден был признать: влюбился, как школьник. Давно и безнадёжно, глупо. Влюбился не в живую женщину—он никогда не видел Юлию,—влюбился в фотографию Бог знает какого года, в женщину неизвестного возраста. Сколько ей—пятьдесят пять? Шестьдесят? Больше? Он знал только, что она была красива. А сейчас? Сохранилась красота или, как осенние

19. Цитата из М. Горького.

листья, облетела? Одно только он знал твёрдо: она образованна и талантлива, и у неё очень тонкая душа. И ещё, главное, Юрию Матвеевичу интересно было с ней.

«А может, она всё поняла, догадалась и теперь вьёт из меня верёвки?» — Юрий Матвеевич был от природы недоверчив, да и жизненный опыт не усиливал его доверие к людям. «Нет, нет, не может быть, в этот раз я не мог ошибиться. Юля — чистая душа», — стал он успокаивать себя.

«Ну и пусть, — решил он через минуту. — На всё Божья воля». В самом деле, от него ничего не зависело. Он решил покориться.

В новом письме, которое пришло через несколько дней, Юля снова прислала эссе, в этот раз о Мандельштаме, и трогательно написала, что «поэты умирают, поэтов убивают, но поэзия бессмертна». И коротко приписала, что очень хочет с ним встретиться, но что это невозможно.

«Пока невозможно», — добавила она и объяснила, почему целых несколько дней не отвечала. Оказалось, что муж её упал на пол, и у него не было сил подняться, и она не могла его поднять, он очень тяжёлый. Пришлось вызывать мчс. И все последующие дни Юля сидела возле него, боялась, что он простудится и заболеет или снова упадёт с кровати.

Новиков окончательно потерял голову. С одной стороны, он понимал, что всё в их отношениях безнадёжно и что нет никакого выхода, но с другой — странное нетерпение овладело им и заставляло несбыточно надеяться. Её муж, Дмитрий, которому Юля отдавала силы, мог умереть, но, с другой стороны, мог умереть и он, Новиков. Их обоих, мнилось ему, в недалёкой перспективе дожидался Харон. Только Юля обязана была жить, без неё не сможет жить Дмитрий. Как ни странно, в этих своих расчётах Новиков совершенно игнорировал Ольгу Николаевну, хотя именно от неё зависело немало.

Новиков, конечно, этими мыслями не делился, хотя каждый день писал Юле письма и она отвечала ему. Но в письмах они не касались быта и не обсуждали свои отношения. Писали о литературе, об искусстве, про Серебряный век, о путешествиях — очень скоро Новиков выяснил, что на самом деле Юля мало где бывала. В советское время не выпускали за границу, а потом, в девяностые, шла борьба за существование и не до того было. Тысячи интеллигентных людей, образованных, тех самых, что выступали за перемены и поддерживали демократов, оказались на мели. Увы, и Юля с мужем стали одними из этих людей. По интеллекту, по знаниям, по таланту они заслуживали много большего. Юлин муж Дмитрий написал целых две диссертации, но, увы, не для себя. Для новых русских. Настоящие интеллигенты редко бывают практичными…

Под влиянием Юли Новиков только сейчас задумался, сколь скудна и несправедлива российская жизнь, особенно в небольших городах. Среди Юлиных друзей присутствовало несколько писателей и поэтов. Это были странные люди, не от мира сего, Новиков постепенно с ними познакомился и, с Юлиной руки, начал печатать, однако они буквально прозябали в провинции, существовали в полной нищете. Один из них, особенно талантливый, работал, как Платонов, дворником, другой, по старой диссидентской привычке, служил истопником.

«Да стоит ли таких жертв литература? — возмущался Новиков. — И ведь кто их гнобит? Люди бездарные, серые…» Он сам, Новиков, на их месте давно бы бросил писать, сбежал бы хоть на край света, как сбежал в своё время Довлатов.

Уж Новиков-то знал, что и здесь, в Москве, литература — полоса почти непреодолимых препятствий. Зона особенного неблагоприятствования. Что и здесь — круговая порука. И что вовсе не талант, совсем не талант, что-то совсем другое определяет писательскую судьбу.

Новиков давно удивлялся: отчего тысячи людей продолжают писать? Зачем, кому это нужно? Просто выразить себя? Или, как мулы, мечтают о славе? Но эти люди элементарно не понимают механику, не представляют, как устроена литература. Увы, беда заключалась в том, что и он, Новиков, всё меньше представлял.

В действительности Новиков не знал, что делать дальше. Конечно, Юля красива и талантлива — Бог всем наградил её, кроме детей, — Юрию Матвеевичу очень интересно было с ней, много лет уже не было у него настоящего собеседника, а тут в каждом письме открывалось новое, тёплое, близкое, он словно заряжался от Юли и сам становился лучше, она разгоняла его хандру. Это был настоящий роман, пусть заочный, платонический, но — роман; сердца их бились в унисон, в каждом слове душевная близость и — страсть? Страсть они тщательно скрывали, не позволяли себе ни единого слова, но — страсть всё равно прорывалась: в невинном «целу́ю», «обнимаю», «с теплом». Слова приобретали тайный смысл, всё было совсем не то, что с Варвариной. С Ольгой Николаевной всё давно было выговорено дотла, и много лет им было пусто и неинтересно друг с другом. Они и закрывались по своим комнатам, и разъезжали давно отдельно, и только по понедельникам и пятницам… И то всё реже. В последнее время Юрий Матвеевич старался уклоняться от ночных встреч, и Ольга Николаевна отвечала Новикову тем же. Даже в Америку к дочке, когда, наконец, дождалась приглашения, Варварина ездила одна.

Новиков упорно мечтал о встрече. Его неотвязно влекло к Юле. И в то же время он боялся разочароваться: все фотографии, которые Юрий

Матвеевич нашёл в Интернете, наверняка были старые, скорее всего, двадцатилетней давности, а может, и больше. Новые фото Юля тщательно скрывала. Она, словно великая актриса, жила в своём волшебном замке из грёз, в прошлом, в поэзии, в литературе, так что Новиков не мог разобраться: какую Юлю он любит—прежнюю или нынешнюю? Реальную или сотканную из мечты?

Новиков знал только, что Юля вышла на пенсию. Но когда? Он не мог у неё спросить.

Вообще, всё было непонятно. Что делать с её мужем? К чести Новикова, он тотчас одёргивал себя: Юля мужа никогда не оставит, да и думать об этом грешно. «Не думать»,—велел он себе. Но если бы вдруг им удалось соединиться, где бы они стали жить? Уехать в Сызрань? Бросить журнал? Но в Сызрани, наверное, и врачей приличных нет, а он, Новиков, разменял восьмой десяток. Здоровье начинало шалить, необходимо было думать о будущем. И знакомых в Сызрани у него нет. Переехать в Сызрань—это всё равно что поселиться на необитаемом острове.

Перевезти Юлю в Москву? Но куда? Поселиться с Ольгой Николаевной? Но Юля никогда не согласится. А про Ольгу Николаевну не стоило и мечтать. Делить квартиру? Но это на годы, быстрее и легче умереть. Это в советское время главному редактору дали бы квартиру: номенклатура. Правда, без скандала бы не обошлось, выговор по партийной линии был обеспечен. Ну да Бог с ним, с выговором, всё равно разводились и женились на молодых, на секретаршах. Но то—в советское время, а сейчас он никому не нужен.

Новиков не знал, что делать, но всё равно он хотел её увидеть!

Да, старость—несчастливая вещь. Горькая. Сам Лев Толстой был вынужден бежать из дома—из-за завещания. А уж король Лир… А что король Лир? Взбалмошный старик, полусумасшедший…

Но он хотел видеть Юлю. Что толкало его? Любовь? Одиночество? Новиков не знал что…

Он придумал поездку в Самару. Там Новиков должен был выступить на конференции. А уж из Самары рукой подать…

В Сызрань Новиков приехал поздно вечером. Остановился в гостинице. «Ещё не поздно»,—подумал он. Ещё можно было бежать. В самом деле, чего он ждёт, чего он хочет? Разве не знает, что это невозможно? Что—авантюра? Так с ним случалось иногда. Как-то в молодости он собирался прыгнуть с парашютом, но в последний момент силы оставили его…

Новикову не спалось. Завтра… Нет, уже сегодня… Задремал он только перед рассветом. Проснулся поздно, усталый от сновидений, разбитый, с трудом пришёл в себя, долго не мог решиться, но наконец, сделав над собой усилие, позвонил. И тотчас почувствовал глухие, неровные удары сердца, оно чуть не выскакивало из груди, голос предательски дрожал. Но Юля будто ждала его. Она сразу засуетилась, всплеснула руками—Новиков очень явственно это представил.

— Ты? Здесь? Я будто чувствовала. Не могла спать. Я вообще сплю очень мало. Но я не могу пригласить домой. У меня не убрано. И я не в порядке. И—Дима, он не привык к чужим,—голос у неё был растерянный, прерывистый, она будто задыхалась. Совсем не тот голос, что в «Ютубе».

— Нет, нет, не надо к тебе,—испугался Новиков.—Давай лучше посидим в кафе.

— Только мне нужно привести в порядок мужа,—сказала она.—И себя тоже. Я ужасно выгляжу сегодня. Почему ты…—она, наверное, хотела сказать «не предупредил», но передумала.—Зачем ты? Где ты остановился?

— В гостинице.

— Ах да, ты, кажется, говорил. Я никак не смогу раньше двух. Я должна вызвать Димину сестру.

— Я подожду.

Новиков почувствовал облегчение, но тотчас вслед за этим что-то больно кольнуло его. Что дальше, если она на несколько часов не может оставить мужа? Совершеннейшая авантюра. А чего он, собственно, ждал? Да, чего?

— Я подожду,—повторил Новиков.

В два часа, как и договорились, они встретились у дома купца Стерлядкина, одной из главных достопримечательностей города. Юля по-прежнему была красива, совсем как на фотографиях. Милые, мягкие, интеллигентные черты. Морщинки—но что такое морщинки? Причёска, маникюр—Новиков догадался, что ради него Юля только что сходила в парикмахерскую. Одета, правда, скромно. Платье то самое, в котором снялась на концерте много лет назад. Но, значит, с тех пор не поправилась.

— Давай прогуляемся по городу,—предложил Новиков.—А потом зайдём в ресторан, пообедаем.

— Хорошо,—покорно согласилась Юля.—Я очень много лет не была в ресторане.

Они гуляли по городу и говорили о разных мелочах, не о главном. Юля читала Новикову стихи. Свои и Есенина, Мандельштама, Цветаевой. Как ни странно, многие Новиков не знал. Когда он учился, Мандельштам оставался под запретом. И Цветаева с Пастернаком до некоторой степени. Ещё не утих тогда скандал с «Доктором Живаго». А потом Новикову стало не до стихов.

Юлин голос… До чего же красивый, мелодичный был у неё голос! Необыкновенно выразительный, волнующий голос, который он столько раз слышал в «Ютубе», который возбуждал его, сводил с ума, рождал желание. Он взял Юлю за руку,

прижал к себе. Она не отстранялась. Они вошли в ресторан.

— Юля, — начал Новиков, когда они чокнулись, — Юлечка, ты самая близкая мне. Единственная. Данная Богом. Я смотрю на тебя и думаю, что ты — ангел. О, как я хотел бы быть с тобой. Отчего мы не встретились раньше? Разве это справедливо?

Новиков заметил, как она съёжилась, словно стала меньше. Её щёки стали пунцовыми. «Давление», — подумал он.

— Не нужно, — простонала она. — Не нужно говорить об этом. Я тоже… люблю тебя… как друга, — поспешно добавила она. — Хотела бы любить. У меня никого нет… кроме тебя и мужа, Димы. Мы с ним очень были близки, очень.

Новикову показалось, что в глазах у неё стоят слёзы.

— Что же делать? — спросил он.

— Ты ведь тоже женат, — сказала она. — И жена у тебя знаменитая.

— Это странный брак. Ненастоящий, — отвечал Новиков. — А настоящая — ты.

— Да, — согласилась Юля. — Но что же делать? Я другому отдана и буду век ему верна. Дима не виноват, что так случилось. Это может быть с каждым. Может быть, когда-нибудь…

«Нет, — подумал Новиков. — Я не дождусь. Мне уже семьдесят. Слишком поздно».

— Мы не могли встретиться с тобой раньше? — спросил он.

— Шансов было очень мало, — подтвердила она.

— И теперь… Разве что на небесах, в другой жизни. Или в стихах. Но я не умею писать стихи, — вздохнул он.

Юрий Матвеевич взял Юлю за руки. Руки у неё оказались очень нежные, несмотря на нелёгкую домашнюю работу. Он наклонился к ней и поцеловал — нежным, ласковым, долгим поцелуем, в котором столько было и любви, и отчаянья.

— Да, в стихах, — прошептал Новиков. — В стихах…

Новиков почувствовал, что из глаз у него текут слёзы.

Он взглянул на Юлю. Глаза у неё тоже были мокрые.

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Алсу Шайхутдинова (6 класс)

Я — часть Вселенной, и я ей очень нужна!

Среди зелёной тайги, на берегу речки Огнёвки, раскинулось моё село.

Кому-то может показаться, что село затерялось в тайге и жители отстали от жизни. Но это не так. Мы очень современные люди: живём в красивых домах, ездим на иномарках и «зависаем» в Интернете! И хотя до ближайшего города двести километров, я с родителями часто бываю в Красноярске.

Мои родители молодые и весёлые. Мы ходим в кино, гуляем в парке, посещаем музеи. А дома в выходные дни ездим на реку, любуемся красотой Енисея, ходим в походы, гуляем.

Я люблю природу, люблю наблюдать смену времён года, бродить по лесу. В такие минуты мне кажется, что я — частичка большого мира, я — одной крови с ромашкой и белкой, с рябиной и синичкой. Я — часть Вселенной, и ей я очень нужна, как и она мне.

Я рада, что мои родители не уехали в город, ведь тогда я видела бы красоту природы только по выходным, а здесь любуюсь постоянно. Лес наш очень необычный, в нём много грибов, ягод, цветов. В лесу также много зверей и птиц. Часто можно увидеть белку или бурундука, зайца или глухаря. Реже, но видела лису, барсука, косулю.

В каждое время года лес красив по-своему. Зимой стоит в белых пушистых шубах, весной — в кружевном платьице. Летом лес превращается в большой зелёный океан, осенью становится ярким, пёстрым, разноцветным, как наш татарский платок. Как можно не любить такую красоту?!

Каждый день, гуляя по селу, я думаю: какое это счастье — жить в таком замечательном месте!

Валериан Маркаров

Миллион алых роз

Фрагмент романа «Легенда о Пиросмани»

Нико бездумно брёл вперёд сквозь изнурительную весеннюю жару, когда улицы Тифлиса, зажатого в котловине между горами, дымились от накала палящего зноя. Ноги легко снесли его по чешуйчатой мостовой Верийского спуска, аккуратно перевели через мост над Курой и по Михайловской улице довели прямиком до самого Муштаида, этого «Булонского леса» грузинской столицы.

Здесь пахло жареными каштанами, в богатых ресторанах страстно пели и кутили богачи—эти дети веселья и достатка, щегольски разодетые в серебро и цветные сукна,—и беспечно рассыпали по сторонам свои накопления. Солиднее и сдержаннее вела себя интеллигенция—врачи, инженеры, учителя, адвокаты, которые приходили сюда отдохнуть и подышать прохладой за тихой благоразумной беседой. В заведениях попроще собрался торговый и ремесленный люд Тифлиса: карачохели, торговцы и мелкие купцы, ставшие недавно набирать коммерческий оборот. Мужчин непременно сопровождали черноволосые и черноглазые красавицы с румяными щеками и сверкающими белизной зубами. Кто-то из них—чья-то жена, кто-то—дочь на выданье, а кто-то—и любовница. И вся эта толпа—в ресторанах и духанах рядом с фонтанами или под свежей сенью елей, акаций, чинар и тутовых деревьев—острит и хохочет, танцует и азартно играет в лото, поёт, болтает и бранится, гуляет по аллеям сада, шумит и блестит улыбками, ботинками, платьями, мундирами.

Неугомонная детвора шумно носится по аллеям сада, лишь изредка останавливаясь, чтобы поглазеть на представление «Петрушки» или понаблюдать за ловкими китайскими фокусниками, послушать старых шарманщиков, чьи барабаны изготовлялись одесскими мастерами, по причине чего здесь были популярны мелодии «7:40», «Шарлатан» и другие еврейские напевы. Любопытным девочкам постарше предсказывают судьбу разноцветные попугаи, за определённую плату вытаскивающие своими кривыми клювами плотно уложенные и написанные корявым почерком судьбоносные билетики.

Нико заглянул в духан. Здесь, в глубине, за длинным столом, освещённом лампами, сидели люди. Шёл большой пир на полупире. Ароматные бычьи лопатки, хорошо сваренные, лежали в облаках пара на больших блюдах, рядом с шашлыками на шампурах, пестрели гранаты, наливные яблоки, гроздья прозрачного винограда, жирная индюшка и поросёнок, покрытый яичным желтком и обжаренный, с зеленью петрушки и ярко-красными редисками в раскрытом рту, и тарелки с тёмно-зелёным варёным шпинатом, заправленным пахучим хмели-сунели. Мужчины сидели кто в пиджаках, кто в блузах, а кто в чохах—чёрных, каштановых, с серебряными и чёрными поясами и кинжалами. Все говорили спокойно, наслаждаясь тем, что ночь ещё длинна, и тем, что это уже не первая и далеко не последняя ночь великого пира.

Вскоре подошёл буфетчик-микитан, обмотанный фартуком до самого пола, с подносом в руках. На нём стояли стеклянный графин с холодной водкой и рюмка. Нико залпом выпил полную стопку, и блаженное тепло немедленно разлилось по всему его телу. Затем он выпил вторую и третью и, опустошив графинчик, взял дрожащей рукой пустую рюмку, став в задумчивости рассматривать её матовое донышко…

Оставив духан, он в отрешении углубился в сад и наткнулся на кафешантан, на его открытой эстраде по вечерам давали музыкальные спектакли и иллюзионные номера. Здесь выступали весёлые конферансье-куплетисты и акробатки-каучук, балетные пары исполняли па-де-де и па-де-труа, им на смену выбегали стройные артистки кордебалета, а ближе к ночи неискушённой кавказской публике демонстрировали непристойные пляски задорного и беззаботного канкана.

Дыхание новых перемен, идущих с Запада, как и дыхание необычайно жаркой весны, явственно витало во всей атмосфере этого увеселительного заведения, с появлением которого неведомая сила начинала выгонять мирных жителей Тифлиса, привыкших проводить тихие весенние вечера за игрой в нарды и лото, в эти кафешантаны, заставляла из любопытства слушать пикантные шансонетки на непонятном языке, учила не стыдиться коротких, выше колен, юбок, выразительно-двусмысленных движений танцовщиц французского варьете в купальных костюмах, высоко задиравших

длинные ноги и посылавших зрителям воздушные поцелуи, и толкала скромных и совершенно невинных девушек, дочерей местных обывателей, на работу модистками в ателье, на сцену, в театр, натурщицами к свободным художникам либо на новый промысел на новом тротуаре.

Нико бы прошёл мимо эстрады и толпы зевак, созерцавших анонс выступления какой-то заезжей артистки, которое вот-вот должно было начаться, если бы не уткнулся носом в широкую тумбу с наклеенной на ней афишей, краешек которой был потрёпан ветром:

НОВОСТЬ!

Съ 27-го марта 1905 года

ГАСТРОЛИ

Впервые в Тифлисе

Парижский Театръ
Миниатюръ *«Бель Вю»*
и знаменитая артистка
ещё небывалаго въ Россіи жанра

La Belle
Margaritta De Sevre

Уникальный даръ петь шансоны
и одновременно танцевать кейк-уокъ!

Концертъ-дивертисментъ
въ трёх отделеніяхъ

От 8 час. вечера до 2 час. ночи.
Билеты покупайте в кассахъ.

Спустя мгновенье взгляд его задержался на диковинке, что появилась на сцене из-за кулис после того, как конферансье объявил выход мадемуазель Маргариты. Изящная певичка с лёгким слоем наложенного на белое лицо театрального грима, что придавало ей выразительности, с большими глазами, обведёнными чёрной краской, розовыми от пудры пухлыми щеками, с копной вьющихся волос, она стояла в полосатых чулках, не скрывавших её крепких ног, на которых красовались изящные туфельки с заострённым мыском на небольшом каблучке в форме рюмки. На ней была пышная юбка на очень тонкой, похоже, перетянутой, талии, а в руках она держала веер и кланялась публике своим ротиком тёмно-морковного цвета, чем невольно заставила Нико обратить на себя внимание. Она дивно запела на непонятном ему языке своим глубоким и чувственным голосом, и все, заслышав её пение, отчего-то вздрогнули. Она же, танцуя, в такт музыке плавно покачивала бёдрами из стороны в сторону, размахивала руками над головой, а на припевах подскакивала и поднимала ноги выше своей головы таким образом, что Нико искренне испугался, как бы эта удивительная девушка не развалилась на части.

Рот его был приоткрыт от наивного удивления, а застывшие глаза устремлены к эстраде. Он не мог их оторвать от неживой и холодной улыбки мадемуазель Маргариты. В какой-то миг ему померещилось, что она бросила на него свой томный взгляд из-под густых ресниц, и оттого его сердце учащённо забилось. Её странное «двойное» пение, внимательно его слушая, создавало впечатление, словно одновременно пели два человека: будто главный голос, что был громче другого, был золотой, а второй, очень тихий,—серебряный. Этот необыкновенный вокал тронул его до глубины души, и ещё немного—он готов был заплакать, хотя это бывало с ним редко, когда он слушал песню. Ему представлялось, что певица рассказывает о человеке, которого хорошо знает, за которым не раз наблюдала, знает, как он смеётся, смущается, радуется…

—О чём эта песня, уважаемый?—шепнул он, не в силах сдержать свой интерес, на ухо человеку весьма почтенного возраста, с пышными усами и не менее пышными бровями, одетого в дорогой костюм по моде тифлисского городского купечества.

—Понятия не имею, генацвале. Либретто ведь у нас нет, а название на французском мне ни о чём не говорит…

Артистка завершила своё выступление, и зал охватил восторг. Одна из зрительниц, что стояла ближе всех к подмосткам, взвизгнула в ажитации, а кое-кто из молодых офицеров, предчувствуя нешуточное веселье, стал свистеть.

На сцену полетели букетики цветов! Сердце Нико заколотилось от волнения, задрожало от злости на самого себя: как же так, что у *него* нет цветов? Никаких! Даже полевых! Эх, Никала-Никала, глупый ты, и голова твоя соломенная! Не запомнил разве, что женщины любят цветы? Их в духаны не води, варёной осетриной и копчёным балыком не корми, а вот цветочек, хотя бы маленький, подари! Разбейся, найди этот чёртов гривенник и купи!

Публика в экстазе вздыхала и колыхалась. Слышались раскаты грома восторженных оваций!

—Шарман-шарман!—истошно вопила дама в цветочной шляпе и с пломбиром в руках.

—Гран-мерси, мадемуазель Маргарита!—вторили другие.

—Браво!—кричали третьи, посылая артистке бурные аплодисменты и воздушные поцелуи снизу.—Прелестно! Очаровательно! Мерси боку!

А высокий мужчина солидного возраста в дорогом костюме, который во время выступления мадемуазель Маргариты стоял рядом с Нико и что-то говорил про какое-то, кажется, «либретто», вдруг бросил пыхтеть своей трубкой и, усиленно толкая других своими локтями и плечами и даже не оборачиваясь, чтобы извиниться, смог в конечном счёте протиснуться к самому краешку сцены и, встав на цыпочки, покровительственно кивнул артистке и что-то положил в боковой кармашек её платья…

Нико не отводил от неё глаз, зачарованно смотрел, изучал каждое движение той, что до невероятности поразила его воображение. Сейчас вот ему показалось, что артистка кокетливо подняла на плечо спадающую бретельку её лёгкого платья, и… странно! она вновь бросила на него свой взгляд, а потом её отвлекли очередные возгласы публики:
— Гран-мерси, мадемуазель Маргарита!

Она скромно прошептала серебряным голосом что-то невнятное, вроде бы «жё ву зан при», и… нет, ему не приснилось!.. она действительно посмотрела на него! Но почему? Что в нём такого особенного? Ей смешно? Или, быть может… может… он приглянулся ей?

Он не мог прийти в себя от изумления, от какого-то удивительного, странного чувства, поселившегося в нём. Что это с ним? Неужели он, увидев прекрасную девушку, влюбился с первого взгляда? Влюбился без памяти, по-настоящему, до сущего безумия?

«Вот она, любовь всей моей жизни!—грезило его большое мечтательное сердце.—Прекрасный ангел, наконец-то спустившийся ко мне с неба!»

…Он не мог дождаться наступления нового дня, ворочался всю ночь напролёт с боку на бок. Кровь его, воспламенившись от любви, бурно текла по жилам, а из головы не выходил дивный, чарующий голос певицы, невероятный по своей силе и красоте.

На рассвете к дверям его молочной лавки подошли серые, вечно грустные ослики из Табахмелы с хурджинами на своих спинах, таких пыльных, будто весь Тифлис вытирал о них свои туфли. Нико, не торгуясь, второпях заплатил деревенским мальчишкам за молоко, мацони, сметану и сыр и, не дождавшись прихода компаньона, принарядился как умел—снял фартук и взамен него нацепил на себя пиджак—и выскочил из лавки, прихватив с собой из вчерашней кассы целых пять рублей.

Вот и Муштаид. Здесь, у самого входа, расположились два чистильщика сапог. Сидят себе перед красными креслами и стучат щётками по ящикам. А над креслами у них настоящие балдахины с фестонами, кистями и декоративной бахромой—господам хорошим нравится! Любят в Тифлисе картинность!

С раннего утра в саду уже гуляли люди, плавно кружилась карусель с гнедыми лошадками в сбруях, санями, белыми лебедями, радостно визжали детские голоса, а один старый грузин, в сером плаще и сванской шапке, следил за порядком на этой территории и одновременно нажимал кнопки, запускающие аттракционы. Недалеко какой-то шустрый и крикливый малый зазывал широкую публику в павильончик кривых зеркал.

Нико без труда нашёл кассу—маленькую будочку—и за полтинник купил входной билет на представление актрисы Маргариты. Итак, сокровенный билет у него в кармане. И сейчас прожигает насквозь его кожу. Но он, Нико, вытерпит эту боль. Ведь осталось ждать не так и долго—всего до восьми часов вечера, когда начнётся большое представление!

Ему захотелось есть, но в духан он не пошёл—испугался за себя, что выпьет лишнего и предстанет пред Маргаритой не в лучшем виде. Весь день он находился в сильном волнении и вместе с тем радостном возбуждении и ощущал странный трепет в груди. Когда же в желудке его заурчало грозно и неумолимо, он купил себе сначала жареных каштанов, потом—кукурузы и стакан сельтерской, тем и утолил голод и жажду.

Оставалось не более двух часов до начала концерта. Электрические лампы напрасно горели над ненужными уже афишами: билетная касса была закрыта. На её круглом зарешетчатом окне теперь висела табличка: «Все билеты проданы». Зато расторопные мелкие спекулянты наживали себе состояние; только и успевали продавать вожделенные билеты в три, а то и в пять раз дороже их стоимости—ведь желающих попасть на представление было больше, чем мест в зале.

И вот, наконец, двери роскошного ресторана широко распахнулись, и грузный билетёр в ливрее стал запускать зрителей внутрь, строго проверяя наличие у них билетов и отрывая от них корешки, дабы не были они использованы во второй раз. Здесь, в большом светлом зале с громадной электрической люстрой, паркетным полом, высоким потолком, стенами, обклеенными богатыми обоями, за столами, покрытыми белыми накрахмаленными скатертями, ужинали нарядные дамы и господа, по преимуществу—русское население, принадлежащее к военному сословию или к гражданской администрации. Грузинское же и армянское дворянство, зажиточное купечество и интеллигенция тоже усвоили костюм и образ жизни европейский. И старались если не перещеголять, то не отстать от русских в пышности своих туалетов. Здесь не было ни одной женщины в лечаки—наоборот, состоятельные дамы были облачены в пышные юбки. Широкие поля их шляпок, украшенные цветами и атласными лентами, венчали роскошные букеты из

перьев или даже целые чучела маленьких птичек, хотя программа концерта «покорнейше просила» снимать головные уборы, чтобы не загораживать сцену зрителям, сидящим сзади. Руки дам закрывали узкие перчатки, ноги—чулки, а элегантный аксессуар—зонтик—был заботливо поставлен рядом со стулом. Здесь было не найти ни одного мужчины в чохе или остроконечной бараньей шапке, сюда не пришёл ни один кинто! Сегодня мадемуазель Маргарита собрала воедино весь цвет европейского Тифлиса!

Публика пребывала в волнительном ожидании—время концерта приближалось. Актриса сидела одна перед зеркалом в маленькой комнатке, служившей одновременно уборной и гримёрной. Всякий раз, собираясь накладывать грим, она вспоминала скандалы, которые устраивал Жан, её импресарио, требуя, чтобы макияж её был максимально заметным и броским: «Мужчины падки на красоту, глупышка! По платью встречают! Ты же актриса! Ну же, дай им зрелищ, покажи чувства, страсть, индивидуальность! Развлеки их, даже если ты рыдаешь под маской грима. Обмани их и замани в свои сети!—он нервно прохаживался за её спиной, то держа руки сзади, то лихорадочно размахивая ими в воздухе.—Тебе уже скоро тридцать, ты мечтаешь стать богатой и знаменитой, той, которую на выходе поджидает толпа состоятельных поклонников и вездесущих репортёров! Слушай мои советы, и жизнь твоя станет лучше. И тогда я либо сделаю из тебя великую актрису, либо пойду по миру без гроша в кармане…»

Тёмная прядь её волос упала на глаза, упрямое выражение которых была не в силах скрыть даже самая обаятельная улыбка. Не нужны были ей ссоры и скандалы Жана, она всячески старалась их избегать. Она жила как умела и слушала советы этого пройдохи только для того, чтобы кивнуть в знак согласия, но вовсе им не следовать. К тому же она помнила, что ещё бедная её Maman, посвящая её, тогда ещё маленькую девочку, в женские тайны, рассказывала, что броский макияж считается уделом представительниц одной старинной профессии: «Ты ведь не станешь куртизанкой, дочка? Одной из этих „une demi-mondaine“? Не для этого я тебя родила! Не для этого сама прошла этот тернистый путь! Ты приличная барышня, Марго. А приличные барышни отбеливают кожу уксусом или лимонным соком. Хочешь придать коже таинственное мерцание—всегда найдёшь рисовую пудру и жемчужный порошок. Желаешь выглядеть аристократкой—бледность лица твоего оттенят тёмные густые брови, которые аккуратно подведёшь сурьмой…»

Maman её когда-то в юности подрабатывала модисткой, а потом, в поисках лучшей жизни, предпочла стать куртизанкой и жить за счёт средств состоятельных любовников. А дочерей—Марго и Франсуазу—воспитывала её старая мать, жившая в Париже. Когда девочки подросли, их отдали в школу мадам Фрессард. Там они и стали принимать участие в спектаклях, там раскрылся их талант: музыкальный и актёрский. Следующим учебным заведением, в котором учились девочки, была частная привилегированная школа, а потом—драматический класс Высшей национальной консерватории драматического искусства, обучение в которой, конечно же, оплачивала Maman, грезившая видеть своих дочерей или хотя бы одну из них «второй» Сарой Бернар, «божественной Сарой»! В консерватории они научились создавать характеры с помощью жестов и голоса. Что же касается вокала—профессора были очарованы голосом Франсуазы, но не Маргариты! Лучшие парижские театры ставили пьесы Генрика Ибсена и Эдмона Ростана, и девочки мечтали играть в одном из них—на сцене «Комеди Франсэз». Марго удалось сыграть третьестепенную роль в «Женщине с моря», а Франсуаза дебютировала в спектакле «Ифигения». Но, увы, скоро стало понятно, что для всего нужна протекция! Maman уже не было среди живых, она оставила их, будучи ещё далеко не старой женщиной. Бывшие же её покровители не собирались помогать дочерям давно покинувшей их куртизанки Мадлен «лишь в память о ней». Обнажилась жестокая правда жизни: театральные критики внезапно стали суровы к ним, они не разглядели в начинающих актрисах будущих звёзд и считали, что их имена могут в лучшем случае украшать афишки, но никогда—серьёзные афиши! А когда и сам главный режиссёр объявил, что они лишены большого дарования, им пришлось покинуть театр. Театр, который с малых лет считали храмом, но где все роли давно были разобраны среди фавориток маститых режиссёров, стоявших за кулисами театральных несправедливостей, лжи и интриг. Для сестёр наступили непростые времена. Пришло ощущение, что никогда уже не зажжётся для них свет на сцене. Никогда им не играть ведущих ролей в драматическом театре! И Франсуаза, смирившись, ушла танцевать и петь в кабаре «Мулен Руж» на бульваре Клиши. А Маргарита, после того как все взыскательные импресарио отказали ей в ангажементе, обосновывая своё решение тем, что её голос для профессиональной сцены довольно слаб, начала танцевать в кабаре «Чёрный кот» на Монмартре. Что поделаешь, им приходилось исполнять канкан, хоть он и считался крайне непристойным среди приличной публики, но, благо, осуждать их мораль было уже некому…

А потом, совершенно внезапно, спустя два года после смерти Maman, к ним пришла беда. Заболела Франсуаза, лихорадочно билась в ознобе, боролась с рвотой, жаждой и рвущей болью в спине. Они поначалу полагали, что она простудилась или «потянула голую спину» в бойком танце. Но потом

на её замечательном лице и теле стала появляться страшная, безобразная сыпь, конечности её била беспощадная судорога, а сознание было в бессвязном бреду.
— У вашей сестры серьёзное заболевание, мадемуазель,—озадаченно произнёс приглашённый Docteur.—Вы чудом не заразились! Это Variole, или чёрная оспа, крайне опасная вирусная инфекция. Если она и выживет, то может частично или полностью потерять зрение. А кожа её навсегда останется покрытой многочисленными рубцами. Точно от такой напасти и упокоился наш король Людовик XV…

…Внезапный стук в дверь уборной и женский голос:
— Можно?—мгновенно вернули её к действительности.
— Входи, Франсуаза. Я уже готова,—ответила Маргарита.

Вошла женщина, платье которой с длинными рукавами закрывало её тело вплоть до самого подбородка. Лицо её скрывал толстый слой белил и румян, плохо маскируя оспенные шрамы.
— Марго, Жан сказал, мы начинаем через считанные минуты,—звонким и чистым голосом произнесла та.—Зал полон… Что это с тобой? Опять началось?—она с тревогой посмотрела на сестру.
— Кажется, да, Франсуаза. Опять этот чёртов страх перед сценой. В этом городе приступ повторяется каждый вечер. Не могу ничего с этим поделать…—в её голосе слышался трепет.

Она силилась унять нервную дрожь в коленях.
— Успокойся, Марго, возьми себя в руки. Всё пройдёт прекрасно!
— Я боюсь, как бы зрители не смекнули, что на афишах—обман. Что нет у меня никакого «уникального дара одновременно петь и танцевать кейк-уок»… Что и голоса-то у меня пригодного нет… Этот Жан, чёрт бы его побрал! Если бы он не грозил разрывом ангажемента, никогда бы не согласилась я на такую авантюру…
— Родная, мы делаем это не впервые. И репетировали много раз. Не собьёмся… Ты танцуй как обычно. А я, по причине большого зала, буду петь за кулисами громче, чем всегда…
— Как же всё надоело, Франсуаза! Мотаемся по странам и провинциям, веселим публику, а утешительным призом для нас служат лишь низкие гонорары. Всё оседает в кармане у этого канальи Жана. Вместо сердца у него—книжка театральных билетов, вместо идеалов—красиво отпечатанная афиша…

В дверях уборной в этот момент показалась голова взволнованного импресарио, словно он услышал, что его имя склонялось на все лады. Его можно было бы назвать симпатичным: высокий светловолосый человек лет сорока, с чеканными чертами высокомерного лица и холодными голубыми глазами, если бы только не его рот с неестественно широкой улыбкой на накрашенных губах—он портил его, делая похожим на постаревшего клоуна. Поправляя на ходу свой шейный шнурок-галстук и очки в золочёной оправе, он произнёс с апломбом, всплеснув холёными марципановыми ладошками:
— Небывалый аншлаг, Марго! Ни одного свободного места сегодня. Так неожиданно! И приятно! Люди толпятся даже в проходах и между столиками. Ты должна, слышишь, должна напоследок поразить искушённую публику этого Тифлиса… Кстати, очень недурной городишко, скажу я тебе! Среди сидящих в зале—много тех, кто не только в Петербург и Москву катается, но и в Париж, Вену, Лондон ездит по делам. Так что ты выжми из себя все соки… ничего с тобой не станется: отплясала шесть концертов, остался сегодняшний—прощальная гастроль!—и домой, в Париж. Там отлежишься в своих апартаментах. Я ведь ещё не полностью расходы возместил за этот вояж, за дорогой отель, чёрт бы побрал его несговорчивого метрдотеля! за все твои капризные предпочтения в еде: багет, фуа-гра, бешамель, печенье безе и крем-брюле, шампань… затраты на аренду зала, на афиши. А ведь ещё и труппе надо гонорары выплатить…—его губы в алой помаде искривились в ехидном раздражении.

Он налил себе отменного коньяка в разогретую им в ладонях рюмку и, втянув носом аромат, залпом её осушил, следуя своей неизменной традиции перед началом каждого концерта, спектакля, а также репетиции, которую он приравнивал к спектаклю, принимать это чудесное французское средство.
— А ты, Франсуаза, не стой, как манекенщица на помосте! Лучше затяни на Марго корсет потуже!

Сестра дрожащими от смятения руками затягивала шнуровку на поясе, то и дело путаясь в его длинных лентах. От боли Маргарита закусила губы, во рту внезапно пересохло, дыхание затруднилось. Но она совладала с собой. Послушно кивнула Жану, затем встала со стула, придирчиво осмотрела себя в зеркале, поправила перья и провела рукой по блёсткам.

Во Франции она блистала в жанре варьете и водевиля. Но в Тифлис труппа театра «Бель Вю» привезла небольшой репертуар: несколько скетчей, коротких комедийных пьес и шуточных реприз, танцы и несложные песенки, модные в парижских кафешантанах и поэтому всегда принимаемые «на ура» в «провинциях», к одной из которых французы и относили ещё мало знакомую им Грузию.

…Нико занял своё место за столиком. Отсюда было хорошо видно сцену и всю остальную публику, уже слегка выпившую и раскрасневшуюся. Ему принесли бокал вина, от которого он отказался, попросив водки.

— Бокал вина вам положен за счёт заведения. А за водку платить придётся, уважаемый.

Он молча кивнул в знак согласия.

И вот на сцену вышел тапёр, похоже, француз, средних лет, в белоснежном костюме. Он, поклонившись респектабельной публике, ударил по клавишам рояля своими длинными тонкими пальцами, заиграв рэгтайм. В полумраке блеснули подведённые густым гримом глаза артистки. Она! Прелестная мадемуазель Маргарита! Сверкнули её белые зубы, такие ослепительные на фоне ярко накрашенных губ. И она начала петь своим удивительным «двойным» голосом и танцевать оригинальный, совершенно новый для тифлисских зрителей танец cake-walk, он же ки-ка-пу, этот гротескный танец американских негров, подскакивая и вытягивая руки вперёд параллельно полу, словно предлагает толпе попробовать пирог.

За ней стояла пара — очередная диковинка: два самых настоящих чёрных негра-франта, разодетые в пух и прах по последней моде, с белоснежными манишками, высокими воротничками, с пенсне и тросточками. Они, активно двигая бёдрами и тазом, громко топали ногами и подпрыгивали, смешили публику и дурачились, выделывая различные кренделя.

Представление не раз покрывалось оглушительными криками, дикими воплями пылкого восторга, гиканьем, аплодисментами, взлетающими кверху шляпами и летящими на сцену цветами. Что касается танцев самой актрисы Маргариты, то умение выделывать ею различные па ласкало взгляд и возбуждало всеобщее ликование. Публика тряслась от неподдельных эмоций, неистово экзальтируя. Похоже, люди были готовы наслаждаться этим лицедейством с ночи до утра! Под конец актриса спела несколько лёгких мелодраматических песенок, и красивый её голос пробирался всё глубже и глубже в души зрителей, чем вызвал слёзы восторга у нежных барышень, тут же заспешивших полезть в свои сумочки за платками, и сентиментальные вздохи дамочек повзрослее.

Нико не сводил глаз с Маргариты, любуясь ею, восхищаясь её воздушными движениями в такт музыке, внимая каждому слову из её песни, но слышалось ему одно лишь кошачье мурлыканье, какое-то странное, легкомысленное «мур-мур-мур». Как бы хотелось ему знать, о чём же она поёт!!! Но песня эта была на французском, которого он, на беду, никогда и не знал и отчего сейчас так сильно страдал. Ведь ему совершенно необходимо было знать, о чём же она поёт, что хочет сказать своим зрителям! А зал, похоже, понимал её очень даже неплохо и от этого веселился и ликовал! Нико с завистью оглянулся по сторонам. Эти аристократы и интеллигенты из европейского Тифлиса, что относят себя к великим знатокам обычаев просвещённого Запада, — им-то до тонкости известны правила загадочной науки, именуемой «этикетом», а знание французского или даже немецкого они позаимствовали у своих гувернанток или закордонных поваров, научивших их на этих языках изъясняться, а коли надо, то и разговор поддержать недурно. И не нашлось в тот вечер никого поблизости, кто мог бы объяснить Нико, что в незатейливой и фривольной той песенке пелось, конечно же, про любовь. Разве поют французы про что-то иное со времён сотворения мира?

Нико схватил со стола астры, окрашенные во все цвета радуги умелым мастерством садовника, и, подойдя к сцене, протянул их «божественной» Маргарите. Та приняла их, как и другие букеты, не особенно выражая восторга. Лишь сдержанно произнесла, бросив на него сиюминутный взор:
— Мерси, месье!

И он догадался, что «мерси», должно быть, означает «спасибо». Второго слова он не разобрал.

Публика ещё семь раз вызывала её на бис, она появлялась, опять танцевала, ей кричали:
— Шарман-шарман! Браво! Гран-мерси, мадемуазель Маргарита! Прелестно! Очаровательно! Мерси боку!

Освещённая огнями рампы, она грациозно кланялась, посылая в никуда улыбку и воздушные поцелуи. Казалось, представлению не будет конца. Но вдруг на сцене появился высокий представительный человек в пенсне, встал рядом с актрисой, поклонился зрителям, широко улыбнувшись при этом своими удивительно красными губами и одновременно подав за кулисы раздражённый жест, означающий, чтобы занавес больше не раздвигали, как бы там ни надрывалась публика со своими докучливыми «браво» и «бис»…

Нико и заметить не успел, как Маргарита пропала из виду, исчезла в тени пыльного занавеса. Зрители, успокоившись, стали постепенно расходиться, благосклонно обсуждая выступление гастролирующей парижской труппы. За воротами их ожидали роскошные экипажи, фаэтоны и коляски.

Он тихо поднялся со своего места, с растерянным видом озираясь по сторонам. Ей не понравился его букет? Наверное, и правда не понравился! Иначе она бы одарила его лучезарной улыбкой! Ведь цветы других поклонников были пороскошнее, побогаче. Что же делать теперь? Он подошёл к выходу, что-то напряжённо обдумывая. В каком-то недоумении, вперемешку с щекочущим нервы волнением, сделал он пару неуверенных шагов вперёд, но вдруг передумал и замер на месте, а потом робкой поступью вернулся к своему столику и заказал водки…

…Танцы совершенно выбили Маргариту из сил, а сильно затянутый на талии корсет совершенно не давал дышать.

В гримёрной Франсуаза помогла ей переодеться и расстегнуть шнуровку бандажа. Когда актриса стирала искусный грим, её неприятно поразило истощённое лицо, покрытое сетью мелких морщинок, выглянувшее из зеркала. Только теперь она почувствовала смертельную измождённость, как медведь навалившуюся на неё всей своей тяжестью.

— Я умираю от усталости! — сообщила она сестре, а взгляд её был вялый и оцепеневший и смотрел в одну точку. — В зале было накурено и душно до дурноты! — она вновь повернула голову и бессильно взглянула на себя в зеркало. — Мне кажется, я сильно постарела за последнее время. И нервы мои окончательно истощены… К счастью, сегодня был прощальный концерт.

— C'est la vie, Марго. Ты приляг, — заботливо суетилась вокруг неё сестра, поправляя подушку на диване и помогая ей лечь повыше. — Я принесу мокрые полотенца и бутылочку коньяка. Отдохни немного, хоть четверть часа. Потом поедем в отель. Тебе надо поспать. А я начну собираться в дорогу. Жан заказал экипаж на завтрашний полдень.

— Merci beaucoup! Что бы я без тебя делала, Франсуаза? И ещё… поищи пузырёк с нюхательной солью, s'il te plaît. Ума не приложу, куда он запропастился…

Нико всё ещё сидел за столиком в ресторане и с напряжённым вниманием наблюдал из окна за его центральным входом. Некоторое время спустя он заметил, как подъехал фаэтон и вот — *она*! Мадемуазель Маргарита! И рядом — другая женщина. Облачённые в лёгкие манто, они вышли из заведения и впорхнули в ожидавший их фаэтон. Кучер щёлкнул бичом.

«Я не могу её потерять! Надо узнать её адрес!» — повторял он самому себе. И бросился вдогонку, однако лошадь бежала так проворно, что он вскоре выбился из сил: пока фаэтон петлял по улочкам, он ещё кое-как поспевал за ним, но вот он покатил по набережной, и Нико стал задыхаться и отставать. По счастью, было темно, и он, ни жив ни мёртв, рискнул вскочить на запятки так, словно всю свою жизнь служил выездным лакеем, — чего только не учиняет любовь с человеком! Там, на запятках, он перевёл дух, радуясь собственной находчивости. Однако другое чувство, поселившееся в нём с недавнего времени, терзало его. И имя ему было — ревнивость! Оно убедило его не сомневаться, что фаэтон *его* «ангела» направляется сейчас в какое-нибудь укромное местечко, где её, прелестную актрису Маргариту, дожидается таинственный молодой кавалер, с жаром аплодировавший актрисе. Однако какое право имеет он, простой молочник, совать свой нос в ночную жизнь красавицы Маргариты? Но он полюбил её, полюбил всей душой и был полон решимости проникнуть в одну из её тайн и, если понадобится, защитить её от упрямых, докучливых и грязных помыслами обожателей.

Когда лошадь остановилась на Головинском проспекте, аккурат напротив недавно возведённого Александро-Невского военного собора, у гостиницы «Ориант», он понял, что напрасно тревожил себя дурными мыслями. Ведь *она*, *его* «чистый ангел», здесь проживает. Незаметно соскочив на землю, Нико испытал минутное замешательство.

«Подойти? — спрашивал он самого себя, но тут же задавался другим вопросом: — Но как? Без цветов?» Нет, это не по-мужски! Так он никогда не поступит!

…Уже совсем стемнело от туч, и скрежещущий удар пронёсся по небесам. По иссохшей земле застучали дождевые капли, и наконец хлынул ливень. Он хлестал по кронам деревьев, по крышам домов, фаэтонов и колясок, по булыжным мостовым. Потоки воды с шумом неслись вдоль тротуаров. Сквозь сверкающую пелену дождя пробивались тусклые лучи одинокой и равнодушной луны. Загулявшие допоздна девушки, приподнимая пышные юбки, со смехом пробегали мимо. Но Нико не замечал дождя. Он, подталкиваемый неведомой силой, куда-то шёл быстрым шагом и вскоре оказался в Харпухи, где упрямо стучался в старую деревянную дверь хромого на одну ногу садовника Нукри. Он знал, что на его заднем дворе цветут пышные клумбы роскошных роз, которые тот потом продавал на Мейдане. Помнил, что Нукри, как и его отец, был не просто букетчиком, а прежде всего очень хорошим садовником, умел своей заботливой рукой прививать и выращивать фруктовые деревья и разводить новые цветы.

— Кто там? — услышал он голос, и в окне показалось заспанное лицо пожилого человека.

— Это Нико.

— Какой такой Нико? Не знаю. Знаю, что ночь уже на дворе. Всем спать пора. Что тебе нужно?

— Цветы. Очень нужны. Сейчас.

— Цветы тоже спят, генацвале. Нельзя их тревожить. Приходи завтра, на рассвете.

Но, увидев, что Нико очень расстроен, всё же сжалился. Встал, отворил ему дверь и, ступая шаркающими шагами, провёл гостя в свой тёмный притихший сад, умытый сильным дождём. Где, объяснившись в любви к выращенным им цветкам и выпросив у них прощения, аккуратно их срезал большими садовыми ножницами и отдал странному ночному покупателю. Несколько очаровательных роз, обильно покрытых дождевой росой, крупных и душистых, — за полтора рубля.

Видел бы эту сделку его компаньон Димитри! Да он бы насмерть убился, но никогда бы не отдал денег за цветы. Сказал бы ему: «Эй ты, градом побитый! На что такие деньги тратишь? На веник? Что? Это цветы? Какая разница, что цветы? Всё равно завтра в веник превратятся! Слушай, хочешь

цветы — пойди нарви где-нибудь! Э-э-э, кацо, что тебе ещё сказать? Настоящий ты чокнутый! За полтора рубля целого ягнёнка купить можно в базарный день! Пир закатить!»

А ему, Нико, не жалко никаких денег для «ангела, сошедшего с небес»! К тому же Нукри их заслужил, уважил его просьбу, встал с постели посреди ночи, а ведь он — ранняя пташка, рано ложится и рано встаёт! Поистине, великий он садовник, даже холщовый фартук на нём не преуменьшает его особого величия! Не бывает ведь роз без шипов, а вот он так умело их срезал своими золотыми руками, что смог избежать уколов. Точно как и хороший пчеловод, которого не жалят пчёлы, когда тот крадёт у них мёд.

С букетом в руках он торопился, почти бежал на Головинский, к гостинице «Ориант». Швейцар в ливрее преградил ему путь, не впустил к заезжей «звезде», сославшись на слишком позднее время суток:

— Никого не велено пущать к госпоже артистке! Сударыня нынче почивать изволит.

И если бы он не всучил ему щедро «на чай», а потом ещё столько же и портье, ему, вероятно, так и пришлось бы ночевать сегодня либо на мокрой скамье Александровского сада, находящегося под боком, откуда его когда-то погнал строгий дворник, либо идти в свою лавку, чтобы провести бессонную ночь в смежной комнате, на излюбленном снопе сена. Но цветы! Цветы! Ведь они неизбежно завянут к утру! А если и поставить их в воду, то и в этом случае они будут уже не так свежи, грустно повесят свои головки. Прилизанный портье провёл его, утомлённого и взволнованного, пахнущего пóтом, в отяжелевшем от ливня костюме и грязных ботинках, к заветной двери.

«Как подойти к ней? Что сказать? — мучился Нико вопросами. — Как надо здороваться с такой знаменитостью?» Французского языка он совсем не знал. Вот грузинский — да! русский — тоже, пожалуйста! даже на армянском мог изъясниться. А вот на французском — ну никак, ни единого слова не знал. Непонятный язык ведь какой-то, странный, ни на что не похожий…

В итоге, собравшись с духом, он постучал в дверь.

Маргарита с сестрой недавно вернулись в свой номер. Актриса только успела переодеться в пушистый белый халат, окончательно стереть макияж, как в дверь робко постучали.

Déjà-vu! Боже, как часто это случалось в её жизни!

Схватив пуховку, она начала судорожно поправлять грим, словно пудра могла скрыть её страх от нетерпеливых глаз кавалеров и поклонников. Да-да, очередных бестактных поклонников, которые вот так, самым беспардонным образом, вторгаются в её покои, бесцеремонно будят её, примадонну парижского театра, и несут потом несусветную чепуху, что мечтают, мол, пообщаться с ней лично, с глазу на глаз, и заполучить автограф на вечную память! Несмотря на обаятельность и воспитание, будет она неприступна и холодна к этим назойливым воздыхателям, от которых слышала многое в своей жизни — банальные комплименты, маскирующие лесть, торжественные клятвы быть с ней «в радости и в горе», чувственные, однако пустые обещания, но лучшее, что она слышала, — это тишина. Потому что не было в ней вопиющей, гнусной лжи…

— Vous avez besoin de quelque chose, monsieur? — спросила Франсуаза, отворившая дверь незнакомцу.

Он оцепенел от неожиданности. Удивительный голос этой женщины, одетой в плотное длинное платье от подбородка и до самых пят, показался ему до боли знакомым. Не тем ли самым «золотым» голосом он наслаждался на концерте Маргариты? Но лицо её, сплошь покрытое грубыми рубцами, не говорило ни о чём и отталкивало. Он не понял её вопроса и не знал, чтó надо ответить. И, потеряв дар речи, которым, впрочем, никогда и не обладал, только робко протянул цветы — роскошный букет красных роз. Та, кивнув головой, произнесла:

— Merci beaucoup, monsieur! — и отчего-то стала рыться в бархатном ридикюле на тонком шнурке. — Un instant s'il vous plaît!

Её сумочка, похожая на шар, вмещала всё, что было необходимо настоящей моднице или актрисе, — обрамлённое серебром овальное зеркальце с изящной ручкой, помаду, румяна и пудру, расчёску, флакон с нюхательной солью, игральные карты…

Но безумный взор Нико был устремлён в глубь комнаты, где у трельяжа, всего в нескольких шагах от двери, спиной к нему сидела *она*, актриса Маргарита, его Непорочная Дева, благородная и чистая! Его Богиня красоты, хоть и земная от рождения! Она, словно почувствовав на себе чьё-то касание, слегка повернула голову, и он поймал её растерянный взгляд, увидел светлые её очи, в которых блистали искорки, подбородок, высокие скулы и маленькие губы, обрамлённые густыми прядями её распущенных пышных волос, которые так и просили, чтобы их целовали. Он смотрел на неё с неисчерпаемой нежностью, и его стало трясти от страха или от вожделения…

Она же, с некоторым удивлением на лице, рассматривала худого, промокшего до нитки мужчину. Кто он? Вид отнюдь не парадный, не респектабельный, а неухоженный и измождённый. На лице — старая щетина, под глазами мешки, руки тонкие, почти прозрачные… В поношенном костюме, на неуклюжих ботинках — свежая уличная грязь… Фу! Не выношу грязной обуви! А на голове — низко надвинутая на глаза и насквозь вымокшая какая-то старомодная фетровая шляпа. В Париже давно уже

таких не носят. Ему, должно быть, лет сорок пять. Ну да, она так и знала. Очередной бесцеремонный поклонник… Чего ему дома не сидится в такую непогоду и поздний час? Хотя, возможно, она и ошибается. На поклонника ведь он не слишком похож. Больше всё-таки на нарочного. От какого-нибудь местного богача, наверное… как их здесь называют? князь? купец? С дорогими цветами и, наверное, с запиской — приглашением на обед или ужин — и пылкой надеждой на мимолётный адюльтер с французской шансонеткой…

Женщина, что стояла перед ним, у самого порога, вытащила, наконец, из недр своей сумочки двугривенный и протянула его Нико, снова бросив что-то непонятное, и, прежде чем он успел опомниться, закрыла перед ним дверь.

«Зачем она вручила мне эти двадцать копеек? — недоумевал Нико, раскрыв ладонь. — За цветы заплатила, что ли? Или за посыльного приняла?» Казалось, он был растерян оттого, что ожидал радушного приёма в будуаре знаменитости, а его и внутрь-то не впустили, чаю не предложили. Не по-грузински это, не по-человечески как-то. А потом его враз осенило: «А может, они, эти французы, относятся к тем людям, которые встречают незнакомого человека по одежде?» И если это так, тогда ему всё понятно. Вид-то у него довольно посредственный. Значит, ему нужен новый костюм — конечно, не тот, в котором он ездит кутить с друзьями-карачохели по весёлым духанам да по деревянным плотам, передвигающимся по Куре. И не тот, в котором он ранним утром покупает молочный товар у деревенских мальчишек. И уж точно не тот, в котором стоит за прилавком, с фартуком поверх него, но всё равно замызганный белыми каплями парного молока или липкими пятнами от мёда…

На его лице появилось выражение упрямой решимости, а где-то глубоко внутри него проснулись бушующие чувства, надёжно до этого скрывавшиеся за его робким, излишне застенчивым видом. Недаром ведь говорят, что слишком сильная любовь вызывает желания, недоступные трезвому человеку, и покоряет его разум.

«Будет у меня хороший костюм и новая обувь — не хуже тех, в какие были облачены купцы и дворяне на концерте! — твердил он самому себе, засыпая в своей балахане. — А у тебя, моя божественная Маргарита, будут самые лучшие цветы мира! Могилой матери клянусь!»

На другой день, дождавшись компаньона, он сообщил, что согласен продать ему свою лавку, то есть ту долю, которая всё ещё принадлежала ему. Удивлённый Димитри, не ожидая такого поворота дела, радостно потирал руки от выгодной сделки, глаза его сверкали от внезапно навалившегося счастья. Во всю прыть сбегал он домой — только пятки сверкали — и вернулся в лавку с деньгами:

— Вот, Никала, держи, генацвале. Как договаривались. Ты смотри — не бросай деньги в воду, на ерунду не истрать!

Спустя четверть часа Нико уже нёсся что есть мочи по Головинскому проспекту. Зайдя в дом готового платья «Венский шик», имевший также собственное пошивочное ателье, он нашёл здесь знаменитого Сержа, старая мать которого, зажиточная армянка Анна-ханум, часто покупала молоко и свежий сыр в его лавке. Серж считался лучшим портным Тифлиса, потому как Господь при рождении поцеловал его в темечко. Именно так говорила Анна-ханум о единственном сыне. Он совершенствовал своё мастерство сначала в Петербурге, а потом — в Вене и туманном Лондоне, и при каждом удобном случае хвастал, что пил чай с молоком за столом у самого английского короля Эдуарда VII, который считается законодателем мод. А в качестве доказательства об окончании им портновских «академий» служили его дипломы, висевшие здесь в рамках под стеклом. К этому первоклассному столичному портному стекалась постоянная богатая клиентура из буржуазии и верхушки тифлисской интеллигенции. Под фигуру каждого он делал манекен, чтобы шить одежду стиля «модерн», не слишком утомляя клиента частыми примерками, и создавал «продукт» свой в строгом соответствии с пожеланием заказчика и по модным журналам, которые издавались в том же Петербурге, Вене и Лондоне. Имелся у него ассортимент материй, как кусками, так и в образцах, в виде каталогов английских, русских и лодзинских фирм. И славился он своим намётанным глазом и умением создавать все виды и типы костюмов, в том числе военные мундиры, фраки, сюртуки и смокинги.

— Шить я не буду, Серж-джан, — поторопился сообщить Нико. — Мне срочно приодеться надо. Я ждать не могу.

— Как хочешь, Никала… Желание клиента для нас — закон!

Ему показали пиджаки двубортные и однобортные: чёрные, синие и тёмные в светлую полоску. Из крепа, бостона, шевиота. Порекомендовали купить удлинённый и приталенный, с высоким воротником и широкими лацканами, рукава у которого покороче, с учётом, чтобы крахмальные манжеты выступали на два-три сантиметра из-под рукава. К пиджаку брюки дали неширокие, на подтяжках, жилет с лацканами, белую рубашку, тёмные носки, шляпу, скрипучие от новизны ботинки, а галстук из атласа повязали широким узлом, сколов его булавкой с головкой из жемчужины.

— Выпрямите спину, любезный! Одежда не терпит сутулости. Ну вот, теперь другое дело — костюмчик ваш сидит как влитой! Головой ручаюсь! — говорил ему галантный продавец в доме готового платья, ахая от восхищения. — Наряд этот отобьёт всех

конкурентов и откроет путь в тот мир, где вас будут любить и страстно желать. Дело за малым: вам, генацвале, в парикмахерскую бы сходить ещё…

Что Нико и сделал. Побрился у лучшего цирюльника на Головинском, который, за отдельную плату, ещё и опрыскал его модным цветочным одеколоном «Вера-Виолет». В конечном итоге он, наивный человек, полный надежд на счастье, свежий, прилизанный и напомаженный, одетый с иголочки щёголь и с немалыми деньгами в кармане, нанял извозчика. Лошадиное ржание, цокот копыт, и вот уже коляска стучит колёсами по мостовой вдоль тротуаров справа и слева, держа путь на Мейдан.

Впереди его ждала новая жизнь…

Хромоногий Нукри и двенадцать его собратьев по садовому делу в холщовых фартуках, завидев платёжеспособного заказчика, беспрекословно стали собирать в охапки все цветы, что были ими свезены сегодня на продажу, и грузить их на арбы: гордые розы всех оттенков крови, оранжерейные лилии, садовые гвоздики, гиацинты, камелии, астры, бегонии, пионы… Каких цветов тут только не было!

Поднялись шум и суета: мол, какой-то чудак сегодня скупил на корню все цветы в Тифлисе! И все цветы, которые росли под Тифлисом, и все цветы, которые пришли в Тифлис на поездах из Батума…

Недалеко от этого действа торговал один кинто по имени Сико, в чёрном ахалухе, подпоясанный тяжёлым, сплошь из серебряных чеканных накладок с чернением, поясным ремнём. Шаровары у него были с напуском на мягкие полусапожки, из-под ахалуха на груди проглядывала яркая, красного цвета, сорочка со стоячим воротником. С утра носил он съестное и зычно кричал: «Агурец, агурец, Александре молодец!.. Черешни, вишни испанцки!.. Яблок антоновцки!.. Перцик, перцик, априкос!.. Красавица памадор!.. Бадриджани, свежий луки, немецки слива!» Но сейчас больше, чем продать свой товар, торопился он разнести ошеломительную весть по всему городу.

— Клянусь, что земля всех садов в Тифлисе сейчас черна,— говорил он каждому встречному и поперечному, громко жуя ляблябо — орехи с кишмишом.— Пусть цветы никогда не вырастут на моей могиле, если остался сейчас хоть один цветок в городе…

— А что? Что случилось, Сико? Почему так?— с любопытством спрашивал подошедший к нему другой кинто, с фруктами, разложенными на подносе-табахи, который он держал на голове.

Затряслись от интереса у него на плечах весы с большими медными тарелками на цепях, которые носил он как коромысло, держа в отдельном холщовом мешочке гири разных размеров.

— Да вот этот Нико все цветы в Тифлисе купил сейчас… Миллион роз!

— Вах! Что я слышу? Какой Нико? Зачем? Почему?

— Слушай, Сако, ты его знаешь. Этот Никала держит молочную лавку на Верийском спуске.

— Пиросман, что ли?— догадался тот наконец.— Говорят, он и так немного чокнутым был…

— Да-да, он самый, не от мира сего. Влюбился в какую-то артистку. Француженку. Вот этими ушами всё слышал — садовники шушукались. Говорили, лавку свою продал, на все деньги цветы купил. Совсем разум потерял. Вот что любовь с человеком делает!

— Вах-вах-вах!— покачал головой Сако.— Бедный Пиросман. Чувствую я, сгорит его сердце от этой любви…

— А ещё новость знаешь?

— Что за новость?

— Говорят, жених живёт у неё в Париже. Он по моде очень-очень рыжи. Она зовёт его Жаком, потому что ходит он пинджаком…

Они переглянулись, и оба шумно расхохотались. И смеялись бы они долго, если бы вдруг один не посмотрел на другого и спросил с серьёзным выражением лица:

— Слушай, Сико, я тебя вчера почему весь день не видел на базаре? Где был? Что делал?

— Болел я…

— Вай ме, болел? Как? Чем?

— С разным девочкам гулял, сильно наслаждался, нехорош болезнь поймал — насморк назывался…

— Ва-а-а! А я кутил в духанах. А потом нанял два фаэтона… Сел в передний…

— А второй для кого?

— А во втором ехал моя шапка! Он тоже человек!

— Ва-а-а!

— Клянусь чесный слова!

Тем временем горы купленных цветов — в больших и маленьких корзинах — были уложены в нанятые повозки с впряжёнными в них лошадьми. А когда корзины закончились, цветы стали сваливать и без них, поверх самих корзин, перевязывая их тесьмой. Одна повозка, вторая, третья, четвёртая, пятая… они, доверху нагруженные срезанными и обрызганными водой дарами флоры, заскрипели и тронулись в путь с Мейдана, через Армянский базар, в сторону Головинского проспекта. Позади них шёл Нико, по лицу которого не столько от яркого полуденного солнца, сколько от волнения ручьями лился пот. И кружилась его голова, пьянея и сводя с ума от приторно-сладкого благоухания цветов, над которыми, словно над цветущими лужайками, летали беззаботные стрекозы, шурша своими прозрачными крылышками, жужжали трудолюбивые пчёлы, порхали легкомысленные бабочки…

Вереница повозок остановилась около гостиницы «Ориант». Носильщики, сопровождавшие груз, вполголоса переговариваясь,— нельзя в этом солидном заведении шуметь!— начали суетливо

снимать охапки цветов восхитительной красоты и заносить их вовнутрь, поднимая на второй этаж с его элегантным интерьером, к дверям номера знаменитой актрисы. Ставили пахнущие ароматом корзины повсюду: к двери, вдоль длинного коридора, потом стали заставлять помпезную мраморную лестницу, запрудили ими парадный вход в гостиницу. Но неразгруженными оставались ещё три повозки. И тогда цветами стали усыпать сначала широкий тротуар, а потом уже и саму мостовую Головинского проспекта. Их запах заполнил всю округу, привлекая пытливых прохожих. Швейцар гостиницы многозначительно бросал зевакам, жадно наблюдавшим удивительное зрелище:

— Большой князь… Кто именно? Не велено сообщать! Проходите-проходите, господа дорогие, не толпитесь у входа! Это вам не цирк!

Но люди не расходились, продолжая глазеть на непонятное зрелище. Шум, галдёж, громкие разговоры и возгласы удивлённых прохожих, поднимавших головы и пытавшихся разглядеть окна той загадочной счастливицы, кому предназначалось сие дорогущее преподношение, разбудили Маргариту. Она села на постели и вздохнула. Море запахов—ласковых и нежных, радостных и печальных—наполнило её комнату. Взволнованная, она быстро оделась, ещё ничего не понимая. Надела концертное платье, тяжёлые серебряные браслеты, прибрала свои роскошные волосы и, выглянув в окно, ахнула. Oh mon Dieu!

Отроду не видела она такого чуда! Как в сказке! Хотя и в сказках она о таком не читала. Сердце её замерло. Она догадалась, что этот праздник устроен для неё. Но кем? Кто этот таинственный незнакомец, бросивший к *её* ногам миллион алых роз?

Счастливая улыбка родилась на её лице, губы смеялись, а на прелестных глазах навернулись слёзы умиления, которые она аккуратно смахнула кончиками своих тонких пальцев. Выглянула ещё раз в окно, под которым собралась чуть ли не половина Тифлиса с поднятыми вверх головами. Все смотрели на неё. И она—истинная артистка—начала рукоплескать публике.

— Марго!—услышала она за спиной громкий и страшно взволнованный голос сестры, ворвавшейся к ней в номер.—Ты видела это? Что за богач здесь чудит?

— Не знаю, Франсуаза. Сходи разузнай, s'il te plaît!

Через минуту сестра вернулась. И не одна. За ней в номер медленно вошли знакомый ей гостиничный портье, неплохо изъяснявшийся по-французски, и какой-то странный, худой и бледный, но очень прилично одетый мужчина, должно быть, коммерсант. Или мерчант, как называют богатых торговцев у неё на родине. Он снял шляпу, прижав её к груди, затем пригладил свои поседевшие, но благоухающие модным парфюмом волосы и застенчиво взялся рукой за стену, словно боялся упасть.

— Это он,—сказала Франсуаза по-французски.—Ты не помнишь его, Марго? Вчера он преподнёс тебе этот букет цветов,—она указала на красные розы, стоявшие в китайской вазе на полированном столике.—Я приняла его за нарочного. А сегодня—вот! Всё, что ты видишь,—дело его рук!

— Oh là là!—вырвалось из уст артистки.

Она, очаровательно улыбнувшись, протянула ему руку для поцелуя. А он стоял как громом поражённый—наверное, его компаньон Димитри бы прав, когда называл его так! Сейчас он впервые услышал, как этот прелестный голос, такой знакомый, обращается к нему, впервые увидел, как идол, которому он поклонялся, сходит с пьедестала и хотя мгновение, но живёт и улыбается лишь ему одному. Он, художник, заметил, как свет рампы меняет черты знакомого лица! И она, мадемуазель Маргарита, в жизни оказалась ещё прелестнее, чем на сцене! Не сразу он сообразил, ему подсказал портье, что к протянутой руке в таких случаях положено прикоснуться губами. Что он и сделал, ощутив в этот миг, что кожа её нежной ручки обожгла его огнём.

— Quel est son nom?!—полюбопытствовала она с неподдельным интересом.

— Николя,—сухо сообщила Франсуаза.

— Merci, monsieur,—выговорила она, ласково смотря ему в глаза.—Merci beaucoup, Nicolas! Но… но затчем столько тсветки? Мой голова будет ломатса от боль. И вы тратить много деньги… очень много…

Он молчал. Только тихо смотрел на её ангельское лицо, чуть дыша.

— Он не есть мерчант, Марго. И тем более не князь!—хладнокровно вставила Франсуаза на своём языке.—Простой мелкий лавочник. Ничего не имеет за душой. Странноватый чудак из Тифлиса. Попрощайся уже с ним. С минуты на минуту подъедет экипаж. Саквояжи я уже упаковала. Ты готова?

Она всё поняла! Он полюбил её, заезжую артистку с берегов Сены. Капризную, избалованную примадонну маленького театришка. Влюбился так, как безусый юнец может влюбиться в девушку с первого взгляда. И, сам веря в сказку, подарил её ей, искренне надеясь, что она покажет ей силу его большой, необъятной любви.

Но ведь она совсем не знает его. И поэтому не может ответить на его чувства взаимностью, а только… только жалеет этого мечтательного романтика и идеалиста. Ему бы, с его сентиментальной душой, не лавочником быть, а поэтом или художником…

Санта Мария! Неужели она, сама того не желая, разбила его сердце? Тогда ей надо покаяться! Хотя

в чём состоит её вина перед ним? В чём ей каяться и укорять себя? За что терзаться муками совести? Она вздохнула и вспомнила: «C'est la vie!» («Такова жизнь!»)—так любила поговаривать её бедная матушка, когда ничего нельзя было изменить и оставалось принимать жизнь такой, какая она есть.

На башне городской Думы часы пробили двенадцать раз. Полдень. Снизу был слышен приближающийся стук колёс. Высокий экипаж, запряжённый парой лошадей, подкатил к парадному входу гостиницы и замер в ожидании пассажиров. Кучер спрыгнул с подножки на тротуар, учтиво приподнял фуражку и распахнул дверцу.

Пора! Слуги стали выносить их вещи и грузить сзади, в отделение для багажа,—два приличных, затянутых ремнями дорожных саквояжа, туго набитых чем-то. И большой деревянный сундук, который грузчики несли с двух сторон за обе ручки.

Маргарита, опираясь рукой на согнутую в локте руку Нико, стала спускаться вниз по лестнице вслед за вещами. Их сопровождала бесстрастная Франсуаза, а за ними следовал портье. Он нёс в руке корзину с удивительно нежными алыми розами. Всего лишь одну корзину! Потому что увезти с собой целое море цветов не под силу никому, даже всесильному чародею!

Казалось, что-то необъяснимое удерживало её, и она не желала торопиться, не хотела отрывать от Нико своей руки. А чем он, герой её сегодняшнего романа, отличается от кудесника? Ровным счётом ничем. И достоин большего, чем просто быть взятым под руку! И она, слегка приподнявшись на цыпочки, вдруг чмокнула его в щёку. Жар красным пятном растёкся по его лицу…

Франсуаза, увидев эту картину, решила проявить твёрдость и подтолкнула сестру к дверце: устраивайся поудобнее! Та, вздохнув, решительно ступила на лесенку, под свод экипажа.

— Adieu, mon ami!—не сказала, а почти крикнула ему Маргарита, а потом произнесла ещё что-то, что тут же было переведено услужливым портье на грузинский язык:—В сотый раз, Николя, примите мою благодарность… Я тронута безмерно. И, поверьте мне, сохраню о вас самые приятные воспоминания… Может быть, mon ami, если будет воля провидения, мы когда-нибудь увидимся…—говоря о провидении, она показала указательным пальцем вверх, имея в виду, что великая и необъяснимая сила судьбы выше всего земного и обитает где-то высоко над головой, в синем небе.

Дверца экипажа захлопнулась за женщинами. Bon voyage! Почти тотчас раздался стук в переднюю стенку, который дал кучеру знать, что пора трогать. Подобно эху от пистолетного выстрела, щёлкнул его кнут, и экипаж затрясся по мостовой, подпрыгивая по булыжнику идеально прямого, совершенно европейского проспекта.

Нико Пиросмани. Актриса Маргарита, 1909

Нико не отводил глаз от быстро удалявшейся от него Маргариты. И не мог не заметить, как она дрожащей рукой посылает ему прощальный жест из окна. По его растерянному лицу потекли горькие слёзы. Он пристально всматривался в маленькую точку исчезающего экипажа, точно хотел сорвать её с горизонта. И не мог, не хотел поверить, что его «ангела» больше нет рядом с ним.

Как во сне вернулся он в гостиницу и поднялся на второй этаж, прошествовал по коридору и вошёл в знакомый номер. Никого! Окна закрыты наглухо, шторы задвинуты, по комнате разбросаны этикетки от шампанского, визитные карточки поклонников и обрывки некогда нарядных афиш. И больше никого и ничего, кроме фимиама знакомых духов, смешанного с запахом женщины, которую он так нежно полюбил.

Он подошёл к широкой неубранной постели, бережно и с глубоким благоговением взял в руки её подушку и прижал её к себе, блаженно закрыв глаза и поглубже вдыхая еле уловимый аромат дорогих благовоний. Уехала! Покинула его навсегда! Опустошила его душу и похитила сердце!

Он спустился вниз. Дул ветер. Ветер разлуки. Закончилась волшебная сказка. Но какой в ней толк, если золото в итоге превратилось в черепки, Красавица уехала на край земли, где говорят на непонятном ему языке, а он—Чудовище—остался? Недобрая вышла сказка, печальная, без весёлого

пира, без счастливой свадьбы! А может, всё это сон?

Нет! Это было явью! Свидетельством тому была площадь перед гостиницей, затопленная солёным морем из цветов и слёз.

Цветы… цветы надежды… цветы жизни… цветы любви… Ещё сегодня утром он был уверен, что они приносят счастье, но, увлечённо вдохнув благоухание их прелестных лепестков, он потерял голову и сохранил очарование их навязчивого запаха: лицо его теперь омрачено боязнью, а душа—она охвачена вихрем, поднимающимся из тех туманных бездн мысли, где вулкан гордости тлеет под пеплом бессилия и неудач.

«Всё правильно!—рассуждал он, силясь найти оправдание своей не сложившейся судьбе.—Я ей не ровня. Она—звезда, знаменитость и Красавица. А я—обыкновенный лавочник. Хотя… уже даже и не лавочник, потому что нет больше лавки. Нищий! Ни кола ни двора!»

Мысли… мысли… они не давали ему покоя. И если бы рядом с ним в этот момент оказался человек образованный, уж он то бы смог раскрыть ему глаза на очевидное. Он бы сказал ему, что для таких мечтательных натур, как Нико Пиросмани, нет ничего опаснее, чем любовь к актрисе.

Он тихо побрёл по Тифлису, спускался к воде, смотрел, как мели в середине реки отшибают Куру к берегам, с её тенистыми зелёными садами. Здесь летом бывает прохладно до холода… Заглянул в ботанический сад, где смотрел на водопад под мостом, на весеннюю сосновую рощу… Стал взбираться на Святую гору, где, подняв купола, стоит церковь с целебным источником. Мимо неё медленно, как дворник с вязанкой дров по чёрной лестнице, полз на самую верхушку горы маленький вагончик фуникулёра.

Забытый всеми, без роду и племени, он уныло повернул вспять, в Сололаки. Здесь, в подвалах, входы духанов. Оттуда слышна негромкая песня. Он спустился. Горело жёлтым светом электричество. За столами сидели нарядные люди, пели, произносили красноречивые тосты о сердце, о вечной дружбе, о любви… И пили из рога. Попросил у буфетчика графинчик водки… в обмен на свою жилетку с лацканами. Следующий графин он выменял на ненужный ему атласный галстук—и в придачу отдал венскую булавку с головкой из жемчужины.

Сердце его больше не стучало… оно сгорело от большой любви, той, что не сможет поместиться ни в этом духане, ни в переулке, ни во всём Тифлисе!

Шло время. Подул ветер, и пошёл дождь. Он слушал его бесконечный плач, смешанный с протяжной песней сазандари, и с удивлением обнаружил, что грустная эта песня, похожая на стон, затянута зурной и дудуком специально для него, Нико Пиросмани:

Пусть ангелы поют,
Как безобразен я.
Всю боль возьму твою
Себе, душа моя…

Почти весь Тифлис уже знал о том, что случилось с Нико Пиросмани. Все были потрясены, жалели его, сошедшего с ума по той, что украла его сердце. Все, кроме двух бесшабашных кинто, которые, как обычно, дурачились, напевая под нос:

Он чудак, она—шарман.
Не сложился их роман…

Эльдар Ахадов

Заветные слова

Кроме тебя…

Я порвал все твои фотографии. Но это не помогло. Я помнил тебя. Я уехал за тридевять земель и больше не возвращался. Но это не помогло. Я помнил тебя. Я встречался с другими, и меня любили. Но это не помогло. Я помнил тебя. Я напивался — вусмерть, как сапожник, как бич, как последняя тварь. Но это не помогло. Я помнил тебя. Я женился, обзавёлся детьми, стал домовитым. Но это не помогло. Я помнил тебя.

Я старею. Всё выветривается из памяти. Всё. Кроме тебя.

Заветные слова

Есть в нашем сибирском городе, на левобережье, такие особые «достопримечательности», которые лучше всего видны издалека. А вот если совсем рядом с ними стоять, то наоборот — можно ничего и не заметить. С реки, а тем более с Коммунального моста, видны эти «достопримечательности» всем проезжающим и проходящим отчётливее всего. Впрочем, возможно, нечто подобное и в других населённых местах есть, не знаю, но у нас-то их не заметить никак невозможно. Ибо глаза от тех надписей девать абсолютно некуда.

Набережная у нас красивая, гранитная, как в Питере. Только весь этот самый гранит возле моста испещрён здоровенными буквами, составляющими слова с примерно одним и тем же смыслом. Где белым, где цветным мелом, а где и масляной краской они прописаны. Да на такой высоте, на какую ещё и не всякий-то заберётся! Вроде как нехорошо на гранитных плитах писать — в конце концов, это ж не какие-нибудь строительные заборы, а лицо города. Городские службы борются с вредной молодёжной привычкой регулярно, да толку до сих пор немного. Место прежних тут же занимают новые надписи того же содержания.

А оно — простое, бесхитростное: «Оля, я тебя люблю» или «Машенька! Ты лучше всех! Жить без тебя не могу»,— ну и так далее.

Десятки лет я — невольный очевидец таких надписей. Льют ли осенние дожди, мечутся ли зимние снега по улицам, сияет ли весеннее солнышко, парит ли над изнывающим городом летний зной — заветные слова всё так же виднеются на своих местах. Меняются имена и конкретные фразы, но суть остаётся той же: признание в любви к чьей-то вполне конкретной персоне, о чём, судя по размещению, непременно должен знать весь город. Настолько велики испытываемые чувства.

И как только не пытались отвадить городских мальчишек и девчонок (да-да, и девчонок тоже!) от такой привычки — ничего не помогает!

А ведь на самом деле — всё сущее зиждется на любви, той самой любви, о которой они, бесшабашные и в то же время ранимые подростки наши, так отчаянно повествуют всему миру! Громко, открыто, искренне! Вот и подумалось мне однажды: может быть, зря мы, взрослые, боремся с этой неформальной традицией? Что, если и город наш до сих пор стоит на великой сибирской реке лишь потому, что Коля любит Олю, а Маша любит Сашу?

«Любовь никогда не перестаёт…» — говорится в послании апостола Павла. И пока жива на свете эта самая доверчивая, не перестающая любовь — земля наша пребудет вовеки!

Море любви

Самое большое в мире море — это море любви. Берегов у него нет. Но в нём много островов. Некоторые из них ещё не открыты никем и ждут своего часа. А многие — обитаемы. Там живут влюблённые люди и растут глубокие чувства. В их тёмных зарослях, словно гигантские радужные бабочки, порхают ночные поцелуи и светятся влюблённые взгляды. А в тростниках возле самой воды шепчутся самые нежные слова, доступные слуху лишь тех, кто искренне любит.

Тук-тук

«Тук-тук!» — постучалось сердце. «Открыто!» — встрепенулся ветер в голове и влюбился без памяти. Пришло время, прошло и вышло. «Тук-тук!» — постучалось сердце. «Кто ты?» — удивилась память. «Кто ты?» — отозвалось эхо. И всё исчезло. Всё. Кроме любви.

Земляника

Одному мальчику очень, очень-очень-очень-очень-очень-преочень нравилась девочка из параллельного класса. И ему очень хотелось, чтобы она его тоже хотя бы немножечко полюбила. Но девочка его не любила. Совсем. Это была

ужасно честная девочка, когда дело касалось таких вопросов, поэтому она сразу сказала мальчику всю правду и тут же сбежала с уроков с другими мальчишками в кино, где в темноте можно гыгыкать, грызть семечки на пол и просто потихоньку баловаться, щипаться и тискаться.

Мальчик грустил. Он всё ждал чего-то, надеялся на что-то. От билетов в кино на следующий раз девочка отказалась. Ответила, что собирается учить уроки и торопится домой. Мальчик поверил. Любящие всегда верят. На самом деле девочка зашла за угол дома и побежала к речке, до самого вечера она то бросала камушки-«блинчики» по воде, то качалась на качелях, то ела мороженое в парке—с теми же прогульщиками-одноклассниками.

Вот так они и жили. Когда начались вечеринки с танцами, девочка танцевала со всеми, кроме него. Куда бы он ни приглашал её—в театр, в цирк, в музей или даже на концерт её самой обожаемой рок-группы, она непременно находила повод не идти с ним никуда. Каждый день он приносил ей свежий букет цветов, но она даже в руки их не брала. Тогда он стал складывать эти букеты у порога её квартиры. Она просыпалась, открывала дверь, видела на пороге цветы и с тяжким вздохом выносила их на помойку.

Одноклассники сначала дразнили его. Потом подшучивали. Потом жалели.

Потом махнули рукой. Ему все говорили одно и то же: «Уймись, она не любит тебя. У тебя нет ни одного шанса из миллиона». А он печально кивал головой и всё равно любил девочку. Сердцу ведь не прикажешь.

И вот однажды летом все ребята поехали в загородный лагерь. Лето стояло сухое и жаркое. В ближнем лесу от жары прежде времени осыпались почти все земляничные цветы, и потому в положенный срок никто не смог найти ни единой ягодки. Как-то раз в столовой мальчик нечаянно услышал, как девочка громко делилась с подружкой своей мечтой поесть земляники. Хотя бы кружечку. Или горсточку даже.

В этот же день мальчик исчез. Его искали всю ночь, звали. Не нашли. И на вторые сутки о нём ничего не было известно. Только повариха сообщила начальству, что из столовой исчезло большое эмалированное ведро. Ничего не дали поиски мальчика и на третий день.

На рассвете четвёртого дня в большой спальной комнате, где ночевали девочки, с тихим скрипом открылась дверь, и из предутреннего тумана появился мальчик с большим эмалированным ведром в руках. По комнате стал растекаться ароматный земляничный дух. Мальчик тихонько босиком прошёл к девочкиной кровати и поставил возле неё ведро, доверху наполненное земляникой. Девочка спала и блаженно улыбалась чему-то во сне. Мальчик наклонился над её лицом. Ему нестерпимо хотелось поцеловать девочку.

Но тут одна из девчонок в комнате проснулась и, заметив посреди помещения кого-то непонятного в грязной одежде, да ещё с ведром, спросонья и с перепуга закричала диким-предиким голосом. Через мгновение мальчик исчез.

Ни боли от укусов насекомых и ссадин, ни голода от трёхдневных скитаний, ничего, кроме счастья, ничего, кроме любви, мальчик не чувствовал. Он бежал в ободранной грязной одежде по тропинке, ведущей к лесу, и блаженно улыбался всему на свете. Улыбался точно такой же улыбкой, какой улыбалась во сне его девочка…

Любовь по-татарски

Была у моей бабушки старшая сестра Нафися. Разница в возрасте у них такая, что в ту пору, о которой речь пойдёт, моей бабушки ещё и в помине не было. Жила Нафися в доме родителей своих в старинной татарской деревне Шмалак, росла красавицей: косы густые до пят, брови тонкие, как тетива натянутого лука, глаза крупные, выразительные,—загляденье. И вот исполнилось ей пятнадцать лет: для татарской деревни—самый невестин возраст.

А тут как раз к тому времени поселилась в Шмалаке большая крестьянская семья, из Турции переехали. И в семье той—аж девять родных братьев! Посватался к Нафисе старший брат. Выдали её замуж. Пришла невестка в новую семью, всем по душе пришлась: и свекрови, и свёкру, и золовкам, и восьми деверям. Да и как иначе: и внимательная ко всем, и хозяйственная, и работящая, и улыбчивая, и скромница. А когда увидел её впервые младший брат её мужа, второй по старшинству, Яхья, так и оборвалось у парня сердце: «Ах, какая же красавица брату досталась! Вот ведь как повезло! Как жаль, что не мне…»

Но что теперь поделаешь? Знать, судьба такая. Вздохнул Яхья, опустил глаза и стал жить дальше. Только мимо Нафиси старался не проходить лишний раз и не смотреть на неё даже издали. Зачем сердце тревожить? Пусть брат будет с ней счастлив и спокоен. В семье Нафиси уже появился первенец, сын, когда случилось большое несчастье: её муж сильно простудился, долго болел и, к несчастью, умер. Не стало в молодой семье кормильца. Айнетдин, отец Нафиси, пришёл к сватьям и говорит:
— Семья у вас большая, малых детишек много, всех кормить, всех на ноги поднимать надо… Трудно вам будет ещё и молодой вдове с ребёнком помогать. А у нас семья небольшая, малых детушек и вовсе нет. Спасибо вам за ласку и заботу о Нафисе. Заберу я, наверное, дочку и внука к себе.

Отвечают мужнины родители Айнетдину:
— Это мы вас благодарить должны за то, что такую дочь вырастили, воспитали! С тех пор, как вошла

она в наш дом, в нём словно светлее стало. Родной нам стала Нафися. Не отпустим мы её! Она теперь—член нашей семьи! По древнему восточному обычаю, если чья-то жена становится вдовой, то на ней обязан жениться брат покойного. Жениться и заботиться о ней и её детях. Поглядите, сколько у нас сыновей!

Переглянулись со своими родителями восемь братьев. Забилось сердце Яхьи сильно-сильно: вот-вот от волнения из груди выскочит…

Так они и поженились. Оказывается, и Нафися к Яхье давно уже была неравнодушна, только виду не показывала. Первый муж был старше её, а с Яхьёй они были ровесниками, понимали и чувствовали друг друга с полуслова. Прожили Яхья и Нафися жизнь долгую и всегда, до самой старости, до последнего своего дня, трогательно заботились друг о друге. Бывало, достанется Яхье яблочко: он к жене идёт, половинку ей отдаст обязательно. А найдётся у Нафиси кусочек хлебушка: она бежит, зовёт, ищет Яхью: вдруг муж проголодался? Им было уже под сто лет, а спать они вместе ложились, согревали друг друга.

Обнимутся, бывало, старенькие, как голубки, и спят. Дожили Нафися и Яхья на свете белом до ста двух лет и покинули Шмалак в один год…

Люди спрашивали иногда бабушку Нафису и дедушку Яхью: что же вас до сей поры рядом держит? Что продлевает вам жизнь? А они переглянутся между собой, улыбнутся друг другу и отвечают:

— Мәхәббәт.

По-татарски это значит «Любовь»…

Элиза

В те далёкие времена, когда корабли водили, ориентируясь по звёздам, а уходя в море, ещё не знали всего, что может встретиться на пути, в одной прекрасной приморской стране жил принц, единственный наследник трона. Он с детства любил корабли и мечтал о дальних морских странствиях. Родители наняли ему лучших учителей, опытных морских капитанов, и когда мальчик стал юношей, он уже многое знал и умел в морском деле.

Однажды, после учебного плавания неподалёку от дома, он взял удочку и пошёл на берег порыбачить немножко. Ему нравилось рыбачить. А поскольку парень он был очень самостоятельный, то ходил на рыбалку один, без придворных. Однако клёва не было. Мало того, появилась девчонка-подросток из ближней рыбацкой деревушки, которая начала насмешничать над неудачливым рыбаком. Она язвила так метко, что в конце концов вынудила принца бросить удочку и уйти. Но, уходя, принц воскликнул, обращаясь к обидчице:

— Сегодня мне просто не повезло! Я—отличный рыбак! Приходи завтра на это же место и сама увидишь: сколько я наловлю рыбы одной удочкой!

В ответ девушка опять громко рассмеялась. Вечером следующего дня принц, чья гордость была явно задета, взял свою самую лучшую удочку и отправился на берег в то же место. Там никого не было. Юноша подождал, потом пожал плечами и начал рыбачить просто так, не на спор, а в своё удовольствие. В этот раз клёв был отменным. Уже поднялась над морем луна, когда увлечённого рыбалкой принца окликнул знакомый голос:

— Меня зовут Элиза. Прости, что вчера посмеялась над тобой. Я была неправа…

Так принц познакомился с Элизой. Она была сиротой, отец не вернулся с моря, мама долго болела, а потом её не стало. Принц полюбил Элизу всем сердцем. Сразу. И она его тоже. Но они не решались сказать об этом друг другу. Такой трогательной и нежной была их первая любовь…

Он даже не сказал ей, что он—принц. Постеснялся обидеть. Она ведь могла и не поверить. А она и не спрашивала, где он живёт и можно ли прийти в гости. Гордость ей этого не позволяла. Они часто бродили вдоль берега или сидели и наблюдали за луной над волнами, а иногда и за восходом солнца. Им было хорошо вместе.

Но наступил день, когда король поручил ему возглавить один из четырёх кораблей, отправлявшихся в далёкое путешествие—открывать новые земли и новые моря-океаны. Принц мечтал об этом с детства, и потом, это было поручение самого короля, нельзя было отказаться—даже ради любимой девушки.

Ему пришлось обо всём рассказать на их последнем свидании. В конце своей речи взволнованный принц признался Элизе в любви и попросил её руки. Девушка была счастлива и печальна одновременно. Она согласилась стать его женой, когда её любимый вернётся из дальних странствий, и обещала ждать его, сколько бы ни продлилось это его путешествие.

Наутро принц уплыл вместе с лучшими моряками королевства. Они рассчитывали вернуться самое большее через год, но прошло три года, когда в королевском порту появился одинокий корабль—всё, что осталось от гордой флотилии. Бури, болезни и сражения с пиратами сделали своё дело.

Принц остался жив и благодаря полученным знаниям сумел по звёздам вернуть корабль домой. Все три года, пока он плыл на корабле и глядел на огромное звёздное небо, он вспоминал об Элизе…

В стране, пока он отсутствовал, произошли горькие события. В те времена не умели спасаться от эпидемий, страшная болезнь уносила множество людских жизней. Не стало короля и королевы. Ещё не опомнившись от горя, принц, ставший теперь королём, направился к Элизе, чтобы исполнить своё обещание, у него больше не было никого, кроме неё. Но он не нашёл её там, где когда-то оставил.

В деревушке сказали, что Элиза тоже заболела, как все, но она выжила. Однако болезнь сильно обезобразила её лицо и тело. Девушка так страдала от этого, что однажды села в маленькую рыбачью лодку и уплыла в бескрайнее море. И больше её никто не видел.

— Не верю! — отчаянно закричал принц и взглянул на небо.

Небо стало беззвёздным для принца. Пустым и чёрным. Ни солнца, ни луны, ни единой звезды более не существовало… Он видел людей, видел всё вокруг, но не видел ни одного источника света! Он не знал, где она! Он не верил в то, что её нет, но не мог найти её нигде — ни на земле, ни на море… Где бы он ни находился, ему не хватало отца, матери и Элизы, любимой, родной Элизы!..

Однажды, собрались у дворца старые моряки. Молодой король вернулся из плавания не с пустыми руками: корабли его флотилии совершили величайшие открытия, но путь к новым землям и океанам был известен только молодому королю. Они понимали, что он теперь не сможет вести корабли, поскольку не видит звёзд… И им придётся делать это самим, надеясь на сохранившиеся карты и записи прежней экспедиции. Но без дозволения короля ими никто не мог бы воспользоваться. Делегация моряков направилась к правителю страны.

Они рассказали ему о своих планах. Тогда он ответил им, что пойдёт в море вместе с ними. Никто из моряков не посмел напомнить молодому королю о его странной слепоте.

В назначенный день и час молодой король взошёл на борт нового корабля, носящего имя Элизы, и отдал приказ отплывать. И корабль двинулся в открытое море. Следом за «Элизой» двинулись и другие корабли. А король спустился в каюту и лёг спать…

Он проснулся среди ночи. Внезапно во сне ему показалось, что кто-то его зовёт. Он поднялся на палубу и вдруг увидел яркое звёздное небо! И лунную дорожку меж волн. А вдали на серебристых волнах темнела маленькая рыбацкая лодка.

«Элиза! Моя Элиза!» — мгновенно подумал король, и сердце его забилось так сильно, так радостно! Он снова видел звёзды! Он мог вести корабль! А там, впереди, отныне во время всего их морского путешествия то и дело возникала маленькая рыбачья лодка, и виднелась в ней тоненькая фигурка девушки, которая вечно ждёт, вечно любит и никогда не оставляет любимого.

О тебе

Возле реки, возле горы, возле леса, посреди земли с прекрасными плодами, цветами, птицами, под чудесными облаками, под яркими звёздами, под тёплым и ласковым солнцем жила-была ты. Маленькая, доверчивая и смешная. Над тобой хохотало море, ухохатывалось горное эхо, посмеивались ручьи, а верблюжья колючка — просто каталась от смеха по всей пустыне. А вообще, если честно, ты была очень красивой. Проходившее мимо время иногда спотыкалось, заглядываясь на тебя. Ветер ахал, завидев тебя, и устремлялся навстречу. Дождь обливался слезами, если не мог найти тебя, а вьюга — не могла успокоиться, пока ты не выглянешь в окно. Ты всем верила, и все любили тебя, потому что иначе и быть не могло.

Прошло много-много лет. Выросли новые деревья в саду, пролегли новые дороги в снежных и песчаных пустынях, всюду появились новые города. Многое изменилось вокруг. Но не всё. Потому что есть ты: маленькая, доверчивая и смешная. И очень, очень красивая.

Как всегда…

Мешок картошки

Влюбился мешок картошки в корзину с цветами. Но между ними встало мусорное ведро.

«Он мой! — сказало оно корзине и добавило с нежностью: — Разве ты не знаешь, что в нём половина картошки уже сгнила?» Идёт горемычная корзина цветов и чуть не плачет. А навстречу ей — ящик пива и ящик водки. Заметили они корзину, погнались за ней. Бежит бедная корзина, кричит: «Спасите! Помогите!» Выскочил из-за угла геройский мешок картошки, набросился на ящики и обоих поколотил. Ликуют цветы, радуется корзина. Достались оба злых ящика большому мусорному контейнеру… А рядом, в том самом мусорном ведре, лежало то, что осталось от мешка с картошкой…

Корзина вернулась к ведру и отдала ему все свои цветы в обмен на то, что в нём лежало. Ведро долго смеялось над глупой корзиной.

Прошло время. Теперь в корзине растёт много картошки — есть там и цветы, есть и клубни. А в мусорном ведре давно уже ничего нет.

Как зайцы женились

Выросли у мамы-зайчихи три сыночка-зайчика. Все ласковые, послушные заи-паиньки. У каждого свои особенности. Старшенький — умница, глазоньки большие, лоб — не лоб, а лбище, такой выдающийся. За то его и прозвали Лобзаем. Средненькому — купаться нравилось, в баньке родился. Оттого и прозвали Банзаем. А младшенький — страсть как любил, чтоб ему спинку тёрли. Вот если никто не потрёт, тогда он у деревца встанет и сам трётся об него спинкой. И нарекли его за это Терзаем.

Собрались братья Лобзай, Банзай и Терзай жениться. Позвала мама сваху Восвояси и муженька её, дяденьку Восвояся, тоже позвала. Стали думать-гадать, к кому свататься.

Ну, со старшим всё решилось легко, у него уже была подружка хорошая, соседская — Борзая. В бору родилась, лес любила, да и нравился ей жених давно, сама часто в гости звала:

— Иди ко мне, Лобзай!

Он сразу и шёл, не перечил. Мягкий Лобзай, добрый, отзывчивый. Борзая с ним что хотела, то и делала.

Банзаю маленькая пухленькая Ползая досталась в жёнушки. За росточек небольшой её таким имечком и наградили, половинкой. Банзай со свадьбой тянуть не стал. Такой он нетерпеливый. Подошёл, спросил:

— Вы Ползая?

— Да, а что?

— Разрешите на вас жениться?

Вот и весь сказ. Эти двое как поженились, тут же новую баньку отстроили.

Остался горемыка-младшенький. Ни одна зайка не хотела идти замуж за Терзая. Ну и что, что он на вид кроткий: имя-то какое грозное! Выйдешь за такого, а вдруг он терзать начнёт?

Мама-зайчиха со свахой Восвоясей разругалась от огорчения и отправила их обоих с дяденькой Восвоясем согласно их прозвищу — то есть восвояси. А сама объявления расклеила на всех деревьях лесных и столбах придорожных: «Молодому, красивому, воспитанному заиньке срочно требуется невеста. Обращаться под ракитовый кустик к маме».

И вот однажды пришло письмо. Из кроличьей деревеньки: «Здравствуйте, уважаемые зайчики! Хочу замуж. Краля».

За невестой отправилась вся родня: и брат Лобзай с Борзаей, и брат Банзай с Ползаей, и мама, и Терзай. Назад глянули: старые Восвояси тоже вслед за ними шкандыбают. Всем любопытно: что там за невеста?

Пришли. Краля рада всем. Хлопочет. Угощает капустой, потчует морковкой, яблочки свежие принесла. Песенки спела. Стихотворение прочитала. Про любовь. Всем она понравилась. Ну, Терзай! Повезло тебе! Оставайся!

Вдруг из другой комнатки крольчонок выбежал и — к Крале:

— Мама, мамочка! А мне можно яблочко?

Следом ещё, и ещё, и ещё крольчата. Прыгают, кричат, к маме своей ластятся. Видно, соскучились одни в соседней комнатке прятаться. Не дождались, когда гости уйдут. Села Краля за стол, голову повинную опустила и тихо заплакала.

Хотели Восвояси возмутиться, только Терзай никому не дал слова сказать, обнял крольчонка и говорит:

— Ешь, маленький, не бойся, я тебе, и братикам твоим, и сестричкам твоим из леса много разных вкусностей принесу: и ягод, и травки свежей, и коры…

Улыбнулся Терзай Крале, а она — ему. Остальные гости переглянулись и вышли тихонечко, чтобы счастью не мешать.

Нежно-нежно

Жил-был ураганный ветер. Вот уж кто шалить любил, силищу свою показывать: то урну перевернёт, то камушками да песком в окна кидается, то зонтики из рук вырывает. Ох и натерпелись от него, ох и на него наворчались!

А потом начал он слабеть, смирнеть, стихать, еле шевелиться и однажды исчез. Только записку оставил. Заметила записку туча. Отправила за ней пару дождичков. Те как прочитали записку — так расплакались, что все буковки на бумаге расплылись и пропали. Очень уж впечатлительные они были: чуть что — сразу в слёзы. А когда дождики сообщили туче о том, что там прочитали, она тоже сразу нахмурилась, громыхнула с горя и объявила:

— Слушайте все! Этой ночью все мы, кто есть, понесли большую потерю. От нас ушёл ветер… Был он громким, озорным, творил большие дела, а ушёл скромно, стараясь никому не помешать, никого не потревожить. Оставил записку. Просил устроить похороны как подобает…

И туча разрыдалась.

Берёзка от услышанного в себя прийти не может, стоит как вкопанная. Вспоминает, как вчера ещё он ей листочки ласкал, как шептал что-то нежное-нежное… Ах!..

Воробьи-непоседы чирикают, обсуждают:

— Ну и что-что-что, что ушёл! Как ушёл, так и вернётся!..

Туча так глянула на них, что они тут же и разлетелись кто куда.

Начали ветер хоронить. Гроб заказали, музыку, венки. От товарищей, от соседей, от соратников, всё как положено. Где кладбище, правда, никто толком не знает, да и где сам виновник события… впрочем, о нём плохого не вспоминали, это ж ветер: ну что у него в голове может быть?! Попросил похоронить, значит, надо уважить.

Пошли куда глаза глядят: кто в лес, кто по дрова. Тележку с пустым гробом далеко слышно. Подходят к морю. Море тихое — ветра же нет. Куда дальше идти?

Вдруг вдали потемнело море. Движется по нему что-то — быстро-быстро. Опомниться не успели, а оно уже тут. Воду мутит, волнами играет, со скалы прыгает! Так это ж ветер!

Опять туча нахмурилась:

— Ах, так ты нас уважаешь? Что за безобразие! Опять подшутил?!

А в ответ слышится:

— Не сердитесь, пожалуйста. Меня дедушка прислал к вам, а на словах просил передать, что он помнит о каждом и что всех очень-очень-очень любит. А ещё он приказал мне служить вам, как служил

ещё дедушкин дедушка, как все-все ветры, слушаться вас, помогать вам, петь для вас, развлекать, чтобы скучно не было, чтобы улыбались всегда.
— Как ему там? — прошелестела берёзка, затрепетав в ожидании ответа, и вдруг почувствовала, как кто-то невидимый целует каждый её листочек, нежно-нежно… Вот так…

Поцелуй

Жил-был поцелуй. И было у него множество родных братьев и сестёр. Весной и летом все они порхали с цветка на цветок по лугам, лесам, садам и паркам, всюду, где были цветы. Они с удовольствием ночевали в клумбах и даже просто в букетах, которые кто-нибудь дарил кому-то… В пору осеннего листопада ветер срывал прощальные поцелуи с деревьев вместе с листочками. А зимой морозные свежие поцелуи разлетались по всему свету, словно искрящиеся снежинки.

Поцелуй обожал маленьких спящих детей. Он целовал их так нежно, так ласково, что ни разу не помешал ни одному их сну. Они только улыбались с закрытыми глазами.

Однажды на улице посреди суетливой толпы поцелуй случайно столкнулся с хмурым взглядом. Взгляд скользнул по нему и буркнул:
— Эй, ты, не видел моего хозяина? Я потерялся.
— Нет, прости! Тебе помочь?
— Отвяжись! Обойдусь без поцелуев. Я хотя бы знаю, что у меня есть хозяин, а ты? Ты знаешь, кому ты принадлежишь?

И хмурый взгляд растворился в толпе.

А поцелуй впервые в жизни смутился, потому что и впрямь не знал ответа. С того времени поцелуй совсем потерял покой. Он блуждает по всему миру и спрашивает у каждого встречного: чей же он? Но никто, никто не может ответить ему. Вот и теперь он здесь, рядом: такой потерянный, нерешительный… уже и спрашивать боится.

Но я-то знаю, что есть один человек, который может вернуть поцелую покой и сделать счастливым навсегда. Этот человек — ты. Ведь это твой поцелуй. Храни же его от печали и, пожалуйста, не теряй. Знаешь, как хранят поцелуи? Ими надо делиться с теми, кого любишь. И если они тоже любят тебя, поцелуй непременно вернётся…

Колокольчики

Её смех был подобен лёгкому перезвону тысяч серебряных колокольчиков. Стройная русоволосая девочка в нежно-голубом облегающем платье: на вечеринке у одноклассника мальчики наперебой хотели танцевать с тобой. И ты танцевала так же легко, как лился твой счастливый беззаботный смех, просто радуясь жизни…

На уроке русского языка, пока утомлённая солнцем учительница нудно и однообразно бубнила что-то о суффиксах и ещё о чём-то неимоверно скучном, ты нечаянно зевнула. Глупый мальчишка, твой сосед по парте, ни с того ни с сего — из озорства — вдруг подставил свой указательный палец. И через секунду он же завизжал на весь класс от боли, поскольку когда твои челюсти сомкнулись, оказалось, что ты нечаянно укусила его. Тебя отчитали и выгнали из класса. Но самое главное: тебя пересадили от этого мальчика за другую парту. Ты не отрицала своей вины. Просто вышла, хлопнув дверью и громко плача. Не столько из-за несправедливого наказания, сколько из-за того, что тебе пересадили за другую парту… Потому что любила его. Хотя никому на свете, даже себе, ещё не признавалась в этом. И он понял всё это — вдруг, в одно мгновение. И стал другим.

Жизнь прошла, развеявшись, словно дым, рассыпавшись, словно пыль выгоревших слов…

Только лёгкий перезвон серебряных колокольчиков где-то там, вдали… Где едва-едва начинается рассвет.

Денис Кальнов

Строка воспоминания навеет

* * *

Фонтан на лондонском квартале будто спит:
Вода статична, отражается лишь камень.
Светильник матовый, окно и бледный пламень,
Раскрыта книга, но кому принадлежит—
Мне не узнать. И неподвижная стрела
На старой башне, словно флюгер, указала
На временну́ю относительность, и стала
Повсюду ночь, всё замирало досветла.
Обрывок фразы недосказанной застыл,
И мнемонические строки, части речи,
Вот найтингейл остановился, белокрыл,
Остановилось всё. И тень от каждой вещи
Не удлинялась ближе к вечеру, разряд
Далёкой молнии, но грома нет, и площадь
Вся в тишине, и строен неподвижный сад,
Что полон птиц, от пыли пепельная роща.
Вернулась ночь, и англичане крепко спят.
Чернее сажи кошки ждут луну на крыше,
Вот найтингейл, но нарисованный, затишье,
Туманный Лондон, воздух сыростью объят.
И снова ночь, а следом вечер, дальше день,
На всех страницах с фотографиями дата,
И время тянется к пространству, словно тень,
Что удлиняется от стрелки циферблата.

* * *

Остановка на станции вечером,
Аромат креозота, грустишь,
Пассажира будил узкоплечего
Удивлённый сигналом малыш.

За окошком платформа знакомая,
Тот же трактор с одним колесом,
Телевышка вдали невесомая,
Вот монтёры сверкают ключом.

Флюгера заржавели, но прежние,
Пара бочек с цветущей водой,
На прицветниках серьги орешника
Нависали над малой рекой.

Тишина на перроне нарушена,
Пролетел многотонный состав,
И фонарь на мосту, как жемчужина,
Миновал, разогнавшись стремглав.

Эклога (Зима в Петербурге)

Трамвайные белеют провода,
Белеют ветки, крыши по округам,
Окно и монохромные цвета
Домов соседних блёкнут полукругом.
Побеги изо льда, что на стекле,
Пробились, как этюд, узор сложнее,
И снег напомнил пудру и суфле,
А вата в рамах—снег, но голубее.
Казался в детстве дом как целый мир,
Не тронут свежий иней у парадной,
Тот, что похож на сливки и пломбир,
Рапира изо льда в трубе фасадной,
Свисает на проспект дамоклов меч,
И нет следов от шин, и даже птицы
Пунктир не оставляют, в доме печь
На вид всё холоднее, и ночницы
Попрятались в обшарпанных стенах,
Уснула коммуналка, завернувшись
Центральным отоплением, впотьмах
Проснулся бражник, раньше обманувшись
Теплом от радиатора, и пар
От влаги после стирки по паркету,
И вышел кто-то ночью на бульвар,
Темно, но видно контур. Силуэту
Придал все очертания фонарь,
Прохожий смотрит вверх на хлопья снега
И видит аппликацию: янтарь
И звёздный луч у тёмного ночлега,
Волхвы идут из лампы ночника,
Метель на перекрёстке всё сильнее,
И плащ от ветра в крылья мотылька
На миг преобразился у аллеи.

Ecclesia

Бледный пурпур римского храма,
Серым отливом опечаленный взгляд,
Эмалевый ангел смотрел на Адама
Сквозь витраж далёких Плеяд:
В его нимбе—просвет панорамы,
Звёзд ночных сияющий ряд.

● ● ●

Летели ласточки сквозь арку над Шпалерной
И, став ресницами у дома за углом,
Пережидали дождь, сложилась эфемерной
Картина — взмах крыла под каменным окном.
Сигналом Морзе здесь вода стучит по крышам,
И гибкий кот через дорогу промелькнёт,
Труднее жить густым чернилам на афишах,
Легко принять за рыбу в небе самолёт.
Читая в будущем из прошлого новеллы,
Вернутся улица, и ласточки, и пыль,
В конце страницы ты выходишь из капеллы
И видишь лавочку, домá, знакомый шпиль.

● ● ●

Овеяно тканью незримых миров
Пространство, что видит лишь оптик-любитель,
В уме представлял на Сатурне обитель,
На спутниках нет кучевых облаков.

Рефрактор настроен, далёкий объект.
Что, если попасть на него с телескопом?
Увидеть себя с лимонадным сиропом,
Идущим весной на Литейный проспект.

Расфокус, но видно из детства мечту,
Медведицы свет, логотип, вход у банка,
Забрать бы домой, но нужна же стремянка,
И ждать мне придётся, когда дорасту.

● ● ●

На пыльном дворе из теней кружева,
Упругий прыжок и полёт над пробелом,
Ряды из квадратов, число и слова
На сером асфальте написаны мелом.

Хромая собака на сонный вокзал
Отправилась снова встречать лаборанта,
В вечерних лучах силуэт исчезал,
Став бледным пятном, как отсчёт радианта.

Железное тело из двух центрифуг,
Мотор мотоцикла и гибкая лента —
Соседа-мальчишки придуманный друг,
Но сердца в нём нет, не досталось фрагмента.

И ночью придёт вдруг идея одна:
Замок в гараже подойдёт, и аорта
Из старого шланга, гитары струна
Похожа на вену, душа из аккорда.

Но утром он вспомнит: пора уезжать,
Вот скоро составит инструкцию сборки,
И спрячет в камнях, и возьмётся мечтать,
Как снова найдёт в затаённом восторге.

● ● ●

Совпали родинки со звёздами в Ковше,
И тёмно-синяя гуашь ночного неба —
Как на страницах астрономии Моше,
Немного сахара, воды, немного хлеба,
Центавра Проксима за городом блестит,
Нефтехранилище и два резервуара,
Аэродром для стрекозы и плоскость плит,
Здесь после школы собирали стеклотару,
И ближе к полночи задерживался взгляд
На горизонте, и сбивались с пересчёта
Небесных тел, где зачеркнул ряды Плеяд
Пунктирный след наклонных линий самолёта,
Но через время тропосфера как окно,
И твой зрачок теперь умножит скорость света,
Участок неба у Стрельца, теперь темно,
Однажды здесь была лучистая комета.

● ● ●

Со всех сторон приходят поезда,
Сменяется вокзал античным Римом,
Вдруг узнаёшь, что прежде никогда
Не видел глаз, в пронзительно томимом,
В каком-то странном чувстве, будто сон:
Знакомый дом, все мелочи, проулок,
На камне капли — влажно, купидон,
И с бакалеи запах сдобных булок.
Вдруг старый Петербург и Древний Рим
Смешались наяву в лучистой мысли:
И горизонт с пейзажем заводским,
Текстильных фабрик выхлоп углекислый,
Дом сто восьмой, колодец из квартир,
Вот стол, и солнце заменяет лампа,
Помехи, сырость, радиоэфир,
Пробился стих, что пятистопным ямбом
Звучит, а следом грустный хор, с трудом
Припоминаешь день, когда-то слышал,
Тогда, быть может, видел сон: пешком
Всего лишь час, Шпалерная и выше,
А за углом — прекрасный Древний Рим,
Сухому ветру птица доверяет,
Непросто с города холодных зим
Зрачку перенести, как луч сияет,
Что отражён бутылкой из стекла,
И в ней письмо, и блеск голубоватый,
Прижал печатью, плотная смола,
Закинул в реку, кто найдёт когда-то —
Прочтёт тот стих, что собран из пяти
Двухсложных стоп, бумага пожелтеет,
Экслибрис тёмный выцветет почти,
Строка воспоминания навеет.

Петербург

В Петербурге, напротив Соляного переулка,
Причалил дом, похожий на ковчег;
Водопроводных труб издав сигналы гулко,
Замедлился в асфальте пристани навек.

Дорога жадно впитывает свет,
Пусть стрелка флюгера указывает русло,
Минуя арку, сохраняет силуэт—
Пролёт окна и пыльный луч от люстры.

Шла баржа по отблескам речного фонаря,
Моргала лампочка на сорок ватт в каюте,
Натюрморт бокала и календаря—
Вещей оставленных собрание в приюте.

● ● ●

Дуновенье у дома, туманно.
Из трубы абрис бледного дыма,
Поток ветра едва уловимый
Рисовал свой портрет филигранно,
Как окружность росы уязвимый.
Гулкий шаг преломляла витрина,
Эхо чайки над Темзой летело,
У аптеки окно потускнело
Вместе с белым крестом аспирина,
Переулок, такси, вечерело.
Вдруг напомнил случайный прохожий
Друга детства из дома напротив,
Что на Джойса примерно похожий,
Фотография на переплёте.
Аромат чайных листьев повсюду,
В свете фар стройный ряд колоннады,
Перезвон серебристой посуды,
Лондон—город полночной прохлады.

Сон в поезде

С напевами цикад мерцало небо,
Отбил железный ритм локомотив,
В вагоне поезда взял ломтик хлеба
Профессор-физик, быстро утолив
Намёк на голод, он вспомнил аромат
Пекарни, лавку, возвращаясь к дому,
Сквозь мысли сонно сворачивал назад,
Где после арки медленно, с истомой
Входил, ступеней холод и текстура,
И, не отбросив тень, смотрел на свет,
Который жил всё в том же абажуре
И обрамлял сверхтонкий силуэт
На парапете гипсовой скульптуры,
Высвечивал обоев бирюзу,
Лепнину, потолок, архитектуру
Тех комнат, что уютнее в грозу,
Там из окна луна казалась больше,
Гербарий в книге—астры лепесток,
И проводник шёл, тихо произнёсший
Номер вагона, станция, гудок.

● ● ●

Чужая комната тебя лишает сна,
В отеле мебель ночью более статична,
А за стеной переливается вода,
Здесь батареи—стан, а кран есть ключ скрипичный.
Щелчок замка, и ты выходишь на прогулку,
Сырой бордюр—строка асфальта, и шаги,
И нарастает грусть всё ближе к закоулку,
Ночные лампы смотрят в лужи-маяки.
Два дома тянутся друг к другу, местный житель
Зашёл в парадную, зажёгся мягкий свет,
Узор брусчатки—из камней путеводитель,
Проём окна и облик твой здесь—трафарет.
Ты возвращаешься обратно через час,
Секундная стрела совпала с ритмом сердца,
Высокий чайник на плите глядит анфас,
Сон утром—суть преодоления инерций.

● ● ●

Качнулся маятник чуть влево на часах,
Невольно держится в уме посредством Цейса
Структура, что находится во всех вещах:
Рисунок атомов и транспортного рейса.
Всё в той же форме снится кошкам молоко,
И наутилусы плывут в своей спирали,
Пространству вторит Андромеда далеко,
Циклоны те же логарифмы повторяли.
И простынь, скатерти подобны парусам,
Когда их воздух после стирки поднимает,
И он же образ Махаона дал плащам,
Клочок газеты вместе с птицей улетает.
Качнулся маятник чуть вправо на часах.
Вернёмся к кошкам, пирамиды—как их уши,
От медальона что-то есть в дверных ключах—
Текстура времени, рельеф, но только у́же.
Имеют сходство руки плотника с корой
Деревьев тех, что, в свою очередь, похожи
На долгожителей, живущих под луной,
Узор на лбу, ультрамариновая кожа.
И повторяются сюжеты в крепких снах,
На негативе свет и тени поменялись,
Качнулся маятник, и полночь на часах,
На бледный луч два шелкопряда устремлялись.

Aeterna urbs

Грозовой небосклон—как воздушный сапфир,
Там, где в радужной сфере нектар.
Рассекал свод небес снежно-белый пунктир,
И дождём зашептал тротуар.

Этот дивный язык пыльных римских камней—
Диалог с черепицами крыш.
И устами Арона вещал Моисей,
В травертине пророка услышь.

Дмитрий Ангарский

Мне мало просто верить

* * *

Твой сегодняшний напарник,
неприветливый на вид,—
лёгким джоггингом по парку
дождь прозрачный шелестит.
Он вокруг не видит лица
и с тобою заодно
по ветвям желает слиться
в чёрно-белое панно.
Учащённое дыханье
да потухшая листва.
Однова живём и канем
в эти тропы однова.
По стеклу вселенской лужи
пробегая босиком,
сердце собственное слушай—
ни о чём и ни о ком.

* * *

Дышу—
и, стало быть, здоров,
как пионер, всегда готов,
а если чуть подробней:
слетают перья облаков
на тельники и робы.
Склонясь незримо над тайгой
и глядя в наши рыла,
седые ангелы тайком
нам подставляют крылья.
Как только наша не брала
и где не пропадала!..
Хрипит в руках бензопила.
Кипит смола, как соль, бела.
И осыпаются крыла.
И пот из-под банданы.
Я буду жить—сейчас и здесь,
упрямо, зло, по-новой.
И тема есть.
И тяма есть.
И хлеб насущный даждь нам днесь,
и внутреннего слова.
Из девяностых, из лихих,
мне мало просто верить.
И потому пишу стихи,
чтоб не остаться зверем.

* * *

Когда годами пахал на стройке
в жару за тридцать,
в дубак под сорок,
и кирпичами ложились строки,
а в них стоял ты с трубой подзорной,
и, глядя в дали, глядел далёко,
и видел то, что другим не видно:
и перспективу,
и подоплёку,
и за державу свою не стыдно,—
и уплывала беда скорее,
белея парусом одиноким,
с весёлым висельником на рее
в огнях и брызгах ангарских окон.

* * *

Ты вахту в памяти отметил
и не забудешь никогда:
на корточках на табурете
воссел Валера Магадан,
король стальных колонн и балок,
а за окном—метель в окно,
и непогода задостала,
а дело делать всё равно,
и мы горбы свои горбатим,
и семьи наши далеки,
и вот на кухонном квадрате
в лесном массиве вдоль реки
плывём, куда заносит ветер,
ветра сугробы намели,
где нам убытки и не светит,
где остаёмся на мели,
и Валерьян чего-то брякнул—
по теме, в жилу, свет и мрак,—
и прокатилось по бараку,
и грохнул хохотом барак,
и отлегло, и потеплело,
и отболело заодно,
и бился ветер снегом белым,
и было так, как быть должно.

* * *

Владимиру Фокину

Бывают дни, когда
пустыми дни бывают,
хандра разбудит память, и на станцию «Ангарск»
забросит, и толкнёт к ближайшему трамваю,
где на задворках родина.
Где факел не погас.
Пенсионерами хрущёвские кварталы
да сталинки да в неподшитых валенках бредут,
и сердце заскулит
в слезах сентиментальных,
что павшую звезду качает лебедь на пруду.
Стучи, трамвай, ворчи.
Туда-сюда, обратно—
я до конечной твой бессмертный неопассажир.
С китойского моста до труб химкомбината
про молодость в фуфаечке, хороший, расскажи.
В таёжную дыру и глухомань пожалте!
Где город твой и мой
в рассветной дымке возникал
из кранов башенных, бетона и асфальта,
дрожа на арматуре—медных струнах сосняка.
Где до сквозных морщин я знаю лица эти:
как фонари сутулые, в одном ряду стоят
строители. Зека. Фронтовики. Поэты.
И белый лебедь на пруду, где фонари горят.
Где вдоль вот этих стен и жёлтых этих окон,
в витринах и по битому стеклу замёрзших луж
размыта будет эта ночь,
как на ресницах тушь
у женщины вон той, извечно одинокой.
Я больше не могу, я вымерз вместе с ними.
Притормози сейчас, вагон, я на ходу сойду!
Товарищи мои…
И, лёгок на помине,
привет тебе, Володь, из града Володимир.
Ни родины.
Ни лебедей, качающих звезду.

* * *

С крестом—серпа и молота—на флаге
эсэсэсэра, в детстве золотом—
мы все тогда, советские салаги,
водой делиться из походной фляги
впитали с материнским молоком.
Будёновца играть или матроса.
Быть рыцарем под красною звездой.
Бесстрашные Корчагин и Матросов—
вершители истории земной.
Так верил я.
Так рос.
А после вырос.
Потом трещало общество по швам.
И медным тазом родина накрылась.
И по рукам, красивая, пошла.
Мир колобродит.
Около, но бродят
Мадонна с Марадоною.
Мавроди.
Да Ринго Старр.
На ринге Тайсон, стар.
А я сижу за столиком напротив,
живой покуда—ни добра ни худа,
и опадают строчки как с куста.
Я дед, я сед,
я прожил так, как прожил.
Я шило лет на мыло зим сменял.
А если эту грыжу подытожить—
тот крест со мной.
Но Павка не поможет.
И Александр не зовёт меня.

Галина Шубникова

Просто о главном

● ● ●

Душа запросилась на исповедь
И потянулась к храму.
Молилась в тиши неистово
Впервые в жизни, упрямо…
Молитвы слова невнятные
Голубями взлетали,
А Богу были понятными—
Искренними в печали.

● ● ●

Расточительно много
Доверяла бумаге.
Воробьём-недотрогой
Облетала овраги.
Перечёркнута юность
Днём дождливым и серым,
Но любовью вернулось
Понимание веры.
Расточительно много
Слов ненужных дарила.
Чайкой белой недолго
Над морями парила.
Перечёркнута зрелость
Днём мучительно-жарким.
Обретённая смелость
Оказалась подарком.
Перевязанный лентой,
Он стоит на комоде
И пожизненной рентой
Добавляет свободы.

● ● ●

…Я не в силах вернуть—
Вы ушли навсегда.
Не изменит свой путь
В чёрном небе звезда…
Больше не обнимать,
Не дарить мне рассвет.
Как без вас мне дышать
Это множество лет?!
Лишь беззвучно стонать…
Дни мои—пустоцвет.
Где мне воздух искать,
Если воздуха нет?!

Моя провинция

В нашей провинции воздух звенит синицей,
Медленна жизнь, будто слой облаков загустел.
Капля дождя слезинкой дрожит на ресницах.
День отпустив, календарный листок улетел.
Скрученной нитью сплетается жизнь в паутину,
Проблеском радуга мост перебросит вдали.
Наша провинция—вотчина комариная,
Звон колокольно-серебряный изнутри.

Домик у леса

Вспоминаю я домик у леса.
Кто живёт там сейчас—неизвестно.

Помнят стены любовь и потери,
Но сегодня захлопнуты двери.

Тропка к дому короче, чем прежде.
Оправдает ли встреча надежды?

Не узнал? Изменилась? Другая?
Тянет ветви сосна вековая.

Дом молчит. Затаю я дыхание:
Я же знала об этом заранее.

Запах хвои—как будто из детства.
А иголочки—в самое сердце…

Поёт песок

Я слышу, как поёт песок.
Это лёгкое «скриу-у-у-у…»—
От шагов маленького человечка.
След на песке—
Ямка с затихающей музыкой.
Я наклоняюсь к ней,
Я хочу прикоснуться
К песочной музыке
И убедиться:
Она звучит!!!
Но следа уже нет.
Я стою на коленях,
Песок врезается в кожу.
Болит сердце.
Но в каждом сне
Я слышу,
Как поёт песок!

● ● ●

Расцветают цветы, несмотря на предзимнюю стынь,
Колдовские кристаллы сверкают и дразнятся светом,
Словно сам Дед Мороз по-над речкой раскинул сатин
И застывшие искры рассыпал с него до рассвета.
И в ледовом плену изумрудами меж берегов
Будет кóроток век предзимовья цветка-недотроги:
Превратит его время в надёжный ледовый покров
Или в снежную пыль. И ночами осыплет дороги.

Вернёшься светом

Растаял дымкой. А вернёшься светом,
Не жгучим холодом, а жарким летом.
Рукой дотронуться я не сумею—
Не от того ли губы занемеют
Горячим летом?

А поутру ворвёшься в память ветром.
Слезами растревожить не посмею.
Найду слова, которыми согрею.
Вернись же светом.

Ты не со мной давно. Далёко где-то,
Курчавым облаком тепло одетый.
Я верю—будет наша встреча, верю.
Найду тебя я за небесной дверью!
Ты присылай мне весточки-приметы.
Я встречу светом.

● ● ●

Взрывом морозным осыпался иней,
Гроздьями алыми снегири
Яростно бьются за яблоко зимнее,
Крошки с земли клюют воробьи.

До синевы уже выбелен город,
Тянутся скрипом шаги за спиной.
Чёрною меткой мечется ворон:
К дереву, к яблоку, стороной…

Ворон взлетает, и каркает ворог—
Красными искрами вверх снегири.
Яблоко зимнее—плод всех раздоров—
Солнцем закатным в снегу догорит.

● ● ●

Хочешь, я подарю тебе осень
Без дождей и туманов?
Хочешь, мы якорь бросим
На кленовом листе багряном?
Алым цветом рябины в саду
Расстелю я ковёр полуночный.
Ранним утром тебе принесу
В ладонях калины сочной.
А ещё перекину радугу
На синем безбрежном небе.
Средь облаков порадует
Яркий небесный гребень.
Нас закружит осенней россыпью—
Вспышками разноцветья.
Я подарю тебе осенью
Яркие краски летние.

● ● ●

Я осени скажу:
Не уходи.
Побудь со мной
Совсем ещё немного.
В моей душе
Дожди, дожди, дожди
И листьями усыпана дорога.
Хочу остаться в череде дождей,
По каплям собирая наслаждение.
Прошу я осень:
Будь всегда моей—
Моим вторым нечаянным
Рождением!

● ● ●

Дрожит паутина дня,
Вбирая и солнце, и ветер.
Сентябрьские кружева
Плетутся осенним рассветом.
И воздух пропах синевой
Осеннего неба и прели.
И листья давно с тополей
Облетели.

Игорь Голубь

Горчило во мне словечко

● ● ●

Меняются слепые мерки
В дождливом городе моём,
Движение узоров мелких
Улавливает водоём,

В союзе камышей и ряски
Всё делится напополам,
Плывут стремительные краски
По мутноватым зеркалам,

Весенней свежести мотивы
Не могут никогда солгать,
И гладят чуть заметно ивы
Воды пленительную гладь,

В воображении сольются
Тепло и сонная вода,
Так солнце воду пьёт из блюдца,
Но не напьётся никогда.

● ● ●

Из дождливого непостоянства,
Где танцуют шальные ветра,
На балкон мой привычно и часто
Прилетают синицы с утра,

Потому что их манит кормушка,
Замерзающих во дворе,
Потому что уют, потому что
Птицам нужно тепло в ноябре.

Дочка ходит на цыпочках, чтобы
Волшебство в этот миг не спугнуть.
Я смотрю на синиц из-за шторы
Сквозь узорную белую муть

И склоняюсь в спокойном поклоне,
Наблюдая весёлый полёт.
Это жизнь на холодном балконе,
Что угадываешь с трёх нот,

Отзывается в мёрзлой душе, но
Огибает капкан жадных рук,
Потому что она совершенна,
Как и каждое чудо вокруг.

● ● ●

Песка после ветра намыло,
Люблю я такие места—
Ловил здесь когда-то налима,
У маленького моста,

А ты это место забыла,
Таких ещё будет пятьсот…
Морозная песня залива
Ложится на рыжий песок,

И кажется, сонное лето
Нескоро придёт и тайком,
И башня кирпичная где-то
За ветками—маяком,

И веток слепое движенье,
Как в прошлом, лелеет вода,
Но наше в воде отраженье—
Такое же, как и тогда.

● ● ●

Несёт вода в темпе вальса
Тревожный свой непокой.
Как часто я оставался
Один на один с рекой.

Под брюхом пустого пирса
Узоры вода плела,
И окунь на дне крутился,
И билась в траве плотва.

Уходишь с тоской отсюда,
Но мысли всегда легки,
Ты молча уносишь чудо
Из царства большой реки,

Оно не в богатстве Слова,
А в тихой игре лучей,
К реке ты вернёшься снова,
Как впавший в неё ручей.

Когда постучится старость
В скрипучую дверь клюкой,
Я просто опять останусь
Один на один с рекой.

● ● ●

В лесу, в сети знакомых троп,
Где ветка каждая упруга,
Я часто нахожу окоп,
Он тянется почти до луга…

Наступишь — и насквозь прожгло,
Как посмотрел святой с иконки…
Здесь тянутся так тяжело
Стволы берёз со дна воронки.

Берёзок непрерывен строй,
Я молча примыкаю к строю…
Спокойно спи в земле, герой,
Я сон твой не побеспокою,

Тебе деревья и цветы
Годами отдают поклоны.
А я вернусь домой — и ты
Посмотришь на меня с иконы.

● ● ●

Теряли и обретали
С печалью и интересом…
Горчило в моей гортани
Словечко с серьёзным весом.

То радостно, то зловеще
Стучало в больные дёсны,
Горчило во мне словечко,
Звенело внутри несносно…

Я прятал его, как жемчуг,
Как имя, что прячут в списках,
От самых ранимых женщин,
От самых далёких близких.

Но слово во мне горчило,
Сурово и неподъёмно,
С годами нашлась причина
Его не держать под нёбом,

И слово ушло, конечно,
Как Солнце, в большие дали,
Мы, прячась от жизни вечно,
Что спрятано в том словечке,
Теряли и обретали.

● ● ●

Здесь тополя стоят по стойке «смирно»,
Филипповка, дорожный поворот.
С венков поблёкших пыль дождями смыло,
Не смыло память здесь полёгших рот —

Колосьями в пустом забытом поле,
Завязанными в тысячи узлов…
И потому я это место помню —
Без пафоса, без праздника, без слов.

Вот представляю: надевая маски,
Под всем знакомый песенный мотив
Придёт сюда народ на праздник майский,
Букеты на могилу возложив.

Но я приеду, датами не скован,
И молча серый камень обниму,
Ведь братская могила — место скорби,
А скорбь носить привычно одному.

Пусть будет май и музыка с экранов,
Хоть горько видеть ленточки в ходу,
Прошу вас: вспоминайте ветеранов
Не раз в году…

● ● ●

Продрогший берег терпелив,
Бетон — как туз в колоде,
Летит в него волной залив
И бешено колотит,

Жужжит летящая волна
Над ухом, словно овод,
И кажется, меня она
Несёт в зелёный омут,

Туда, где нервно схватит рип,
Потащит до косы, и
Пусть будут жабры, как у рыб,
И плавники косые…

И пирс, и маленький маяк
До дрожи мной любимы,
Лети, лети, душа моя,
В зелёные глубины!

Анатолий Бимаев

Восемь-восемь

Часть первая

1.

Меня назвали Лёхой в честь деда.

С самого детства я проявлял мистическое сходство со своим родственником. В привычках, предпочтениях, манере речи. Например, я никогда не делал закладок в читаемых книгах. Страницу запоминал, а абзац отчёркивал ногтем. Как дед. Никто не учил меня этому. Обыкновение проявилось само по себе. Будто вспомнилось. А ещё я питал врождённую любовь к грузовым автомобилям. Я игнорировал собак и кошек, мне были до лампочки игрушечные автоматы, но когда я видел, как мимо меня, дымя сожжённым маслом, проезжает горбатый «зилок», то бежал за ним на край света. И в этот момент по щекам моим текли слёзы счастья.

Всю жизнь мой дед проработал шофёром. Исколесил полстраны и, думаю, был мировым мужиком с кучей дорожных баек и анекдотов. Мою двоюродную сестру он звал Олегом, хотя она была даже не Ольгой. Так сильно дед хотел внука. Жаль, мы с ним ни разу не встретились. Он умер от опухоли головного мозга за несколько лет до моего появления на свет.

Однажды, бухáя у Серого на квартире, мы заговорили об этом. О переселении душ и всём прочем. У нас имелись ящик пива и пятница, и мы были полны решимости разложить всё по полочкам.

— Нет,— в конце концов произнёс мой товарищ.— Я не верю в эту галиматью. Но знаешь, во что я действительно верю? Я верю, что умершие предки на самом деле определяют судьбу живых.

— Ты говоришь о генетике?

— Нет, чёрт подери, не только о ней.

Он был крайне импульсивным молодым человеком.

— И не о коллективном бессознательном,— заверил меня тут же он.

Удивительный тип. Отучился на повара, но взахлёб читал философию. Как-то раз я нашёл у него на полу возле кровати «Закат Европы» Освальда Шпенглера. С чёрно-белой фотографией мыслителя на фронтисписе. Философ как две капли воды походил на Серёгу. Только был на двадцать лет старше его. Во взгляде Шпенглера угадывалась пламенная непримиримость. Качество, которое долгое время после того чётко ассоциировалось у меня со всем возвышенным и прекрасным.

— Так о чём же?— произнёс я.

— Я говорю, твою мать, обо всех тех трансцендентных вещах, которые на ментальном уровне передаются нам по линии крови. Это не психология и не метафизика. Это биология в её высшем смысле. У всякого рода есть дух. И все мы— единичные воплощения этого духа. Вот почему важно знать свою генеалогию. Изучая биографии родственников, мы постигаем и границы нашего общего с ними духа, а через это постигаем себя. Свои возможности и горизонты, свои заблуждения.

— Кажется, я понимаю.

— Твою мать, я не могу объясниться точней.

А ночью я вызвал такси. За мной подъехала старенькая «Тойота», в салоне которой стоял удушливый запах триллиона выкуренных сигарет. Машина безбожно скрипела, троила, чихала, но ехала. Упрямо и терпеливо, как старая лошадь. Водитель тоже, казалось, вот-вот двинет коньки. Таким он выглядел усталым и древним. Они, верно, состарились вместе. Он и машина. Я взглянул на одометр. Почти миллион километров. Можно было сгонять на Луну и обратно, по дороге заскочив на мкс. Я даже присвистнул. Эта парочка вызывала у меня уважение.

— Как, есть работа?— спросил я водителя.

— Работа найдётся всегда для того, кто хочет работать,— произнёс таксист, неспешно катя по дороге. Казалось, что он умирает и машина просто едет накатом.— Главное, есть ли у тебя деньги?

Я представил себя со стороны. Пьяный, футболка порвана после того, как мы с Серёгой решили посостязаться в борьбе, на руках— ссадины. Вид как у разбойника с большой дороги.

— Держи, шеф,— сказал я, протянув сотку.

Таксист удовлетворённо убрал её в нагрудный карман рубашки.

— Хочешь подработать в такси?— спросил он.

— А почему нет?— пожал я плечами.

Всё дело в том, что недавно отец подарил мне старенькие «Жигули», без дела ржавевшие у него в гараже. Конечно, не зил, но для первой машины что надо. И я вправду подумал: «Почему нет?

Сиди себе с книжкой у магазина да развози милых старушек с продуктовыми сумками по домам. Романтика, чёрт подери». Мысль стать шофёром так неожиданно созрела в моей голове, что в этом можно было обвинить лишь покойного деда — его дух или гены, называйте как нравится, — нашептавшего мне эту идею.
— Студент? — поинтересовался таксист.
— Уже нет, — сказал я. — Ушёл с последнего курса филфака.
— Отчислили, что ли?
— Да нет же. Просто трезво прикинул: максимум, что меня ждёт после получения диплома, — работа школьным учителем за двадцать тысяч. А мне это не улыбается.

Я всем рассказывал эту историю. И в общих чертах она соответствовала действительности. Не говорил я только, что сначала ушёл в академ. Несчастливая любовь, знаете ли. Не мог я сидеть над учебниками, когда мне хотелось бежать чёрт его знает куда, лишь бы не находиться наедине с самим собою. Я съездил на вахту на Сахалин, в Абакане поработал на стройке, а когда год истёк, защита диплома показалась мне такой мелочью, что ради неё не стоило и заморачиваться. Не представлял я себе больше жизни, связанной с ведением бесконечных отчётов, журналов и ежемесячных листов самооценки. И всё это под садистский диктат директора-неврастеника.
— Лучше устраивайся по специальности. Такси — это для пенсионеров и тех, кто не может найти себя в жизни. А ты ещё молодой. Стоит попробовать себя по призванию.
— Избавляетесь от конкурента? — спросил хитро я.

Таксист рассмеялся. Нет, он был офигительным. Правда.
— Ни в коем случае.
— Хотите узнать моё мнение?
— Валяй, — сказал он.
— Как по мне, так вам давно пора на покой. Нянчиться с внуками, смотреть по кабельному «Семнадцать мгновений весны», а вечерами сидеть на лавочке возле подъезда, дышать воздухом и вспоминать всё былое.
— Я ещё не так стар, — смеялся таксист.
— Да, нужно освобождать дорогу для молодёжи.
— Но не в таксисты же?
— В том числе и в таксисты.

Водитель, не переставая, смеялся. У него было превосходное чувство юмора. Большое и мягкое, как он сам. Расстались мы с ним друзьями. А на следующий день я пошёл в таксомоторную фирму.

2.

Я на всю жизнь запомнил свою первую смену.

В то время у нас ещё не было «Убера» или «Яндекса», которые раздавали заказы через приложения на «Андроид». Компании работали по старинке, то есть по рации. А когда ты в такси первый день, город знаешь на уровне обывателя и общий твой водительский стаж — четыре с половиной часа, такая работа способна обратиться сущим кошмаром. В рации треск, голос диспетчера слышен так, будто звучит из самих чертогов Нерзула, и на то, чтобы сориентироваться, как, чёрт побери, далеко ты находишься от клиента, у тебя есть пара секунд. Самое большее.
— Мальчики, Пушкина, сто шестьдесят восемь, — сообщала диспетчер и тут же в ответ слышалось двадцать мужских голосов, во всю силу лёгких выкрикивающих свои позывные.
— Втор-пя-шестьдесят пер-двадца-седьмой, — примерно так звучала ответная какофония.
— Седьмой, — выдавала вердикт диспетчер.
— Почему седьмой? Первым был я, — пытался спорить один из водителей.
— Мальчики, вы так кричите, что только друг другу мешаете. Чей позывной я чётко услышала, тот и получает заказ. Всем всё понятно?
— Понятно, — хмуро отвечал завязавший перепалку таксист.
— А ты, двадцать третий, проверь рацию. Или встань в другом месте. У тебя помехи в эфире.

На то, чтобы получить первый заказ, у меня ушло часа три, за которые я успел порядочно известись. Я попросту не успевал вовремя жать на гашетку. Боже, выдай нашим таксистам оружие — и по сравнению с ними Ди Каприо из «Быстрых и мёртвых» не годился даже на то, чтобы палить в небо. Да на Диком Западе они, верно, каждый день бы грабили по десять поездов, а шерифов убивали целыми пачками. Каждый из них, в конце концов, заработал бы по миллиону «зелёных», и никто б их не сцапал, если, разумеется, они сами, одного понта ради, не сдались бы властям. Но они жили в России, в самом начале двадцать первого века, и их сноровка ценилась недорого.

Как бы там ни было, удача всё-таки мне улыбнулась.

Я стоял возле рынка. А так как эту часть города я более-менее знал и диспетчер, словно смилостивившись надо мной, назвал адрес не по номеру дома, а по названию магазина, среагировал я молниеносно.
— «Золотой дом», рынок, — послышалось в шипящем эфире.
— Восемь-восемь, — заорал я как полоумный.
— Восемь-восемь, — ответила диспетчер Маша. — Клиент ждёт у главного входа. Поедешь до Черногорска, проспект Космонавтов, одиннадцать. Четыреста рублей.

Четыре сотки. Вот это удача! Одной заявкой я сразу отбивал весь простой, триумфально возвращаясь в игру. Наверное, ни один пассажир не видел такого счастливого водителя такси. Всю дорогу я держал себя так, будто вёз самого президента. Для полного погружения не хватало

лишь красной ковровой дорожки, к которой я с ювелирною точностью подрулил бы на адресе. От радости мне хотелось выкинуть что-нибудь этакое. Остановиться на светофоре и оббежать машину победной трусцой. Безумие? Знаю! Но я ничего не мог с собою поделать.

— Хоть дожди наконец кончились. Июль месяц, а настоящего лета ещё не было,—зачем-то проговорил я, косясь в зеркало заднего вида.

Девушка переписывалась с кем-то по телефону.

— Ага,—проронила она, не подняв головы.

— Едете домой или в гости?

Тут она всё-таки на меня посмотрела. Но посмотрела так, словно было без пяти минут шесть и её только что попросили задержаться в офисе до полуночи. У меня даже пульс участился от жути.

— Послушайте, у меня был трудный день, и я хочу помолчать.

— Хорошо, помолчим. Ваше право.

Я включил радио. Не скажу, что моё настроение испортилось. Ведь я всё-таки получал свои четыре сотки. Но музыка в машине звучала несколько громче, чем требовалось, да и вместо попсы играл тюремный шансон.

Вернувшись в город, я принялся брать всё подряд. Только слышал знакомую улицу—тут же кричал свой позывной. Я не дожидался, когда диспетчер назовёт номер дома, придя к заключению, что город наш небольшой, и в каком бы конце его клиент ни находился, всё равно он будет где-то поблизости. Однако на деле подобная тактика выливалось для моих пассажиров в десятки минут ожидания, по истечении которых они готовы были меня растерзать.

Экономя время, я летел по улицам как угорелый, проезжая светофоры на жёлтый. Если мне требовалось развернуться, я бросался, словно атлет с шестом, через двойную сплошную. По кочкам проносился как по автобану. На проспектах и вовсе развивал сумасшедшую скорость. Тогда я имел весьма смутное представление об амортизации и таком тонком моменте, как соотношение цен на бензин и пройденного за день пути, поэтому в первый день, а возможно, и весь первый месяц работал почти что впустую.

— Я жду вас двадцать минут!—кричала разъярённая пассажирка с бешеным взглядом серийной маньячки.—Если бы я не торопилась, разве вызвала бы машину? Включите логику, умоляю!

— У нас аншлаг, дамочка,—успокаивал я её, закладывая особенно лихой вираж. Мне казалось, что так я больше похож на таксиста.—Солнышко светит, и людям не сидится на месте.

— Тогда сказали бы сразу, что машин нет. Я вызвала бы другое такси.

— И отдать вас конкурентам?! Пристегнитесь, пожалуйста. Я доставлю вас к месту быстрей истребителя.

Дорога до пассажиров была сплошным лабиринтом. Это сейчас у каждого в телефоне есть навигатор, который любезно подскажет короткий маршрут до любой точки мира. Тогда приходилось пользоваться собственными скудными знаниями. Перед выходом на работу я купил в книжном подробную карту города. Разворачивая её каждый раз, когда мне нужно было сверить своё местонахождение в пространстве, я клал карту прямо на руль, пытаясь одновременно управлять автомобилем и ориентироваться на местности. Наблюдая эту картину, люди открывали от изумления рты. Они, верно, думали, что я им мерещусь. На то, чтобы удостовериться в происходящем, у них попросту не хватало времени. Я пролетал мимо, как кролик Бакс-Бани из уолт-диснеевских мультиков. Мгновение спустя они приходили в сознание, но я уже был далеко, минимум за два перекрёстка, недосягаемый для их эмпирических изысканий.

Стоит ли говорить, что у моей навигации была масса серьёзнейших недостатков. Попробуй, например, с перепугу найти какой-нибудь маленький, Богом забытый проулок в районе «Космоса» или «Гавани», где их нашпиговано больше, чем в бразильских фавелах.

— Маша, где у нас улица Восьмого Марта?—спрашивал я диспетчера.

И она отвечала:

— Между Павшими и Цукановой.

Я разворачивал карту. Целых пять минут у меня уходило на то, чтобы найти злосчастные Павших Коммунаров с Цукановой и с ужасом осознать, что между ними находилось добрых три десятка улиц поменьше, которые безбожно змеились, ветвились и чёрт знает что ещё делали во все направления сторон света, включая северо-северо-запад и юго-юго-восток.

К тому же в городе было полно «хитрых» улиц, которые никаким особенным образом на карте не отмечались. Такая улица могла упереться, например, в стадион или по непонятным причинам вдруг оборваться посреди чистого поля. И я думал: «Ну что ж, здесь я управлюсь по-быстрому. Всего двадцать дворов». И начинал искать нужный адрес на этом коротком, до дыр изъеденном шинами отростке асфальта, выбивая нанопыль из подвески, в полной уверенности, что клиент где-то рядом. Я проезжал улицу один раз, второй, третий, но так и не находил нужный дом. Тогда я снова разворачивал карту. Скрупулёзно изучал каждый её сантиметр, вчитываясь в мельчайшие буковки шрифта, и вдруг натыкался на продолжение своей улицы, объявлявшейся в другой части города. Словно пуля, вошедшая в тело в районе груди и вышедшая из него в пояснице, «хитрая» улица продолжалась в том конце Абакана, где её никак не должно было быть. Логическому объяснению это не поддавалось. Видимо, «хитрые» улицы

необходимо было попросту выучить, подобно исключениям из правил русского языка. А пока что мне приходилось в буквальном смысле слова ступать по минному полю. Часто мне попадались плёвые улицы, но после них рано или поздно прилетала и «хитрая». И тогда на то, чтобы добраться до адреса, расположенного в каких-нибудь двух сотнях метрах, мне требовалось пятнадцать минут драгоценного времени.

Наконец, бумажная карта не показывала моего текущего местонахождения. Особенно остро недостаток сказывался в частных районах города или на дачах. Стоило проплутать там пару минут, как я совершенно терялся в пространстве. Не каждый хозяин коттеджа утруждал себя повесить на забор табличку с адресом. Порой требовалось проехать улицу до самого последнего дома, чтобы элементарно выяснить, как она называется. Когда же стемнело, разобрать, куда именно я подрулил, вовсе делалось невозможно. Приходилось то и дело отстёгивать ремень безопасности, вытаскивать свою задницу из машины и под оглушительный лай дворовых собак рыскать в округе в поисках хоть какого-нибудь указателя. В определённый момент у меня даже сбилось дыхание от подобной гимнастики, хоть с недавнего времени я и ограничивал себя пятнадцатью сигаретами в день.

— Вы что, толкали сюда машину через весь город?—решил пошутить над моей одышкой клиент на Орбитовских дачах.

— Нет, тащил её на спине,—произнёс я в ответ.

Наверное, несколько резче, чем требовалось. Во всяком случае, больше этот умник шутить не осмеливался, промолчав до самого выхода.

На восьмой час безостановочного мотания по городу я вымотался до предела. Честно признаться, я немного иначе представлял себе труд таксиста. Непыльная работёнка, так принято про неё говорить. Полная чушь! От долгого сидения за рулём у меня смертельно болела спина. Да что там спина. Болела даже пятка правой ноги, потому что я постоянно упирался ею в пол, выжимая педали газа и тормоза. Выбравшись из машины, чтобы размяться, я попросту не смог разогнуться. Меня скрючило так, будто я весь день просидел в ящике Дэвида Копперфильда. Колени скрипели, словно несмазанные петли ворот, а спина, стоило мне потянуться, отозвалась таким громким хрустом, что раздайся он ночью в лесу, из того сбежали б все звери.

Нет, правда, если б я разгрузил вагон угля, а потом перерубил поленницу дров, то, наверное, устал бы куда меньше, чем проехав двести километров по городу на автомобиле, не оборудованном гидроусилителем руля и автоматической коробкой переключения передач.

Это было вождением на пределе возможностей. В автошколах не учили такому. Невозможно было пережить этот опыт, и используя автомобиль в частных целях. Тот ежедневно совершаемый обывателем десятикилометровый пробег из дома до офиса и обратно, пусть даже с заездами в детский садик, на маникюр и в суши-бар за любимыми роллами, не открывал всех нюансов управления машиной. Можно было десять лет проездить в этом лайтовом режиме, но так и не научиться сдавать по двору задом или парковаться на забитой до отказа стоянке. Только в такси ты действительно преодолевал сопротивление дороги, а не катился себе по инерции. Никаких осточертевших, набивших оскомину маршрутов. Всё время приходилось быть начеку. Вот я ехал на речку в компании подвыпивших зэков, осиливая метровые кочки и бескрайние лужи, донную карту которых ещё не составил ни один мореход, а следующий заказ вёл меня прямо на дачи с заросшей кустами полыни дорогой. И неизвестно, ни где впереди лежачие полицейские, ни за каким деревом видеокамера. Любой светофор с отсвечивающей в лучах заходящего солнца стрелкой мог преподнести массу неприятных сюрпризов. Например, вынести под нёсшийся на всех парах «Ланд Крузер», одна лишь фара которого вместе с ксеноновой лампочкой стоила дороже однушки в Саяногорске.

Порой жизнь усложняли и сами клиенты, чьи непредсказуемые, лишённые всякой логики комментарии вносили немалую путаницу в процесс ориентирования на дороге.

— Вон за тем магазином поверни направо,—спокойно вёл меня к адресу один такой пассажир.— А сейчас поверни налево,—продолжал он своим усыпляющим голосом.

И вдруг ни с того ни с сего заорал, словно резаный:

— А сейчас направо-направо-направо!

Я нажал резко тормоз, одновременно сверяясь по зеркалам: нет ли сзади помехи. Тут же выкрутил руль до упора в правую сторону, целясь в едва приметную тропку, уходящую под уклоном прямо перпендикулярно дороге. И только тут понял, насколько отвесный передо мной спуск. Но уже было поздно. Машина на всём ходу зарылась вниз носом, с металлическим лязгом ударившись защитой об огромный валун, торчащий из хребтины уклона подобно горбу на спине Квазимодо. От удара у меня лязгнули зубы, во рту появился солоноватый вкус крови. Но времени на то, чтобы прийти в себя, не оставалось. Спуск заканчивался глубокою яминой, преодолей которую я по центру—и легко остался бы без переднего бампера. Бешено вращая рулём, я держался самого края земляной насыпи, балансируя на ней, как на канате. Машина накренилась вбок градусов на шестьдесят. Ещё чуть-чуть—и я бы перевернулся на крышу, продолжив спуск верх ногами. Не знаю, как мне удалось удержать автомобиль в равновесии. Разве

что своей пятой точкой. Серьёзно! У меня было полное ощущение, что сдвинься я хоть на миллиметр в сторону— и изменявшийся центр тяжести немедленно увлечёт «Жигули» в головокружительный сальто-мортале. Наконец, стукнувшись правым колесом о неприметную выбоину на краю ямы, автомобиль выровнялся, заскакав по колдобинам, как газель по саванне.

— А теперь до самого конца прямо,—снова спокойно сказал клиент, словно только секунду назад не орал как помешанный.—И осторожно. Впереди плохая дорога.

В общем, к полуночи я чувствовал себя настоящим гонщиком болида Формулы-1. Научился управлять автомобилем за один день по ускоренной программе Илоны Давыдовны. Входил в повороты, как истребитель пятого поколения в девяностоградусные виражи, а по дворам двигался только задом. Я даже начал позволять себе разные штучки, наподобие обгонов при ограниченной видимости. От преждевременной седины клиентов спасало лишь то, что под вечер они поголовно садились в машину бухими.

Они сами просили трюкачеств.

— Давай делай эту телегу,—отлипнув от пивной банки, закричал один такой пассажир.

Разве я мог не принять его вызов?

Встав на педаль газа всем телом, я прилип к самому бамперу впереди идущей машины, ловя разрежённые потоки воздуха, как в каком-нибудь меланхоличном «Наскаре».

Затем вырулил резко на встречку, включив пятую скорость.

— Давай! Мы его дрючим.

На небритом лице пассажира застыл безумный восторг. Красные после нескольких дней оголтелой попойки глаза блестели в свете уличных фонарей, как у пенсильванского графа.

Но тут светофор впереди засветил жёлтым, и мне пришлось перейти на нейтралку. Добытое с таким трудом преимущество в пять корпусов стремительно таяло. Вот она—подлая стратегия обывателя. Не ударив и пальца о палец, он придёт к финишу первым.

— Езжай. Я за всё плачу,—прокричал пассажир.

Дважды просить меня не пришлось. Я врубил снова пятую и вылетел на перекрёсток. Крадучись, на него уже забиралась чёрная «Гранта». Отчаянно засигналив, я перестроился в крайнюю правую полосу, пролетев мимо, как Молния Маккуин.

— Красава. Дай пять!

— Ну и напугали мы бедолагу.

— Плевать,—доставая бумажник, парировал пассажир.—В следующий раз будет смотреть по сторонам. Преимущество было нашим. Мы завершали манёвр, он должен был уступить.

Отсчитав мне две сотки, он вышел, а я засобирался домой.

Как-никак я провёл четырнадцать часов за рулём. И так устал, что не чувствовал тела. И всё-таки я был счастлив. Словно вспахал огород у бати на даче. Одним словом, сделал что-то полезное.

Сдав рацию, я подсчитал прибыль. С вычетом комиссионных и сожжённого топлива, которое я буду вынужден снова залить завтра в бак, у меня в кошельке было тысяча триста сорок рублей.

Для первой смены неплохо.

3.

На следующий день я решил побить свой рекорд.

Ворон я уже не считал, ввязавшись в борьбу за клиентов с самой первой минуты. К трём часам пополудни я сделал десять заявок, начав строить весьма амбициозные планы. Я прикинул, что, если дела пойдут так и дальше, я смогу перекрыть прошлый заработок минимум в полтора раза. Перед моим мысленным взором светились, словно неоновые, астрономические цифры будущих выручек. Полторы тысячи, две, две с половиной. Наконец я увидел буквально сиявшую, подобно названию казино в залитом электрическим светом Лас-Вегасе, сумму в три с половиной тысячи рублей. Это сколько же в месяц? Даже с двадцатью рабочими сменами я рисковал перекрыть заработок учителя средней школы минимум в три раза. А если поднапрячься и отработать двадцать пять смен, то каждые полгода я мог совершенно спокойно летать в Паттайю на двенадцать ночей. Я бессовестно грезил, как со мной часто случалось, искренне веря в свои безумные планы.

А потом мне прилетела заявка до Минусинска. Двадцать пять километров пути и пятьсот пятьдесят рублей чистой прибыли. Похоже, мне действительно сегодня везло. И это уже были никакие не выдумки.

На адрес я летел как полоумный. Всё казалось, что диспетчер скажет сейчас: «Восемь-восемь, отбой. Клиент уехал с другим, слишком ты долго». Такого фиаско я бы себе не простил. Поэтому ещё за два перекрёстка до въезда во двор прокричал в рацию:

— Восемь-восемь на месте.

— Звоню,—спокойно произнёс диспетчер в ответ.

«Успел»,—решил я. И хотя клиент мог запросто уехать без предупреждения, на душе мне сделалось легче. Когда же, подрулив к дому, я увидел у одного из подъездов парня, нетерпеливо поглядывавшего по сторонам, меня вовсе поправило. Захотелось выпрыгнуть из машины и расцеловать пассажира. В том, что это мой пассажир, я не сомневался. Двадцатичасовой опыт работы в такси безошибочно мне говорил, что все подпирающие подъезд люди только и мечтают о том, чтобы куда-нибудь скорее свалить.

— До Минусинска?—спросил он, открыв дверь машины.

— Поехали-поехали,— скороговоркой произнёс я, словно мы были на фронте и по нашему квадрату вовсю била союзная артиллерия.

После спринтерской гонки со временем я чувствовал себя всё равно что под энергетиком. Стоило клиенту усесться в машину, как я бешено рванул с места, выбросив из-под колёс шквал мелких камешков.

— Боже, ну и переворачивает меня,— произнёс пассажир.

— Гулял вчера, что ли?— спросил я, стараясь взять себя в руки.

Это было непросто. Со двора я вылетел, как снаряд из т-34, и, подрезав тихоходную легковушку, неспешно катящую в сторону готового вот-вот заморгать светофора, выскочил на дорогу, безбашенный и агрессивный.

— Не то слово. Пять лет не виделся с другом.

— Пять лет? Был в отъезде?

— В Москве. Сегодня улетаю обратно.

Я присвистнул.

— Далеко тебя занесло.

— Кстати, если подождёшь, поедем обратно. Мне только сумку забрать— и в аэропорт.

— Без проблем,— сказал я, заложив широкий вираж на перекрёстке.

— Сколько возьмёшь?

— Косарь туда и обратно.

— Вот что мне у вас нравится, так это расценки в такси. В Москве бы за такое взяли тысячи три в лучшем случае.

— Ну так столица!— произнёс в ответ я.

То, что творилось у меня на душе, было неописуемо. Бог мой— косарь! Выполнив этот заказ, я мог сразу ехать домой. И будьте уверены, я бы нашёл чем занять свободное время.

— Один московский таксист мне как-то рассказывал,— произнёс пассажир.— Подобрал он приезжих на Курском вокзале. «Куда?»— спрашивает. «До Ярославского»,— отвечают они. А Ярославский вокзал находится сразу через дорогу,— рассмеялся парень.— Посещал когда-нибудь Москву? Приходилось бывать на площади Трёх вокзалов?

— Не бывал. Но представление имею.

— Так вот, таксист включил счётчик и давай катать пассажиров по городу. Провёз по Третьему транспортному, по Садовому, прокатил по набережной мимо Кремля. В общем, устроил экскурсию. В итоге, когда он остановился у Ярославского, счётчик накрутил семь рублей.

— И они заплатили?

— Заплатили. А куда денешься?

Я представил себе этих людей. Должно быть пожилые супруги. Мужчина худой, с жёлтым от никотина лицом, в старой истрёпанной кепке из кожзаменителя. Женщина полная, в свободном, чёрного цвета, платье с выцветшими аппликациями. И у них были большущие сумки. Не пластмассовые с колёсиками и выдвижными ручками, какие вошли сейчас в моду, а клеёнчатые в разноцветную клеточку. Приезжие так испугались города, что не нашли в себе сил возразить бессовестному бомбиле. Возможно, эти семь тысяч были их последними деньгами и, прежде чем расплатиться, женщина долго держала купюры в руке, не решаясь с ними расстаться.

Я даже перестал гнать, так меня возмутила эта история.

— Да ладно,— угадав моё настроение, произнёс пассажир,— ему вернётся всё бумерангом.

Я немного остыл. И попытался припомнить, когда кому-нибудь из знакомых прилетал бумеранг. Сразу же вспомнился случай, когда Серёга не вернул продавцу лишние пятьдесят рублей сдачи и тем же вечером его обсчитали в пивной. Выходит, схема и вправду работала. В моём воображении сразу же закрутилась картинка, как московский таксист разбивает машину. Но сначала его грабят преступники. А перед этим изменяет жена. Сурово, конечно. Но подобные люди заслуживают судьбы Иова.

Тем временем я вырулил из Абакана. Провёл машину по мосту через одноимённую реку, спустился к Подсиненским дачам и снова пересёк мост, на этот раз через реку Енисей. Теперь мы с пассажиром катили по Красноярскому краю. Кругом тянулись холмы с одинокими соснами. Постепенно сосны собрались в небольшой бор, но лишь для того, чтобы минуту спустя расступиться, открыв широкий простор, подёрнутый вдалеке синей дымкой.

Минусинск был прямо по курсу. Старинный и живописный. Новая его часть, с панельными пятиэтажками, торговыми центрами и металлическими гаражами, сменялась старым кварталом, где местами встречались вполне колоритные здания. Я не бывал в Питере, но почему-то всякий раз, когда проезжал Минусинск, на ум приходил именно этот город. Единственное, чего ему не хватало,— так это лоска. Старинные здания выглядели заброшенными и нежилыми. Казалось, они вот-вот рухнут, подняв в воздух такую древнюю пыль, что от неё у жителей города начнётся эпидемия бубонной чумы, осложнённой китайским гриппом.

Всю дорогу клиент, не умолкая, рассказывал про Москву. Он жил на Садовом, по соседству с Меладзе. Его квартира стоила пятнадцать миллионов рублей, и каждые полгода он летал за границу. Побывал в Египте, Турции, Испании и Франции. Я верил ему и не верил. И в конце пришёл к выводу, что даже если это враньё, то красивое, а значит, безвредное. Всё равно что фильм про любовь, где в конце все живут долго и счастливо.

— Ну, я пошёл,— сказал клиент, когда мы остановились на адресе.— Возьму сумку и сразу же выйду. А ты пока развернись.

Я включил радио и принялся ждать, напевая под нос сладкие, как варенье, слова популярных хитов. Я и не заметил, как прошло десять минут, а пассажир так и не появился.

Наконец я занервничал.

— Маша, у меня клиент ушёл за деньгами,— пробубнил я.— И не возвращается. Набери его номер.

— Клиент недоступен,— ответила Маша минуту спустя.

— Набери ещё раз, пожалуйста.

— А какой смысл? Я уже раз семь набирала.

Я запомнил, в какой подъезд он зашёл, но что толку? Пять этажей, на каждом пролёте минимум по три двери. Не буду же я долбиться во все квартиры подряд, как член избиркома?

Сукин сын так хорошо меня обработал, что я не потребовал денег. Побоялся обидеть столичного гостя. А тот, возможно, с детства жил в какой-нибудь Селиванихе и сейчас умирал со смеху, рассказывая корешам, как обвёл меня вокруг пальца.

— С почином тебя, восемь-восемь,— грустно сказал по рации один из таксистов.

4.

— Скорей на железнодорожный вокзал. Я опаздываю,— крикнула женщина, запрыгнув в машину.

Я тронулся с места с таким прошлифоном, будто вознамерился побить рекорд ускорения до сотни. Пассажирка чуть было не кувыркнулась в багажник. По Озёрной, изогнутой, как неправильный вопросительный знак, я выжал восемьдесят, выбив днищем сноп искр о лежачего полицейского. Свернув же на Тараса Шевченко, переключился на пятую, принявшись планомерно укладывать стрелку спидометра.

Три дня я мечтал о клиенте, который куда-нибудь бы торопился. До этого я был единственным, кто спешил в этой машине. А это, сами понимаете, попахивает принадлежностью хоть и не к сексуальным, но всё же меньшинствам. Ты не мчишься на пределе возможностей. Тебя сдерживает отсутствие благой цели и гнетущая атмосфера молчаливого неодобрения. Клиент, возможно, только отужинал или провёл приятный вечер с милою девочкой. Он умиротворён и вызывает такси, чтобы, погрузившись в приятные мысли, насладиться картиной вечернего города. А потом спокойно лечь спать. И тут он попадает в настоящий парк аттракционов. «Пристегнитесь, пожалуйста! Вы купили билет на американские горки».

Нет, торопиться в одиночку — всё равно что идти на рыбалку с человеком, который видел природу в гробу. Удовольствия никакого. Но когда твой клиент и вправду опаздывает, тут твои навыки управления автомобилем развиваются до восьмидесятого уровня. Чувства обостряются тысячекратно. Глаза фиксируют каждую тень, мелькнувшую на обочине, каждый ухаб впереди. Мозг с компьютерной точностью высчитывает расстояние до светофоров, чтобы, не дай Бог, не остановиться на красном. Проносишься сквозь перекрёстки, будто ты одно целое с городом, его кровь или лимфа, и зелёный, мигающий подобно сокращениям сердечной мышцы, с устрашающей силой выталкивает тебя в очередную аорту проспектов и улиц. Твои руки становятся придатком автомобиля, его неотъемлемым механизмом, как коленчатый вал или помпа. Левая вцепилась в руль управления, правая в шаманском экстазе кружит над рычагом. Четвёртая, пятая, нейтралка, четвёртая, пятая. Замысловатому танцу рук вторят ноги, выжимая педали. Всё чаще стрелка тахометра подползает к четырём тысячам. Мотор надсадно ревёт, содрогаясь в экстазе газораспределительных взрывов. И каждый из них через ладони, через ступни ног передаётся твоему телу, вибрирующему, как струна, в один такт с машинным.

Я мчался по городу, как доставщик суши восьмого марта, и женщина на заднем сиденье притихла. Она сама была уже, верно, не рада, что попросила меня поспешить. Но поезд не ждал её на перроне, и остановить она меня не решилась. Похоже, на вокзал ей нужно было кровь из носу. Какой-то вопрос жизни и смерти. Как это часто бывает.

С Тараса Шевченко я залетел на улицу Пушкина. Здесь меня вовсе ничто не держало. Дорога прямая, точно её укладывали по компасной стрелке, и светофоры настроены таким образом, что, угадав с одним перекрёстком, остальные ты получал в качестве бонуса. По ночам машины летали по Пушкина как по автобану. И сейчас, выжав сто десять, я с удивлением обнаружил, что кто-то обошёл меня как стоячего. Я зацепился за гонщиком, но мне катастрофически не хватало мощности. Мотор соперника гудел, как у реактивного самолёта. Казалось, он и вправду решил взлететь в небо. Я гнался за ним, набирая стремительно скорость, но гонщик всё равно от меня уходил. «Чайзер» с трёхлитровым движком. Против него у меня не было шансов.

— Идёт сто пятьдесят,— сказал я пассажирке.

В ответ она только прокашлялась. Тихонько, как мышка.

Я оставил позади улицы Вяткина и Щетинкина, пересёк Карла Маркса и, заложив тошнотворный вираж, выехал на Привокзальную площадь. Пролетев сквер с памятником павшим солдатам, я ткнулся в бордюр. Да так сильно, что из-под правого колеса послышался хруст.

— Спасибо,— прохрипела женщина, выскочив из машины.

До чего же эпично она бежала! В одной руке два огромных пакета, во второй — сумка. И всё это лихорадочно билось о ноги, норовя свалить её на

тротуар. Вот бы мне хоть раз в жизни захотелось так куда-нибудь попасть.

Я зажёг свет в салоне. На переднем пассажирском сиденье лежала тысячная купюра. Ни одной складки, словно появилась тут по волшебству. Такую не грех положить под стекло, на долгую память.

5.

— Сит даун, плиз, леди.
— Спасибо, вы так любезны, мой герцог,—сказала жена.
— Ну что вы, мадам, это лишь малая толика того, что я действительно хотел бы сделать для вас.

Мы стояли возле машины и несли эту чушь. Я держал дверь а ля столичный франт образца одна тысяча восемьсот двадцать первого года, пока жена устраивалась на переднем сиденье. Живот у неё был размером с баскетбольный мяч. Словно его надували шесть месяцев и скоро должны были забросить в кольцо. С таким обременением даже обычные вещи, как, например, посадка в машину, делались трудновыполнимыми миссиями, по которым прямо сейчас снимай голливудские блокбастеры с Брюсом Уиллисом и Джоном Траволтой в главных ролях.
— Подарите мне тогда бриллиантовое ожерелье.
— Бриллиант—это камень. А их носили неандертальцы во времена динозавров. Закажите лучше себе украшение из зубов льва, чтобы совсем походить на пещерного человека.
— Фу-у. Я думала, вы настоящий герцог.
— Я и есть герцог, мадам. С прогрессивными взглядами.
— Вы просто нищий, вот кто.
— Увы, мадам. Но именно нищета и ниспосылает нам мудрость.

Несусветная глупость, конечно. Но мы так придуривались. Брачные игры и всё в этом духе. Жена у меня юморная. Причём ей было не обязательно что-нибудь говорить, чтобы я вдруг расхохотался, как умалишённый. Умилительная. Пожалуй, лучше про неё и не скажешь. Этакий маленький лесной зверёк с гладкой шёрсткой и большими глазами-прожекторами, которыми она светила во тьме. Ничего не поделаешь, жизнь в лесу—сложная штука, и ночью нужно видеть как днём. Эволюция в чистом виде.

Стоило просто приметить, до чего потешно у неё округлялись глаза, когда она удивлялась или была чем-то захвачена, и двадцатиминутный приступ хохота вам обеспечен. За это я прозвал её Лупоглазом. Каждый месяц я давал жене в среднем по одному прозвищу. Со временем многие из них выходили из обихода, другие привязывались надолго. Никаких зайчиков, кисок, собачек и прочей вызывающей аллергию живности. До такой посредственности я никогда не позволил бы себе опуститься. Киска! Какая вульгарность… Сколько кисок обитает на улицах Абакана—не сосчитаешь. Это как если бы женщины всего мира ходили в одинаковых платьях. Из-за этого можно и устроить скандал. За киску—неделя без секса, за зайца—развод. Ну а за крокодила и вовсе смертная казнь, без права помилования.

В общем, мы с женой сели в машину. В свой выходной я решил свозить её в кинотеатр. Я сразу почувствовал что-то неладное, когда опустился на кресло. Из-под правого колеса послышался враждебный металлический хруст. А когда, прогрев двигатель, я тронулся с места, этот хруст стал повторяться при каждом повороте руля. Всё внутри меня обмерло. Сломался не автомобиль, а я сам, и Бог его знает насколько серьёзно.
— Милый, что это за звуки?—спросила жена.
— Не знаю!—произнёс мрачно я.

С герцогом было покончено. И судя по всему—навсегда. За один краткий миг я миновал декабристов, Октябрьскую революцию, нашествие немцев и кукурузу Хрущёва.
— Будто вот-вот отлетит колесо.
— Не думаю, что это действительно может случиться.
— И тем не менее по звуку очень на это похоже.

День был безвозвратно испорчен. Фильм я смотрел с каменным выражением лица, не следя за сюжетом. А после сеанса отвёз жену к дому и покатил в мастерскую.
— Капец правой шаровой,—произнёс мастер.
— Много с ремонтом возни?
— Да нет, минут двадцать, не больше,—произнёс беззаботно мужчина, вылезая из ямы, на которую я, как на операционный стол, загнал свои «Жигули».

Для него это было плёвое дело. Он был привыкшим, ясное дело. Как хирург, каждый день отрезающий людям кучу конечностей.
— Сходи в магазин за запчастью. А я пока сниму неисправную.
— Хорошо,—сказал я.

Вечно я говорил «хорошо», когда хорошего ничего не было.

6.

— Вот бабы дуры.
— С подружкой, что ли, поссорился?—спросил я пассажира.
— При чём тут подружка? Я вообще говорю. Видел бы ты, сколько к нам приходит баб за обналичкой маткапитала! Каждый день по двадцать-тридцать мамаш. Знаешь же фирму «Женское счастье»?
— Не знаю. Но продолжай.
— Да оно и не важно. Главное, что обналичивается лишь часть суммы. Но это никого не останавливает. Бабам позарез нужны бабки. И куда они их, по-твоему, тратят? Всё до последней копейки

спускают на водку. Ещё мамашами называются, курицы. Что за больное поколение, а?

При этих словах он достал телефон и принялся фотографировать всё, что попадалось ему на глаза. Мой бардачок с иконками православных святых, гипермаркет, который мы проезжали, припаркованные у тротуара машины. Когда же его фантазия иссякла, он принялся крутить телефон в руках, как игрушку. Казалось, он просто не может сидеть спокойно на месте.

— «Сони Эриксон». Старенький, но камера охрененная. Шесть мегапикселей. Есть стабилизатор, вспышка и все дела. Фотает лучше профессионального оборудования. Вот, зацени.

Телефон был безбожно затёртым, словно по десять раз на дню кочевал из кармана джинсовых брюк в ломбард и обратно. На крохотном экране фотографии выглядели как иконки на рабочем столе Windows XP. Но мой пассажир с невозмутимым видом листал их одну за другой. Вот кто-то жарил шашлык на берегу озера, потом возник некто в кепке с золотыми зубами, и, наконец, моему вниманию предстал групповой снимок: ребята в спортивной одежде обнимали друг друга на фоне железнодорожного вокзала.

— Чисто из-за камеры его и держу. Иначе бы давно поменял. Постоянно по работе гоняют: сними то, сними это. Сегодня отправили заснять дом. Клиенты отдают его нам в залог.

— Вам в «Женское счастье»?—спросил я.

— А чему ты удивляешься? Нужно же как-то крутиться.

Вскоре мы были на адресе. Дом оказался старым покосившимся зданием с облупившейся краской. Завалившийся набок забор подпирало несколько прогнивших брусков. Дунь в его сторону—и вся постройка завалится к чёртовой матери. Но пассажир, выбравшись из автомобиля, принялся деловито фотографировать ветхую собственность, то приближаясь к дому, то отходя от него на почтительное расстояние для лучшего ракурса. Сделав несколько снимков, он уверенно залез рукой в разбитую форточку. По всей видимости, с той стороны на подоконнике что-то лежало. Спрятав находку в карман, клиент скорым шагом направился в мою сторону.

— Двигаем,—сказал он, оказавшись в машине.

Я тут же дал по газам, а клиент продолжил упражняться в своём ремесле. Он снимал пешеходов, снимал голубей и перистые облака. На одном из светофоров возле нас остановился «Марк II». Из открытых окон била громкая музыка. Что-то про стрельбу на ночных улицах и продажных ментов. Водитель, молодой парень в балахоне, слушал трек с окаменевшим лицом вождя североамериканских индейцев. Было впечатление, что буквально минуту назад он выкопал из земли топорик войны.

— Какой серьёзный молодой человек,—произнёс пассажир.

И сфотографировал его на свой телефон.

Несколько минут спустя мы подкатили к строящейся многоэтажке. У забора из рифлёного металла гнил древний «Скайлайн». Со спущенными колёсами и разбитыми фарами. Пассажир принялся фотографировать и его. Он обошёл машину несколько раз, щёлкая её с разных углов, будто хотел выставить на продажу. Потом дёрнул переднюю дверь и, забравшись внутрь, зашарил по салону руками. Да он затаривался на неделю, не меньше. Видимо, хотел устроить себе праздник души, обкурившись до поросячьего визга.

— Тачка—просто огонь,—вернувшись, заговорил он, пока я выруливал на проезжую часть.—У меня самого когда-то такая была. Двести пятьдесят на ней шлёпал по трассе—и хоть бы хны.

— Да, жаль «Скайлик».

— Руки бы оторвал людям, которые…

В следующий миг пассажир выскочил из машины. Скорость была небольшая, я как раз притормаживал у светофора. Он выскочил и побежал что было дури. С прямой, словно доска, спиной и методично работающими в такт друг другу конечностями. Каждый шаг переносил его сразу на три метра вперёд. Не бег, а прыжки в длину, как на соревнованиях по лёгкой атлетике. Через металлическое ограждение тротуара высотой с третьеклассника-переростка он перепорхнул, даже не шаркнув ногами перил. Лишь чуть-чуть покачнулся при приземлении, но, элегантно поймав равновесие, ринулся во дворы ещё непринуждённее, чем прежде. Если бы он не торчал мне три сотки, я б на него засмотрелся. Честное слово.

Воткнув машину в ближайший карман, я побежал следом. Но мои мышцы занемели от долгого сидения за рулём. Через ограждение тротуара, которое у пассажира не вызвало никаких трудностей, я перевалился словно мешок с картошкой и, тяжело плюхнувшись на асфальт, захромал дальше.

Клиент тем временем уже сворачивал за угол.

— Стой, стреляю!—прокричал я в отчаянии.

Когда я забежал во двор, там уже никого не было. Я рванул по пешеходной дорожке между домами, ещё смутно надеясь поймать беглеца, но то ли он скрылся в одном из подъездов, то ли знал тайную лазейку на улицу. Во всяком случае, когда я выбежал на проезжую часть с противоположной стороны жилой зоны, след пассажира простыл.

Я лихорадочно крутил головой во все стороны. Улица шла с юга на север, нигде не сворачивая, и просматривалась, наверное, на километр в обе стороны. Я упустил его, это понятно. И никому вокруг не было до этого дела. Никто не кричал: «Я его видел, он побежал направо. За ним». Всем было плевать на меня и мои деньги.

— А я думала, таксисты уже на развалюхах не ездят,—заявила богатая дамочка, усевшись в машину.

На ней было платье из фирменного бутика и причёска, напоминавшая Пизанскую башню, вокруг которой выросли Альпийские горы. Надушена, как сам дьявол из ночного кошмара Кристиана Диора.

— А я думал, у британской королевы есть свой личный водитель.

— Безобразие,—не оценив юмора, продолжала она.—Едешь словно в консервной банке. И бензином воняет, как на заправке. Мы хоть до места доедем или развалимся по дороге?

— Доедем. Терпеть ваше общество, пока вас заберёт другая машина, я не собираюсь.

На какое-то время женщина замолчала. Но я слышал, как она вздыхала на заднем сиденье. Это было ужасно. Она вздыхала на каждой кочке, на каждом светофоре, где мы останавливались. На нервы это действовало просто убийственно. Понятное дело, я пропустил поворот. Когда ты везёшь нервную бабу, у тебя обязательно пойдёт что-то не так.

— Куда вы меня повезли? Вот же был перекрёсток,—еле сдерживая себя, чтобы не перейти на крик, зашипела фригидина. Видимо, она только и ждала чего-то подобного.

— Там сейчас пробки. На следующей улице будет быстрей.

— Послушайте, я всегда езжу этой дорогой, и никаких пробок на ней никогда не бывает.

— Это потому, что вы не ездили другой улицей.

— Что же вы мне говорите такое? Да я город лучше вас знаю. Всего три светофора—и мы были б на месте. А теперь придётся толкаться по переулкам. Там же сейчас не продохнуть. Время обеденного перерыва.

Спорить с ней желания не было. Но, видит Бог, не я начал первым.

— Я проезжаю этой улицей раз двадцать на дню и знаю, что делаю. Вы бы сначала доехали, прежде чем говорить.

— Зачем мне доезжать? Я и так знаю, что на этой улице пробки.

— Ну и где же они?—воскликнул я.—Где?

Этот последний мой довод несколько выбил женщину из колеи. Ибо улица, по которой мы ехали, против обыкновения действительно была абсолютно свободной. Однако вместо того, чтобы заткнуться, пассажирка снова принялась обсуждать техническое состояние моего автомобиля.

— Понаберут развалюх и идут работать в такси, лишь бы сэкономить на комфорте клиентов. Ведь явно передвигаться на этой машине опасно. Вспыхнет того и гляди, или колесо оторвёт. Вы хотя бы показывали свой автомобиль, когда устраивались на работу?

— Дамочка, звоните в такси премиум-класса, раз так заботитесь о своей безопасности! У них одни иномарки.

— Безобразие. Работает в одной фирме, а рекомендует другую.

— Рекомендую, потому что знаю: вы скорее удавитесь, чем поедете по их ценнику. Не жгите мне нервные окончания. За семьдесят рублей вам «Мерседес» никто не подгонит.

Не знаю, вцепилась бы она мне через пару минут в волосы или нет, но, слава богам, мы были на адресе. Дамочка молча протянула мне сторублёвку. Но если вы думаете, что её молчание было золотом, вы ошибаетесь. Даже с закрытым ртом она действовала мне на нервы. Воздух вокруг неё вибрировал, как вблизи трансформаторной будки. Честное слово, я никогда так не радовался, что у меня есть мелочь на сдачу.

— Что я вам говорила?—победоносно сказала она, подойдя к моей двери.—У вас заднее колесо спущено. Просто чудо, что мы доехали досюда живыми и невредимыми.

Нет, видно, наш мир окончательно погряз во зле и несправедливости, раз подобные этой женщине люди в конце концов всегда побеждают. Колесо было действительно спущено. Не знаю, быть может, моя машина готовила идеальное убийство. Что-нибудь в духе фильма ужасов «Пункт назначения». Шина спускалась, автомобиль накренялся, женщина вываливалась из неожиданно открывшейся двери, и тут по ней на всей скорости проезжал многотонный БелАЗ. Но дамочка вышла быстрей, чем цепочка коварных случайностей успела оформиться в смертоносный финал. Мне же теперь, ко всем бедам, предстояло менять покрышку. На тридцатиградусном солнцепёке, под раздирающий душу аккомпанемент диктуемых диспетчером заказов.

— Мальчики, Тельмана, сто восемьдесят пять.

— Чёрт, это же совсем рядом,—матерился я, остервенело срывая баллонником гайки.

— Некрасова, тридцать один «А».

— Шесть-два заберёт.

— Шесть-два. Принято. Крылова, семьдесят девять.

— Оставляй за два-восемь, красавица.

— Два-восемь, заказ за тобой.

Она словно играла в морской бой, обстреливая соседние клетки.

Наконец, она жахнула прямо по тому место города, где я менял шину.

— Ивана Ярыгина, пятьдесят восемь.

— Да что же это такое?—подскочил я, буквально вырвав с проржавевшего барабана спущенное колесо. Да так, что машина грозно качнулась, едва не свалившись с домкрата.

Оставалось прикрутить лишь запаску. Я орудовал баллонником быстрей, чем вращался электрический гайковёрт. Даже пыль поднялась с асфальта.

Закрутившись воронкой, она полетела куда-то в сторону Соединённых Штатов Америки. Вот они удивятся, когда через два дня ни с того ни с сего над их западным побережьем разразится торнадо.

— Щетинкина, сорок восемь,— послышался голос диспетчера.

Я запрыгнул в машину и нажал на гашетку.

Из подъезда, перекрывая певшего по радио Шевчука, послышался душераздирающий вопль. Таким воплем, наверное, ещё первобытные люди отпугивали от своих пещер саблезубых медведей. Меня продрало морозом по коже от одной мысли, что это кричит пассажир.

И как в стельку пьяным людям удавалось только вызвать такси? Ведь это достаточно трудоёмкая операция. Если не верите, я мог бы вам рассказать обо всех тех клиентах, которые отправляли машины к соседним домам или подъездам, путали пункт назначения с адресом, откуда их нужно забрать. Некоторые ошибались городами. Один раз, например, я битый час искал пассажиров, которые заказали такси из Нижнего Новгорода. И всё это трезвые люди. Пьяные до белой горячки, к сожалению, ошибались критически редко.

Вопль повторился опять, на этот раз ближе. Кто бы ни подавал эти страшные звуки, он целенаправленно спускался по лестнице, явно намереваясь выйти на улицу. Я неотрывно следил за металлической дверью подъезда. Какое-то время стояла зловещая тишина. Потом раздался удар. Что-то бахнуло в дверь с другой стороны, как таран. Удар был внушительной силы. Дверь широко растворилась и тут же, увлекаемая пружинами, возвратилась обратно, со звоном церковного колокола стукнувшись о косяк.

— А-а-а,— закричал кто-то с той стороны.

Очередной мощный удар распахнул дверь настежь, и я смог разглядеть вопящего человека. Им оказался лысый мужик в серых трико и майке. Он стоял на четвереньках, крепко вцепившись жилистыми руками в бетонный порог. По его голове текли струйки крови.

— Ё… твою мать,— проорал он, пока дверь, исчерпав сообщённое ей ускорение, совершала движение в обратную сторону.— Порву на ремни, суки. Отвечаю, ё…на в рот.

Выставив левую руку вперёд, мужик остановил дверь. Затем, опираясь на три конечности, принялся пролазить наружу, выполняя какие-то скачкообразные движения телом. Выглядело это всё как новая олимпийская дисциплина, крайне зрелищная и экзотическая.

Оказавшись наполовину на улице, мужик расставил широко ноги и начал подтягиваться на ручке двери. Но дверь была ненадёжной опорой. Она норовила отстраниться всё время в сторону, опрокинув мужика на асфальт. Однако тот, видимо, был подготовлен. Он балансировал на ногах, упорно держа равновесие. Иной раз дверь распахивалась так широко, что мужик вытягивался по струнке в попытке её удержать. В конечном счёте он прижал дверь к стене дома и, огласив окрестности своим невменяемым воплем, с усилием поднялся на ноги.

— Такси! Такси!— проорал он, не отпуская дверь, как спасательный круг.

Повернув ключ в замке зажигания, я выжал сцепление.

Из подъезда тем временем вышли ещё двое пьяных типов. Таких же красивых, как первый. Один— с огромным, в половину лица, синяком, второй— в разодранной на лоскутки летней рубашке.

— Эй, подожди, а!— промычал избитый мужик.

— Плывите дальше,— сказал я, дав по газам.

Справа от меня стояли припаркованные автомобили, слева тянулись клумбы с геранями и отцветшей сиренью, прямо по курсу же, еле передвигая ногами, шлёпала древняя бабка в разноцветном халате. Вокруг неё разыгрывалась ещё никем не изданная драма Шекспира, а она этого не осознавала, погружённая в свои мысли.

Я засигналил, но она даже не вздрогнула.

Я ехал, буквально наступая старухе на пятки, а за мной гнались трое разъярённых типов. Укради у них деньги, попользуй их женщину, отбери выпивку— они бы пришли в куда меньшее негодование, чем сейчас. От них уезжало такси! Ещё никто так не гадил им в душу.

Они бежали, спотыкаясь на каждом шагу. Редкое зрелище. Бег через препятствия на сто метров, воспроизведённый в замедленной съёмке. Был момент, когда тип с синяком на лице чуть было не забрался в машину. Он уже открыл заднюю дверь, приготовившись нырнуть внутрь, но тут, видимо, не совладав с настигшим его головокружением, резко изменил направление движения, как подбитый зенитным огнём самолёт, и, отбежав в сторону, грохнулся в клумбу с цветами. Вскоре с дистанции сошёл и тип с окровавленной рожей. Споткнувшись о высокий бордюр, он плюхнулся задом в жёлоб сточной канавы, да так и остался в ней с задранными кверху ногами.

Теперь за мной гнался только мужик в драной рубахе. Приблизившись к машине вплотную, он принялся требовательно бить рукой по багажнику, надеясь, по всей вероятности, достучаться до моего здравого смысла.

— Стой,— прокричал он.— Сука, стой.

Я резко надавил на педаль тормоза. Машина встала как вкопанная, мой же преследователь, не ожидавший такого манёвра, со всего маху наскочил на багажник, ударившись головой о капот, и медленно повалился на землю.

Старуха наконец-то свернула с дороги. Я выжал газ в пол, юркнув за угол дома, в надежде вырваться со двора. Но меня ждал сюрприз. Кто-то

предусмотрительный перекрыл проезд бетонными блоками, выкрашенными в красные полосы. Выматерившись, я включил заднюю скорость. Да так, что машину вышвырнуло из проезда к чёртовой матери. Раздался удар. Мою голову рвануло назад, вдавив в подголовник. Клацнули зубы. Во рту появился солоноватый вкус крови. Гараж! За каким лешим ты тут стоишь? Я снова выжал сцепление, решив, если потребуется, раздавить сукиных сынов, сколько бы лет мне потом за это ни дали.

— Ну, гондоны, п…да вам,— прошипел я.

Я рванул с места, целясь аккуратно в типа с окровавленной рожей.

Пьянчуги отпрыгнули прочь за мгновение до того, как я пронёсся мимо на скорости шестьдесят пять километров в секунду. Я даже не взглянул на них в зеркало заднего вида. Плевать. Пусть бы даже они расшибли свои безмозглые головы и теперь умирали, дёргаясь в предсмертных конвульсиях возле жёлтых гортензий. Любой суд присяжных меня оправдал бы, отпустив на свободу с овациями.

Вылетев со двора, я остановился осмотреть повреждения. Всё во мне клокотало, как в адском котле. Но на машине не было ни царапины. Только чуть-чуть погнуло кронштейны крепления бампера.

Считай, тюнинг, навроде заниженной посадки и спойлера.

Не прошло часа, как у меня начались вновь проблемы.

Грёбаные беляши, купленные в ларьке у узбеков. В животе так бурлило, что, наверное, было слышно на МКС. Космонавты приняли эти звуки за сигналы инопланетян. Завтра новость разлетится по всему миру. Аудиозапись моей перистальтики воспроизведут в эфире таких телеканалов, как CNN, Russian today и «НТВ». В программе о паранормальных явлениях.

Я выполнял заявки одну за другой, а волнение внутри нарастало, пока в конце концов у меня не начало срывать днище. На клапан давило, будто я проглотил перед этим пудовую гирю. Позывы то отпускали, то накатывали с новой силой, и каждый раз, когда мне легчало, я отправлялся по очередному заказу, чтобы потом, с выпученными от натуги глазами, с перекошенным от напряжения лицом, нестись по городу сломя голову, спеша высадить клиента прежде, чем облажаться.

Вот в какие моменты начинаешь звереть от российских дорог. Нет, правда, у них существует только два агрегатных состояния. Первое — отвратительное по причине того, что асфальтовое покрытие последний раз обновлялось в середине позапрошлого века. И второе — опять отвратительное, потому что ремонт дороги производился прямо сейчас, в эту минуту. Третьего состояния в природе было не зафиксировано. Господи, даже незначительную выбоину я замечал за километр. Она надвигалась на меня, как цунами. Я покрывался холодной испариной от напряжения, прислушиваясь к своим ощущениям. Мамочки родные! Чтобы не тратить драгоценные силы, я просто зажмуривался. И там, в бурлящей пищеварением темноте, меня подбрасывало на неровности в воздух вместе со взбесившимся в кишках цирком и потом жёстко опускало обратно, встряхивая это всё, как коктейль.

Удар, настоящий удар кулаком изнутри чудовищной силы. Дерьмо наваливалось на сфинктер всей массой. Не единожды мне казалось: всё кончено. Шоколадный батончик вылез из-под обёртки. И только неимоверным усилием воли, сжавшись до размера пятирублёвой монеты, я запихивал его внутрь, как яблоко в новогоднюю утку.

«Последний заказ — и домой, на толчок»,— обещал я себе, переведя дух. И снова мчался за пассажирами.

Тут-то ко мне и села троица пьяных рабочих.

Пока один поджидал меня у дороги, остальные лежали в высокой траве, прямо за пригорком из стеклянных бутылок и кирпичей, полностью сливаясь с ландшафтом. Я заметил их только после того, как державшийся на ногах тип поставил в салон кейс с перфоратором — дорогущим Makita, скрывшись с которым, я вполне мог пойти по статье.

— Смотри, дружище, не уезжай никуда. Я оставил у тебя инструмент,— сказал он, отправившись поднимать спящих товарищей.— Серёга! Димас! Просыпайтесь, карета подана!

— Мы никуда не поедем, Толян,— пьяно промычали друзья.

— Рота, подъём, говорю.

— Езжай, Толян, мы останемся.

Солнце светило вовсю, неподвижное, точно плаха, а я изо всех сил сжимал булки. Я был обессилен борьбой, всё равно что тунец на крючке у папаши Хемингуэя, но пьяный рабочий всё никак не мог разбудить собутыльников.

Подняв одного, он брался за следующего, но пока ставил второго на ноги, первый медленно опускался на землю, снова растягиваясь на траве. После трёх безуспешных попыток мужик решил изменить тактику. Он поднял Димаса, невысокого, по-цыгански смуглого парня, и, отряхнув его от земли, повёл в мою сторону. Парень спал на ходу. Толян закинул друга на заднее кресло и двинулся за Серёгой, чтобы повторить операцию.

— Ну и отъели вы задницы, сукины дети,— усевшись на переднее место, произнёс он.

— М-м-м?— послышалось сзади.

— Говорю, за такси деньги давайте.

— Сколько?— покорно спросил друга Димас.

— По сто пятьдесят с рыла.

Позади началось ленивое шебаршение. Серёга давил мне в спинку коленом, пытаясь просунуть руку в карман джинсовых брюк. Адская мука. Как у дьявола на пыточном кресле. Но отстраниться вперёд я не мог. Пудовая гиря снова давила на сфинктер. Да так, что пот прошиб тело.

— Куда ехать? — простонал я.

— Димас, ты где сегодня ночуешь? — поинтересовался Толян.

— Я не знаю, — печально ответил Димас.

— Ко мне точно нельзя. У меня дома целый выводок баб. Нарожал на свою голову. Теперь и шагу не сделаешь, чтобы ненароком не наступить на чьи-нибудь трусы или куклу. Эй, Серёга, слышишь меня? — прокричал он так, словно Серёга сидел на дальнем конце стадиона.

— Да.

— Димас поедет сегодня к тебе.

— Машка будет орать.

— Не сожрёт тебя твоя Машка. А Димас даже заплатит. Так ведь, Димас? Заплатишь Серёге?

— Заплачу, — снова покорно ответил товарищ.

Похоже, он был согласен на всё. Я и сам уже был готов кому-нибудь здесь заплатить.

— Машка будет орать, — не унимался Серёга.

— Подкаблучник.

— Кто?

— Дед Пихто, ё… твою мать, — ответил с досады Толян.

От нечеловеческого напряжения на глазах у меня выступили слёзы, а в ушах зазвенело. Ещё немного — и у меня мог лопнуть сосуд в голове. Кровоизлияние мозга — это не шутки. Я боролся за жизнь, а придурки в машине никак не могли определиться, куда им сегодня пристроить Димаса.

— Ладно, — сказал примиряющим тоном Толян, — пока что съездим за пивом, а там порешаем, как дальше быть. Эй, на галёрке, вам пиво взять? Слышите? Или уснули?

— Бери, — ответил Серёга, будь он неладен.

— Бери, — буркнул Толян. — А вы бабки дали, чтобы я взял?

Сзади снова началось шебаршение. Всё повторялось, как циклы истории. И я находился в самом центре этого проклятого круга событий. Как князь Болконский на Бородинском сражении.

Семь минут ушло на покупку трёх литров «Джоя», ещё пять минут — на проведение референдума «Где ночует Димас», и целых двадцать минут я прорывался по вечерним заторам в четвёртый микрорайон, к дому Серёги. Я проклял все деньги мира. Честное слово. Уж слишком тяжёлым трудом они доставались. А ещё я снова и снова задавался вопросом: «Почему, чёрт побери, при нынешнем уровне развития технологий человечество до сих пор не изобрело летающие автомобили?» Ни светофоров, ни геморроидальных колец, проехать которые в час пик сложней, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко. Я ехал в потоке, переключаясь с первой скорости на нейтральную и обратно, и посылал чуму на нефтяников, упрямо лоббирующих свои антигуманные интересы в ущерб свободному развитию человечества.

— А теперь Павших Коммунаров, шестьдесят девять, — сказал Толян, когда его друзья вышли.

Я снова влился в автомобильный поток, тянувшийся, казалось, до самого края земли, когда началась исповедь. Толян устал. Устал возиться с напарниками, этими беспробудными алкашами. Трудно поверить, но Димас был когда-то боксёром. Теперь он обычный пьянчуга. Он развёлся, лишился квартиры, машины и даже водительских прав. И всё это за каких-то полгода. Толян устал учить его жизни. Но больше всего он устал ишачить. У него три дочурки. И старшая уже в возрасте, когда на день рождения просят не куклу, а новый айфон. Весь его месячный заработок меньше стоимости телефона, а ведь дочерей ещё нужно кормить, поить, одевать, собирать в школу, покупать украшения, тампоны и памперсы. Четырнадцать лет он работал без отпусков. И за всё это время нажил гастрит и четыре кредита.

Грустно, конечно. Но меня эта история совершенно не трогала.

— Остановись-ка вон у того магазина. Куплю, пожалуй, чекушечку водки, — прервал Толян свой монолог. — Завтра как-никак выходной. Имею полное право нажраться.

Я чуть не взвыл от отчаянья.

— Смотри, только дождись. Я оставил у тебя инструмент.

И я не выдержал. Видно, у меня дрогнул глаз или скула, как бывает, когда надежда всей твоей жизни рушится, и этой малости было достаточно, чтобы в моей обороне появилась узкая брешь. В общем, я бросился в магазин вслед за клиентом и, пробежав торговый зал, вломился в подсобку.

— Молодой человек, сюда нельзя! — проорала полная девушка, загораживая мне проход, заставленный коробками из-под товара.

Я налетел на неё, как игрок регби на чужого игрока регби.

— Где у вас туалет? — проорал в ответ я.

Вид у меня, похоже, был ещё тот, потому что девушка обомлела.

— Там, — указала она рукой куда-то в конец коридора.

Я метнулся вперёд. Я словно нёс в решете воду, надеясь доставить домой хотя бы на донышке, а эта чёртова дверь оказалась закрытой. Я лихорадочно дёргал на себя ручку, вырывая дверь с косяком, пока, наконец, меня не осенило, что она открывается внутрь. Вот до чего я дошёл!

— Парень! — услышал я вечность спустя, идя по торговому залу.

Я обернулся. Две девчонки, еле борясь со смехом, показывали мне пальцами на задницу.

— У вас там бумага прилипла.

Я провёл ладонью по джинсам. Так и есть. Клочок туалетной бумаги болтался у меня на штанах, заправленный под ремень, как рубашка. Если бы я не был так сильно измотан, то, верно, смутился бы. Но не сейчас. Я бросил бумагу в коробку для чеков. Теперь этот уголок магазина выглядел как инсталляция современного искусства в какой-нибудь Третьяковке.

— Спасибо,— произнёс я.

Девчонки прыснули смехом. Одна из них, схватив подружку под локоть, потащила ту в глубину торгового зала, куда-то в отдел собачьего корма и памперсов. Там они захохотали во всю силу лёгких.

Поздним вечером я стоял на парковке у «Наутилуса», ожидая, когда люди ломанутся с сеанса. Мне нравилось прохлаждаться возле кинотеатра. Хлебное место. Взять пассажира здесь было значительно легче, чем вырвать заявку по рации. И, в отличие от вокзалов и торговых центров, куда я уже пытался залезть несколько раз, кинотеатр не был поделён между бомбилами. Ты мог спокойно тягать клиентов одного за другим, и никто не подошёл бы к тебе с просьбой исчезнуть подобру-поздорову.

Я сидел в машине, любуясь афишами кинофильмов, уверенный, что неприятности на сегодня закончились. И тут откуда-то из подворотни ко мне вышел тип в замызганной куртке.

— Закурить не найдётся?— произнёс он.

Я молча протянул сигарету, дав подкурить.

Но тип стоял и не уходил, уставившись на меня немигающим взглядом. Я никогда не видел подобного. Казалось, в его глазах тушили окурки. Вместо зрачков у него зияли чёрные дыры с рваными кромками.

— Латинский язык,— вдруг сказал он серьёзно.

— Какой латинский язык?

— Всем встать. Началась лекция. Выйти из аудитории.

— Ты в своём уме, дядя?

— Индоевропейская семья, италийская ветвь. Германский язык, итальянский язык, английский язык, румынский язык, восточно-романские языки Балканского полуострова.

Рука сама потянулась к замку зажигания, но ключа там не оказалось. Незадолго перед появлением сумасшедшего я выходил из машины размяться, а когда вернулся — оставил ключ в кармане джинсов. Теперь это обстоятельство выходило мне боком. Приготовившись к тому, что мужик вцепится зубами мне в горло или что-нибудь в этом духе, я сжал кулаки. Копаться в штанах в столь напряжённый момент я посчитал неблагоразумным.

— Тишина, когда я разговариваю. Всем встать.

— Дядя, плыви отсюда, понял?

Похоже, мне читали лекцию. В двенадцатом часу ночи. При этом на небе светила луна в полной фазе. Учёная жуть, да и только.

— Выйти из аудитории.

Неожиданно тип развернулся и пошёл прочь. Я провожал его совершенно ошарашенным взглядом. Наконец, достав ключ, я завёл двигатель и сдал задом с парковки, чуть было не протаранив такси конкурирующей фирмы.

На сегодня с меня было достаточно.

7.

— Привет, Алексей.

— Здоро́во, Рома. Здоро́во. Рад тебя видеть.

Мы пожали друг другу руки. Большой и мягкий, как плюшевый медведь, Рома расплылся в лучезарной улыбке. Он улыбался, словно ребёнок, впервые увидевший рассвет. За это я его и любил. Мы учились на параллельных курсах филфака в моей прошлой жизни. И он единственный, кто не осудил моего решения бросить учёбу. А это о чём-нибудь да говорило.

— Чем сейчас занимаешься?— спросил я, провожая друга на кухню.

В принесённом им целлофановом пакете звенели пивные бутылки. Ради приезда товарища я решил выкроить выходной.

— Торгую,— произнёс Рома загадочно.

— И чем? Неужели минусинскими помидорами?

— Валютой. Акциями. Опционами. Всем, что котируется.

Надо же, Рома стал спекулянтом. Такой улыбчивый человек и вдруг занялся азартными играми. А ведь это преступность, долги и наркотики. Одним словом, скользкая тропка для порядочного человека.

— Это не казино,— угадав мои мысли, произнёс он.— Там всё по-честному, никакого обмана. Главное, знать механизмы, по которым функционирует рынок, и уметь вовремя выйти.

«Механизмы», «функционирует»! Я не узнавал друга.

— Я сейчас тебе покажу.

Я не заметил, но Рома принёс с собой нетбук. Расстегнув чехол, он поставил компьютер на стол и нажал кнопку питания. На экране появилось окно с графиками. Выглядели они очень внушительно. Как крутейшая экономическая стратегия девяностых годов, к которой прилагались толстенный учебник по теории государства и «Капитал» Карла Маркса.

— Всё, что требуется,— определить тренд.

— Тренд?— недоверчиво переспросил я, отхлебнув пива.

— Направление движения котировки. Цена инструмента изменяется по определённым законам.

Например, золото сейчас явно находится в бычьем тренде. График дважды оттолкнулся от линии поддержки и сейчас стремительно движется вверх. Значит, его нужно брать.

Он говорил, а сам в это время чертил на графике замысловатые схемы. Они пронизывали котировки во всех направлениях и вскоре стали походить на паутину, в которой, подобно мухе, конвульсивно трепыхалась свеча. По всему выходило, что деваться ей действительно некуда. Любое движение только затягивало силки надёжней и крепче.

— Ставим стоп-лосс, стоп-аут. И вперёд.

Торжественно улыбнувшись, он чокнулся со мной пивом.

— И что, мы уже выиграли?

— Не так быстро, мой друг. Не так быстро.

Я посмотрел на экран нетбука. На графике появились пунктирные красные линии. Если котировка дойдёт до нижней отметки, как пояснил мне товарищ, сделка автоматически завершится с убытком, сведя наши потери до известной заранее суммы. Если же котировка коснётся верхней разделительной линии — сделка закроется с выигрышем. Всё просто, как теория относительности. Можно открыть сделку, а самому преспокойно пойти мыть посуду или, скажем, сесть за баранку такси. Впрочем, лучше об этом не думать. Хватит с меня китайских шаровых и спущенных шин. Игроманию мой более чем скромный бюджет уже бы не потянул.

— Рома, ты сколько денег поставил? — спросил я, разглядев в нижней зоне экрана колебания каких-то астрономических цифр.

— Тысячу долларов.

— Рома! — ошарашенно выдохнул я.

— Спокойно. Всё просчитано.

— Ты балбес. Это же целое состояние.

— Не думай об этом. Подобные мысли только мешают игре.

— Как не думать, Рома, чёрт тебя подери? Ты закинул тысячу долларов в какую-то мигающую хрень с цифрами. А вдруг брокер придумывает графики от балды и никогда не даст выиграть?

— Но пока что мы в плюсе. Сам посмотри.

Действительно свеча стремительно двигалась вверх. Котировка поднялась на двадцать пять пунктов за каких-то десять секунд. Ещё десять пунктов — и она коснётся линии стоп-лосса. В своём воображении я видел этот момент. И хоть деньги принадлежали Роме, мысленно я уже шёл в магазин за бутылкой «Хеннесси». Но тут неожиданно цена откатилась назад, всего за мгновение сожрав нашу прибыль. Секунда — и пламя спекулянтской свечи трепыхалось у самой отметки стоп-аута. Глупо, конечно, но я был уверен, что только напряжение всех моих внутренних сил не давало цене пересечь эту линию.

«Золотой кризис» продолжался долгие две минуты. После чего котировка так же неожиданно, как перед этим упала, вдруг поднялась, затрепыхавшись ровно на середине пути от точки входа до верхней красной отметки. Я не мог больше этого выносить. Лучше бы на моих глазах кого-то пытали. Пусть даже Рому. Я перенёс бы это не моргнув глазом. Но тысяча долларов, буквально разрываемая на части явно садистки настроенной биржей, вот-вот могла довести меня до сердечного приступа.

— Закрывай, — процедил я сквозь зубы.

— Рано, — прохрипел Рома.

Только теперь я понял, что ему тоже несладко. Он побледнел, а его гавайской расцветки рубашка словно только что побывала под тропическим ливнем — он истекал по́том, как кровью.

— Твою мать, Рома!

Я рванулся к нетбуку, твёрдо решив прекратить это безумие. Но Рома вцепился в меня медвежьей хваткой. Я никогда раньше не видел на его добродушнейшей физиономии столько страдания и ничем не прикрытой готовности мне что-то сломать. Шутить с ним сегодня не стоило. Каждая по́ра его стосорокакилограммового тела источала насилие, флюиды которого, смешиваясь с запахом пота, рождали убийственный аромат. Я боднул Рому головой в грудь, но это было всё равно что ударить подушку.

— Ладно-ладно, сдаюсь, — сказал я. — Отпусти.

— Ты больше не выкинешь глупостей?

— Нет.

— Обещаешь?

— Рома, мы же не в детском саду.

— Пообещай мне.

— Хорошо. Обещаю.

Его медвежья хватка тут же разжалась. Я распрямил затёкшие плечи. Где-то между лопатками оглушительно хрустнуло.

«Хрен с тобой, грёбаный игроман, — выругался мысленно я. — Мне вообще нет до всего этого дела. Проиграй хоть миллион долларов, я не моргну глазом». Однако стоило котировке вновь поползти вниз — и мне сделалось дурно. Я нервно присосался к бутылке. Вкуса пива я не почувствовал. И всё потому, что бутылка оказалась пустой. Вот до чего я дошёл! Я поставил пустышку на стол и сжал кулаки. Свеча на экране нетбука нервно мялась на месте, ни на что не решаясь. Как и миллионы невротиков по всему миру перед мониторами своих компьютеров. Они входили в сделки и тут же из них выходили, обременённые сотнями страхов. Страхом жизни и смерти, боязнью сглазов, полной луны, террористов и американского ядерного арсенала в Румынии. Движение котировки было прямым отражением людского психоза, с математической точностью показывающего чудовищную неуверенность истерзанной потребительскими идеалами человеческой души. Как-то так.

Я опять вцепился в бутылку, забыв, что в ней кончилось пиво. Но это уже не имело значения.

Котировка буквально взлетала верх, перепрыгивая через пункты, как через ступени. Двадцать два пункта, тридцать и, наконец, тридцать шесть. Сделка закрылась. Я так и застыл с пустой бутылкой в руке. Облегчение, которое я испытал, было ни с чем не сравнимо. С меня будто сбросили двадцать тонн груза, отпарив перед этим хорошенечко в бане.

— Что я тебе говорил? — спросил меня Рома.

Актёр, блин. Старался показать, будто ему всё нипочём. Но я видел, как у него нервно подёргивался уголок правого глаза, а улыбка была такой робкой, что казалось — он что-то скрывает.

— Ты чуть не угробил меня, медвежья ты задница!

— Я готов принести извинения, Алексей. Может, по пицце?

— Пиццы ты теперь будешь раздавать нищим на паперти вместо пятирублёвых монет. А мы с тобой пойдём сейчас за бутылкой «Хеннесси» и дальневосточными крабами.

8.

Из-под капота повалил белый пар.

Я взглянул на показания температуры двигателя — стрелка устрашающе ползла в красную зону. Опять что-то накрылось. Каждую неделю в этой машине что-то ломалось. В ней было столько деталей, что не хватило б и жизни, чтобы их все заменить, даже если бы пришлось работать без выходных, с утра и до поздней ночи.

— Что случилось? — заголосили девчонки на заднем сиденье. — Почему мы остановились? Приехали, что ли?

— Сломались, — с нарочитой важностью сказала одна.

Почему-то это предположение вызвало у пассажирок волну весёлого оживления. В салоне начался какой-то малопонятный сумбур. Девчонки елозили, шептались, перехихикивались и вообще вели себя так, словно случилась самая интересная штука на свете, которую они ждали всё лето.

— Ну вот, пешком пойдём дальше.

— А я с самого начала предлагала пройтись.

— И как я пойду? Я ведь на каблуках!

— Ну, можешь остаться. Помочь дядечке водителю с ремонтом машины.

— И не только с ремонтом.

— Фу, какие вы дуры.

Девчонки захохотали. Никогда ещё чужой смех не действовал на меня так раздражающе. Подобно скрипу гвоздя по стеклу. У меня даже задёргалась правая лопатка от нервного напряжения.

— Дядечка водитель, а мы что, дальше не едем? — спросила меня одна из девчонок.

— Нет, — мрачно произнёс я.

— Как будто и так непонятно, что нет.

— Откуда мне знать? Может, он сексуальный маньяк и остановился, чтобы нас изнасиловать.

— А ты этого только и ждёшь.

— Ты больная? Нет?

— Во всяком случае, не озабоченная.

— Так! — по-комсомольски звонко заорала самая справная из пассажирок. — Выгружаемся, девки.

— Правильно, правильно. Выгружаемся.

Я тоже выбрался из машины, открыл капот. Как я и предполагал, порвался ремень генератора. А до мастерской три километра, не меньше. Похоже, мне предстояло прорываться к ней с боем.

Дав мотору остыть, я тронулся с места, глуша машину на каждом грёбаном светофоре. Я ехал без света, чтобы сохранить заряд аккумуляторной батареи, почти не дыша, проклиная чёртовы пробки. Почему-то именно сейчас, когда время было особенно дорого, вокруг меня все безбожно тупили. Впереди материализовался ржавый «Ниссан» родом из восьмидесятых годов прошлого века, тащившийся со скоростью тридцать семь километров в неделю. Я включил сигнал поворота, но ехавшие сзади автомобилисты, заметив, что им преграждают движение, тут же шли на обгон, не давая мне ни малейшей возможности совершить свой манёвр. Поворотник моргал как придурошный. Но они обгоняли нас, не сбавляя скорости, и казалось, будто это мимо проносился товарный поезд длиной в пол-оборота Земли.

В салоне раздалось шипение. И тут же в ноздри ударило сладковато-приторным запахом охлаждающей жидкости. Я с ужасом бросил взгляд в сторону звука. Из-под бардачка струёй бил кипящий тосол, брызжа раскалёнными каплями. Стёкла машины вмиг затянуло масляной плёнкой. Похоже, она решила избавиться от меня, обварив в кипятке. Надоело, как про́клятой, каждый день работать в такси. Она была живой, эта чёртова бестия, и характером как моя бывшая. А ещё очень умной. Она явно не хотела привлекать внимания лишних свидетелей.

Открыв форточку, я встал на педаль газа и, не глядя, перестроился в соседнюю полосу. Позади засигналили, я чуть было не устроил аварию, но мне было плевать. Разогнавшись до сотни, я пролетел несколько светофоров на красный и свернул к мастерской.

— Тебе какой ремень генератора? Зае...тельский или хороший? — спросил меня полчаса спустя уже хорошо знакомый продавец запчастей, наливая чашечку кофе.

— Давай зае...тельский.

— А сахару сколько ложек? Забыл. Две или три?

9.

Следующим утром я отправился к Игорю.

У него была своя ООО-шка, и я надеялся, что он поможет мне со справкой для банка. Чтобы играть на финансовом рынке, необходим был кредит. Две тысячи долларов. Этого вполне должно было

хватить. Даже если игра не заладится, я мог бы позволить себе несколько промахов и на последней сделке сорвать всё-таки куш. К тому же это была не та сумма, лишившись которой, мне бы пришлось продавать почку. Работать придётся в два раза больше, и только. Подумаешь. Спал восемь часов, буду—пять. Тесла, говорят, вообще отдавал сну три часа в день и ещё умудрялся заниматься наукой.

А если по-честному, я даже не рассматривал пессимистичный прогноз. Я был полон амбиций. Из разряда—в какой цвет выкрасить яхту, спущенную на воду в живописном порту Баден-Бадена. Я уже видел свой будущий коттедж в горах Швейцарии. Из него открывался сногсшибательный вид на Калифорнию. За те деньги, что у меня скоро будут, мне без проблем отбуксируют эту часть суши прямо под окна.

— Как работа?—спросил я таксиста, приехавшего ко мне по заказу.

— Не жалуюсь,—ответил молодой парень.

Он был одного со мной возраста. И, конечно, мне сразу понравился. Стоит побомбить недельку-другую, как ты начинаешь видеть в каждом таксисте своего кровного брата.

— Только мелочи не осталось. Глянь, может, у тебя найдётся без сдачи?

— Держи,—сказал я, протянув горсть пятаков.

— Ништяк. Вспомнил сейчас в этой связи историю. Была у нас одна постоянная клиентка. Заказывала машину каждое утро, и всегда у неё была пятитысячная купюра. «Меня,—говорит,—не волнует, вы обязаны предоставить мне сдачу. Ищите. Это ваши проблемы». А на часах семь утра. Все магазины закрыты, кроме круглосуточных аптек. Это какой же круг нужно сделать, чтобы разменять её чёртовы деньги. И ведь сразу ни за что не признавалась, что у неё крупная купюра. Дождётся, пока ты довезёшь её до адреса, и только потом: «Надеюсь, у вас сдача найдётся?»

— Вот ведь стерва,—произнёс в сердцах я.

— И что, думаешь, я придумал?

— Давай колись!

— Насобирал целый мешок мелочи. Десять копеек, пятьдесят и рубли. Бросил всё это хозяйство в багажник и принялся ждать, когда она мне попадётся опять. Не прошло пары дней, слышу по рации знакомый адрес.

— И она опять была с пятитысячной?

— Дружище, отвечаю, видел бы ты её лицо, когда я достал мешок и сказал: «Пересчитывать будете?»

Боже, я, наверно, не хохотал так никогда в жизни.

Я вышел из машины, всё ещё хохоча как умалишённый. Преодолел проходную. Что удержало охранника от того, чтобы не повалить меня на пол как террориста, не знаю. Только когда я поднялся по лестнице на второй этаж, мой смех перешёл на беззвучный режим. Настолько угнетающе на меня действовала бюрократия. А здание, в котором располагался Игорев офис, представляло собой типичный оплот бумагомарательства и официоза. Сплошной пластик, кожаные диваны и пальмы в глиняных кадках. И только запах стоял тут как в подземелье. Древний, сырой, застоявшийся. В прошлом здесь либо усердно орудовал кгб, либо сочинялись отчёты по пятилеткам, либо разрабатывались проекты по орошению монгольских пустынь.

— О, дядя Лёша, привет,—сказал Игорь, когда я вошёл.—Может быть… м-м-м?—спросил он, округлив глаза вопросительным знаком. В его руке каким-то чудесным образом появилась наполовину початая бутылка армянского коньяка.—Будете? Или вы за рулём?

— Отчего бы? И не откажусь,—произнёс я.

Игорь отличался удивительной способностью пить. Он пил алкоголь, как иные родниковую воду, совершенно от него не пьянея, даже, напротив, обретая подшофе вдохновение. Его мысли разъяснивались, планы на жизнь углублялись, а воображение начинало работать почище чем у Пелевина. Пока мы добивали бутылку, он умудрился найти новый заказ. Созвонился по «Авито» с типом, которому нужно было построить баню на даче, подняв первоначальную сумму контракта в два раза. Потом всё по тому же «Авито» нашёл свободную бригаду строителей и договорился о найме. Через пять минут на его расчётный счёт уже пришла предоплата.

— Пространство вариантов,—торжественно произнёс Игорь, доставая из шкафа очередную бутылку.—Зачем суетиться, совершать лишние телодвижения, когда можно просто свести друг с другом нужных людей и они всё за тебя сделают сами? Человеческий мозг может всё. Если хорошенько подумать, мир—это просто-напросто горсточка квантов. В том числе мы с тобой. Значит, человек в состоянии одной силой мысли превратить своё тело в воду. Или придумать такую херню, что каждый день ему на карточку будет приходить по два миллиона бакинских рублей. Например, как сейчас. Запрограммируй Вселенную, и она сама приведёт тебя прямо к мечте. Сведёт с нужными людьми, подстроит события. Если ты думаешь правильным образом, кванты вокруг перестраиваются в должном порядке. Единственное, что мешает,—это узость горизонта сознания,—наполняя рюмки, произнёс друг.—Мы не можем ничего помыслить, если этого нет в нашем опыте, в подсознании. Поэтому мне жаль людей, которые не читают. В каждой книге заключён опыт целой человеческой жизни. Чтобы его получить, у автора ушло пятьдесят лет. В лучшем случае. А многие так и умирают, ничего не поняв. Три развода, десять детей, какие-то собутыльники вечные. «Эй, дружище, давай уколемся спиртом».

Конечно, ты ни хрена не поймёшь. Для начала высунь голову из проблем и осмотрись. Поэтому, как только у меня появляется свободное время, я беру книгу,—сказал он, взяв со стола обтрёпанный том Кастанеды,—и начинаю осмысливать буквы. За каких-нибудь три часа я узнаю столько, что не читающему человеку не снилось.

Тут мы одновременно подняли рюмки, чутьём давно знающих друг друга людей, угадав, что именно сейчас, в эту самую секунду, для этого наступило подходящее время.

—Вот ты говоришь, нужно думать правильным образом,—произнёс я, примеривая полученную информацию к игре на бирже.—Абсолютно согласен. Но как это «правильно»? Просвети меня, учитель.

—Позитив! Исключительно позитив. Будешь думать о плохом, соответственно и Вселенная сгенерирует вокруг тебя неприятности. Никогда не забывай о теле. Голодного всё вокруг бесит. Уставшему даже самая незначительная неприятность кажется неразрешимой. Поэтому во всём потакай телу. Хочешь есть—закажи суши или пожарь сочный стейк. Аналогично со сном и остальными потребностями. Давай телу лучшее, чтобы оно испытывало чувство комфорта, и тогда удача немедленно придёт в твою жизнь. Во-вторых, абстрагируйся от беспокойства. Тревога мешает видеть хорошее. У большинства это происходит автоматически. Как отдёрнуть от горячего руку. Спусковым крючком может стать обычный телефонный звонок. Какая-то мелочь. Но она запускает программу. А всё потому, что тревога стала хронической. Мы так часто испытываем стрессы, что организм начинает воспринимать это состояние как естественное. Наверняка обращал внимание на людей, которые ходят по улице, словно им засадили в задницу кочергу, какие-то вечно согбенные, скрюченные, перекошенные. Беспокойство настолько глубоко в них сидит, что они не в состоянии расслабиться.

—Хорошо. И как с этим бороться, Конфуций?

Я поймал себя на мысли, что всё это действительно походило на беседы учеников с Конфуцием. Гремучая смесь квантовой физики, психоанализа Юнга и наркотических откровений Карлоса Кастанеды.

—Медитация. Новичкам достаточно просто концентрироваться на дыхании. На том, как кислород проникает в лёгкие и распространяется вместе с кровью по телу. Главная цель—найти внутреннее равновесие. Ты поймёшь, о чём речь, когда впервые его испытаешь. Тогда же любая проблема, от которой впору хоть вешаться, перестанет занимать твоё драгоценное внимание. Но, как я уже говорил, это для новичков. Я, например, при помощи медитации ломаю нейронные связи. Это как тренировать мышцы. Поднимая тяжести, ты рвёшь ткани. Срастаясь впоследствии, они увеличиваются в объёме и массе. Человек делается сильнее. Это верно и для нашего мозга. Люди привыкают думать по заданному алгоритму. Они больше спят, чем живут. Так легко и привычно протекает в них процесс мышления. Но если ты хочешь быть креативным, необходимо постоянно разрушать устоявшееся. Для этого во время медитации я представляю, будто нахожусь на крыше стоэтажного небоскрёба. Представляю, как в лицо дует ветер, слышу далеко внизу автомобильные гудки. Кто-то кричит: «Такси! Такси!» Полная иллюзия присутствия.

При этих словах Игорь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Его голос становился всё отстранённее и тише. Похоже, он и вправду переместился сейчас в другой мир.

—Я боюсь высоты,—говорил он,—но я заставляю себя подойти к самому краю и посмотреть вниз. Боже, как высоко! Облака—и те летят подо мной. Я осматриваюсь. На горизонте я вижу синюю полоску воды. Океан! Он так далеко. Наверное, в десятке километров отсюда. Я никогда не бывал на такой высоте. А потом я делаю шаг и прыгаю вниз. В пустоту.

Неожиданно он замолчал.

—Игорь!—позвал я его.—Всё нормально?

Я подошёл к другу и принялся тормошить его за плечо. Тело Игоря болталось в кресле, как макаронина. Стоило мне его отпустить, и он завалился на бок, уронив на грудь голову. Изо рта послышался храп.

Я осмотрелся. На моё счастье, печать лежала на видном месте, прямо на столе, возле томика Кастанеды с многообещающим названием «Путешествие в Икстлан». Достав из принтера чистые листы А4, я щедро украсил их синими кругляшками с реквизитами Игоревой компании.

Потом перетащил товарища на диван, выключил свет и вышел, захлопнув за собой дверь.

10.

—Мой жена мне изменять, дорогой,—грустно сказал пассажир, когда мы выехали со двора. Узбек или киргиз. Кто-то из этой оперы.—Скажи, на кой чёрт такой жена, который тебе изменять?

—Может, всё не так плохо, как кажется?

—Я ей звонить два часа. Почему не брать трубку? Скажешь, не слышать? Два часа не слышать звонка? Не подходить к телефону? Нет, она мне изменять. И я знать, с кем она это делать. Я ехать их задушить.

Мы остановились на светофоре. И тут мне на телефон пришла смс-ка. Писала Лена. «Золото пробило линию сопротивления». Прямо чёрным по белому. Я сам её научил. Провёл краткий курс трейдера. Пока я работал, она наблюдала за рынком, отслеживая сигналы, чтобы в случае чего я

мог оперативно подъехать домой и вступить в сделку. Играть самой я категорически ей запрещал. Не женское это дело. И вот наконец-то первый серьёзный звоночек. Мы дожидались его всю неделю. Потом аналитики скажут, что причиной всему обнародованный отчёт по безработице в США или цунами на Пиренеях и что будь я опытным спекулянтом, то ни за что не вышел бы сегодня на смену. Ждал бы этих грёбаных новостей. Но как же тогда позавчерашняя публикация об ускоренных темпах инфляции в Великобритании и падении индекса Доу-Джонса, на которые отреагировали только российский рубль и деревянные дощечки Папуа—Новой Гвинеи? Как по мне, так фундаментальный анализ—форменное нае…лово и даёт такое же представление о действительности, как вечерние выпуски «Времени» на ОРТ. Просто психопаты со всего мира среагировали на полнолуние или очередную вспышку на Солнце, как это часто бывает. И именно в тот момент, когда я был за рулём.

В общем, не успел включиться зелёный, как я рванул с места. Рванул точно ковбой из загона на необъезженной лошади. Если бы мой пассажир не был так сильно расстроен, он немедленно схлопотал бы инфаркт миокарда. Такой обширный, что даже врача вызывать не пришлось бы.

— Задушить обоих,—повторил он.

— Лучше напейся. А завтра подай на развод.

— Я уже пить водка. Не помогает. Только—как это по-русски?—тошнить. Точно, тошнить. Плохо. Очень плохо от водка. Голова болеть, тошнить и печаль мысли. Никакой результат.

— С водкой такое бывает. Сначала плохо, потом хорошо.

— Нет, я хотеть видеть всё своими глазами. Хотеть сам убедиться.

Мы долетели до адреса быстрее, чем Ричард Гир в фильме «Красотка». Частный дом с двумя половинами, и ни в одном окне не горел свет. Похоже, все давно спали, но выбежавший на улицу узбек принялся орать на весь чёртов город:

— Выходи, шлюха, я знать, что ты здесь.

Залаяли собаки. Сначала одна, потом вторая. Мгновение спустя уже лаяла целая улица. Сотни свихнувшихся от многолетнего сидения на цепи псов, единственной радостью которых было отвести душу групповым лаем. Должно быть, в их понимании этот узбек был мессией. Что-то навроде того. Они ждали его прихода тридцать три собачьих поколения подряд и так далее.

В доме зажёгся свет. Затем скрипнула дверь. По дощатой дорожке прошлёпали чьи-то шаги.

— Какого хрена, Нурик, ты тут устроил?—выйдя на улицу, проорал лысый мужик в майке.

— Ты спать с мой жена.

— Ты совсем, что ли, рехнулся?

— Нет, я всё знать. Где он?

— Откуда я знаю? Это твоя жена, не моя.

— Лжёшь,—прокричал Нурик и бросился на мужика.

Мне тем временем пришла ещё одна смс-ка: «Скорее. Золото поднялось на пятнадцать пунктов!» Господи, если бы я открыл сделку десять минут назад, то сейчас заработал бы две тысячи долларов. Путёвка в Пхукет на одиннадцать дней на двоих стоила столько же.

Вот-вот должна была начаться корректировка. Какое-то время у меня ещё имелось в запасе. Но как высоко пойдёт цена после отдыха, угадать невозможно. Она и вовсе могла вернуться обратно. Такое часто случалось. Свеча пробивала на несколько часов линию сопротивления, и вот, когда ты уже не сомневался, что тренд изменился, цена неожиданно падала, оставляя сотни тысяч людей без квартир, драгоценностей и последних штанов.

— Я тебя резать!—послышался голос узбека.

Я поднял голову. В руках у того блеснул раскладной нож. На лице застыла восковая маска безумия.

— Не глупи, Нурик.

— Где мой жена, говори!

— Я же сказал, что не знаю.

— Ты лжёшь, шакал. Я тебя сейчас резать!

Я завёл двигатель и рванул с места, даже не взяв с узбека за проезд денег. Ну его к чёрту. Всего через час я буду пить «Чёрный Бакарди», флегматично путешествуя по туристическим сайтам в поисках шестизвёздочного отеля с вертолётной площадкой на крыше.

Вылетев на проспект Мира, я включил пятую. Виадук проскочил на скорости сто десять километров в секунду, чуть было не взмыв в воздух на перевале. Снова я начал мечтать о летающем автомобиле. Если бы у моей машины имелись крылья, то отсюда до моего дома можно было спланировать, как на аэроплане, приземлившись аккуратно во дворе на парковку. Алексей и его летающие «Жигули». Неплохо придумано. Когда я выиграю миллиард долларов, у меня обязательно будет такая машина. Я стану единственным во всём городе человеком, которого перестанут беспокоить зазевавшиеся пешеходы и нерасторопные водители дзэн-буддисты.

Спустившись к кольцу, я бросил взгляд на пассажирское сиденье. Там лежал забытый Нуриком телефон. Я буквально увидел, как, разделавшись с лысым типом, узбек заваливается ко мне на квартиру: «Где мой телефон?»—«Угомонись, псих. Я твой телефон и пальцем не трогал».—«Тогда я и тебя сейчас резать, шакал».

Я развернулся на кольце, как циркуль в тетрадке. И на этот раз действительно подлетел в воздух, преодолевая мост через железнодорожные пути. Машина тяжело грохнулась на асфальт; ударом из моих рук выбило руль управления. Поймал я его только на встречке и, взяв немедленно вправо,

бросил машину в управляемый занос. Я целился в пересекавшую проспект Мира Хлебную улицу. «Жигули» заскочили в неё, как верблюд в игольное ушко, подняв позади шлейф серой пыли. Тогда я снова включил пятую скорость, принявшись укладывать стрелку спидометра.

— Я знать, что ты здесь, стерва! — прокричал Нурик, когда я ворвался между враждующими.

Теперь в спектакле принимала участие женщина. Русская. Она стояла, гордо выпятив грудь, как древнегреческая богиня, и буквально испепеляла несчастного презрительным взглядом. А тот мялся на месте, никак не решаясь пустить в дело нож. Репетировали они, что ли? Во всяком случае, походило это всё на вольную интерпретацию «Отелло» Шекспира. Из тех, что снимали разного рода Роберы Брессоны и Андреи Тарковские. Сейчас откуда-нибудь из подворотни появится пожилая мать Нурика, укутанная в чёрную шаль, а женщина устроит акт самосожжения под хрен его знает откуда заигравшую симфонию «К радости».

Я выбросил телефон из машины и, прежде чем кто-то успел сказать хоть одно слово, скрылся из виду.

Я буквально сгорал от азарта и не помнил, как припарковался у дома, не помнил, как открыл дверь квартиры. Мне казалось, я прошёл её насквозь, как супергерой из комикса.

Бросив жене:

— Лена, сделай мне кофе, — я сел за компьютер.

Графики! Я погрузился в них с головой. Я что-то чертил, открывал ленты финансовых новостей, потом сверял полученные мной данные с фазой Луны и тем, какая планета сейчас была в Козероге, а какая во Льве. Я варил настоящее зелье из знаний, в котором таблица умножения опускалась в кипящее варево сразу же после выдержек из трудов Фридриха Ницше, а статистика роста числа безработных в Америке замешивалась одновременно с буддийскими мудростями. Дав получившейся похлёбке остыть, я отпил пару глотков. И на меня снизошло откровение! Нужно играть на понижение. Да-да, золото непременно отскочит к только что сформировавшейся линии поддержки.

Поставив стоп-лосс, я вошёл в сделку. Сразу двумя лотами. Всеми деньгами, что были на депозите.

Какое-то время цена топталась на месте. Мне же, напротив, хотелось куда-то бежать. Я встал и обошёл комнату. Сначала по часовой стрелке, потом против неё. Затем вернулся к компьютеру. Котировка двигалась вверх, сжирая взятый в банке кредит.

— Поворачивай. Ну же, — прошипел я.

Я поднял правую руку, пытаясь воздействовать на рынок тяжестью своей длани. Я чувствовал под ладонью сопротивление цены. Теперь она снова застыла на одном уровне. Тогда я напряг мышцы, включая и те, о существовании которых нам редко приходится вспоминать, и принялся медленно опускать руку вниз. Да, ваша честь, я оказывал на рынок давление. И котировка — о чудо! — начала идти вниз. Она опустилась на три жалких пункта, которые тут же поглотило противоположным движением цены. Но это была первая ласточка. Отыгрывая по несколько долларов за десять-пятнадцать волнообразных колебаний свечи, я вышел в плюс. К тому времени я уже находился на грани нервного срыва и орал как помешанный:

— Да, ещё ниже, пожалуйста.

На мои крики из кухни вышла жена, принеся с собой запах котлет. Минут двадцать они скворчали на сковороде через стенку, но я этого не замечал. Все мои органы чувств были сфокусированы на мониторе компьютера. В том числе и обоняние. Боже, да я, кажется, чувствовал лёгкий аромат золота, исходивший из колонок компьютера. Оно пахло тончайшим нотками французского вина урожая одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, кожаным салоном нового AMG и солоноватым дуновением моря.

— Выигрываем?

— Погоди, — шикнул я на жену, боясь спугнуть удачу, хотя только что орал как человек, побивший десять олимпийских рекордов и ещё две дюжины мировых. Не говоря уже о европейских.

Цена, потеряв точку опоры, неожиданно рухнула вниз.

— О Господи! — вскричала жена.

— Да-да, — произнёс я.

— Господи.

Но рынок явно играл с нами в кошки-мышки. Не успели мы свыкнуться с обрушившимся на нас счастьем, как котировка резко взметнулась вверх, отыграв за раз десять пунктов.

— О Господи! — снова вскричала жена.

— Да погоди ты со своим Господом, Христа ради.

Жена замолчала, но вцепилась мне пальцами в плечи с такой чудовищной силой, что хоть сейчас налаживай на промышленном уровне производство поваренной соли.

— Падает, опять падает, — закричал я, указывая пальцем на график. Разговаривать человеческим голосом я, конечно, не мог.

Нет, движения котировок непредсказуемы. Три часа рынок может трепать тебе нервы геморроидальными скачками на одном уровне, пока, в конце концов, сделав совершенно равнодушную мину, за каких-то пару мгновений коснётся стоп-лосса, преодолев двадцать пять пунктов быстрей, чем ты успел прочитать «Отче наш».

— Чтоб вас драли в задницу и я это видел, — непроизвольно вырвалось у меня. Я всегда это кричал, когда находился на грани жизни и смерти. — Мы это сделали! Сделали, будь я неладен.

— Сколько мы выиграли?

— Полторы тысячи долларов.
— О Господи.
— Да. И это только начало.

Теперь я решил сыграть на повышение. Да-да, я конченый психопат, я это знаю, но разве план мой не гениален? Собрать урожай на корректировке цены и следом взять куш на очередном движении тренда.
— Не делай этого, Лёша, не надо.
— Надо, Лупоглаз, надо.

Я открыл сделку. На этот раз не пришлось даже нервничать. Через минуту цена уверенно двинулась вверх. Она двигалась без резких скачков и падений. Будто её кто-то подталкивал в спину. Стабильность, чёрт её подери. Вот что значит сотрудничать с международной компанией.
— Мы богаты,—закричал я десять минут спустя, когда цена пробила стоп-лосс.—Богаты, чёрт побери.

Наверное, обнимались мы с женой в этот момент, как два цирковых морских котика где-то под Тверью, которые, после долгих скитаний по разорённой инфляцией стране наконец собрали полный аншлаг.
— Завтра же делаем визы. Поедем в Европу, посмотрим, правда ли у них там живут одни гомосеки.
— А я хочу посмотреть Эйфелеву башню.
— Посмотришь. Это как раз где-то между Колизеем и Тауэром. По утрам будем кушать креветок, а вечером пить божоле. И никаких отныне котлет из туалетной бумаги.
— Ой, забыла совсем. Котлеты же на сковороде.

Дым в комнате стоял, как при пожаре. Жена побежала на кухню, а я открыл миллион окон—проветрить квартиру. А после пошёл в магазин за французским шампанским.

11.

Приятно просыпаться богатым.

Ни с чем не сравнимое чувство спокойствия и удовлетворения, которое ничто не способно разрушить. Даже пошарканный до бетонного пола линолеум под ногами и дребезжащий, словно потерпевший крушение космический корабль, холодильник. Отныне это всё меня не касалось. Как грязь и нищета гниющей Калькутты не касалась человека, пролетавшего над ней высоко в небе в сторону Канарских островов.

Я умылся и вышел на кухню. Жена сидела в углу, уставившись в одну точку. Вид она имела не выспавшийся. Должно быть, сложно спать с такой горой нежданно-негаданно свалившегося на тебя счастья. Я и сам не уснул бы, если после шампанского не всадил бы чекушку армянского коньяка.

Сделав кофе, я торжественно встал у окна.
— Ты меня убьёшь, если узнаешь,—сказала жена.

Честно говоря, голос её мне не понравился.
— Говори,—сказал я.
— Не могу.

Тут она, конечно, заплакала.
— Давай колись, что случилось?
— Я всё проиграла.
— Проиграла?—повторил я.

Что она могла проиграть? Набор кастрюль из «Фэмили Маркет», который мы купили по аукционным купонам за половину цены? Или две тысячи начисленных сотовым оператором баллов за три года сотрудничества? Хотела подключить на гудки новую песню Билана, а в итоге пожертвовала баллы на благотворительный сбор в пользу озеленения Юпитера?
— Да,—сказала она и заныла с новою силой.
— Какого чёрта?—закричал я, опустив кофе на подоконник.
— Ты уснул, а я решила включить компьютер и ещё раз посмотреть на наш выигрыш. Одним глазочком. И я… я… я подумала, что если удвою его, то никому от этого плохо не будет. Я сыграла австралийскими долларами и закрылась с небольшим плюсом. Потом открыла сделку на евро. И опять чуть-чуть выиграла. Я хотела лечь спать, но увидела, что золото опять дорожает. И тогда я… я действительно всё проиграла.

Австралийские доллары! Я не верил своим же ушам.

Я бросился в комнату. Компьютер находился в спящем режиме. Как дымящийся пистолет в квартире с окровавленным трупом, он молча свидетельствовал о совершённом здесь преступлении. Когда монитор включился, я чуть не пробил ему правой. На депозите значилось три сотни баксов—сумма, при которой происходит автоматическое закрытие сделки, чтобы клиент не ушёл в минус. Предусмотрительно, чёрт их дери. Если кому-то вздумается вскрыть себе вены, проиграв всё имущество, у родственников останутся деньги на похороны. Разумеется, на весьма скромные похороны.

Я пошёл на балкон и закурил. Я не хотел видеть жену. Я за себя не ручался. Возможно, я смог бы сейчас её и убить. Но здесь, на балконе, мне пришли в голову мысли другого характера. Как-никак пятый этаж. Такие двери в загробную жизнь обычно не бывают закрытыми.

Руки сами потянулись к сотовому телефону.
— Рома, привет,—сказал я меланхолично-бодрящимся тоном.
— Привет,—ответил Рома печально.
— Ты там что, спишь, твою мать?
— Да нет же.

Я не узнавал друга. Где его позитивный настрой? Неужели его кто-то обидел? Вчерашний ром был поддельным? Или проститутки, которых он снял, оказались романтичными душами и всю ночь читали стихи?
— Рома, я проиграл две штуки баксов.

— Да?
— Представь себе, да!
— Ну ничего. Могло быть и хуже,— произнёс он.
— Рома, ты втянул меня в это дерьмо. Теперь вытащи меня из него.

Я так и сказал ему напрямую. Всё лучше, чем полчаса ходить вокруг да около, а потом один хер выпалить правду-матку.

— Каким, интересно, образом я должен тебя вытащить?
— Не знаю. Ты мог бы, например, дать мне немного денег на новый старт.

Боже, я разговаривал, как какой-нибудь герой из фильма Мартина Скорсезе. Я был в полном отчаянии, в полном.

— Пару сотен я смогу для тебя наскрести.
— Рома, ты издеваешься надо мной?
— Лёха, я проиграл за последние дни три миллиона.

Вот это новость. Мне словно прилетело по голове бейсбольной битой, когда я бежал со всех ног за уходящим автобусом. Прилетело на встречном движении. Аж земля ушла из-под ног.

— Рублей?— спросил я.
— Ты считаешь, это что-то меняет?

Теперь я понимал, откуда в его голосе столько трагизма.

— Откуда ты взял три миллиона?
— В банке дали.
— Вот ты ослиная голова.
— Я всё просчитал,— произнёс друг. Мне, казалось, он плачет на другом конце линии.— К сегодняшнему утру, самое позднее к пятнице, я должен был стать долларовым миллиардером.
— Рома, ты вообще где?
— Я пока здесь.

Он явно был на грани петли. Нужно было его срочно спасать. Как анонимные алкоголики собираются вместе, чтобы не пить, так и потенциальные самоубийцы— вместе бухают, чтобы не вскрыть себе вены.

— Я сейчас приеду к тебе. Нам нужно выпить.
— У меня двести рублей, а мне ещё жить на них чёрт знает сколько.
— Тебе ещё жить на них долгие годы. Слышишь меня?

Знаю, звучало ужасно, но, кажется, он меня понял.

— Да,— покорно произнёс Рома.
— Я вызываю такси.

Окончание следует

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Цветные мечтанья

Сочинения участников краевого литературного конкурса

Илья Цедрик

9 класс

Я плыву по речке такой,
Где несколько метров вниз глубиной…
Куда и зачем я так долго плыву,
Только известно лишь мне одному.
Хочу далеко, на те острова,
Где низко плывут корабли-облака,
Где в чистых прудах водится рыба,
Где можно попробовать суп из крапивы,
И звери желают мне только добра,
Я бы остался там жить навсегда.
Оставлю свой сон и цветные мечтанья,
Такое местечко найду при старании,
Эти снежные горы и много зверей,
Озёра и реки! Это мой Танзыбей!

Мария Самсонова

6 класс

На заснеженных хребтах
Виден образ великана.
Сказка родилась в горах,
Сказка дедушки Саяна.
Вот берёзки на пригорке
Припорошены стоят,
У рябинушки на горке
Красны ягодки горят.
С ветерком волшебным тихим
Сказка между гор живёт.
Я любуюсь лесом зимним,
Сердце и душа поёт!

Вячеслав Нескоромных

Подарочки

Кяхта

Из истории Русской Америки

Отгуляв свадьбу и коротая лютую зиму за учётом своего торгового имущества, собрался Григорий Иванович на ярмарку в Кяхту, как только минули крещенские морозы и в феврале заиграло совсем по-весеннему в этих широтах солнце.

Засобирался на ярмарку Григорий Иванович с охотою матёрого дельца, этакого засидевшегося заядлого рыбака-удильщика, который без торговых сделок, как рыбак без поклёвок, начинает закисать. Долгие уже годы жил и дышал Григорий Иванович атмосферой, в которой сходятся крепкие характеры торговых людей и рождается навар от продажи, вечно ускользающий барыш,—прибыль, от которой порой ломятся склады, пухнут счета в банке и растут уважение и страх в глазах конкурентов.

Засобирался также, дабы просто продать залежавшийся, но ещё не потерявший в цене свой товар—меховую рухлядь—да прикупить на вырученные деньги столь нужные на промыслах ткань, продукты и специи, а ещё запастись чаем, что стоил на Кяхтинском рынке сущие копейки в сравнении с ценами в Санкт-Петербурге и Москве.

Кяхтинский рынок сформировался как ветка-отросток Великого Шёлкового пути из Китая в Европу, и здесь можно было приобрести всё, чем славился Китай. Особо ценились, кроме чая, ткани, шелка, фарфор, различная посуда и хозяйственная утварь.

Интерес был и чисто житейский у Шелихова: знакомцев повидать, пообщаться, узнать, почём ныне лихо купеческое да доля торговая, что на рынке пользуется спросом, найти новых компаньонов для дела и просто отдохнуть душой,—поиграть в картишки, потрапезничать в честнóй компании, посетить знатные дома.

Засиживаясь допоздна, в один из таких вечеров пригласил Шелихов к себе зятя да заговорил с ним о поездке на ярмарку.

Николай, который по приезде в Иркутск и особенно после женитьбы округлился и сиял теперь лицом, как начищенный речным песком самовар, спешно пришёл с нетерпением, ожидая делового разговора,—так уж он утомился, пропадая в безделке, проводя время в основном в обществе жёнушки своей юной Анны, расторопной Натальи Алексеевны и младших шелиховских детей. Женщины без конца потчевали Николая всем, что могли подать на стол из печи и погребов, старательно выдумывая всё новые изыски сибирской кухни.

А с другой стороны, грянувшие морозы и вынужденное безделье вполне располагали к тому, чтобы из постели подниматься к двенадцати пополудни, а ко сну отправляться, едва стемнеет, предварительно откушав всяческих разносолов, пропустив рюмку-другую стылой водочки. Перед сном ещё садились порой за карты с приглашёнными к ужину гостями. А уж сыграв партейку в карты и вконец осоловев после ужина, закивать, засыпая, головою в направлении широкой семейной кровати, где под боком молодой жены просыпались порой страстные желания.

Вот так хорошо легла женитьба на душу столичного чиновника.

И как тут не располнеть?

Однако, выслушав предложение тестя о поездке на ярмарку, взбодрился Николай и решительно взялся собираться.

Выехали, собрав обоз в несколько санок, поутру и ходко пошли по льду Ангары в сторону Байкала. Дорога была ровной и наезженной, но к обеду, добежав до деревни Тальцы, вынуждены были сойти со льда на дорогу, что извивалась по берегу. Со слов местных мужиков, сразу за деревней начинался обширный зажор, и пористый лёд дыбился под натиском воды. Пришлось умерить пыл и двигаться с оглядкой по лесной дороге, на которой тяжёлые санки вязли и кони выбивались из сил. Так едва-едва к ночи добрались до деревни Никола, где и заночевали.

С утра пораньше, миновав последние вёрсты, на лёд Байкала вышли, на простор сибирского моря, на более верный лёд. Байкал радовал простором. Воздух был прозрачен, лёд едва припорошён снегом, а вдали виднелся противоположный берег, вздыбившийся величественным и заснеженным на фоне голубых небес Хамар-Дабаном. Дорога вела вперёд, изредка петляя: обходила торосы да редкие трещины.

К вечеру добрались до Танхоя, где и заночевали на постоялом дворе у трактира, определив в тепло и лошадей.

Поутру раненько тронулись снова в путь, уже по берегу Байкала, всё отдаляясь от него на юг. Густая тайга сменялась редколесьем, и уже на подходе к Кяхте местность предстала переменчивая: редколесье сменялось степным пейзажем. За время пути ещё трижды заночевали на станциях с постоялыми дворами и, используя ясные денёчки, по укатанному зимнику доскочили ходко до Кяхты — всего-то за пять деньков.

Кяхта, место, где сходятся российская глубинка с ярким и богатым Востоком, встретила путников звоном колоколов всех церквей, которых настроено было здесь местными купцами достаточно. Здешний рынок утопал в товарах, потребность в которых была велика.

Местные купцы, владея торговой монополий, «наваривали» густо на продаже чая и восточных специй, просто перепродавая товар приезжим торговым людям. Сколотив состояние и порой с трудом понимая, куда деньги девать, частенько просто куражились, отстраивая хоромы да доходные дома в столице, а в Кяхте вкладываясь в церковные приходы и монастыри, замаливая бесчисленные грехи.

Резанов сопровождал тестя в его передвижениях по Кяхте от снятой по случаю приезда квартиры до банка и самого рынка, на котором насмотрелся столичный чиновник на диких обличием, тёмных лицом погонщиков верблюдов, торговый люд и всяческую челядь, обслуживающую торговую суету. Чайный рынок представлял длинные ряды тюков с чаем и специями, что громоздились, казалось, бесконечными рядами.

Вникать во все тонкости торгового процесса у Резанова не выходило. Трудно удавалось вникать в суть переговоров Шелихова с купцами, сложно было соответствовать их привычкам гулять до глубокой ночи в обществе приглашённых женщин с их легкомыслием и бесконечными визгами в объятиях бородатых и, как на подбор, крепких ухажёров.

После таких затяжных вечеринок Григорий Иванович заявлялся в снятую квартиру под утро, ещё хмельной, в аромате женских духов, сивухи и пота, перепачканный алой помадой. Подсаживаясь на кровать к спящему Резанову, непременно будил его и заставлял выпить чарку коньяка, объясняя, смеясь, что ему нужно на опохмелку, а Резанову на почин нового дня. Пошутив с зятем, шёл спать и до обеда храпел на все лады, демонстрируя крепость духа и уверенность в завтрашнем дне.

Но, забавляясь, дела тем не менее Шелихов решал споро: закупил товар и отправил обоз со своим доверенным приказчиком под охраной в Иркутск, а сам, оставшись завершить дела, ещё раз устроил крупное застолье, пригласив всех уже примелькавшихся за дни ярмарки купцов и дам. После шумной и пьяной вечеринки, поутру, тесть и зять в сопровождении приказчика компании отправились в Иркутск.

Снова потянулись вдоль дороги заснеженные равнины и холмы, перелески и убогие станции, где можно было поправить поклажу, перекусить взятыми с собой сальцем и жареной курицей и, несколько размявшись, ехать дальше.

Снежная равнина с редкими в этих полустепных местах перелесками, покачивание санок, ленивое, вполголоса, покрикивание возницы, как обычно, быстро убаюкивают путника. В глубине собольей шубы, в её адовом тепле, под двойным тулупом, тело размягчалось и млело, и только лицо, открытое ветру через узкую щель накинутого на голову ворота размером с добрую подушку, улавливало стылый со жгучими снежинками воздух. Спрятав лицо и отдавши всего себя неге забытья, Николай задремал. Вдруг кони с плавного, тягучего, размеренного хода резко встали и шарахнулись в сторону, санки, перед тем как встать, дёрнуло, и раздались грубые чужие голоса.

«Застава, что ли?» — подумал спросонья Резанов.

Рядом зашевелился Шелихов, крепко спавший после доброго обеда и нескольких чарок водки. Вскоре раздался его голос, деланно грубый, сильный и оттого почти незнакомый. Если бы Шелихов не был совсем рядом от него, Николай так бы не понял, что говорит он.

— Что это вам нужно, шельмецы? Что удумали? Прочь! А ну дай дорогу! Купца Шелихова не разглядели? А не выйдет ли вам, сволочи, это боком?

— Заткнись, барин, да давай плати подать за проезд по нашим местам! Здесь мы вершим закон и правосудие! — раздалось уверенно с дороги.

Николай пока ничего не видел, схоронившись в возке, но ситуация явно требовала его участия, и, высунув лицо из уютной шубы, Резанов увидел несколько живописных фигур в тёмных одеждах, перегородившие дорогу санки, запряжённые тройкой коней, и отметил впереди стоящего человека в шапке, лихо задвинутой на макушку лохматой чёрной головы. Человек был огромен, как казалось, стоял уверенный, широко расставив ноги, на нём был короткий полушубок, а в руках кремнёвое ружьё. Второй разбойник стоял позади вожака и сжимал в руке топор.

Шелихов между тем сошёл с возка и теперь твёрдо и спокойно шагал навстречу вожаку. На боку у Шелихова висела шпага, которая казалась в сложившейся ситуации совершенно бесполезной. Шелихов нацепил шпагу перед поездкой и, смеясь, заметил, что не помешает сей атрибут в дороге, ибо лихой здесь живёт народец, не чуждый пощипать возвращающихся с ярмарки купцов.

Шелихов вплотную подошёл к разбойникам и, не проявляя при этом какой-либо агрессии,

продолжал с главарём вести обмен фразами, говоря спокойно и даже несколько снисходительно, как с ребёнком. Чувствовалось, что разбойник несколько смущён.
— Ты что это, братец, купца Шелихова не признал? Меня знают лихие люди по всей Сибири, а ты не признал? Беру смелых да отчаянных в свою команду для промысла в Америке! Слыхивал ли? Я ведь не просто купец, у меня влияние в этих краях таково, что завтра придут сюда солдаты, и вам ой как будет несладко. С губернатором надысь ужинал, так что смотрите, до острога быстренько проводим, а то, если шибко попросите, можем и не довести до острога, в буераке оставим для медведя. Убирайте сани с дороги и езжайте далее с Богом, пока миром прошу!
— Откупись, барин, по-доброму, и дело с концом,—уже как бы примирительно ответил вожак и насупился, давая понять, что без денег не отпустит задержанный возок.
—Ладно,—ответил Шелихов и как будто полез в карман за кошелём и стал уже доставать увесистую кубышку, но вдруг резко бросил что-то навстречу разбойникам и серое облако окутало лихих людишек.

Разбойники схватились за лицо, яростно натирая глаза и, ослепнув, стали кружиться и подвывать, натыкаться друг на друга, совершенно не ориентируясь в пространстве.

Шелихов между тем решительно поднял брошенное ружьё из снега и, достав из ножен тоненькую свою шпагу, резко, наотмашь, умело стал хлестать разбойников, которых неплохо защищали их овчинные полушубки. Тогда Шелихов прицельно ударил плашмя гибким лезвием шпаги главаря по голове, уже потерявшего свою лихо заломленную шапку. Вожак рухнул в снег. Голова у него взмокла и ещё более почернела, а на дороге растекалось, плавя снег, алое пятно.

Резко повернувшись с ружьём в сторону разбойничьего возка, в котором сидел опешивший возница, Шелихов прокричал:
—Убирай коней с дороги! Всех порешу!

Страшный вид купца сразил и Резанова. Побелев резко лицом и сверкая глазами, с искажённым судорогами ярости ртом, Григорий Иванович был страшен.

На дороге замешкались, засуетились, и тогда, шагнув к возку, Шелихов выхватил из дорожной сумки пистолет и, несколько укоризненно скользнув бешеным взглядом по Резанову, пальнул в сторону разбойников. От выстрела кони рванулись, стременной встал на дыбки, кто-то из разбойников, охнув, завалился в сани. Над местом стычки заклубился сизый дым от пистолетного пороха, и в морозном воздухе пахну́ло сернистым. Нелепо перемешивая снег копытами, увязнув по брюхо, кони стали тянуть чуть ли не опрокинувшийся возок по целине прочь. Но возница всё же проявил своё мастерство и, полный отчаяния, нахлёстывая коней, вывел их на твердь дороги, и санки с двумя разбойниками полетели вдаль, оставив на дороге страдать своих товарищей. Глухой топот копыт скоро утих, и только стоны пострадавших в схватке разбойников сопровождали сценку.

Шелихов стоял теперь, широко расставив ноги, на дороге, смотрел вслед возку, а затем, глянув на страдальцев, опустил ружьё, резко шагнул к возку и, усевшись поверх шубы, скомандовал:
— Давай, Михей, гони!

Кивнув в сторону разбойников, Григорий Иванович подвёл итог схватки:
—Небось оклемаются, а оклемаются—урок будет.

Возница щёлкнул кнутом, и кони, упираясь и часто перебирая ногами, кидая из-под подков комья снега, тронули прилипшие к снегу санки и пошли, пошли, набирая ход.

Шелихов укрылся шубой и сидел молча, закрыв глаза. Его меховая шапка была надвинута на глаза, и казалось теперь, что никакой остановки по требованию разбойников не было вовсе. Вдруг, открыв глаза, Шелихов сказал:
— Вот ведь как знал, взял с собой адскую смесь—соль с китайским жгучим перцем: действует лучше пистолета в ближнем бою,—и, ткнув Резанова локтем в бок, спросил:—Да ты никак сомлел, перетрусил, Николай Петрович? Бойчее тут нужно быть. Сибирь разбойниками, как старая шуба клопами, набита. Во всех щелях хоронятся до поры. Да меня пугать уже дело пустое. В наших американских делах и не такое переживали. Порой казалось: всё, предел, конец и нет хода назад. А всё же выбирались из труднейших положений, находили выход и, порой шагая по трупам, выходили сухо из воды.

Умолк и задумался Шелихов, вдруг вспомнив чёрный песок и свинцовые валы океана с их многотонным напором. Вспомнив далёкий свой промысел, вдруг как наяву увидел бесноватого вождя местного племени с закатившимися пустыми глазами, которого пришлось ему зарубить, так метался и яростно нападал он на колонистов, будучи уже посаженным на цепь после неудачного, но очень кровавого нападения на охотников-промысловиков.

Задумавшись о Резанове, который не помог ему в схватке ни словом, ни делом, Шелихов подумал о том, что явно не боец зятёк, не боец, хоть и офицер в прошлом. Да и ладно. Его задача в столице лад чинить—дела канцелярские двигать, а с лихими людьми мы и сами управимся. А так подумав и успокоившись, достал из саквояжа Григорий Иванович початую уже бутылку коньяка и глотнул прямо из горлышка, а затем ткнул в бок Резанова и молча протянул ему бутылку тёмного стекла. Резанов вздрогнул поначалу, а увидев протянутую

тестем бутылку, взял её поспешно и, задохнувшись, проглотил обжигающей и ароматной жидкости. По телу пошла волна согревающего тепла, ударил нервный озноб, и мир как-то снова встал на свои места, и не осталось места ни тревоге, ни грусти.

Путь лежал теперь уже к Байкалу, а там открывались родные пределы, к которым теперь уже ходко, как будто скинув груз, летел их возок.

В Иркутске Николай чувствовал неловкость от своего малодушия и всё ждал, как скажет об этом тесть. Но Шелихов молчал и не подавал и виду, и вскоре всё подзабылось, а вскоре кануло в небытие.

Карл

Карл Иванович Инсберг ранним летним утром шёл привычной дорогой.

Маршрут российского пенсионера пролегал через ближайшую аптеку, в которой он покупал иногда лекарства по льготной цене, летний неформальный рынок с молоденькой редиской, лучком и укропом, неспешно распродаваемым словоохотливыми огородницами, и киоск со свежим хлебом и молоком.

Ночью прошёл дождь. Прозрачные на промытом асфальте лужи выявляли неровности дорожного покрытия. Края луж были припудрены белым налётом пыльцы—пришло время цветения. У лужи скакали вальяжно голуби и суетились воробьи—пили водицу и умывались, старательно утирая носики о яркие перья.

Карл улыбнулся. Много раз им виденные картинки радовали, как радуют ребёнка знакомые рисунки в любимой книжке.

Если жизнь—книга, то Карлу осталось дописать и перевернуть её последние страницы. Он это осознавал и чувствовал большим, набухшим от работы и переживаний сердцем и всем своим большим грузным телом, которое порой отказывалось служить. Болели суставы, колени к утру опухали, опухали и ступни ног так, что с утра приходилось обувать очень старые разношенные туфли, которые так и числились в реестре востребованных вещей как туфли утренние.

Так и шаркал по асфальту Карл плохо гнущимися ногами в потерявших вид туфлях, определив себя не без улыбки в число «лыжников», иронизируя по поводу собственной походки.

Карл был достаточно подтянут, аккуратен, а в свои неполные восемьдесят лет выглядел вполне свежим. Мужчина следил за собой, каждое утро перед выходом на улицу брился, смывая с лезвия бритвы совершенно белые волоски щетины, вспоминал, как он впервые побрился, удаляя нежную тёмную растительность со своих щёк и подбородка. Было это так давно, но по-прежнему так свежо в памяти, что даже помнился вкус хозяйственного мыла, которым стирали бельё, мылись в бане и из него же взбивали пену для бритья.

Пройдя привычным маршрутом с пакетом, в котором лежали теперь капли и таблетки, добытые в аптеке, хлеб и молоко, Карл не спешил домой, в свою трёхкомнатную квартиру, полученную им давненько уже в панельной пятиэтажке, ещё перед выходом на пенсию. Квартиру семья Карла получила за его многолетний труд, когда уже недоставало сил тянуть лямку горного мастера на далёкой северной шахте и следовало перебираться в город.

Подойдя к дому, Карл присел на лавочку под тенью деревьев.

Пискнул телефон. Карл достал его и увидел, что пришло сообщение от жены. Как обычно, сухо, без предисловий, перед глазами возник вопрос: «Ты где запропастился?»

Не удивившись тону и представив привычные раздражительные интонации жены, невольно отметил дату на телефоне—четырнадцатое июня[1].

Мастером Карл был хорошим.

Природная немецкая дисциплинированность и стремление всё сделать аккуратно и в срок очень ценились на предприятии. А то, что Карл практически не выпивал, делало его просто незаменимым работником. На этом уважении начальства и подчинённых Карл держался за свою работу, которую знал досконально, но не любил. Но так вот вышло, что в юные года, когда следовало решать, чем заниматься в жизни и куда идти учиться профессии, оказался он в горном техникуме. А куда ему было податься после восьмилетки в этом сибирском шахтёрском городке, в котором, казалось, как ни крутись, в шахте и окажешься? Представлялось порой, что все дороги заканчиваются где-то сразу за этим шахтёрским городком. Собственно, для него, молодого человека со странным для русского уха именем Карл, в те послевоенные годы, годы разрухи и выживания, иного пути, возможно, и не было.

Где-то в глубине его сознания таилась мечта о полётах, о небе, о невероятной свободе и празднике духа. Когда же повесткой позвали первый раз в военкомат для учёта будущих военнослужащих, на вопрос улыбчивого моложавого военкома о желании служить Карл неосторожно сказал:

— Хочу быть лётчиком.

Военком, окинув взглядом Карла, усмехнулся и спросил:

— Ты же немец? Таких, как ты, овощей, знаешь, пацан, в авиацию не берут. В пехоту если, и то в крайнем случае,—грязь месить.

Военком хорошо знал историю депортированных переселенцев и понимал, что высланные перед

1. 14 июня 1941 года—день депортации нескольких десятков тысяч граждан Эстонии, Литвы и Латвии в восточные области СССР.

самой войной из Прибалтики и иных мест немцы и иные, по мнению власти, неблагонадёжные особи человеческого рода жили здесь тяжко, выживали, вытягивая жилы на непосильной работе.

— Я не немец, я эстонец,— ответил Карл, глядя уже исподлобья, уловив, что дал промах, поддавшись на обаяние военкома, и высказал то заветное, что нужно прятать в себе.

— Рассказывай байки. С такими-то имечком и фамилией ты — эстонец? — и, оглядев внимательно парнишку, добавил: — А хоть бы и так — хрен-то, он не намного редьки слаще. Твои вон кровники до сей поры в лесах прячутся. Лесные братья — слыхивал? Всё отстреливаются, по лесам отсиживаются, схроны роют — ждут подмогу от своих недобитых в сорок пятом,— военком нервно закурил, пуская агрессивно дым в сторону призывника.

Карл смолчал. Он мало знал о том, что сейчас реально происходит на его родине, в местах, где он родился. Об этом в газетах не писали.

Выйдя от военкома и проглатывая обиду, Карл сорвался с места, кинулся назад в кабинет военкома и, задыхаясь, выкрикнул в лицо опешившему офицеру:

— Вы разве не знаете, что первое кругосветное плавание — подвиг русских моряков под руководством командора Крузенштерна — совершили морские офицеры, из которых почти все были прибалтийскими немцами? Сам Крузенштерн родом из Ревеля. А Фабиан Беллинсгаузен, Отто Коцебу — великие русские мореплаватели — прибалтийские немцы, ученики Адама Иоганна фон Крузенштерна! А сколько ещё прибалтов полегло во славу России! Вы разве не знаете?!

Закончив свою, как вспышка огня, яркую и яростную речь, Карл развернулся и выбежал из военкомата, пылая лицом.

Здесь, в сибирском шахтёрском городке, он оказался, перебравшись вместе с мамой и её новым мужем из-под Иркутска. Там они жили на поселении, сроднившись поневоле с крепкой деревней Шаманка, что ютилась одним концом между высоченной вертикальной стеной скалы и быстрым Иркутом, а другим концом раскинулась привольно по широкому распадку, уходившему в глубину тайги.

Здесь они оказались поздней осенью 1941 года, когда уже полыхала на западе страшная по своей сути и последствиям война. Здесь, в Сибири, её влияние ощущалось по строгости осунувшихся сосредоточенных лиц, военной форме на мужчинах, эшелонам с людьми и техникой и вдруг опустевшим деревням и сёлам, в которых теперь в основном бабы да девки с мальцами вершили все мужские дела.

Собственно, этого Карл помнить не мог. Мама его, полуголодного, в обмороке, принесла на руках в избу, что отрядили им на проживание, подселив к немолодой уже паре, отправившей на войну двух сыновей. И уже здесь, на краю Шаманки, началась их новая жизнь и впервые осознанная жизнь Карла.

Отец тоже был невдалеке от них, и это было большой удачей, так как власти нередко разлучали семьи, обрекая на долгие страдания в разлуке. Но и здесь для неблагонадёжных мужчин власти определили иной статус пребывания в местах переселения. Этот статус был — зек.

Здесь, возле Шаманки, в отдалении, у реки Каторжанки, были выстроены бараки, обтянутые колючей проволокой. Вновь прибывшие были заняты заготовкой леса, сплавляя и вывозя брёвна к реке, по которой отправляли древесину вниз по течению реки до города, где она попадала на переработку. Говаривали, что из тамошней сосны делают приклады для винтовок, ящики для снарядов и патронов, а из берёз — лыжи для солдат.

Отца Карл не помнил совсем. Стефан Инсберг не мог выходить за внешние пределы колючей проволоки, чтобы повидать сына. Карл помнил лишь отрывочно, как они с мамой готовились к встрече с отцом, экономя, собирали для него хлеб, сало и прикупали табак. Утром в назначенный день торжественно выходили в направлении лагеря и вместе с другими женщинами шли несмело в запретную зону через шаткий мост, мимо охраны и рвущихся с поводков псов.

Мама позже рассказывала, что её муж, печной мастер и жестянщик, был почти что коммунистом, поддерживал всё советское и был сторонником и равенства, и братства. Выбравшись из Кёнигсберга в Таллинн, после прихода к власти фашистов молодой и грамотный Стефан активно взялся поддерживать местных коммунистов, а после прихода в Эстонию Красной Армии радовался неподдельно, но вдруг оказался в списках неблагонадёжных как бывший подданный Германии.

Так семья Стефана Инсберга — он сам и молодая жена с трёхлетним сыном — оказалась в Сибири, преодолев в теплушке тысячи вёрст по огромной, особенно в сравнении с крошечной Эстонией, стране.

Везли их поврозь: отец — под охраной в охраняемом вагоне, а они с сыном и такими же, как они, женщинами и детьми — в набитых до отказа деревянных теплушках. Вагоны продувались насквозь, а в дождь в вагоне было сыро и холодно. Благо, что основной путь поезд с депортированными проделал летом, и только на исходе пути вагоны застряли, пропуская на запад военные эшелоны. Здесь их и застаиа стылая сибирская осень, холодные туманы и изморозь к утру на стенах вагона.

Отец умер в лагере.

Здоровья молодому печнику хватило лишь на два неполных года. Сначала ему не повезло — придавило и изрядно помяло скатившимся бревном, а потом началась чахотка, харканье кровью, и сил тянуть непосильную лямку жизни уже недостало.

Похоронили Стефана у деревни, на берегу Иркута. Сами похороны Карл немного помнил. Запомнил, как опускали дощатый, грубо сколоченный гроб и как громко застучали комья земли о ящик с телом отца. Малый ещё не понимал, отчего так убивается над ящиком его мама. Запомнил неказистый холмик земли и установленную каменную плиту, что изготавливали сами заключённые в лагере для «своих нужд».

Карл сидел на лавочке возле подъезда своего дома и вспоминал, как его, молодого выпускника горного техникума, откомандировали на Север, к океану, в далёкую Хатангу.

А куда ещё направить отличника и обладателя красного диплома с такой непростой фамилией, как Инсберг, и именем Карл? Конечно, на самый трудный и удалённый от центра жизни участок социалистического созидания. Так будет всем спокойнее.

Вспомнил, как он получал паспорт.

Метрика о рождении, что сохранилась ещё с Кёнигсберга, написанная по-немецки красивым готическим шрифтом, с приложенным листком перевода с немецкого на русский, встревожила паспортистку:

— Что за Кёнигсберг? Нет теперь такого города!— и процедила, сжав до белизны губы, глядя в упор на побледневшего парнишку:— Немчура недобитая… Давят вас, давят… а вы из всех щелей всё лезете и лезете…

Карл, не помня себя, стремительно вышел и, не забрав метрики, вернулся домой.

Вскоре, однако, его вызвали в милицию повесткой, и милицейский чин, строго оглядев мальчишку, вручил ему паспорт, в котором в графе национальность стояло «немец», а местом рождения указан сибирский шахтёрский городок.

Жена, с которой он сошёлся на Севере, сразу после знакомства выказала недовольство его режущим слух именем.

— Карл! Что за имя для русского? Я буду звать тебя Кириллом! Может, возьмёшь и поменяешь имя официально?

Имя своё Карл менять не стал, но дома и на людях жена стала звать его Кириллом. С дочерями было проще. Для них он был просто папа. А некую нелепость ситуации с именем пережили легко: Карл так Карл.

Молодости дано легко принимать новое и необычное.

Теперь вот иные времена. Всё западное в большом фаворе. Младшая дочь, выходя замуж, упёрлась и простую русскую фамилию мужа не взяла— со скандалом сохранила фамилию отца. Её имя в сочетании с отчеством звучало и вовсе по-европейски: Анна Карловна Инсберг. Дочь этим бравировала, считая, что это её выделяет из толпы.

Карл много читал и думал о своём истинно родном городе Кёнигсберге. Особенно его взволновал старый альбом, в котором он нашёл подробную карту и несколько старых больших фотографий города, сделанных ещё в конце девятнадцатого и в начале двадцатого веков. На этих фото Кёнигсберг, город Канта, представал как современный европейский каменный город, с рекламой на фасадах домов, мостовыми из брусчатки, каменными разводными мостами, конными экипажами с внимательными аккуратными кучерами, любопытствующими мальчишками в аккуратных костюмчиках и девочками в светлых платьицах и шляпках. Вот через мостовую, мокрую после дождя, сразу за грохочущим трамваем, улицу переходят люди, и среди них почтенный господин заботливо держит под руку молодую стройную особу. Женщина выглядит празднично и держит над собой зонтик— видимо, дождь всё ещё её беспокоил.

«Интересно, кто они? Где они, эти коренные кёнигсбергцы, по которым прокатился огненный шквал и растирающий всё живое и неживое в порошок каток страшной войны?»

Рассматривая фотографии, Карл невольно ловил себя на мысли, что он ищет знакомые лица— может, отца или мамы. Ведь они познакомились в этом городе. Именно в этом городе забилось его маленькое сердце, проснулись дух и сознание как искры любви его родителей.

В свой город он так и не попал. Собравшись как-то в отпуск и наметив поездку в Калининград, вдруг получил компетентный совет. Не нужно, мол, тебе, Карл Иванович, с вашей историей ехать в закрытый от внешних взоров город.

Теперь, вспоминая тот эпизод жизни, Карл почувствовал вновь обиду. Так и не стал он своим в этой стране. Теперь, конечно, иные времена и путь в родной город открыт, но стёрлись в душе струны родства с местом рождения, и только память даёт знать о том, кто он и откуда. Да и путь не близкий в этот Калининград.

— Ни здоровья, ни денег не хватит,— отмела робкие его предложения жена, тут же, как обычно, насупилась и молчала в ответ целую неделю без малого, как бы утверждая свою правоту.

Надуться в ответ на что-то не до конца ей понятное было личным стилем поведения жены.

Отступился Карл от мысли побывать в родном Кёнигсберге и совершенно неведомом ему теперь Калининграде.

Вдруг вспомнилось Карлу, как в школе, в которую он поступил по прибытии с поселения в Шаманке, его, мальца, взялись дразнить местные мальчишки. Услышав его имя на уроке и, похихикав дружно в кулачок, тут же незамысловато стали кричать вслед на каждой переменке: «Карл у Клары украл кораллы!»— и ржали теперь уже во всю глотку.

Чему так радовались и что так их бодрило — понять было сложно. Ответ можно было дать один: стая почуяла чужака.

Но постепенно привыкли, сдружились, и проблема растворилась. С прежними недоброжелателями Карл теперь ходил в обнимку и стал заметной приметой, несколько необычной частью стаи. Дружить и быть верным Карл умел. Но с поступлением в техникум проблема вновь объявилась. Половое созревание обостряет конкуренцию. У статного и спортивного Карла появились завистники. Зависть обернулась жёстким противостоянием и сопровождалась потасовками, когда двое-трое парней поджидали старательного Карла то во дворе, то в парке по дороге домой и вязались, норовили задеть, обидеть — просто так, от скуки.

Повстречав как-то своего одноклассника и поделившись с ним проблемой, получил совет: а давай к нам в секцию бокса. Научишься драться — сразу отстанут, силу тут уважают.

Карл пришёл по совету товарища к началу занятий, и тренер, лысеющий невысокий крепкий мужчина со сплющенным носом, набухшими надбровными дугами и посечёнными шрамами губами, пытливо оглядел парня и, отметив статность, предложил:

— Вставай в спарринг вот с ним, — и указал на ладного крепыша, что методично колотил грушу. — Выстоишь раунд против разрядника — оставлю в секции.

Карл кивнул и стал натягивать на кисти рук потрёпанные, расквашенные и пропахшие пóтом и кровью кожаные боксёрские перчатки.

Бой был скоротечным. Парнишка ловко скакал вокруг Карла и отвешивал раз за разом крепкие, стремительные злые оплеухи, скоро разбив лицо Карла в кровь. Он терпел, не опускал рук, но справиться с ситуацией не мог. В один из моментов схватки очередной удар пришёлся точно в челюсть, и свет в глазах Карла померк.

Очнулся Карл от похлопываний по лицу. Тренер, склонившись над ним, привёл его в чувство и объявил, что он прошёл спарринг и если ещё не остыл к занятиям боксом, то пусть приходит в зал на тренировку.

Голова после неравной схватки гудела, губы опухли и кровоточили, под глазом набух синяк, слегка тошнило и двоилось в глазах.

После злополучного посещения боксёрского зала, после сотрясения головного мозга зрение у Карла стало слабеть, и пришлось вскоре выписать очки. Вопрос о поступлении в лётчики решился бесповоротно.

После изрядной трёпки в боксёрском зале Карл стал смелее; стало понятно: помочь ему не сможет никто, только он сам может себя защитить. Нападки недоброжелателей пропускал теперь мимо ушей, а когда приставали и угрожали расправой, смотрел на обидчиков спокойно и прямо, выказывая невесть откуда взявшийся бесстрашный характер. Те и отступили. Стало неинтересно донимать того, кто не боится и презирает их.

Закончился курс в горном техникуме.

Жизнь Карла в новой семье, с отчимом, не ладилась. Отчим, служивший в лагере возле деревни Шаманка и не раз конвоировавший его отца, присмотрел как-то среди женщин белокурую статную Марту — маму Карла. Разузнал вертухай, где проживает тронувшая его сердце молодая женщина, и взялся захаживать с подарками: то хлеб с тушёнкой принесёт, то ломоть сала и головку сахара вручит. Мама смущалась, пыталась отвадить ухажёра, стыдила, когда уже стал её лапать настырный конвоир. Но тот не унимался, а вскоре и весть принёс, что нет, мол, теперь у Марты мужа, вышла такая вот нескладуха: то ли помер, то ли удавили на лесосеке. Такая весть пришла с будущим отчимом, когда придавило отца бревном. Но, оказалось, отец избежал смертельной участи, и поторопил тогда события новоявленный ухажёр. Но время шло, добил недуг отца, и тогда просиявший жених примчался уже с вестью о его состоявшейся смерти.

Мама сопротивлялась напору ухажёра, но тем не менее сдалась.

После смерти отца вовсе стало тягостно справляться с бременем жизни. Было очень голодно и совершенно безысходно. Война гремела вовсю, и, казалось, конца ей не было видно, а тут взрослый человек зовёт ехать с ним в какой-никакой город, предлагает стать женой. Показалось, что это выход и возможность выжить. Согласилась и сразу понесла от нового мужа, а в означенный срок родила доченьку. Назвали Сонечкой.

Так они и перебрались в Черемхово, где отчим продолжил службу в охране в лагере для зеков.

Поначалу всё было в семье вполне пристойно. Но там, где нет любви, начинает лютовать злоба, коли не хватает такта и воспитания. Не получив от красавицы Марты любви и отметив, что грамотная и воспитанная женщина стесняется своего мужа, отчим стал обижать маму. Карл вступился сразу, как мог защищал маму, за что был неоднократно бит злым и пьяным отчимом.

Потом как-то стерпелось.

Только отчим пил всё более и более, а придя домой, сначала ругался и кричал, обзывал маму «немчурой», передразнивал её акцент, специально коверкая слова и гримасничая. Однажды, придя домой пьяным и не добившись взаимности от Марты, отчим обвинил её в том, что она до сих пор любит своего Стефана. А в отместку объявил, что её мужа тогда на лесосеке придавило бревном не случайно. Это он, стремясь завладеть Мартой, подкупил зеков удавить её мужа и скинуть брёвна со штабеля.

Случалось, что, поглумившись над женой, отвесив пару затрещин, отчим засыпал, измождённый

собственной ненавистью, а ночью, очнувшись от угара, насиловал жену, сдавливая рот своей широкой ладонью, чтобы не было слышно её рыданий.

Карл всё это слышал, но жаловаться было некому.

Мама терпела несколько последних лет замужества из последних сил, а когда Карл уже заканчивал техникум, тихо угасла, оставив их с Сонечкой наедине с извергом отцом и отчимом.

Едва дотерпев до конца учёбы, Карл с радостью отозвался на предложение ехать на далёкую шахту. Обещали жильё и хороший оклад. Пришлось оставить Сонечку на попечение её отца, и это была очередная горькая потеря в такой ещё короткой жизни Карла.

Снова заскулил телефон.

Теперь жена уже звонила. Карл ответил. Жена снова спросила о том, где он и почему не идёт домой: завтрак, мол, стынет.

Вот странность. Если он дома, жена может целый день молчать, не замечая его, а на его обращение упорно отмалчиваться, демонстрируя нежелание общаться. Но стоит только ему выйти из дома, начинался телефонный контроль и допрос при возвращении.

Жене Карл был благодарен за долгие годы совместной жизни на Севере, за дочерей, которые не забывали их и подарили внуков. Какой-то большой, пылкой любви не случилось в жизни, но прожита вместе достойная жизнь, за которую он был в ответе и смог сохранить семью и добрые отношения в ней.

Карл тяжело поднялся со скамьи и направился к подъезду.

Дома Карл нашёл большую дорожную сумку и стал собирать вещи в дорогу. Жена с тревогой наблюдала за его сборами и наконец резко спросила:
— А ты это куда засобирался, старый?

Не дождавшись ответа, уже нервно-истерически снова задала вопрос:
— Кирилл, ты куда собрался от меня?
— Я не Кирилл, я Карл,— впервые возразил ей он. И продолжил:— Поеду на могилку к отцу и к маме. Позвали они сегодня меня.

То, как всё было сказано Карлом, подсказало женщине, что решение принято и менять его муж не будет.

На следующий день Карл стоял в дверях, и жена провожала его словами:
— Возвращайся скорее уже. Позвони, как приедешь на место.

Многое изменилось у деревни Шаманка, что стоит на берегу Иркута. Дороги в асфальте, исправно работает паром на сноровистом Иркуте, по дороге несётся поток машин. Только скала, как прежде, величественно громоздится вдоль реки, да тайга, как и ранее, простирается вокруг.

Карл перебрался через Иркут на пароме и ступил на улицу деревни, где когда-то он малым ребёнком бегал вдоль реки, наблюдая, как зеки по реке гоняют плоты.

Река, как и прежде, несла свои воды. Очередное поколение коров и коз паслось на её берегах, пощипывая травку. Карл пошёл вдоль реки за деревню, в направлении старого погоста, где когда-то хоронили его отца. Пройдя вдоль реки изрядно и не отметив ни могил, ни заборчика вдоль погоста, обратился к мужчине, что удил рыбу, свесив ноги с невысокого берега:
— Скажи, уважаемый, а где тут было кладбище когда-то? Здесь, на берегу. Не деревенское, а для ссыльных и зеков.

Деревенский внимательно осмотрел Карла, и было понятно, что должен по возрасту помнить он о том захоронении.

Оглядев неспешно Карла, мужик показал рукой на ровный берег реки ещё выше по течению, где были видны поваленные и вросшие в землю каменные плиты и как будто кресты.
— Наводнение было много раз. Иркут разливается, меняет русло, вот и посмывало могилки-то. За ними охотников ухаживать не было в деревне. Приезжали как-то из Прибалтики люди, походили, посмотрели, но так всё и оставили. С тех пор совсем размыло захоронение. Было такое, что кости в реке находили, а мальцы даже череп таскали по улице, пока милиция их не приструнила. А ты-то кто будешь?
— Я — Карл. Жил здесь с мамой ребёнком. Отец здесь у меня похоронен,— ответил Карл.
— Вот оно как!— воскликнул рыбак, оглядел ещё раз Карла и как-то сразу потерял интерес к приезжему.

Карл зашагал к каменным плитам, вросшим в сибирскую землю. На плитах и крестах, высеченных из камня или отлитых из бетона, были видны ещё едва читаемые надписи латинскими буквами. Местами можно было прочесть имя и фамилию, даты рождения и смерти. Некоторые плиты и кресты лежали вниз, другие вверх текстом. Карл решил проверить все, мало рассчитывая найти надгробие на могиле отца. Надгробий было немного, и он, прилагая немалые усилия, приподнял последнее из них, перевернул и, поливая водой из найденной на берегу пластиковой бутылки, отмыл поверхность с текстом и сразу прочёл: «Stefan G. Insberg. 10.02.1918—23.05.43».

«Вот мой корень, вот моя родина»,— подумал Карл.

Он помыл руки, умыл лицо в реке и, вернувшись к надгробному камню, присел рядом на сухой ствол, наполовину занесённый песком. Достал из сумки бутылку водки и простую снедь, собранную женой в дорогу. В стакан, установленный на надгробную плиту, была налита водка, а стакан

покрыт куском чёрного пахучего хлеба с ломтиком сала. Себе Карл налил водки в крышку от термоса и, задыхаясь от слёз, выпил разом горькой обжигающей жидкости. Слёзы текли, как маленькие реки, по щекам старого Карла и капали в крышку от термоса, на лацканы пиджака.

Карл вдруг понял: жизнь прожита,—и захотелось остаться здесь навсегда, так остро затосковал он, и приступила к груди щемящая боль, но тут в кармане пискнул телефон, и мир не перевернулся, а вернулся вновь на свой круг бытия.

Карл достал телефон и прочёл сообщение от жены: «Ты где у меня запропастился, Карл?»

Подарочки

Вволю натрудившись и покуролесив по миру, порой в минуты отчаянные вспоминаем мы дом детства, тёплую завалинку и высокое крыльцо, глаза ясные, глубоко упрятанные на морщинистых лицах, черты которых так знакомы и близки, что вдруг проступает ясно истинность желаемого.

Хочется назад, к своим старикам, в простоту и истинность добрых отношений.

Хочется проснуться на бабушкиной перине от солнца в лицо или раненько от запахов пекущихся пирогов и, зажмурившись, вновь ощутить этот прилив восторга жизнью, от которого сдавливает гортань и какой-то птичий крик рвётся из груди вовне.

И, бывает, собираемся и едем, а в последний момент вдруг вспоминаем: ведь что-то нужно привезти и подарить старикам. Знаем: будут рады всему, потому что рады они прежде всего нам, нашему к ним вниманию. И вот здесь и случаются курьёзы. Подарив бабуле шикарные кожаные перчатки, а деду красивую шляпу, отметив радость и даже гордость в стариковских глазах, не вдруг примечаем, что не носят нами даренных вещей старики. А когда приезжаем после длительного перерыва, нежданно можем обнаружить давно даренную и забытую уже нами вещь новёхонькой вдруг в красном углу избы под образами.

Верный знак: старики соскучились.

И становится неловко за собственную неуклюжесть душевную, такую дремучую, что рядом порой с малограмотными предками чувствуешь себя позабытым осколком далёкой, некогда существовавшей и не знавшей ещё письменности цивилизации.

Вот и я рванулся к деду, к своей сибирской реке напрямки, через муки душевные и невзгоды баламутные, мимо нескольких навязчивых друзей и подруг, в один весенний день, перемешивая грязь со снегом и вороша в голове нескладные мелодии собственных мелодрам.

На автовокзале уже вступило в голову: деду-то нужно что-нибудь привезти в подарок.

Сложная миссия.

Смотрю, торгуют фруктами на улице: развалы апельсинов, яблок и красивейшие ананасы. Дай, думаю, деда заморским косматым гостинцем угощу, у них там в деревушке такого изобилия нет, да и не купит себе старик подобного угощения.

Нагрузился увесистыми плодами и, намаявшись по дорогам, добрался до знакомого дома. Дед был, конечно, рад, искрился, себе места не находил, чем бы только угостить да приголубить внучка. Дары мои принял с душой, отложил в сторону и угощал немудрёными и такими родными деревенскими и таёжными угощениями. Баньку, конечно, соорудили, а после баньки разговелись до полного телесного мироотрешения.

На день третий, начиная здороветь душой и уже ясными, отстранёнными от собственных проблем глазами глядя на мир, я вспомнил о своём гостинце и озадачился. Нигде оный был не отмечен, да и дед ни слова о подарке не сказал. Может, заморский фрукт деду совсем не понравился?

Побродив вдоль реки, зайдя в сельмаг, возвращаюсь домой и, уже обдумывая план своего возвращения в город, вхожу в избу, деда не нахожу, а войдя в дальнюю комнату, слышу как бы приглушенное и недовольное ворчание старика. Заглядываю за угол печи и вижу картину. Дед, сидя, как всадник, на длинной лавке и выложив на неё пару полученных в подарок ананасов, держит один из них за косу и отчаянно пытается шелушить, обдирая подобно кедровой шишке и, видимо, выискивая в ананасе орешки. Конечно, у деда получалось плохо обдирать фрукт, а орешек он не находил и, видимо, ругая прожорливую заморскую кедровку, отставлял ананас в сторону.

О Господи, я ведь даже и не подумал, что мой дедушка не только не пробовал, он и не видел в жизни ананаса! Меня старик спросить постеснялся о том, как же кушают подаренный заморский фрукт.

Ругая себя, и стараясь не шуметь, я тихо удалился. Учить деда кушать ананасы я не мог—не хотелось вновь смущать и омрачать наше с ним очередное расставание.

Так и уехал назад в полном недоумении в отношении собственной неуклюжести.

Тревожный «сон»

Фёдор, прирабатывающий при золоторудном руднике плотником, оказался не у дел.

Мужика сократили при уплотнении штатов, а в штольню, где всегда нужны живые души, идти Федя и сам зарёкся. Гибельное это дело—ползать в темени по мокрому плачущему подземелью подобно крысе, выгадывая каждый раз, с опаской глядя на нависающую неровную кровлю: завалит—не завалит?

А ещё сказывали мужики, что случались порой страшные горные удары, когда болотный

газ вырывался из горных пород и сносил всё на своём пути, закручивая рельсы в причудливые калачи, швыряя вагонетки по штольне, как теннисные мячики. Бывало, что заваливало после таких ударов горняков так, что докопаться до них не удавалось. Так и лежат поныне под стылой мёртвой скалой, которую пронизывают золотоносные жилы, как стрелы возмездия, сгинувшие горняки, раздавленные скалой или задохнувшиеся в муках.

А потому по ночам бродят по дорогам окрест глубоко за полночь неприкаянные, неприбранные души шахтёров в поисках вечного покоя под сенью вековых сосен и кедров на местном погосте.

Наказывали мамки деткам не ходить в сторону кладбища затемно во избежание роковых встреч. Опять же сказывали, что однажды девица, на выданье уже, шла ночью домой от подружки, да решилась срезать путь. Тропка вела вдоль дороги на кладбище, и встретила девица в ночи полупрозрачную фигуру, бредущую мучительно и судорожно — словно против ветра. В бредущем бестелесном страннике признала своего батьку, что сгинул в шахте года за два до этого. Перепугалась так, что домой пришла девица под утро без языка — отнялся напрочь: мычит, глаза пучит, а сказать ничего не может. Потом вроде как оклемалась, говорить стала, заикаясь, но только как вспомнит тут встречу с погибшим в штольне родителем, начинала колотиться да закатывать глаза. Замуж так ведь и не вышла — обходили стороной женихи внешне ладную, в общем-то, девицу. Та так и высохла от горечи да померла, сказывают, раненько.

Федя, в общем, не грустил по поводу потерянной работы.

Во дворе у него было всё ладно: живность всякая, хрюкающая да кудахчущая, и огород справный, так что и картошка на столе с сальцем весь год не выводилась. А таёжные угодья потчевали тех, кто не ленив, ягодою да грибками. Так что и под чаёк, да и под водочку всегда было чем побаловаться в стылые дни зимнего безвременья, под бесконечным, казалось, на всю Вселенную, покрывалом снега.

А ещё вспомнил Фёдор свояка Ивана, что служил в леспромхозе и, было дело, зазывал его войти в охотничью артель, что била пушного зверя.

— Давай, Федя, к нам! Вольный выпас, а на выхлопе хорошие выходят деньжата! — расхваливал свояк ремесло охотника. — Изба есть на стремнине у реки. Места проверенные! Там ходит соболь тропою к реке, да норка мышкует. Дело верное! — продолжал уговаривать его охотовед, пропустив вторую-третью крепкого самогона, завалившись вечерком незваным гостем на огонёк к Фёдору.

Тут и жена, Маруся, стала подпевать свояку:

— А чё, Федя, мож, и правду говорит Иван? Пойди к охотникам. Сказывают, мужики по весне шибко хорошо нынче заработали. Маринке, что с магазина, муж, сказывали, шубу справил.

Федя всё отмалчивался, хотя дело охотничье он знал. А как иначе: всю жизнь в тайге прожить да не уметь зверя выследить да добыть? Дело не столь сложным было, хотя навыков требовало. А бить по цели Фёдор умел: и рука не тряслась и глаз ещё был острым.

Было дело, добывал и кабаргу, и зайца, а уж глухарей сколько в молодые годы настрелял, так не счесть. Как начнёт токовать яркий увесистый красавец, подходи и бери хоть голыми руками.

Однажды и вовсе ходил по лесу, бродил, а потом встал под ёлкой покрутить головой, оглядеться, так незамеченный глухарь, зараза, на него с ветки бросился и давай теребить за макушку. Шапку с Фёдора содрал — и ну бить в темя своим увесистым клювом. Всего, нехристь, оцарапал да обгадил. Едва отбился, отмахиваясь ружьём. Глухаря, наконец освободившись, не тронул. Тот сидел, свирепый после схватки, на пеньке и ругался, тараща глаза и пощёлкивая клювом. Посмеялся, утёрся да и пошёл дальше.

Фёдор, намаявшись уже без дела, согласился и на другой день по реке на лодке добрался до заимки, где разместился в ветхом домишке, который следовало прибрать к зиме.

Руки дело знали, дело спорилось, и скоро зимовье приобрело вполне жилое состояние.

Пришла зима, заголубели дали.

Взяв в аренду у охотоведа добрую лайку Елизаветку, весёлую выученную охотницу, светло-палевого окраса, с замечательным хвостом-калачом, отправился Фёдор по реке на лыжах к заимке, благо, что основной груз ещё по осени завезли на лодке.

Лизка носилась окрест, оглашая лес от собачьего восторга звонким лаем при виде какой-либо живности.

Но покуда стрелять было не с руки, и Елизаветка, облаяв белку на макушке кедра, прибегала вся в снегу, намёрзших на морде, груди и животе ледышках и, высунув язык, задорно и укоризненно поглядывала на охотника. В поведении лайки читалось: «Что ж ты не стреляешь, ирод ты треклятый?! Бьюсь, бьюсь, снег разгребаю пузом, а ты не чешешься!»

Пришли на заимку, и начались охотничьи будни. Петли, ловушки, приманки, выслеживание зверя по следу. Дела пошли неплохо. Лизавета сноровисто отрабатывала свой хлеб, загоняя на дерево то белку, то соболька.

В один из дней, ещё до больших холодов, возвращаясь с обхода установленных петель и капканов вдоль реки, Фёдор увидел барахтающегося в воде реки, на самой ещё не покрытой льдом быстрине, волка. По следам было видно, что серый

пересекал реку вдоль промоины, и тонкий лёд у края не выдержал и проломился. Теперь волк безнадёжно пытался выбраться, но тонкий лёд ломался, и зверь снова и снова оказывался в воде, теряя силы. А вода на стремнине уходила под лёд, увлекая и волка — тот боролся из последних сил.

Фёдор скинул лыжи и, распластавшись на них, по льду стал скользить к промоине, страшно рискуя оказаться в воде — лёд был ещё крайне ненадёжным.

Оказавшись у края промоины, Фёдор увидел глаза волка: глаза смертельно уставшего зверя смотрели пристально, и в них были и испуг, и мольба, и звериная неукротимость духа. Фёдор ухватил волка за холку и потянул к себе, старясь вытащить его на лёд. Зверь, уже несколько выбравшись на лёд, прихватил зубами вторую руку Фёдора, но ровно настолько, чтобы показать свою силу и решимость биться до конца. Фёдор, собрав все силы, рванул зверя и вытащил, наконец, на лёд. Волк тут же отпустил руку человека, встал неуверенно на лапы и, покачиваясь, потрусил к кустам на берегу. Вода не успевала ручьями стекать со зверя — замерзала, образуя ледяной покров, и только отдельные капли падали в снег и замерзали тёмными на фоне снега каплями.

Поднявшись со льда на берег, волк замер, повернул свою большую угловатую голову, а осмотрев долгим тяжёлым взглядом своего спасителя, потрусил, косолапя, дальше и вскоре скрылся в чаще леса.

Фёдор вернулся в домик, а утром, услышав, как занервничала Лизавета, вышел глянуть на причину такого нервного поведения и, выйдя на крылечко, увидел своего вчерашнего серого знакомца. Волк стоял поодаль на пригорке и смотрел на Фёдора, а на тропе, почти у самого крыльца дома, лежала застывшая на морозе тушка зайца.

— Вот так! — подивился Фёдор и поднял добычу, как следовало понимать, принесённую волком в знак благодарности.

Дни тянулись чередой однообразных коротких дней и длинных, тягучих, мучительных своей космической пустотой ночей.

Ночи выматывали едкими снами и видениями.

Порой ночь сливалась с днём, когда за порогом вьюжило и мело, сыпал хлопьями снег и небо равнялось с засыпанной снегом землёй практически без перехода воздушной стихии в снежную.

Казалось, летит его избёнка между небом и землёй, достигая космических высот и космической пустоты.

В такие ночи и дни, когда охота вставала, как встаёт парусник на прикол в штиль посреди океана, казалось, что время остановилось и ждать уже — напрасно время тратить.

Сны приходили и уходили, менялся их сюжет, а порой уже было непонятно, то ли это был сон, то ли реальность, перекрученная вихрями снегопада.

Но вот что изменилось в сюжете видений.

Во сне с некоторых пор к Фёдору стали приходить два странных неказистых дядьки.

Один — огромный, в треухе на всклоченной голове, с вытянутым лицом и удивлёнными и более ничего не выражающими глазами. Второй был низкорослым, глаза его косили и выдавали азиатчину, что подтверждалось жиденькой бороденкой и желтоватым цветом худого лица.

Они аккуратно стучали в оконце, а потом как-то сразу заходили к нему в дом, а Фёдор замечал их уже за столом, таких добротно распоясавшихся, казалось, несколько хмельных и радушных. Гости сидели поначалу молча, и он им подавал чай и сухари, а мужики сопели, отдувались и пили густой наваристый чай с травами, одобрительно поглядывая на хозяина. Потом кто-то из них что-то говорил, и его голос звучал как гул в печной трубе, если открыть затворку на всю катушку и тяга становилась чрезмерной. Понять слов было нельзя, но смысл легко угадывался и чётко отражался в сознании: «Ну что? Сколько добыл ноне? Соболёнка взял, это мы отметили. Долго ли планируешь в зимовье пробыть?»

Вопросы задавались простые, такие задают, если просто хотят поддержать беседу и общению придать импульс. Отвечать на такие вопросы приходилось односложно, кивком или взмахом руки.

В какой-то момент, погудев, гости вставали и уходили, а однажды, когда в очередной раз Фёдор встал проводить ночных визитёров, один из них, этакий верзила в смешной нескладной шапке и при бородёнке, что топорщилась, скрывая выражение на губах, сунул ему в руку что-то увесистое и холодное. Фёдор машинально положил вещицу, которую даже не рассмотрел, в свой старый рюкзак, что висел на стене у двери.

Этот сон был навязчив, но в нём ничего не было странного до тех пор, пока Фёдор не отметил, что, как будто убрав с вечера со стола посуду, поутру на столе тем не менее находил три алюминиевых кружки, часто с недопитым чаем, а ещё крошки от сухарей и рассыпанный сахар, а на лавке вдруг обнаружил ранее не отмеченную в зимовье рукавицу из овчины.

Фёдор стал тщательно следить, чтобы на столе не оставалось посуды, но отмечал поутру снова, что, если ночью посетил его этот странный сон, на столе стояли обязательно три кружки с недопитым чаем.

Фёдор, посомневавшись, решил, что, вероятно, к нему и правда приходили гости. Но, выйдя из дома, Фёдор тем не менее не находил на припорошённой за ночь тропе следов своих ночных гостей. Округ дома всё было нетронуто, и только снег, что, переполнив терпение сосновых ветвей, соскальзывал вниз по мохнатым лапам, «портил» невинность снежной поляны.

Но с кем тогда он ночью пил чай?

В душе поселились недоумение и страх как отражение неизвестного.

В голове строились сюжеты тех ночных событий, которые ничем не оканчивались, а отражались короткой головной болью и безграничной печалью.

Фёдор подолгу не мог уснуть, и если сон с гостями не приходил в очередную ночь—он радовался так, как радуется больной, почувствовав поутру вдруг краткое облегчение своего горестно состояния.

Но навязчивый сон упорно возвращался, и снова он заваривал чай и потчевал своих ночных гостей, неведомо как попавших в зимовье.

Измотанный ночными странными видениями, Фёдор решил пойти в посёлок и отдохнуть, ибо сил уже не было терпеть этакого раздвоения реальности и ночных видений.

Собрав шкурки, ружьё, дав команду Елизаветке, Фёдор отправился поутру по реке вниз к посёлку. Отойдя с километр от дома, на крутом повороте реки у скалистого берега, Фёдор отчётливо увидел на самой верхотуре скал две человеческие фигуры и узнал в них своих ночных гостей. Один из них был велик ростом, а второй помельче. Оба мирно махали ему на прощание руками, но лиц было не разглядеть.

Фёдор рванулся что было сил к посёлку и, выбиваясь из сил, к вечеру был дома.

Поутру, отоспавшись, Фёдор отправился в леспромхоз и удивил своим появлением заведующего.

— Ты чё это в самый разгар охоты пришёл? Что-то случилось?—был задан заведующим вполне логичный вопрос.

Фёдор подробно изложил историю своего возвращения, ожидая, что ему не поверят и поднимут на смех.

Но подошедший во время разговора охотовед вдруг рассказал, что годков пять назад в этих местах пропали два промысловика. Искали их, но не нашли, и они до сих пор числятся пропавшими.

— А как выглядели эти двое?—спросил охотовед Фёдора.

— Один такой чернявый, невысокого роста, похоже, из местных—тунгус, а второй рыжий, высокий и худой, в смешной такой шапке.

— Так и есть! Это точно они! Я их лично знал и как раз отправлял в тот год на охоту,—был ответ охотоведа.

— Но они же бестелесные, не живые! Следов не отставляют на снегу!—воскликнул Фёдор.

Охотовед и заведующий пожали плечами:

— Бывает. И не такое видывали, – и, как-то поскучнев, отправились по своим местам.

Федя в раздумьях, в предчувствии каких-то свершений и не понимая истоков и их конечной цели, брёл по посёлку к дому.

В доме, закурив папироску, Фёдор задумался над всем, что с ним произошло. И вдруг Фёдора торкнуло: он вспомнил об увесистом подарке одного из его ночных посетителей, что наведывались к нему в заимку.

Фёдор кинулся искать рюкзак и в боковом кармане нашёл увесистый самородок, формой очень напоминающий рыжую осу со сложенными крыльями—даже лапки, поджатые лапки насекомого были на месте. Казалось, вот посади на ладонь—зажужжит и полетит оса, оттолкнувшись мохнатыми лапками и рассекая воздух крыльями.

Фёдор подул на самородок, потёр его о лацкан куртки.

Кусочек золота засиял огнём, и в нём вдруг отразилось видение: заснеженный лес, косолапый волк, бегущий вдоль опушки леса, и два мужика на скале, машущие ему приветливо рукой.

Фёдор улыбнулся.

На душе стало спокойно и отчего-то радостно.

Он вспомнил вдруг, как волк сдавил ему руку своими острыми клыками и одарил зайцем.

Жизнь—она такая забавная, подумал Фёдор и усмехнулся.

В окно деликатно постучали…

Ахмедхан Зирихгеран

Карантин сближающий

Путешествие

— Как мне надоел этот дряхлый сундук,— прошипела Нина, пнув ножкой в розовой тапке по его потемневшему боку.

Тапка зацепилась за замысловатые, потемневшие от времени узоры, Нина, неловко повернувшись, чуть не упала. Я успел её подхватить. Тапка же так и осталась висеть на сундуке.

— Он мою тапочку испортил,— взвыла Нина, прыгая на одной ноге.

— На,— расхохотался я, резким движением оторвав зацепившуюся тапку.

— Тебе смешно, да?— Нина со всех сторон рассматривала тапочку, продолжая стоять на одной ноге.

— Ага-а-а,— улыбался я.— Ничё с твоей тапкой не стало.

— Выкинь, да, этот сундук,— заныла Нина,— он старый, дряхлый, место занимает.

— Он старинный и красивый,— возразил я,— и места у нас тут много.

— Он поранить меня мог,— всхлипнула Нина,— если б не мои тапки.

— Не надо было его бить,— сказал я строго,— это была самооборона.

— Продай его, если он старинный,— попыталась улыбнуться Нина,— купишь мне платье.

— У тебя в этом сундуке есть платья,— я приоткрыл крышку,— золотом расшитые.

— Да ну, этот нафталин, кто их сейчас носит? Место только занимают,— хмыкнула Нина и, даже не взглянув на сундук, вышла из комнаты.

Я открыл крышку. Комнату моментально заполнил запах нафталина. Для меня это был запах детства. Запах лета.

Жили мы в городе. А почти всё лето проводили в селе. В те времена мама в селе носила старинную, традиционную одежду. А в городе уже нет. Вот и лежали эти платья в сундуке по десять месяцев в году. Обильно переложенные нафталином. И один из первых запахов, которым меня встречал мой маленький старинный сельский дом, это был запах нафталина. Когда мама и старшая сестра доставали свои негородские наряды из сундука. Я всегда знал во время прогулок по селу, кто из женщин городская, а кто местная. Определял это по аромату нафталина.

— Вот ты почему не носишь бешмет или черкеску?— послышался голос Нины из-за двери.

— Так нету же,— ответил я,— не сохранились.

— Так закажи новые и носи,— ехидно ответила Нина.— Нет желания, да?

— Ну как-то...— замялся я.— Даже мой дед не носил.

— Вот такие вы, мужики,— Нина показалась на пороге.— Сами уже поколениями не носите старьё, а мы, женщины, должны, да?

— Ты и так не носишь, я ж не заставляю,— ответил я, не переставая разглядывать узоры то на платьях, лежащих в сундуке, то на самом сундуке.

— Вот поэтому и выкинь, а то я сама выкину,— строго произнесла Нина.— Домик и так маленький, перенесём сюда шкаф, в зале просторнее будет.

— Мы тут только летом пару недель проводим, чего ты к сундуку прицепилась?— воскликнул я.

— Хочется эту пару недель провести как человек, а не пыль с этого хлама стирать. Ну отвези на свалку его,— проворчала Нина и опять исчезла в дверях.

Я ничего не ответил, присев на краешек открытого сундука, наслаждался окружающим меня интерьером.

Пол был каменный, из больших, отполированных временем плит чёрного сланца, щели между которыми были закрашены синей побелкой. Стены тоже были синие. Как небо в безоблачный день. Помню, в детстве я очень любил красить стены и щели между плитами в синий цвет. Для этого мы добавляли в извёстку синьку.

Потолок же был чёрный. Балки, на которых лежали такие же каменные сланцевые плиты, были черны от многолетнего дыма. Я их другими и не помнил. Дым от печки, а ещё ранее от очага, закоптил потолок. Мы почему-то никогда его не красили. Стёкла в старом деревянном окне позвякивали от ветерка. Мне было уютно и безмятежно. Я вспомнил, как в детстве, когда мы играли в прятки, я иногда прятался в сундуке. Ложась прямо поверх всех этих колющихся золотыми нитками платьев. Да и сейчас я могу здесь поместиться.

Я собрался было уже залезть в сундук, как в дверях вновь появилась Нина.

— На свадьбу не собираешься?

— Со свадьбы на свадьбу,— ответил я,— от вчерашней ещё голова болит.

— Пей меньше,— улыбнулась Нина.
— Да разве дадут?— усмехнулся я и закрыл крышку сундука.— Но сегодня две свадьбы, двойная доза.
— Да уж,— вздохнула Нина,— навтыкаешься по полной. Приходи домой пораньше, я тебе позвоню, когда мы домой пойдём.
— Постараюсь,— рассмеялся я, незаметно для неё выключая телефон.

Тоже мне, при пацанах она звонить мне будет и домой забирать. Нашла каблука!

Уже светало, когда я, покачиваясь то ли от усталости, то ли от количества выпитого, возвращался домой. Еле оторвавшись от шумной компании друзей и родственников. Водка, особенно тут, в горах, никогда не пьянила меня сильно, но сегодня была двойная доза. Я всё-таки решил, что это не усталость. Но завтра продолжение свадьбы, и поэтому надо хотя бы пару часов поспать.

Тихо, стараясь не разбудить жену и детей, я отпер старинную тяжёлую дверь, сделанную из толстенных досок, ведущую во двор. Скинув кроссовки, тихо, крадучись, зашёл домой. Все спали. Я уже тоже собрался было прилечь. На диване, в зале, прямо так, в одежде. Но почему-то пошёл в ту самую маленькую комнатку, где стоял сундук.

Лунный свет выхватывал из тьмы сундук, казавшийся в этом мертвенно-бледном свете мрачной каменной глыбой. Я поднял крышку и, покачнувшись, упал в пропахшее нафталином нутро. Крышка упала следом и больно ударила меня по голове.

Проснулся я от петушиного кукареканья и звона колокольчиков вперемежку с мычанием.

Голова болела. Приподняв крышку сундука, я прищурился от яркого солнечного света, что слепило сквозь окно. Перевалившись через край, я, кряхтя, вывалился на пол. Телефон вывалился из кармана и упал в сундук. Но мне было лень нагибаться за ним. В горле пересохло. Очень хотелось в туалет. В доме было тихо. Все, по-видимому, спали.

Осторожно ступая, дабы никого не разбудить, я вышел из комнаты. В зале никого не было. Более того, в зале не было мебели. Не было стола и стульев. Ни дивана. Пройдя дальше, на веранду, я вдруг понял, что в доме всё по-другому. Веранда была не застеклена!

Протерев глаза, я попятился к туалету. Он, к счастью, был на месте. Только дверь была какая-то свежая, как будто только сколоченная. Из не успевших потемнеть досок. Едва я прикоснулся к двери, как она открылась мне навстречу. Оттуда вышел усатый мужик в каком-то кафтане, лицо которого мне показалось знакомым.
— Ты, это… чего тут?— пролепетал я, похолодев от ужаса.
— Ты кто такой?— злобно прорычал мужик и двинулся на меня.
— Я? Я, это… А ты, это ты кто?— еле шевеля языком от страха, лепетал я, пятясь назад.
— Во-оры!— вдруг заорал мужик и бросился на меня.

Я побежал вниз, по каменной лестнице, соображая, как бы побыстрее открыть тяжеленную дверь во двор. Но двери не было. Вместо неё у выхода со двора лежали свежевыструганные толстые доски. Перемахнув через них, я рванул вниз по знакомым улочкам, чуть не сбив по дороге с ног девушку, поднимавшуюся с кувшином, полным воды. Давненько я не видел, чтобы девушки так ходили за водой, все на машине канистрами возят. Но разглядывать девушку у меня времени не было. Крики и шум доносились сверху, от моего дома. Я бежал, бежал, и вдруг дома закончились. Я остановился. По всем моим расчётам, дома не должны были тут заканчиваться. Но вокруг были лишь трава и коровы, привычно жующие жвачку. Впереди был лесок, у которого до этого утра и заканчивались дома. Я побежал туда.

Село стало каким-то маленьким. Нигде не было застеклённых веранд. Но коров было много; никогда, даже в детстве, я их столько тут не видел. Неподалёку виднелись и барашки. Всё выглядело так, как мне описывал дед, когда был жив. Обессиленный, я опустился на траву. Я не знал, что делать и куда бежать. Может быть, если заснуть, то проснусь там, у себя дома, подумал я и, убаюканный ласковым солнышком и шелестом листвы, уснул.

Проснулся я от собачьего лая и чьих-то тяжёлых шагов. Приподнявшись, я сел; солнце уже клонилось к закату. Шум и крики, доносившиеся со стороны села, утихли.
— Так это ты вор?— чья-то тяжёлая рука опустилась мне на плечо, а впереди меня на траве улеглась собака.
— Я? Нет, нет,— прошептал я, не в силах не только куда-то бежать— даже повернуть голову к говорившему у меня не было сил.
— Слишком ты приметно для вора одет и без обуви по лесу бегаешь. Как тебя сюда занесло-то?— улыбнулся бородатый мужик в каракулевой папахе, усевшись рядом со мной.— Лицо-то у тебя знакомое, но такую одежду вижу впервые.
— Я в сундуке уснул,— торопливо заговорил я,— после свадьбы, выпил я, ну, спать захотелось.
— Сундук— это понятно, всё самое ценное там,— усмехнулся он.— А сапоги, когда бежал, хозяева сорвали?
— Сапоги? Какие сапоги? Лето же, у меня кроссовки,— только сейчас заметил, что всё это время был босиком, кроссовки так и остались у порога дома.
— Что там у тебя, ты хозяевам расскажешь,— уже без тени усмешки на лице произнёс незнакомец.— Идём.

— Идём,— ответил я и поднялся.

Мы пошли обратно в село. Я уже понял, что я попал куда-то в прошлое. Я не раз представлял своё село таким, да и на редких фото столетней давности видел, как оно выглядело. Но оставаться здесь — не вариант. Зарежут ещё. Надо бежать. Но как? Обычно в фильмах о перемещениях в прошлое возвращение обратно происходит, если вернуться в то место, откуда ты попал сюда. Сундук! Точно! Но как?

Мы уже зашли в село, когда я, улучив момент, побежал. Но побежал не в сторону своего дома. А в противоположную. А оттуда — по крышам. Тем более они здесь плоские, глиняные. Не то что в моём детстве, когда я нередко по крышам убегал, после того как нас засекали в чужих садах. Все бежали по улицам. А я по крышам. Почти все дома же впритык друг к другу. Уступами, ступенями, как соты, облепившие склон. И меня никогда не ловили. Я по крышам, стараясь не шуметь, добирался до своего дома. И по старой груше забирался домой. Вот только есть ли здесь и сейчас эта груша? Если и есть, то точно не старая.

— Убежа-а-ал,— слышались крики.

— Далеко не уйдёт без обуви,— басил голос бородатого.

— Ну, попадётся он мне,— злорадствовал кто-то.

— Он и не украл ничего, и одет странно. Может, просто заблудился?— я узнал голос усатого мужика, что встретился мне у меня дома.

Смеркалось. Это было мне на руку. Я надеялся, что меня не заметят. Голоса людей удалялись в противоположную часть села. Я же, осторожно перебираясь с крыши на крышу, шёл к своему дому. Отсутствие обуви было мне на руку, шума меньше. Дом, где старинные, потемневшие от времени деревянные ворота были всего лишь свежевыструганными досками, был всё ближе. И больше мне здесь некуда было идти.

Не знаю, сколько я пробирался уже почти в полной темноте, лишь луна освещала мне путь. Грушевого дерева у моего дома, естественно, не было. Но я осторожно спустился в дворик и забрался наверх по выступающим камням. Так я делал ещё с детства.

Сундук был на своём месте. Он и там, в моём времени, на этом же самом месте. Получается, он всегда на одном и том же месте. Вот только Нина взъелась на него. Как будто он ей мешает. Прикрыв за собой окно, я залез внутрь и осторожно опустил крышку. Уютно устроившись, я понял, что засыпаю.

Проснулся я от грохота. Сундук трясся и скрипел. Я приоткрыл крышку. Внутрь немедленно залетел какой-то пакет и ворвался отвратительный запах. Я несколько раз попытался вылезти, но трясущийся сундук забрасывал меня обратно. Вскоре шум прекратился, и сундук вместе со мной стал наклоняться. Я вновь ударился головой о крышку сундука, и шишка на голове заболела. Кувырнувшись несколько раз, он остановился. Наступила тишина.

Некоторое время я лежал, не в силах шелохнуться, вперемешку с платьями и пакетами, что залетели внутрь. Убедившись, что больше не трясёт, я выглянул наружу. В лунном свете были видны кучи мусора. Как я сюда попал, было непонятно. Но судя по запаху и валяющимся там и тут пакетам, это была свалка. И это было моё время.

— Ура-а-а,— выкрикнул я и, выкинув из сундука попавший туда пакет, потирая шишку на голове, выбрался наружу.

Оставалось только выяснить, почему я попал сюда, на свалку. Покопавшись в куче платьев и отрезов ткани, я нашёл телефон. Он был выключен. Ах да-а, я же его сам выключил. Но стоило мне включить телефон, как посыпались сообщения. Кто мне только не звонил. Но больше всего Нина. Я сразу же набрал ей.

— Алё, алё, ты где? Ты куда пропал?— услышал я её встревоженный голос.— Я всех обзвонила, тебя нигде нет, кроссовки дома, тебя нет.

— Я, это…— растерялся я.— Тут.

— Я же говорила тебе, не пей столько. Ты где? У кого? Куда босиком ушёл?— чуть ли не кричала она.

— Я не знаю,— пролепетал я,— на свалке вроде.

— На какой свалке?— удивлённым голосом спросила Нина.

— Не знаю. Я был в прошлом и оттуда почему-то попал на свалку, в сундуке,— с трудом выдавил я из себя.

— В каком сундуке?— почти по буквам произнесла Нина.

— В нашем, ну, не в этом нашем, в том, что потом станет нашим, ну, это, из прошлого,— я не знал, как ей всё это объяснить.

— Ты что, всё это время был в сундуке?— спросила Нина.

— Ну да,— воскликнул я,— ну, не всё время, ну, почти.

— Боже мой, я же говорила тебе — не пей, говорила же,— застонала она.

— Какое это имеет отношение?— удивился я.

— Как ты мог не услышать, как?— закричала она.— Целый час сундук вытаскивали, грузили — как ты мог не проснуться?

— Вытаскивали?— тихо переспросил я.— Откуда?

— Из дома,— так же тихо ответила Нина.

— Загружали куда?— постепенно осознавая произошедшее, спросил я.

— В мусорную машину,— ещё тише ответила Нина.

— Ты выкинула сундук, не спросив меня и даже не открыв его?— заорал я.

— Он мне надоел, я тебе говорила — выкинь,— испуганным голосом ответила Нина.— Ты тоже

пропал, я думала, что ты где-то продолжаешь банкет.
— Вот я вернусь — я тебе так продолжу банкет, так продолжу, я тебе так выкину, ну погоди! — закричал я в телефон и, схватив сундук за ручку, потащил его за собой, хоть и не знал, куда идти.

Но мне было всё равно. Главное — идти. Главное — добраться до неё.

А уж там-то я ей устрою!

Карантин сближающий

— Здрасьте, — экран телефона засветился сообщением.
— Забор покрасьте, — немедля ответил я.
— С коня слазьте, — последовал ответ Миши, моего одноклассника, проживающего нынче в Земле обетованной.

Такое приветствие было нашей традицией с самого детства. Была у нас соседка, языкастая тётя Нина, которая знала неисчислимое количество присказок и фраз на любой случай. И мы, дети, взяли за привычку обращаться к ней по поводу и без оного. Нам было интересно слушать её ответы. Мы сами — думаю, это было неизбежно, — стали использовать все эти замысловатые обороты речи. А потом это вошло в привычку.

— Кони подохли усе от работы-то, — ответил я, на ходу придумывая ответ в стиле тёти Нины.
— Как вы там? Рассказывай, — поинтересовался Миша.
— Да вот, собираемся пойти пивка вмазать, пивбар наш открыли, — ответил я.
— Пивка-а-а!

Мишин ответ был хоть и короток, но весьма эмоционален. Я живо представил себе, как он был раздосадован. И было отчего… В Израиле вновь объявили карантин. Миша уже жаловался на данное обстоятельство. У нас же течение жизни почти вернулось в привычное русло.

— Ну так выпей, кто ж мешает, — не без издёвки ответил я.
— Сам на сам пить — это уже алкоголизм, — Миша сопроводил ответ грустными смайликами.
— Так позови кого или сам сходи, — попытался я найти выход из ситуации, — или вместе сгоняйте ещё к кому.
— Законопослушные здесь все, — ответил Миша.
— Салам-шалом, Миша, не переживай, мы тебе трансляцию включим, — подключился Мага, другой наш одноклассник.
— Ага, и будет уже не сам на сам, — усмехнулся я.

Эту группу в мессенджере мы завели во время пандемии. До того как-то обходились личным общением. А тут свободного времени стало много. Да и захотелось поболтать всем вместе. Мы не собирались уже много лет. Миша вот в Израиле. Юрка в своём Дойчланде, как-никак немец. Арсен в Сургуте. Ильяс в Москве. А здесь, в городе нашего детства, остались лишь я, Мага и Русик.

— Да, это идея, врубим дезертирам трансляцию, — объявился и Русик.
— Засуньте себе в одно место свою трансляцию, — Миша сопроводил своё сообщение сердитым смайлом.
— Да, Миша, вот как всё обернулось, — ответил я ему, — зато не заболеешь.
— У нас тут в одной машине можно ехать только членам одной семьи, — появился Юрка, отвечая на мою реплику, — так что не сгоняешь.
— С этим у нас проблем не было. Кто с кем едет — кому какое дело? Да и блокпосты эти мы объезжали, мы ж не дураки, — вспомнил Русик.
— А сейчас всё как обычно. Я уже выехал, подтягивайтесь, я столик займу, — Мага всегда был первым, когда дело касалось пива и прочих напитков.
— Выхожу, — Русик от Маги тоже особо не отставал.
— Мне только майку натянуть, — написал я и положил телефон на стол.

Майка лежала тут же, на диване. Несколько движений — и можно выскакивать на улицу. Вызвав предварительно такси. Но я не двинулся с места. Мне стало грустно. Грустно до слёз. Только сейчас я осознал, насколько сблизились мы за эти несколько месяцев.

Да, мы никогда не теряли друг друга из вида. Общались, сначала обычными смс-ками, потом в «Одноклассниках». А сейчас в вездесущих мессенджерах. Но всё равно это были разные миры. Я, Мага и Русик были здесь, в реале. Встречались, собирались друг у друга по поводу и без оного. Арсен и Ильяс появлялись в основном летом, когда приезжали в отпуск. Миша, Юрка же за все годы приезжали лишь два раза. Оно и понятно: пока выберешься из-за границы… У всех дела, семья, заботы.

Но всё изменилось с приходом этой заразы. Мы все оказались запертыми дома. И все были в равном положении. В Интернете. Не было тех, кто здесь, кто там, а кто и вообще за горизонтом. Целые вечера проходили у нас в нескончаемых видеоконференциях. Мы болтали без умолку, смеялись, вспоминали былое и придумывали новое. Мы вновь были той беззаботной компашкой. Как в детстве, проводили все вечера вместе.

И вот этому пришёл конец. Мы трое едем пить пиво. И никого из друзей не можем взять с собой. Мы возвращались в реальную жизнь.

— Миша, у вас там телепортацию не изобрели? — Арсен вышел на связь.
— Если б изобрели, я б уже за столом с Магой сидел, — последовал ответ.

— Я на днях к вам рвану,— появился и Ильяс,— по делам, ну и заодно. Маски, перчатки проверяют по городу?
— Да не, какие перчатки? — ответил я.— Маску в кармане носи, если что — нацепишь.
— У нас тут в метро постоянно: «Без маски и перчатки не выходить»,— но всё равно мало кто носит, перчатки так вообще.

Почитав сообщения, я надел майку, вышел из дома. Обсуждать все эти темы про маски и перчатки у меня не было никакого желания. Такси долго ждать не пришлось. Вскоре мы сидели за столом, немедленно заполнившимся запотевшими пузатыми бокалами. Русик, полулёжа в кресле, смаковал пенный напиток. Мага с видимым удовольствием разделывал тарашку. Мне же стало одиноко. Чего-то не хватало. Вновь накатила грусть.

— Пацанов бы сюда,— вздохнул я.
— Ага, особенно Мишку,— усмехнулся Русик, оторвавшись от бокала.
— Этот поезд ушёл, братан,— с некоторой грустью в голосе произнёс Мага.
— Почему это? — не согласился я.— А как же все эти наши посиделки?
— Это да,— Русик отставил бокал в сторону.— Мы поиграли в виртуальный мир, но уже всё, возвращаемся в реальность.
— Они там, мы здесь,— Мага взялся за бокал,— и обратно не соберёшь этот пазл.
— Получается, это карантин собрал нас, дал нам шанс! — воскликнул я.

Мне никто не ответил. Поколебавшись, я всё же создал видеоконференцию.

Первым присоединился Миша. А вскоре добавились и остальные. Какие-то мгновения все молчали.

— Наша пивнушка? Да? Эх! — рассмеялся Миша.
— Делу время — пиво щас,— ответил Мага, поднимая бокал.
— Пиво пей, но помни твёрдо: от него краснеет морда,— прокричал Ильяс.
— Было бы пиво, а живот найдётся,— Юрка уютно устроился в кресле с бутылкой в руках.— Я словно чувствовал, тоже с пивком!
— Не-е, в бутылках всё равно не то, химия,— Русик ткнул пальцем в экран, обращаясь к Юрке.
— Я как прилечу, так сразу к вам,— торопливо проговорил Ильяс; видно было, что он находится за рулём.— Соберёмся.
— Хорошо вам, гады,— добродушно проворчал Арсен.
— Пацаны,— расчувствовался я,— пацаны, давайте не будем теряться, хоть какая-то польза от этой эпидемии.
— Как только границы откроют, я к вам,— Миша хлопнул ладонью по столу.— Соберёмся.
— Приехать-то — это хорошо,— Мага, опустошив бокал, отставил его в сторону,— но всё равно не верю я, что мы опять будем собираться вечерами, как во время карантина.
— Почему это? — удивился Ильяс.
— Дела закрутят,— согласился с Магой Арсен,— то один занят, то другой.
— Нам остаётся только ждать новой эпидемии, получается? — усмехнулся Юрка.
— Ага, второй волны. Или третьей,— нахмурился я.
— Вот только этого не надо,— замахал руками Миша.
— Ага-а, боишься, шо вас ваще закроют,— смеялся Русик.
— Закроют в реале, так мы оторвёмся здесь,— добродушно улыбался Ильяс.
— Прорвёмся! — Мага поднял полный бокал и коснулся им экрана телефона.

Нам было хорошо. Весело. Уютно. Мы были вновь вместе. Но в то же время и грустно. Мы словно вновь прощались с нашим беззаботным детством, так удивительно повторившимся благодаря этой мировой заразе…

Геннадий Гусаченко

Сила в правде

Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его…
Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит её от него.
Притч. 19:18, 22:15

— А ну, сыночек, ударь папу! Вот так! Ещё! Вот молодец! А ну ещё ударь… Вот так папу!

Трёхгодовалый малыш, черноволосый, розовощёкий и пухленький, задорно смеётся, обнажая ровные белые зубки, и радостно хлещет ручонкой папу по лицу. Игра ребёнку нравится. Он заразительно хохочет и наотмашь бьёт ладошкой папу по щеке. Раз от разу пощёчины дитяти становятся звонче, что доставляет родителю явное удовольствие.

— Маша! Только посмотри, каков мужик! А?! Боец растёт! Глянь, Маша! Прямо по-настоящему лупит… Выключи этот чёртов пылесос! — громко крикнул мужчина, стараясь перекричать нудный вой.

Жена послушно выдернула вилку из розетки, убрала пылесос в кладовую. В наступившей тишине стали слышны шлепки ребёнка и его раскатистый смех. Ополоснув руки в ванной, Мария наскоро обтёрла их полотенцем и заторопилась к любимому чаду.

В течение нескольких лет замужества она не могла родить и долго лечилась у врачей, у деревенских бабуль-знахарок, у всяких проходимцев-«целителей», но вот, наконец, Бог послал супругам здоровенького мальчика, в котором, понятно, счастливые родители души не чаяли. Злые языки поговаривали, что живот Марии заметно округлился после её продолжительного отдыха в санатории «Сосновый бор», где жену Дмитрия Гущина кто-то якобы видел поздним вечером в парке санатория в объятиях массовика-затейника кавказской национальности. На каждый роток, как известно, не накинешь платок. И хотя родившийся ребёнок был чернявеньким, это отличие в облике малыша не смущало светловолосых родителей. Всякое бывает. Может, наследственные гены передались. Показывали же по телевизору, как в одной молодой семье на свет появился… негритёнок! Взбесившийся муж едва не прибил ни в чём не повинную женщину, обвинив в измене. Как позже выяснилось, в случившемся оказалась виновата прабабушка. Она призналась, что гульнула с негром на Московском всемирном фестивале молодёжи и студентов. Отсюда вывод: не всегда фамилия является доказательством старинного рода, которым иные кичатся. Где-то в родословную кровь примешалась немецкая, чуть-чуть её разбавили армянской, татарской, турецкой. Где-то в родословную влез швед или финн. Где-то китаец затесался или даже эфиоп. Да мало ли куда забрасывала судьба кого-либо из супругов фамилии военного, дипломата, инженера-строителя, моряка или обычного труженика? Если проследить линию «знатной» родословной, она непременно свернёт в сторону, приведёт в рыжую Скандинавию, в раскосую Азию или, не приведи Бог, в Африку! Но не следует уподобляться соседкам-сплетницам и наводить тень на плетень. Тем более что в «Сосновом бору» выходцев из южных стран не было.

— Я говорю, сильным парнем вырастет наш Никитушка… Как даст, так уже чувствуется, — понизив голос, но по-прежнему возбуждённо, проговорил муж. — Как исполнится ему лет семь, в секцию бокса отведу… А что?! Пусть всем сдачи даёт, кто захочет его обидеть…

— Правильно, Дима… Надо, чтобы умел постоять за себя… А то как посмотришь по телевизору, что в школах творится нынче… Избивают младших и слабых детей, сотовые телефоны отнимают, деньги вымогают… А ну, Никитушка, ударь маму!

Мария берёт ручонку маленького несмышлёныша и легонько бьёт ею себя по лицу.

— Вот так! Ещё! Ай, умничка моя! Вот так маму! А теперь папу… Так его! Так его!

Никита закатывается от смеха, совсем не вникая своим умишком в смысл родительских слов, но забава ему нравится, и он охотно хлещет по лицу то маму, то папу. А те, довольные радостью ребёнка, с весёлым блеском в глазах переглядываются, без слов понимая друг друга: хороший у них мальчик! Бойкий и крепенький.

…В неустанных заботах о сыне прошло три неусыпных года. Никиту с рук не спускали, заглядывали ему в рот, целовали в попу, старались исполнить его прихоти и капризы.

— Кушай, Никитушка, манную кашку… Ах, кашка… Какая вкусная! А ну ложечку за папу… Вот

молодец! Теперь за маму… За бабушку… За дедушку…

Мать подносит ложку ко рту малыша, но Никита капризно отворачивается, плаксиво тянет:
— Не хотю-ю… Плохая твоя каса… Сама ешь…

Неожиданно Никита бьёт Марию по лицу. Мать роняет ложку, наклоняется поднять её, но маленький буян ударяет по тарелке, та со звоном летит со стола. Каша оказывается на полу, чем не преминула воспользоваться собачка Мики. Мария схватила её за ошейник, подсунула Никите:
— Вот кто хочет скушать кашку у Никиты! Побей её!

Никита не заставляет себя долго ждать. Несколько раз стучит собачку по голове кулачком.
— Так её, сынуля! Так её! Будет знать, как есть кашу у Никиты!—смеясь, приговаривает мать.

Мики жалобно взвизгивает, вырывается, убегает, поджав хвост. Настроение Никиты меняется к лучшему. Он готов есть кашу.
— Ах, она, эта нехорошая Мики… Хотела кашу съесть у Никиты… Кушай, сынулечка, кушай… Вот молодец… Ступай играй… Скоро папа с работы придёт… Мне надо обед приготовить.
— Не хотю иглать один… Ты тозе иди иглать…
— Не могу, сына… Борщ варить папе буду.
— Нет, пойдём…—Никита хватает мать за край халата, настойчиво дёргает, сучит ногами.—Пойдём иглать… Пойдём…

Когда трясучка и дрыгалка не помогают, трёхлетний домашний деспот «включает» испытанный приём: плашмя падает на задницу, тычется лбом об пол и пускается в рёв, чем и достигает выполнения требования.
— Ладно… Не реви… Покатаем машинку вместе…

Пришёл с работы Дмитрий Гущин, отец семейства.
— Знаешь, Дима… Обещанный борщ сварить не успела… Никитушка не дал… Всё просил поиграть с ним,—оправдывалась Мария.—Вот колбаса, сыр, масло… Сейчас бутерброды тебе сделаю…
— Сегодня борщ не успела сварганить, вчера котлет не нажарила,—сердито проворчал Дмитрий.—Кстати… Моя бригада закончила ремонт в «Ромашке», в детском саде… Заведующая осталась довольна качеством нашей работы, сказала, что изыщет место в группе для Никиты… Так что ноги в руки—и вперёд на медкомиссию… Как возьмёшь справку—так сразу в «Ромашку»… А где Никита? Не слыхать его… Спрятался где-нибудь… Сейчас найду его… Так… В шкафу нет его… Под столом нет… За диваном нет… Мики! Ищи Никиту!

Собачка услышала своё имя, с визгливым лаем заметалась по комнатам, подбежала к Никите, притихшему за большим горшком с монстерой, разбросавшей широкие резные листья.
— Где наш Никита? Куда спрятался? Не могу его найти… А может, он уехал к деду с бабой?—продолжал отец, делая вид, что не замечает сидящего на полу сына.

Вдруг на глаза Дмитрию попалось вечернее платье Марии, валявшееся на полу в углу спальни.
— Маша, скорее сюда! Ты куда смотрела?

Мария прибежала в спальню, за голову схватилась:
— Ай-я-яй! Беда какая! И когда успел? За те полчаса, пока я посуду мыла на кухне…

Её любимое платье было изрезано ножницами.
— Ты зачем это сделал, негодный мальчишка?—накинулся отец на Никиту, готового разреветься.—Ступай в угол, проказник!
— Не хотю в угол!—затопал ногами Никита.

Дмитрий схватил упрямца за руку, но сынок несколько раз ткнул отца кулачком в живот.
— Не хотю в угол! Сам иди в угол!
— Оставь ребёнка! Это непедагогично,—запротестовала Мария.—Лучше объясни ему, что портить мамино платье нельзя. Ох-ох,—вздохнула она, чуть не со слезами разглядывая платье.—Всё… Ремонту не подлежит.

Однако на этом домашнем происшествии охи-вздохи не кончились. Ножницы, попавшие Никите в руки, доставили огорчённым родителям ещё и другие неприятности, одна другой хуже. Никита искромсал в «капусту» паспорт Дмитрия, сберегательную книжку и вложенные в документы шесть пятитысячных купюр—месячную зарплату бригадира строителей-отделочников. Документы и деньги Дмитрий по давней привычке прятал от возможных воров в платяном шкафу, в коробке из-под картриджа. Ещё Никита успел в тот день опустить в унитаз мобильник, губной помадой разрисовать новые, недавно наклеенные обои и оборвать белые лепестки недавно распустившейся орхидеи, цветения которой долго и с нетерпением ждала Мария.

Вечером в гости к дочери и зятю приехали бородатый дедушка Владимир Фомич и молодящаяся бабушка Клавдия Фёдоровна. Правда, в семье Гущиных так их не называли, а всё проще: деда Вова, баба Клава…

Дед и баба привезли внучеку подарок—радиоуправляемую игрушку-автомобиль. Владимир Фомич подозвал внука, притянул к себе, распечатал коробку:
— Смотри, Никитка, что мы купили тебе… Целуй скорее деда Вову и бабу Клаву.
— Не хотю масыну… Ты обессял велтолёт,—равнодушно глянул Никита на игрушку, отталкивая деда.
— Не было вертолёта… Одни машины там… Я в три магазина ходил… На рынке смотрел… В другой раз, может, куплю вертолёт,—оправдывался Владимир Фомич, обескураженный безразличием внука к подарку.

Никите, наконец, удалось вырваться из крючковатых, цепких пальцев деда, пытавшегося приласкать баловня.

— Уйди! Твоя болода колючая… Ты плохой дед! Не купил велтолёт… Вот тебе!

И Никита стукнул деда Вову маленьким, ещё не окрепшим кулачком. Он замахнулся во второй раз, но Владимир Фомич, не ожидавший подобного приёма от мальчика, перехватил его ручонку, укоризненно сказал:

— Ай, нехорошо драться… Не по-христиански это… Ударил деда… Всё! Будешь так себя вести — не куплю тебе вертолёт… Ничего не куплю.

Владимир Фомич повернул Никиту и легонько поддал ему шлепка. Разобиженный внук набросился на него, замолотил кулачками, норовя ударить сильнее:

— Вот тебе сдача! Вот тебе! Вот!

Владимир Фомич притворно ойкал:

— Ой, больно! Ой, как сильно ударил… Ой! Побил деда… Дал сдачи… Ну ладно, сдаюсь…

Владимир Фомич отстранил Никиту. Удивлённый мрачными лицами дочери и зятя, шутливо спросил:

— Вы что такие кислые? Лимон без сахара съели? Без настроения… Хмурые какие-то… Опять разрамсились? Квартира у вас элитная, с евроремонтом… Мебель итальянская… Машина японская… Сынок есть… Вон какой бутуз! Зачем ссориться? Жить вам да радоваться, а не ругаться по пустякам… В храм лучше сходите… Возблагодарите Господа за блага сии…

— Да не ругались мы, папа, — чуть не плача, ответила Мария, утирая мокрые глаза краешком фартука.

— Понимаю… Кредит надо оплатить по сроку, а получку Дмитрию вовремя не дали, — предположил Владимир Фомич. — Так мы всегда готовы помочь вам… Верно, Клавдия?

Пожилая дородная женщина сбросила с плеч цветастый шёлковый платок, кивнула в знак согласия. На её лице было написано: «А куда денешься? Придётся…»

— Зарплату вчера дали, а сегодня нет ни копейки денег, — понуро проговорил Дмитрий.

— Уже потратили? Норковую шубу купили? Или путёвки к басурманам в Турцию? — допытывался Владимир Фомич, озабоченно глядя на Клавдию Фёдоровну, закусившую губу, что, верно, означало: «Они от жиру бесятся… Валяться на пляжах будут, а мы им затраты возмещай…»

Возможно, так и подумала тёща, но зять возмущённо воскликнул:

— Какие путёвки? Какая Турция? Пропали деньги!

— Как пропали?! — в один голос встревоженно спросили тесть и тёща.

А Владимир Фомич уточнил:

— Украли? Сгорели? Так пожару вроде не видать…

— И ни то, и ни другое… Ваш любимый внук постарался… Ножницами на мелкие кусочки всю пачку… Шестьдесят тысяч, — упавшим голосом объяснил зять.

С этими словами Дмитрий развернул бумажный свёрток и высыпал на диван ворох розово-красных кусочков бумаги, отдалённо напоминавших деньги. С минуту Владимир Фомич и Клавдия Фёдоровна, не отрываясь, смотрели на кучу ценных бумажек, обладавших незримою силой приобретения желаемого.

— Ничего страшного… Отнесите это… — Владимир Фомич поворошил клочки… — Отнесите деньги в госбанк… Там по номерам и сериям установят их подлинность, составят акт о порче и заменят новыми банкнотами… Хлопотное дело, но не безнадёжное… Не переживайте… — постарался успокоить зятя и дочь Владимир Фомич.

— Конечно, заменят, — оживилась Клавдия Фёдоровна, воспрянувшая духом.

В просиявших глазах супруги Владимир Фомич безошибочно прочитал: «Не надо будет давать им в долг… Всё равно не отдадут…»

Мария продолжала всхлипывать.

— Не плачь, Маня… Я же сказал: заменят эти обрезки на деньги… Номера и серии на них сохранились…

Мария сходила в спальню, громыхнула дверцей раздвижного шкафа-купе и вернулась в гостиную с тем, что осталось от того, что ещё недавно составляло предмет гордости её наряда. Швырнула испорченное платье под ноги родителям.

— Вот, смотрите… Порезал в разных местах… В спальне обои изнахратил губнушкой… Сотовый телефон мой в унитазе утопил…

Снова наступила минута молчания, которое снова первым нарушил Владимир Фомич:

— Кто этот варвар? Не тот ли шалунишка, который сейчас рулит автомобилем, но вместо «спасибо за подарок» надавал деду тумаков? Это уже не шалость, а форменное безобразие… Людей, творящих плохие дела во вред другим, называют злоумышленниками… Никита! Про тебя говорю, мерзавец этакий! Пошто, окаянный, сотворил беду папе и маме? Не маленький уже, должен понимать, что пакостить нельзя. Вот выпорю тебя ремнём по голой заднице, будешь знать, как проказничать!

Никита и ухом не повёл. Не обращая внимания на рассерженные слова деда, нажимал на кнопки пульта управления игрушкой, ловко рулил автомобилем.

— Ты что, не слышишь? Я тебе говорю, негодник! За твои проделки мало выпороть! Уши тебе надобно оборвать! — с горячей запальчивостью выкрикнул деда Владимир Фомич.

В ответ на грозную тираду деда внук погрозил ему кулачком и пролепетал:

— Если выполешь, я тебе как дам! Папа говолит, кто уши будет мне облывать, тому надо сдачи давать…

— Ну, ребята… Это уже ни в какие ворота не идёт, — покачал головой Владимир Фомич.

А Клавдия Фёдоровна, недолюбливавшая зятя-рабочего, недостойного, по её мнению, быть мужем Марии, имевшей диплом юриста-экономиста, не преминула добавить:
— Плоды грубого мужского воспитания. К ребёнку нужен тонкий подход интеллигентного человека...

Владимир Фомич, токарь с сорокалетним стажем работы на заводе, понял намёк жены, бывшего товароведа универмага, но был другого мнения о зяте.
— Ты, Дмитрий, построже с ним... Нечего мальчишку баловать... Почаще надо наказывать, всыпать хорошенько ремня!

Дочь всецело на стороне матери:
— Папа! Разве можно бить детей? Грубая мужская сила неприемлема при воспитании ребёнка. В Соединённых Штатах Америки за рукоприкладство к детям в тюрьму садят. И у нас, если правозащитники дознаются, тоже судить будут.
— Какие, к чертям собачьим, правозащитники?! — вспылил Владимир Фомич, потрясая бородой. — Да я, бывало, залезу в чужой сад за яблоками... Батяня так отхлещет вожжами, что неделю на задницу не сядешь... А то крапивой или прутом высечет... Одно потом спасение — в речке отмокать... А вы: «Правозащитники...» А кто они, эти самые ваши правозащитники? Христиане али басурмане? Если признают себя католиками, православными, верующими в Бога, в Христа Спасителя, в Матерь Божию, в Святого Духа, в ангелов Господних, в святых, то должны Библию знать и чтить! А в Священном Писании, в Книге притчей Соломона сказано: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его...» Глава тринадцать, стих двадцать четвёртый... И там же, в главе двадцать девятой, стих семнадцатый: «Наказывай сына твоего, и он даст тебе покой, и доставит радость душе твоей». Так-то... Эти самые так называемые правозащитники напрочь отринули мудрые слова о воспитании, прописанные в Библии, тем самым не признавая Священное Писание. Гнусные притворщики эти ваши правозащитники, коли говорят, что выпороть ребёнка — это преступление! Чинно зажигают свечки в церквях, бормочут молитвы, отвергают при этом наставления великого гуманиста древности царя Соломона. Ах, лгуны! Лицемеры, выдающие себя за верующих христиан! Если считают себя таковыми, почему брезгуют Священным Писанием? Возомнили себя умниками! Эти ваши правозащитники праведные советы мудрого старца, умнейшего из умнейших, игнорируют, не признают. А я считаю: драть надо Никиту за порчу вещей, как сидорову козу! Иначе вырастет шалопаем! Меня отец лупил, не жалеючи, и за то я благодарен ему... Царствие ему Небесное! Мать заступалась, но тоже часто хлестала тряпкой... Упокой, Господи, её душу грешную! И человеком вырос я праведным... Ни копейки не украл... Никого не обманул, не обидел... Сына своего Александра порол... Учителем работает в школе, как вам известно... И кто скажет про него плохо? А тебя, Маня, пальцем не трогал... Как же! Девочка! Всё у-сю-сю с тобой... Не наказывал тебя... В итоге учителям грубила, училась неважно...
— Я университет закончила... Высшее образование имею, — перебила отца Мария.
— А... — махнул рукой Владимир Фомич. — А сколько денег мы с матерью вбухали за твоё обучение? Забыла? Училась платно... На бюджетное у тебя грамотёшки не хватило поступить... Кое-как закончила... А что толку? Не работаешь... И не перебивай отца! Иметь образование — не значит быть культурным человеком... Смотри, Маня, как говаривал поэт Маяковский: «Вырастет из сына свин, если сын свинёнок!» И пора Никиту в детский сад отправить, а тебе, Маня, на работу устроиться...

Через несколько дней после домашнего происшествия Дмитрий Гущин привёл ненаглядного отпрыска в детский сад «Ромашка». Помог сынишке переобуться в сандалии, поплевал на ладонь, пригладил ему вихор на макушке и наказал:
— Смотри, никому себя в обиду не давай... Кто тронет — дай сдачи!

Скоро в детсаде только и было разговору о новичке, доставившем немало неприятностей... Няня Ольга Валерьевна мыла посуду, поглядывая на играющих детей. Воспитатель Татьяна Юрьевна, занятая приготовлениями к занятиям по теме «Птицы нашего леса», раскладывала на столиках плакаты. Ребятишки увлечённо играли на синем паласе, покрывавшем пол в просторной комнате. Бесхитростные споры, смех, визги — хоть уши затыкай! Обычное поведение нормальных детей. Однако в детском гаме и няня, и воспитатель уловили грубые нотки в общении новичка Никиты Гущина и давнего воспитанника «Ромашки» Артёма Лукина.
— Не буду с тобой играть... Ты дерёшься, — обиженно говорит Артём. — Отдай... Это моя машина!

Никита тянет грузовичок к себе, Артём не уступает, толкает Никиту. Тот вырывает машину из рук Артёма и с размаху бьёт ею мальчика по лицу. Артём орёт, из носа у него сочится кровь.
— Ах ты, разбойник! Зачем ударил Артёма? — подбежала к Никите няня с посудным полотенцем в руке.
— Он пелвым толкнул меня... Я дал ему сдачи!

Няня при виде разбитого носа Артёма, не сдержавшись, хлестнула Никиту полотенцем, так, для острастки. К немалому удивлению няни, новичок замахнулся на неё, с вызовом бросил:
— Как дам! Сказу маме, что била меня! — и плаксиво затянул, затопал ногами: — Ты плохая тётя! Ты била меня! Мама говолит, что неззя детей бить... А ты била меня... Била! Била!

Няня хотела ещё раз стегануть драчуна, но опустила руку с полотенцем: на крик спешила воспитатель.

— Ольга Валерьевна! Как можно?! Ребёнок первый раз пришёл в группу, а вы его тряпкой хлещете! — выговорила она замечание няне.

— Не можно, а нужно! — удаляясь в буфет, через плечо буркнула возмущённая няня.

Из посудомойки слышался её недовольный голос:

— Потакайте ему в первый день, так он вам всем здесь на шею сядет и ножки свесит! Знаю я… Тридцать лет в этом комбинате работаю. Всяких повидала. Прута хорошего ему надо! Засюсюканный пацан. Доброго отношения не понимает. Я наказывала своих. Ремня не жалела. Один хирург сейчас, другой — офицер-пограничник. Надо же! Полотенцем шлёпнула по заднице!

Артёма увели в медкабинет, уложили на кушетку, застеленную клеёнкой, утёрли слёзы и разбитый, чуть припухший нос. С Никитой пытались поговорить, успокоить, объяснить, что драться нельзя, но тот дёргался, топал ногами, не желая слушать, отказался обедать и ложиться в кроватку в сонный час. До прихода матери он букой просидел в углу, не переставая хныкать.

— Хотю домой… Хотю домой, — ныл Никита.

Вечером мальчика забирала из детского сада мать. Найдя своё чадо зарёванным, встревоженная Мария спросила Никиту:

— Ты плакал? Почему? Тебя обижали здесь?

— Меня били…

— Кто бил тебя, моё солнышко?

— Вот она била меня! Нехолосая тётя! — указал Никита на Ольгу Валерьевну, вошедшую в раздевалку вместе с воспитателем.

Женщины имели намерение поговорить с родительницей, но та и слова не дала сказать, напустилась на них с гневными словами:

— Вы какое право имели бить моего ребёнка? Разве не знаете, что детей бить нельзя?

— Он ударил по лицу Артёма, разбил ему нос… И не била я его, а всего разок полотенцем по заднице, — ответила няня и добавила: — Вы ещё намучаетесь с ним… Лупить его надо, а не сюсюкать… Избалованный… Вообще неуправляемый…

— И это говорит работник детского сада! Я буду на вас жаловаться в прокуратуру! Вас уволят!

Мария добилась своего. Опытную няню уволили за… избиение ребёнка! Хорошо хоть не судили.

Инциденты неординарного поведения Никиты Гущина в «Ромашке» повторялись часто. По настоятельному требованию педколлектива этого дошкольного учреждения заведующая вынуждена была отказать родителям Никиты в посещении детского сада.

Но проблемы на этом не кончились в семье Гущиных. Их стало больше, когда Никита пошёл в школу.

Одному однокласснику Никита выбил глаз камнем. Это случилось в шестом классе. Его не судили как несовершеннолетнего, родители отделались штрафом и компенсацией лечения пострадавшего мальчика, оставшегося на всю жизнь инвалидом. Крупную сумму пришлось Гущиным выложить. Да разве за деньги купишь потерянный глаз?! Из секции бокса, куда Дмитрий определил сына, Никиту отчислили за неспортивное поведение.

— На ринге ваш сын проявляет крайнюю жестокость к сопернику, — объяснил тренер своё решение. — Злость к противнику застилает ему глаза. Он горячится, излишне суетится, пропускает удары, и как результат — поражение на соревнованиях. Боксёр должен быть хладнокровным, расчётливым, собранным, не мстительным, уважающим противника.

Другого одноклассника — уже в девятом классе — Никита испинал ногами. От нанесённых им ударов по голове подросток несколько месяцев провалялся в больнице, из-за чего стал второгодником. И опять Гущина-младшего не судили, но родители вынуждены были продать дачу и автомобиль, чтобы избежать суда.

В десятом классе Никита Гущин «отличился» тем, что оскорбил и ударил учительницу. Его выперли из школы, но родители сумели пристроить хулигана на первый курс в строительный техникум. Однако их усилия и здесь оказались напрасными. Зловредный сынок успел спутаться с уличной шпаной, курил, употреблял спиртное, имел приводы в полицию. Учёбу в «технаре» забросил, шлялся где-то до полуночи, являлся домой в грязных ботинках, в нетрезвом виде и на взволнованные вопросы матери грубо обрывал её:

— Заткнись! Не твоего ума дело! Я не просил вас родить меня… Как хочу, так живу.

— Мерзавец! Вот всыплю хорошенько, будешь знать, как с матерью разговаривать в таком тоне! — хватался отец за ремень, но сын захлопывал перед ним дверь в свою комнату, увешанную журнальными портретами американских рок-музыкантов.

— Ага! Только тронь! Заяву ментам накатаю… На кичу хочешь на старости лет загреметь? Нет? Ну и умерь пыл… Поезд твой с ремнями давно ушёл…

Родители беспомощно разводили руками: да, пороть сынка надо было, пока был мал, а сейчас он и сам может сдачи дать. Здоровый бугай вымахал.

Отец, успокаивая нервы, выкуривал подряд две-три сигареты. Мать на балконе утирала слёзы. Вся надежда оставалась на армию.

— Погоди, Маша, плакать… Вот призовут нашего обормота в вооружённые силы, там сделают из него человека, если мы не сумели… Не бывает в коробке кривых карандашей… Нет в военном строю согнувшихся уродцев… В армии всех ровняют… Выправят отцы-командиры и нашего обалдуя.

Не выправили… Не желая выполнить приказание сержанта сделать уборку в туалете, Никита нанёс ему удар в челюсть снизу вверх — апперкот, не зря ведь посещал секцию бокса. Сержант клацнул зубами, прикусив язык, и грохнулся на цементный пол, получив сотрясение мозга. Поняв, что за содеянное воинское преступление грозит суд военного трибунала, Никита бежал из расположения караульной роты. Недолго бегал. Дезертира изловили, судили и отправили в дисбат — дисциплинарный батальон.

Одних нарушителей законности наказание лишением свободы исправляет, других портит ещё больше. После освобождения из мест заключения озлобившийся Никита Гущин уже не владел собой, доказывая «правоту» кулаками. На последнем заседании областного суда досконально, до мелочей, вскрылась неприглядная биография человека, воспитанного по понятиям: «Ударь, а то ударят тебя… Правда есть сила кулака». К этому моменту Никита Гущин уже имел две судимости: за грабёж и разбой. На этот раз его судили за особо тяжкие преступления: он изнасиловал и жестоко убил несовершеннолетнюю девочку. Ему вынесли приговор: пожизненное заключение.

Говорят, в тюрьме то ли сокамерники придушили его, то ли охранники, подкупленные родственниками потерпевших. По официальной версии, заключённый Никита Дмитриевич Гущин повесился на верёвке, свитой из тюремной одежды, распущенной на полосы.

Вот и вся история человека, которому, как всякому любому, от рождения было предназначение высокое: трудиться на земле во благо всех живущих на ней. «Ничего в ней занимательного, интересного», — скажет читатель и будет прав, но лишь отчасти, потому как неблагополучная судьба человека, свернувшего с праведного пути, всегда поучительна.

Сила не в кулаках. Она — в правде.

Д*и*Н симметрия

Аркадий Аверченко

Из книги «Дюжина ножей в спину революции»

Оба они сходятся у ротонды севастопольского Приморского бульвара, перед закатом, когда всё так неожиданно меняет краски: море из зеркально-голубого переходит в резко-синее, с подчёркнутым под верхней срезанной половинкой солнца горизонтом; солнце из ослепительно-оранжевого превращается в огромный полукруг, нестерпимо красного цвета; а спокойное голубое небо, весь день томно дрожавшее от ласк пылкого зноя, к концу дня тоже вспыхивает и загорается ярким предвечерним румянцем, — одним словом, когда вся природа перед отходом ко сну с неожиданной энергией вспыхивает новыми красками и хочет поразить пышностью, тогда сходятся они у ротонды, садятся они на скамеечку под нависшими ветвями маслины и начинают говорить…

У одного красивый старческий профиль чрезвычайно правильного рисунка, маленькая белая, очень чистенькая бородка и чёрные, ещё живые, глаза. Он петербуржец, бывший сенатор, на всех торжествах появляется в шитом золотом мундире и белых панталонах; был богат, щедр, со связями. Теперь на артиллерийском складе подённо разгружает и сортирует снаряды. Другой — маленький рыжий старичок, с бесцветным петербургским личиком и медлительными движениями человека, привыкшего повелевать. Он был директором огромного металлургического завода, считавшегося первым на Выборгской стороне. Теперь он — приказчик комиссионного магазина и в последнее время приобрёл даже некоторую опытность в оценке поношенных дамских капотов и плюшевых детских медведей, приносимых на комиссию.

Сойдясь и усевшись друг против друга, они долго молчат, будто раскачиваясь; да и в самом деле раскачивают головами, как два белых медведя во время жары в бассейне Зоологического сада.

Наконец, первым раскачивается сенатор:

— Резкие краски, — говорит он, указывая на горизонт. — Нехорошо.

— Аляповато, — укоризненно соглашается приказчик комиссионного магазина. — Все краски на палитре не смешаны, все краски грубо подчёркнуты. А помните наши петербургские закаты…

— Ну!!

— Небо — розовое с пепельным, вода — кусок розового зеркала, все деревья — тёмные силуэты, как вырезанные. Тёмный рисунок Казанского собора на жемчужном фоне…

— И не говорите! Не говорите!

1921

Геннадий Васильев

Веничка, или Шаги Командора

Пьеса в одном действии

Стол, стул. За столом ЧЕЛОВЕК. *Кушает… что же он кушает? Ростбиф? Стейк рибай? Ножки конфи? Нет—скорее, лапшу. Корейский ресторан? Вьетнамская кухня? Суп фо бо? Китайская жареная лапша? Да нет. Он не палочками орудует—вилкой простой. Кажется, даже алюминиевой. Столовка. Общепит. Лапша из алтайской муки. Отборной конечно, первосортной. И котлета. Куриная. Человек явно подшофе и возбуждён.*

ЧЕЛОВЕК. Эй, человек! Впрочем, что это я расшумелся?.. Ну а почему он не подходит? Эй, человек! А! *(Машет рукой. Достаёт из-за пазухи плоскую фляжку, отвинчивает крышку, делает несколько глотков—фляжка пустеет. Он встряхивает её, смотрит с сожалением, отправляет в карман.)* Вот, даже запаса приличного не припас. Ха! Совсем окосел: «запаса не припас». Литератор тоже. *(Неловко хлопает в ладоши.)* Эй! Человек!

ГОЛОС *(откуда-то из глубины)*. Молодой человек, вы адресом не ошиблись? У нас—не ресторан, не кафе. У нас—столовая. Официантов нет. Если что-то хотите—подойдите к линии раздачи, вам раздадут, и вы рассчитаетесь.

ЧЕЛОВЕК. Да? Столовая? Странно. На вывеске—«Мелодия». Мелодия—это музыка, это высокие сферы. Так называться может только ресторан или, в крайнем случае, кафе. А вы, значит, столовка…

ГОЛОС. Столовая.

ЧЕЛОВЕК. Ну да, ну да. Я и говорю—столовка. И выпить у вас, значит, нет.

ГОЛОС *(почти возмущённо, на грани срыва)*. У нас приличное заведение! Здесь спиртного не продают!

ЧЕЛОВЕК. Ну ладно, спиртного не продают… Но хотя бы вино есть у вас?

ГОЛОС *(уже едва сдерживаясь)*. Я же вам сказала: спиртного у нас нет!

ЧЕЛОВЕК. Вино—не спиртное. Даже не алкоголь, если верить французам. Если сухое, конечно. Да вам всё равно. И пива нет?

ГОЛОС. Пиво—есть.

ЧЕЛОВЕК. Давайте хоть пива тогда. Две кружки сразу.

ГОЛОС. У нас только бутылочное.

ЧЕЛОВЕК. Ну, две бутылки.

ГОЛОС. Какого?

ЧЕЛОВЕК. А какое есть?

ГОЛОС. Только «Клинское».

ЧЕЛОВЕК. А чего спрашиваете?! Тащите четыре!

ГОЛОС. Тащить будете сами. К линии раздачи подойдёте, вам раздадут, на кассе рассчитают—и пожалуйста, пейте на здоровье.

Человек встаёт, медленно уходит в глубь сцены. Видно, что он уже хорошенько набрался. Возвращается с четырьмя бутылками пива.

ЧЕЛОВЕК. Вот тоже интересно: пиво есть, а открывашки нет. *(Вынимает из кармана открывашку, откупоривает пиво. Спохватывается.)* Бокал-то, чёрт! *(Кричит.)* Где у вас бокалы под пиво?

ГОЛОС. Стаканы на линии раздачи.

Человек встаёт, снова неуверенно шагает в глубь сцены, возвращается с двумя гранёными стаканами.

ЧЕЛОВЕК. Всё как у Райкина со Жванецким: порядочному человеку выпить негде. Или нечего. *(Удивлённо смотрит на стаканы.)* Зачем я два-то взял? Ну ладно.

*Наливает пиво. Рядом, как тень, возникает ещё один человек—*ВЕНИЧКА.

ВЕНИЧКА. Ну а мне?

ЧЕЛОВЕК. А кто ты такой? *(Смеётся.)* Во, опять цитирую! Так кто ты?

ВЕНИЧКА. Не узнал?

ЧЕЛОВЕК. А знакомы?

ВЕНИЧКА. Пиво только знакомым наливаешь?

ЧЕЛОВЕК *(спохватываясь и усмехаясь)*. Да пожалуйста, такого-то пива… и для тебя не жалко…

ВЕНИЧКА. А ты не хами. Наливай.

ЧЕЛОВЕК. Наливаю, наливаю. Так кто ты всё-таки? Не припомню.

ВЕНИЧКА. Твой двойник. Или тень твоя. Или твоё прошлое. Или твоё предсказанное будущее.

ЧЕЛОВЕК *(озадачен, ставит стакан на стол)*. С этого места поподробнее.

ВЕНИЧКА *(морщится)*. Что ты всё цитируешь? Свои-то слова есть?

ЧЕЛОВЕК. Не важно. Рассказывай: кто таков? А то ведь и кружкой по башке схлопотать можешь.

ВЕНИЧКА *(усмехаясь)*. Ну, даже это—цитата. Да и кружки у тебя нет—стакан. Твоё здоровье! *(Отпивает из стакана.)* Ладно, томить не стану. Ну а сам-то не видишь—на кого похож? Снимки мои предсмертные, когда уже говорить не мог, теперь в Интернете. Да и других полно—с женой, семьёй, трезвый, выпивший…

ЧЕЛОВЕК *(растерянно)*. Погоди… Набрался я сегодня. По случаю… да не важно, какой случай. Набрался, потому и не узнал. Я же изучал тебя, анализировал, статьи писал о твоей поэме. Но здесь-то ты как?! Ты ж умер ещё в прошлом веке, за десять лет до новой эры!

ВЕНИЧКА *(усмехаясь)*. Считаешь, это помешает мне немедленно выпить?

ЧЕЛОВЕК. Не помешает, так что ж—выпьем! За знакомство? Или за давнюю дружбу?

ВЕНИЧКА. Тебе виднее.

Человек быстро оправляется от неожиданности, приходит в себя, даже, кажется, трезвеет. Ставит на стол пустой стакан, снова наливает, но пить не спешит. Внимательно разглядывает собеседника. Тот как будто не замечает его внимания, сосредоточенно тянет пиво.

ЧЕЛОВЕК. Ну ладно, потешились. Называть мне вас Веничкой как-то неловко, всё-таки разница… в возрасте? Да нет, не в возрасте. Вас уже нет, а я—вот он пока. Разница во времени. Вы—там, я—здесь.

ВЕНИЧКА *(усмехаясь)*. Да и я вроде—вот он, здесь, рядом с тобой. Не важно, впрочем. Не принимаешь меня как данность—прими как сон. Ничего не меняет. А?

ЧЕЛОВЕК. Ну да, ну да… Ладно, Венедикт Васильевич, с чем пожаловали-то? Я хоть и алкаш, но до «белочки» пока не допился. Понимаю, что не глюки это, что некая реальность, данная в ощущениях. Вы же не просто так ко мне—пивка попить, вы же—зачем-то, с какой-то целью. Миссией какой-то. Требованием. Условием.

ВЕНИЧКА *(восторженно стучит стаканом по столу)*. Во! К чёрту цель! На хрен миссию! Требование у меня. И условие. Не выполнишь—«белочку» на тебя напущу или, того хуже, трезвенником сделаю на всю оставшуюся. Кстати, а чего ты на «вы»-то перешёл? Чем я от тебя отличаюсь? Возраст примерно один. И что, что я—там, ты—здесь? *(Вдруг становится подчёркнуто серьёзным.)* В общем, слушай. А лучше пива ещё возьми сначала—разговор не простой и не скорый.

Человек покорно встаёт, возвращается с четырьмя бутылками.

ЧЕЛОВЕК. Ну, не томи.

ВЕНИЧКА. Выпьем. *(Выпивает стакан до дна, кивает—Человек молча наливает ему ещё, он снова выпивает, крепко, со стуком, ставит стакан на стол.)* Вот теперь я трезвый, теперь давай поговорим. *(Как будто собираясь с мыслями, он некоторое время крутит в руках стакан, смотрит как бы в себя. Наконец начинает говорить—голос его при этом меняется, становится каким-то… учительским, что ли.)* Я вот с чего начну. Ничего, если с биографии? Ты думаешь—ты её знаешь, столько про меня писал… Ни черта ты не знаешь. Слышал когда-нибудь о детском доме? Ну слышал, конечно, кто ж не слышал? Но ты знаешь, что такое был детский дом на Кольском? Ни черта не знаешь ты, что такое был этот детский дом. Это был фашистский лагерь или того хуже. В лагере-то я не был, только отец мой был, и не в фашистском, а в том, который фашистского хуже. Потому что—наш. Оттого он и запил потом и не смог уже остановиться до смерти, и в детском доме-то я оказался потому, что семью кормить было нечем. Выручало ещё то, что с братаном там были вместе, как-то друг за друга заступались. Но от воспитателей-то как заступиться? Лупили почём зря, в отличники вывели на пинках, чтобы статистику подтянуть. На черта мне их пятёрки нужны были? И без них знал, что—грамотный, что писать умею, что прославлюсь и нос им покажу… или чего похуже. Ты наливай давай пиво-то. А покрепче здесь нет?

ЧЕЛОВЕК. Нет.

ВЕНИЧКА. Ну, что делать. Пива наливай давай.

Человек наливает, внимательно глядя на Веничку. Во взгляде—насторожённость, опасение, готовность призвать на помощь. Так глядят на сумасшедших. Веничка с жадностью пьёт стакан, кивком просит ещё, снова выпивает, со стуком ставит пустой стакан на стол.

ВЕНИЧКА. Ну вот, теперь я трезвый, теперь давай говорить. На чём остановились?

ЧЕЛОВЕК. На детдоме. Ты там пятёрки получал, а тебя лупили за это.

ВЕНИЧКА. Не за это—дурак ты, что ли? Лупили меня, чтобы пятёрки получал. Пятёрки из меня… вылупляли. *(Смеётся.)* Смешно? А нам смешно не было. Нам—это мне и Борьке, говорил я, да? Братан мой. У родителей, когда отец из лагеря вернулся, денег не было дармоедов кормить. Научно говоря, не было средств к существованию, к содержанию семьи. Отец пил к тому же, остановиться не мог. Вот нас с Борькой и отдали на казённый счёт. Жестоко, но справедливо. Иначе вообще сдохли бы. Пива наливай давай.

ЧЕЛОВЕК *(заглядывая в бумажник)*. Слушай, у меня так денег не хватит—пива тебе так часто наливать. Вроде худой, а пьёшь как…

ВЕНИЧКА *(заливается странным смехом, больным, клокочущим)*. Не ссы, я займу, на том свете вернёшь. *(Лезет в карман, вынимает советские купюры по рублю, по три, пять рублей.)* Видал, сколько я в той электричке сэкономил? На ящик хватит.

Человек молчит, с недоумением глядя на гору раритетной бумаги. Подумав, жмёт плечами.

ЧЕЛОВЕК. Ладно, выкручусь как-нибудь. Давай рассказывай дальше.

ВЕНИЧКА. Ага. *(Пьёт самозабвенно, утирает губы.)* Ух! «Клинское» говно, конечно. Разливного нет у них? Может, хоть разливное есть?..

Человек уходит, возвращается.

ЧЕЛОВЕК. Нет разливного. Только «Клинское». Придётся давиться. Или куда ещё пойдём?

ВЕНИЧКА. Нет, не пойдём. Если ещё куда—боюсь, не договорим с тобой, исчезну.

Человек смеётся, думая, что собеседник шутит. Веничка смотрит на него внимательно, изучающе.

ВЕНИЧКА. Ты правда думаешь, что я шучу? Ну-ну… В общем, давай «Клинское». *(Выпивает, со стуком ставит пустой стакан на стол.)* Ну вот, теперь я трезвый, теперь давай говорить. На чём остановились?

ЧЕЛОВЕК. Если бы вас с Борькой на казённый счёт не отдали, вы бы сдохли совсем.

ВЕНИЧКА. Да, точно. Точно. Сдохли бы. *(Минуту молчит.)* Закурить есть? Хотя—чего спрашиваю?.. Здесь и не курят, поди. Да и я бросил давно. Так, вспомнил, что когда-то умел затянуться как следует… Борька меня постарше был на год, покрупнее немного, такой… зрелый пацан. У нас там воспитательница одна была—сука. Она его щупала всё время. В угол зажмёт—и щупает. И себя щупать заставляет. Борька ревел после этого всегда. А она грозила: «Не говори никому! Скажешь—накажу!» Наказывали жестоко. Лишали еды и даже воды, запирали в холодную тёмную комнату надолго. Терпел, куда деваться… Не он один такой был. И не она одна. А потом мы ей тёмную устроили. Весело было! Вот тут-то нащупались до отвала! Она виноватых так и не смогла найти. Но к Борьке приставать перестала, только ловила его постоянно на всём—и в холодную… Сука, в общем.

Пауза. Веничка внимательно смотрит на Человека. Тот побледнел, заволновался, судорожно сжимает пустой стакан.

ВЕНИЧКА *(усмехается)*. Что—нехорошо? Пива перепил? Или просто… ну ты же понял, к чему я клоню, да?

ЧЕЛОВЕК. Давно уж понял.

ВЕНИЧКА. Понял, значит, что не мою биографию писал, а своё представление обо мне, и не обо мне даже—о ком тогда? Ты ведь что написал?

ЧЕЛОВЕК *(медленно)*. Давай по порядку. О детдоме я писал по воспоминаниям… ну, не важно—чьим, но подлинным и достоверным.

ВЕНИЧКА *(хмыкает)*. Подлинные—да, а вот достоверные—тут ты хватил. Но продолжай, ладно, не перебиваю больше.

ЧЕЛОВЕК. И не перебивай, пожалуйста. Писал я о том, что детдом ваш был отменно бандитский, а вы с братом—первые отморозки. Борька твой… Борис Васильевич… он такой зрелый уже был, хоть и год у вас разница всего в возрасте. Девкам проходу не давал. И на воспитательниц заглядывался. И терроризировали вы с ним воспитательниц от души, пакости всякие устраивали. Одна из них чуть гла́за и руки́ не лишилась, а потом чуть в дыму не задохнулась, когда вы ей какую-то дрянь в комнату подбросили. Дрянь взорвалась, обожгло её сильно, она упала без сознания, начался пожар, и если бы…

ВЕНИЧКА *(перебивает)*. И если бы не мы с Борькой, сдохла бы она в дыму. Пожалели. Сами вытащили.

ЧЕЛОВЕК *(молчит, явно не зная, что возразить; потом неуверенно)*. Побеги устраивали, драки с местными. Не было, скажешь? И всё вам с рук сходило.

ВЕНИЧКА *(хохочет)*. С рук, говоришь? Не с рук—с ног. И не нам—у нас. Шкура слазила. Побеги… Было такое, устраивали. Да из концлагеря

далеко ли убежишь? А бегали, чтобы пожрать по-человечески. Воровали, конечно. Из-за этого и драки с местными. *(Помолчав.)* Знаешь, чего мы на эту воспиталку окрысились? Ну, тискала она Борьку—ладно, не его одного. Надоело, устроили тёмную—вроде отцепилась. Мстить стала. После одного нашего побега она Борьку сутки продержала коленками на крупной соли. Приковала его наручниками к батарее, чтобы встать не мог, проведывала периодически. Смеялась, как он извивался и плакал, и мокрым полотенцем лупила, чтобы следов не было. Меня из милости просто посадила в карцер—так у нас в детдоме одну комнату называли, там отопления не было: привязала к табуретке и продержала сутки без еды и воды, в темноте. *(Вздрогнул как от озноба.)* Крысы по мне бегали. До сих пор пробирает. Чуть с ума не сошёл. От ужаса даже не простыл. А у Борьки потом вся шкура с ног облезла ниже колен, до костей почти, долго гнил, кое-как зажило. Как только вышли—ну и решили сами наказать. Достали магния немного, добавили крошки алюминиевой, марганцовку в аптеке купили, глицерин, ну и… Пожалели её в последний момент, вытащили. Так нас за этот подвиг ещё и отлупили от души. *(Снова помолчав.)* Об этом твой подлинный и достоверный источник, конечно, не рассказывал.

ЧЕЛОВЕК *(явно начинает злиться, даже о пиве забыл, тискает стакан в руках)*. Как же ты, при такой истории, школу с «золотом» окончил? Как это понять?

ВЕНИЧКА *(снова хохочет)*. А меня кто-то спрашивал—на фига козе баян? Им показатели нужны были, вот и выпинывали из нас высший балл. За каждую четвёрку наказывали, повторно—карцером. Приходилось соответствовать. Мне эту медаль как камень на шею повесили. Больше всех эта сука старалась. Её после нашего покушения, когда вылечили, старшей воспитательницей назначили. Тут она оттянулась!

Человек вдруг вскакивает, судорожно сжимает спинку металлического столовского стула.

ЧЕЛОВЕК. Я тебя убью сейчас! Мама это моя была, понял? Вы её довели, покалечили, она и умерла рано поэтому! Она мне про вас, пидарасов, ублюдков, рассказывала! Она дневник вела—показывала мне, как вы над ней издевались! У, гад!

ВЕНИЧКА *(не вставая, спокойно)*. Успокойся, кретин. Сядь. Убить того, кто уже умер, сложновато. А с выражениями полегче: ты-то мне ничего не сможешь сделать, а вот я тебя… с собой могу взять. Думаешь, я не знаю, кто она была? Почему я к тебе пришёл-то? Отрезвей. Пива выпей вон.

Человек с трудом успокаивается, садится. Наливает пиво, судорожно пьёт. Веничка смотрит на него изучающе, как будто решает: добить или оставить?

ВЕНИЧКА *(неожиданно)*. Скажи, а она тебе дневник сама показывала? Как он выглядел? Тетрадь, альбом… бумага какая была?

ЧЕЛОВЕК *(зло, но и растерянно)*. Обычная тетрадь. Общая, большая, с переплётом из чего-то, типа дерматина. Бумага в клеточку, без полей. Какая разница?

ВЕНИЧКА *(заливается смехом)*. Огромная разница! Колоссальная! Даже не представляешь—какая! *(Серьёзно.)* Хочешь, я тебе настоящий её дневник покажу, подлинный и достоверный? Мы с Борькой его украли, уже когда выпускались. Ты мне поверишь, это я тебе гарантирую. Не поверить не сможешь. Таких тетрадок, как ты описал, в то время и в помине не было. Или амбарные книги с картонными обложками, или ученические тетрадки. Эта воспиталка… ладно, ладно, мама твоя, хотя я бы не стал этим гордиться,—она писала в ученической тетрадке. Вот такой. *(Жестом фокусника достаёт из кармана потрёпанную, пожившую тетрадку.)* Ну, прочесть пару записей? *(Человек растерянно жмёт плечами.)* Ну, слушай. Вот такая, например, запись: четвёртое марта, год… год сильно размыт, но вроде тысяча девятьсот сорок девятый. «Совсем неожиданно для себя я вдруг начала находить в этом удовольствие. Сначала испугалась: кто же я? что же я делаю? Когда первый раз треснула по затылку воспитанника—года два назад, кажется,—просто в ужас пришла. А когда он на меня посмотрел не испуганно, а с ненавистью,—перевернулось во мне всё. Ах ты, думаю, гад ты такой! Родители твои против власти бунтовали, агитировали, а ты мне тут будешь характер показывать? Схватила его за волосы—и лбом об стену. Несильно, но кровь пошла. Утрись, говорю, сопляк, и не попадайся мне больше. Кто-то видел—доложили. На следующий день начальник меня вызвал, двери прикрыл, говорит: „Варвара Егоровна, так нельзя“,—и смотрит выразительно. Я растерялась, душа в пятки ушла: уволят—где в Кировске устроишься ещё? У меня образование—школа. А он, как в театре, паузу выдержал, засмеялся и говорит: „Нельзя так, чтобы следы оставались. Что мне—учить вас?“ Отлегло у меня…» Читать дальше? *(Человек молчит.)* Вот ещё кусочек—это двумя годами позже, как раз в то время, про которое я тебе говорил: «Эти переростки, эти юные бугаи—как я их ненавижу! За то ненавижу, что волнуют они меня. У меня всё женское откуда-то из-под юбки подымается, как их вижу. Не могу себя

удержать. Главное — чтобы не увидел никто». И ещё вот фрагментик очень любопытный того же года: «Учатся они — и я с ними учусь. Читаю помаленьку. И успокаиваюсь. Всё-таки есть что-то подлинное в садизме. Он коленками на соли стоит, к батарее прикованный, — я его щупаю, а потом — мокрым полотенцем по спине, по заднице, по затылку! И снова — юную плоть его, нежную, мальчишескую…»

Человек мычит нечленораздельно, пытается отнять тетрадь, на глазах его слёзы, в глазах — ненависть.

ЧЕЛОВЕК. Отдай! Ты выдумал всё, скотина! Не могла моя мать такое написать! Она замуж вышла, меня родила…

ВЕНИЧКА *(перебивая)*. За кого вышла-то, знаешь? Он же бросил вас скоро, я помню. Такой же отморозок, как она. Тоже в детдоме работал. Помню его хорошо. Девок… не то чтобы портил — посадили бы… заставлял всякое непотребство делать. Садист почище матушки твоей. Голыми запирал нас в карцере. И девок тоже. Потом сам туда заходил — и… В общем, вот тебе ещё напоследок: «Зачем я пишу всё это? Чёрт его знает? Надо кому-то рассказать, а некому. Это уже садомазохизм, да? Когда свою чёрную выворотку кому-то показать хочешь, так, чтобы тебя возненавидели, чтобы презирать стали, чтобы… чтобы кому-то тебя убить захотелось». *(Закрывает тетрадь.)*

Оба некоторое время молчат. Человек всхлипывает. Веничка наливает пиво себе и ему, пьёт. Тот не прикасается к стакану.

ВЕНИЧКА. И не умерла она, как ты говоришь, а…

ЧЕЛОВЕК *(вскакивает)*. Заткнись, слышишь? Заткнись! Ты не видел, ты не знаешь, как это страшно!.. Захожу — а она болтается, синяя… И записка на столе: «Жить больше не могу. Все, все, все — простите». Страшно. Думал — с ума сойду.

ВЕНИЧКА *(жёстко)*. Я тогда в карцере, когда крысы по мне бегали, тоже думал — тронусь. *(После паузы.)* Ладно, что уж там. Жалко мне тебя вдруг стало. Хотел с собой забрать, да живи уж, горемыка. Один только вопрос остался у меня к тебе, литератор сраный. Ты зачем про институты мои врал? Зачем писал, что выгоняли меня за хроническое пьянство и неуспеваемость? Тебе бы так успевать, как я. И пил я тогда умеренно, это уж после, когда совсем жизнь закрыли, когда порой жрать было нечего. Интересно русский человек устроен: жрать нечего, а на бутылку всегда наскребёт… Знаешь, за что меня первый раз выгнали с филфака МГУ? За то, что я на семинаре по… чёрт знает, уже не вспомню, как это называлось, — короче, я назвал Ленина мумией. Ну и отчислили. Потом уже, как заяц от погони, перепрыгивал из института в институт, и меня, как неблагонадёжного, отовсюду гоняли. Жизнь свою сам себе сделал, это знаю. Борька от меня отрёкся, забыл меня — как не было. Но врать-то зачем? Зачем ты врал-то про меня?

ЧЕЛОВЕК *(долго молчит)*. Я по источникам писал…

ВЕНИЧКА *(взрываясь и тут же успокаиваясь)*. Источники эти твои — они откуда били? Из-под земли? Эх ты, биограф… Ладно, оставайся со всем этим, не стану больше тебя мучать. Пиво вот только допью. *(Допивает пиво, со стуком ставит стакан.)* Всё, теперь я трезвый. Пойду к себе, в небытие.

ЧЕЛОВЕК. Погоди! Может, дневник оставишь мне? Хочешь — заплачу́ тебе, сколько скажешь?

ВЕНИЧКА *(усмехаясь)*. Охренел? Мне деньги-то зачем? У нас там всё по-другому, узнаешь, придёт время. Подарить тоже не могу — я же его с собой унёс, его, как и меня, здесь больше нет. Так что извини. Пойду, засиделся. *(Встаёт, делает шаг, вдруг останавливается.)* Совсем плохой стал. О главном забыл, главное твоё преступление не назвал.

ЧЕЛОВЕК. Какое ещё… преступление?

ВЕНИЧКА. Знаешь, когда меня редактировали, сокращали, когда точки ставили вместо нормального русского мата — я терпел: ладно, думаю, хоть в таком виде пусть, наш читатель читать между строк и по точкам умеет. Но вот когда меня переписывают, когда пишут за меня… За это морды бить надо. Убивать надо за это.

ЧЕЛОВЕК *(изображая недоумение)*. Не понимаю.

ВЕНИЧКА. Серьёзно? Нет, ты всё-таки сволочь. Ладно, за тебя расскажу. Помнишь своё эссе, своё «историческое расследование» *(говорит с такой интонацией, что кавычки подразумеваются)* с красивым названием «Венедикт Васильевич — Дмитрий Дмитриевич: ненаписанная симфония смерти»? Ты зачем меня с Шостаковичем-то поссорил, хоть и не на этом свете, но всё-таки? Ты чего хотел — славы хотел? Прислониться хотел? Ну, прислонился вот, пивка со мной попил.

ЧЕЛОВЕК *(бледнеет)*. Всё-таки не понимаю. Я эту рукопись на рынке купил, на барахолке московской…

ВЕНИЧКА *(смеётся хрипло, оглушительно)*. Ну не скотина? Ты меня-то зачем лапшой обвешиваешь? Твою легенду, враньё твоё потом сто раз пересказали все кому не лень. Даже в серьёзных источниках появилось: «В 1972 году он написал роман „Дмитрий Шостакович“, который у него

украли в электричке вместе с авоськой, где лежали две бутылки бормотухи». Ты в своём «расследовании» написал, будто бы фрагмент этой рукописи на барахолке купил—а знаешь, что никакой рукописи, никакого романа вообще не было? Что я это просто так придумал, ни для чего, по пьянке? Знаешь, конечно… И раньше знал, и всегда. И листы этой несуществующей рукописи сам намарал или кого-то попросил, чтобы почерк не определили. Почерк всяко не мой, специалисты бы определили—да кому я нужен? Никто и не думал исследовать, сопоставлять—ну не Пушкин я, что уж там. Ты это хорошо рассчитал. Но главное даже не это—чёрт с ней, с мистификацией, мало их в истории было? Но зачем ты вот эту глупость придумал и опубликовал: «Шостакович—первый советский постмодернист в музыке, это их тесно роднит с Венедиктом Васильевичем»? Музыканты охренели, Дмитрий Дмитриевич перевернулся, а я вот—восстал. *(Помолчав минуту, вздыхает тяжело, мучительно, как будто жалея собеседника.)* Дурак ты, а никакой не литератор, вот что. Живи теперь с этим. Оставайся. Пошёл я. *(Делает шаг.)*

ЧЕЛОВЕК *(тихо, очень серьёзно, трезво)*. Подожди. Постой. Вот что… Ты вроде за мной пришёл, так? Ты меня с собой хотел взять. Ты мне за это время, за эти четыре литра пива всю мою жизнь перевернул, вывернул, высморкался в неё, подтёрся ею. Что мне делать теперь здесь? Зачем мне оставаться? *(Веничка пытается что-то сказать—Человек его останавливает жестом.)* Теперь ты не говори ничего. Теперь я скажу. Я полжизни был второсортным писакой, журналистишкой на побегушках, меня всерьёз никто не воспринимал. Мне нужен был герой, я всё героя искал, а он всё не попадался. И как-то раз случайно, в пивнушке, встретился мне человек героической профессии—так он себя назвал. Он мне за два часа всю биографию рассказал, фотки показал, как он с моряками на сейнере ходил, как штурвал самолёта мужественно держал, как от акул спасался… много чего ещё рассказал. Документ показал, что он—кавалер какого-то там ордена, теперь уж не вспомню. Я обалдел. Я едва успевал за ним записывать. Напечатал большой очерк с его же фотками. А потом оказалось, что он всё врал, фотки не его, он их украл, и документ украл, и биография его была сплошь ворованная, надёрганная из книжек. А сам—просто жулик, пива на халяву захотелось, вот и… В общем, меня уволили. И тут мне мамин дневник попался—ну, тот, про который я тебе говорил, который, получается, она просто для меня писала. Который тоже—враньё, но я тогда этого не знал. И я подумал: а зачем мне живой герой, когда есть мёртвый? Вокруг которого столько легенд и мифов, что правду всё равно никто никогда не узнает? *(Молчит некоторое время. Веничка слушает стоя, не перебивает.)* Меня после моего… расследования в писатели приняли. Дальше всё пошло как по маслу. *(Усмехается.)* Я на тебе, на придуманной твоей биографии свою собственную сделал. Тоже, получается, придуманную. И что мне теперь тут делать? Для чего оставаться? Что ещё я могу написать, что придумать? Так что не зря ты пришёл. И не один уйдёшь. Я с тобой. Погоди, только пивка на дорогу прихвачу. *(Исчезает в глубине сцены.)*

ЗАНАВЕС

Владимир Пахомов

Музыка Тундры

Дикие лошади Территории

Зарисовка из книги «Тени Тундры»

Я проснулся рано утром, как всегда внезапно, от весьма непривычного звука. Долгая жизнь геолога в тайге и тундре приучила меня к своеобразной сортировке звуков и запахов, позволяя спокойно работать и даже в значительной степени крепко спать и к мгновенной реакции на нехарактерные звуки, движения и запахи. Приоткрыв полог палатки, поёживаясь от предутренней свежести, я вдруг прямо перед собой увидел… лошадей!! Тех самых лошадей, о которых так много слышал. Приземистые разномастные лошадки с длинными гривами и хвостами, среди которых выделялся жеребёнок, игриво покусывающий за ухо стоящую рядом кобылку, пофыркивая и помахивая хвостами, казалось, выжидающе косили глазами на меня.

Это были они — потомки тех лошадей, которые верой и правдой десятки лет служили геологам Территории, являясь в большинстве случаев единственной тягловой силой, безропотно и безмолвно разделяя с их хозяевами все их невзгоды и тяготи. Было время, когда после окончания полевого сезона они после перегона встречались, как старые друзья после долгой разлуки, у здания конюшни на перевалочной базе, располагающейся на высокой террасе реки Паляваам. Сюда в 1970 году пригнал лошадей и автор этих строк, будучи на преддипломной практике.Просто брошенные своими хозяевами на произвол судьбы с приходом на смену им вездеходов, сокращением объёма и изменением структуры работ и «непроизводительных» расходов, они по-прежнему приходили к зданию конюшни, призывно ржали, тыкались мордами в пустые корыта кормушек. Они и сейчас приходят к давным-давно не существующей базе, словно пытаясь отыскать, а может, и вдруг вернуть что-то безвозвратно ушедшее.

Бóльшая часть их погибла из-за бескормицы, болезней, нападения волков, зато оставшиеся образовали уникально приспособленную к суровым условиям Территории популяцию, питающуюся круглогодично подножным кормом, разгребающую зимой глубокий снег, производящую потомство и… инстинктивно, повинуясь, может быть, генетической памяти, тянущуюся к людям, как бы пытаясь напомнить им о себе.

Музыка Тундры (Времена года)

Эссе из книги «Тени Тундры»

…Я понял — эта музыка ничья
Нужна мне, нужна мне… нужна мне…
А. Суханов

Работая над книгой, я всё больше и больше погружаюсь в неповторимую атмосферу тех далёких лет — событий сорокалетней давности — и с удивлением, граничащим с восторгом, замечаю, что Тундра стала гораздо ближе и понятнее. Нет, дорогой читатель, это отнюдь не следствие «ложной памяти», так часто с годами обретаемой нами, а скорее это — углублённое жизненным опытом переосмысление того, что я недопонял или просто не заметил тогда, за повседневными заботами, некоторой в силу разных обстоятельств упрощённости и даже обыденности бытия.

Музыка Тундры

Уже в то давно ушедшее от нас время я не раз отмечал, что далеко не всё происходящее вокруг нас и наблюдаемое нами можно выразить словами и звуками.

Стендаль писал, что музыка — единственное искусство, проникающее так глубоко, что может выразить любое ваше переживание. Вместе с тем Ф. Лист справедливо отмечает, что язык музыки более произвольный и менее определённый, часто допускающий различные толкования, подобные тому, как два человека глядящие на пляшущие отблески костра, испытывают разные ощущения.

Поэтому, на мой взгляд, музыка Тундры является глубоко личным ощущением, в высшей степени созвучным восприятию нами постоянно меняющихся природных явлений.

Времена года

Уверен, дорогой читатель, что каждый из нас не только воспринимает смену времён года как неумолимый бег времени, но и, рассматривая как маленькую жизнь, проживает её в зависимости от различных причин каждый раз по-разному,

по возможности возвращаясь и переосмысливая частичку бытия, навсегда ушедшую от нас.

Магия смены времён года в том, что, по навсегда утверждённому и кем-то необычайно мудро спланированному сценарию, мы, будучи только безмолвными статистами, допущены до великой тайны бытия — от рождения жизни до её заката и… рождения снова, как вечного круговорота явлений, вечного, пока ещё вращается Земля.

Каждому времени года присуща своя музыка, написанная на протяжении веков великими композиторами. На мой взгляд, всемирно известные «Времена года» как Вивальди на струнной, так и Чайковского на фортепианной основе не могут в полной мере отобразить музыку Тундры в силу особых черт её характера и специфичной смены природных явлений.

Я попытался передать вам своё, личностное восприятие музыки Тундры и донести до вас то, что я слышал в течение смены времён года на протяжении ряда лет.

Итак:

Весна

Есть тайная печаль в весне первоначальной…
Ю. Визбор

В Тундре принято считать приходом весны восход солнца после полярной ночи. Возьму на себя смелость утверждать, что, по моему мнению, это только символ победы Света, как гонец идущего долгого полярного дня.

Первыми, ещё не видимыми лучами старающееся выбраться из долгого заточения солнце расцвечивает золотом лёгкий пух облаков, неожиданно окрашивая их края в пурпурно-красный цвет. И вдруг, словно вырвавшись из плена, вместе с торжествующе-жизнеутверждающими звуками увертюр Верди и Чайковского заливает всё вокруг долгожданным Светом!!

Засверкали, наконец соединившись с восходом, вершины гор, недовольно нахмурились доселе скрытые, отбрасываемые отрогами тени.

И, будто сбросив невидимые оковы, окружающий мир встретил солнце, протягивая руки с удивлённо-радостной улыбкой только что проснувшегося ребёнка. А между тем коварный Март по-прежнему расписывает морозными узорами стёкла домов, с бессильной яростью обречённого заносит метелями дороги, грозит пугающими сполохами северного сияния.

Но уже по ночам мягкой кошачьей поступью крадётся Апрель, зажигая ранним утром бриллиантовые огни первых сосулек, подкармливая ещё не выросшую траву скрытыми под снегом ручьями под трогательно-беззащитные звуки свирели. Набухшие почки северной ивы — чозении — на прибрежных кустах, похожие на миниатюрных серебристо-серых мышек, пришедших к проталинам, вдруг повернули головки на волшебно-чарующий зов флейты, как на дудочку гамельнского крысолова.

И вот уже Май, со светлыми ноктюрнами Шопена, красит освобождённые от умирающего последнего снега пригорки зелёной краской, брызнув густыми мазками яркой желтизной маков, небесной синевой колокольчиков и снежно-солнечной россыпью ромашек.

В унисон с криками караванов перелётных птиц звучат весенние голоса вальсов Штрауса, перекрывающие треск ломающегося льда на реках и наполняющие Тундру необъяснимым радостным томлением, как предчувствием первого свидания.

Завершающими аккордами вплетающихся в весенние симфонии маршей Мендельсона, Чайковского, Шуберта звучит первый гром, и по-весеннему яркое небо вдруг насмешливо брызжет на удивлённо-счастливую землю алмазные капли пусть ещё не тёплого, но уже весеннего дождя.

Весна пришла!!

Лето

Слишком короток век…
А. Макаревич

Лето — самое короткое время года в Тундре и именно поэтому так похоже на яркую жизнь, стремительно проживаемую в несправедливо недолгий отрезок времени.

Едва вместе с буйным разноцветьем отзвучит неувядаемый «Вальс цветов» Чайковского, природа спешит… спешит… Травы спешат отцвести и скорей разбросать ветрами семена новой жизни, покрыть Тундру немыслимо пёстрым ковром ягод и грибов. Всё живое: птицы, звери, рыбы, — не обращая никакого внимания на частую и непредсказуемую смену погоды, спешат продолжить род как утверждение торжества вечной жизни.

Если Весна предстаёт перед нами в образе юной девушки, порой даже не совсем осознающей свою расцветающую, как цветок в бутоне, красоту, то Лето — это зрелая, знающая себе цену и вполне осознающая свою власть своевольная красавица!

Она то закружит вас в бешеных венгерских танцах Брамса на пёстрых своих пригорках, смутит канканом Оффенбаха, позволяя вам подглядеть брачные танцы птиц Тундры, то вдруг отрезвит вместе со взмывом скрипок полонезов густым снежным зарядом в середине Июля. Загрустит под песни Грига на берегах тёмно-синих каньонных озёр и, если вы ей понравитесь, подарит песню Сольвейг в таинственной тени отрогов предгорий.

Приобняв невидимой рукой, на берегу говорливой речки будет зачарованно слушать с вами,

забыв обо всём, серенады Шуберта, неотрывно глядя на плывущие в небе лёгкие облака, слегка позолоченные солнцем.

Или вдруг торопливо, украдкой, смахнёт с густых ресниц прибрежных ив-чозений слезинки летнего дождя, невзначай всплакнувшего о коротком счастье, коротком бабьем веке…

«Слишком короток век…»

Осень

Как часто вижу я сон
Мой удивительный сон,
В котором осень нам танцует вальс-бостон.
А. Розенбаум

Осень — это не только сменяющее лето время года. Осень — это целая страна, страна подведения итогов, критического переосмысления сделанного и время мучительных поисков причин, а порой и смешных всевидящей судьбе оправданий тому, что не удалось.

Осень приходит в Тундру внезапно, с первыми леденцами тающих днём льдинок закраин тундровых лужиц, отражающихся в невероятной глубине ярко-синего неба.

«Осенняя песнь» Чайковского с её мелизмами «на вздохе», полными грусти и безотчётного томления, как бы оттеняет едва уловимую смену косынок от жёлтого до карминно-красного цветов на рыжем снопе волос Осени в лучезарные вечера её прихода.

Она ещё не раз попытается обмануть вас, навевая «Сон в летнюю ночь» Мендельсона у остывающего ночного костра, с сожалением и грустью замечая ранним утром предательское серебро инея на своих прядях.

И наконец, безутешно разрыдавшись и в отчаянии разрывая нависшие серые покровы облаков, закрывает долины, горы и озёра пеленой моросящего дождя.

А вырвавшийся из плена облаков и тумана благодарный дождь начинает свои бесконечные невыразимо печальные гаммы на старомодных клавесинах Вивальди, Скарлатти и Телемана, незаметно переходя на вариации лютни и мандолины.

Осенние ветра тем временем срывают своим холодным дыханием последние жёлтые листья ив-чозений, устилая причудливыми полосами и пятнами чёрные речные камни и превращая берега рек в неизвестно кем накинутые тигровые шкуры.

Одинокая, закутанная в сотканный из туманов изодранный пуховый платок, уходящая Осень, прикрыв рукой затуманенные слезой глаза, всё глядит и глядит вслед покидающим милую Тундру караванам птиц под их созвучное печально-прощальным крикам горестно-безысходное «Адажио» Альбинони.

Зима

Ах, Моцарт, Моцарт,
Скрипок звуки
И пенье вьюги за окном…
В. Турьянский

За одну ночь все краски Тундры сменились невесёлой чёрно-белой графикой. Пришла Зима.

Чёрный цвет она оставила незамёрзшей воде рек и непокорным скалам предгорий, все остальные краски вобрал в себя белый — главный и любимый её цвет.

Природа замерла, ошеломлённая внезапной сменой почти солнечных дней нешуточным морозом, сковавшим озёра и нестерпимо сияющим на солнце белоснежными покровами. Седой, будто засахаренный, месяц трусливо-удивлённо моргал ресницами ещё не погасших звёзд, будто тоже не понимая причин столь резких перемен.

Немного оправившись от такой встречи, Зима поспешила рассыпать свои несметные богатства, и её белоснежные одежды засверкали всеми цветами радуги от миллионов самоцветов.

Хрустальные гроздья льдинок на прибрежных кустах, подсвеченные солнцем, качнулись от лёгкого дуновения ветерка и зазвучали серебряными колокольчиками нежных менуэтов Боччерини.

Гаснущим звёздам и месяцу она торопливо пообещала с помощью колдовских чар начистить их до зеркального блеска…

Но не понять холодному сердцу Снежной королевы — царицы полярного холода и тьмы — вечного стремления природы к Свету как источнику жизни, её непреодолимой тяги к теплу, запаху цветов, песням рек и синеве озёр, безбрежному зелёному морю лугов…

И, словно осознавая это, она, сурово нахмурив брови, накрепко захлопнула ледяные крышки над реками, заслонила, будто предупреждая, солнце пеленой первой пурги, угрожающе качнула шапки-снеговики на прибрежных кустах.

Но разве ты не различал, дорогой читатель, в шуме бьющихся в окна белых флагов пурги пение скрипок Моцарта, сливающееся с мелодией и музыкой ночи?

Именно это слияние, глубоко проникающее в самые тайники души, и является, по моему мнению, основой затяжных тягостных раздумий долгой полярной зимы.

Приход Ночи, которую она ждала как верную подругу, разделив с нею полную власть над Тундрой, она встречает торжествующими звуками симфоний Вагнера, бешено кружит снежные вихри под «Полёт валькирий» и вдруг, внезапно укротив метели, расцвечивает небо праздничным салютом зодиакального полярного сияния!!

Она не думает и не хочет знать, что, несмотря на кажущуюся ей вечной абсолютную власть над

миром, наступит время, когда хрупкая, с веночком из полевых цветов на голове, девушка Весна одним взмахом веточки ивы-чозении, как волшебным жезлом, прогонит её прочь, озарив радостной улыбкой приход нового Дня—новой жизни, полной любви, надежд и свершений!!

Осторожно!! Апрель!!

Эссе из книги «Тени Тундры»

Никаким притворством нельзя
скрыть любовь там, где она есть,
и не выказать её там, где её нет.
Ф. Ларошфуко

Середина апреля—самого нелюбимого мною времени года.

Апрель в Тундре—это, в первую очередь, грязно: серый, ноздреватый, уже не похожий на тающий сахар, не вызывающий никакого сожаления и грусти снег, прорезанный кривыми ручьями с ледяной мутной водой, вымывающей островки прошлогодней травы, похожие на давно не мытую, свалявшуюся шерсть неведомых животных.

Это чёрный, еле оттаявший торф на вездеходной колее, предательски скрывающий мёрзлые рытвины и ямы, грязные и не выспавшиеся обитатели Тундры: песцы, лисы,—покинувшие свои норы из-за затопления и жмущиеся к едва просохшим пригоркам.

Местами растаявший снег обнажил самые теневые стороны жизни Тундры: груды мусора возле стоянок геологов, уже подгнивающие останки погибших оленей и других животных, а вздувшийся буграми серый лёд на тундровых озёрах напоминает плохо вымешанное тесто в тазах нерадивых хозяек.

Гребни гор ещё пытаются призывно махнуть флажками сорванного снега, но холмы предгорий в чёрно-белых пятнах уже напоминают только огромных коров, равнодушно жующих ледяную жвачку подмерзающих за ночь ручьёв.

Ещё непригляднее выглядит апрель в посёлке, бесстыдно напоказ выставляя все язвы и пороки уходящей зимы.

По целому ряду признаков и свойств апрель напоминает мне многодетную мать с пьющим мужем, вечно спешащую и никуда не успевающую, с кучей нестираного белья в не включённой стиральной машине, разбитой тарелкой в горе грязной посуды переполненной раковины, подгоревшей кашей на плите, нервно недокуренной сигаретой, подзатыльником малышу, некстати опрокинувшему на себя чашку, и, наконец, злыми слезами по неудавшейся жизни.

Но, уважаемый читатель, к великому удивлению, мой жизненный опыт показал мне, что природа человека подвластна иным законам, всегда жила и продолжает жить по ним.

Именно апрель в большей степени, чем другие месяцы, является временем пробуждения нежных чувств, всплеска бурных, порой удивительных жизненных коллизий и внезапно вспыхивающих романов, право, достойных несравненно лучшего пера, чем вашего покорного слуги.

Порядком заскучавший во время зимы и не в меру расшалившийся Купидон с безрассудной насмешливостью рассылает стрелы, с одинаковой лёгкостью вдребезги разбивая сердца закоренелых холостяков и юных девушек, заставляя делать невообразимые глупости почтенных отцов семейств и строго блюдущих нравственность их жён.

Итак, дорогие читательницы, как существа, бесспорно, более организованные (или я ошибаюсь?) в вопросах чувств, я предлагаю вам обсудить с мной некоторые странности любви и брака.

Вы не решаетесь? Боитесь, что апрель невольно выдаст некоторые тайны из вашего далёкого (а может, и не такого далёкого, а?) прошлого? Ну и не говорите никому, хорошо? Мне—можно.

Я предлагаю обсудить неравные браки.

Нет-нет, не те набившие оскомину браки неравных по возрасту, которые не обсуждают сегодня только самые ленивые. Мне и самому неинтересна эта тема, хотя, как совершенно справедливо заметил Р. Шеридан в своей «Школе злословия», «когда старый холостяк берёт молодую жену, он заслуживает… да чего там! Преступление само в себе уже содержит кару».

Мне всегда были интересны браки (разумеется, только на основе любви) людей в значительной степени различной внешности. И тут я полностью согласен с мнением классиков, считающих, что женщины гораздо тоньше и безошибочнее определяют красоту душевную, часто предпочитая её красоте внешней и физической.

Я знал множество по-настоящему счастливых пар (и даже при существенной разнице во вкусах), связывающих красивых женщин с некрасивыми, а иногда даже с уродливыми мужчинами. Одним из примеров может служить и брак моего брата, человека с ярко выраженным физическим уродством,—счастливый брак с любящей красивой женой, подарившей ему троих прекрасных детей, а те в свою очередь—девять очаровательных внуков. И наоборот, я встретил только одну пару, где по всем меркам красивый мужчина прожил долгую жизнь (да и сейчас живёт) с настоящим на первый взгляд «синим чулком».

А вы?? Знаете ли вы такие пары??

Не менее интересной темой являются браки людей с различным развитием и (только отчасти) образованием. Как правило, такие браки заключаются (ох уж этот апрель) на основе страстной любви.

Тем не менее неравенство развития достаточно часто является причиной конфликтов и в конечном итоге приводит к невыносимости жить под одной крышей.

А. И. Герцен, по моему мнению, достаточно жёстко (и даже жестоко) пишет: «Жена, исключённая из всех интересов, занимающих её мужа, чуждая им, не делящая их,—наложница, экономка, няня, но не *жена* в полном, в благородном значении слова. Её не нужно днём, а она тут, мужчина не может делить с ней своих интересов, она не может не делить с ним своих сплетен».

А вы, дорогие читательницы? Кем вы были (и остаётесь) для своих избранников? Только не лукавьте…

В период работы на Территории я знал несколько семей, где муж (как правило, с образованием не выше среднего) каждый праздник, подвыпивши и со скандалом, порывался сжечь университетский диплом жены.

Другая картина, оставшаяся в памяти. Холёного цветущего мужчину с сигаретой в руке, с оттенком видимого превосходства пытающегося вывести нас из сложного лабиринта романов Д. Джойса, тихим голосом прерывает его жена—бестелесное, не подымающее глаз существо, как бы понимая никчёмность самого своего существования: «Я стол накрыла. Скажи, пожалуйста, когда подавать горячее?..» Не удостоив её даже кивком, он жестом радушного хозяина приглашает нас в столовую.

В неоднократно наблюдаемых мной подобных ситуациях неизбежно появляется третий (Боже, неужели опять апрель?), и возникающий треугольник бывает намного прочнее, чем основанный чисто на физиологии, и грани его тоньше и острее.

А вам, дорогой читатель, удалось избежать этого? Сберечь то, что даётся не так часто? Если да—может, поделитесь секретом?

Мои любезные конфиденты!

Я знаю, что Мельпомена давно простилась с вами, наглухо закрыв занавесы семейных сцен, и унесла с собой ветер перемен, но…

Осторожно! Апрель!!

Не уходи…

Короткое эссе из книги «Тени Тундры»

Уходящую осень в Тундре он всегда воспринимал как что-то глубоко личное, сравнимое ближе всего с уходом женщины.

Нет, нет, дорогой читатель, это не тот уход с криками, бурными объяснениями, взаимными упрёками и обвинениями. Осень в Тундре уходит, как женщина, которая уже приняла это трудное и последнее решение, но по необъяснимым даже для себя самой причинам не решается признаться вам в этом.

Напрасно…

Ещё не видя никаких примет, он уже ощутил смутное беспокойство, сродни тревоге, не оставляющей в течение дня после бессонной ночи…

Проснувшись от навязчивой мелодии (ни автора, ни в чьём исполнении—он вспомнить не мог, и настроение от этого не улучшилось), поспешно одевшись, вылез из палатки и буквально задохнулся, как от глотка ледяной воды из ручья, вдохнув необыкновенно чистый воздух—как единственное на всей земле дыхание женщины, его женщины, уже (он ещё не осознал это) уходящей от него.

Восход ещё не наступил, но рассвет уже окрасил рваные тени предгорий в завораживающие, причудливо меняющиеся от тёмно-синего до багровоалого краски.

Он вдруг с внезапно подступившей грустью увидел (как не замечал раньше?), что мелкие облака на фоне багровой полоски восхода напоминают пепел на остывающем костре.

Ему вдруг нестерпимо захотелось побыть одному, и, не разбирая дороги, он зашагал в сторону тёмной полосы кустов, обрамляющих берега невзрачной безымянной речушки. И только тут, на берегу, он с пронзительной ясностью понял причину своего состояния: уходит осень…

В одну ночь она засыпала бесшумный плёс беспорядочным ворохом зеленовато-жёлтых листьев чозений, а взошедшее наконец солнце осветило пригорок карминно-красным, самым любимым её цветом.

И, как навсегда уходящая женщина, как будто увидев, что ей больше нечего скрывать, и облегчённо вздохнув от отсутствия необходимости вести сложные и абсолютно ненужные разговоры, она закрутила карусель холодных ветров, нарушив гладь озёр с растворённым в них небом, взметнула брезентовые крыши палаток, как огромные журавлиные крылья на взлёте.

Торопливо, словно боясь передумать, озарила осенним огнём предгорья, будто сжигая за собой последние мосты, нечаянно пролила звёздный дождь на чёрное стекло внезапно потяжелевших ночных облаков, смахнула слёзы с задрожавших, словно от прощания, ресниц луговых трав.

И вместе с гусиным криком, гонящим из памяти черты ещё вчера родного лица, понимая всю неотвратимость происходящего, он с отчаянностью обречённого прошептал: «Не уходи…»

Ночь

Очень короткое эссе из книги «Просто люди»

Ночь, как спрут, вязким чернильным облаком с медленной (и оттого ещё больше пугающей) неотвратимостью окутала всё вокруг, заполняя собой самые укромные уголки и сжимая тугие иссиня-чёрные кольца вокруг догорающего костра.

Вспыхивающие на мгновение и гаснущие угли, казалось, раз за разом посылали безнадёжный сигнал бедствия в беспросветную чёрную молчаливость.

Он вдруг почувствовал запах Ночи—нет, не тот чарующе-запретный из ночей его юности, а еле ощутимый, холодный, бездушный, схожий с тленом увядающих осенних листьев запах, никогда не обещавший молодости.

Восходящая (а вскоре и взошедшая) луна в этот вечер ничуть не ассоциировалась у него с многократно воспетой подругой ночи и «свечой ночей».

Её неестественно жёлто-красный диск вдруг представился ему огромным циферблатом, льющим на неразличимую черноту озера незримый поток времени с равнодушием маятника.

«Старость…»—подумал он.

Запахи Тундры

Эссе из книги «Тени Тундры»

Этим коротким эссе я хотел бы завершить книгу «Тени Тундры», пригласив вас в загадочную и удивительную страну запахов.

Вместо введения

О природе, структуре и способах восприятия запахов, как вы знаете, упоминал ещё Лукреций более двух тысяч лет тому назад, и опустим компилятивную часть множества авторов по этому вопросу.

Разрешите только напомнить вам, что из всех стран (музыки, красок, звуков) —это самая закрытая, абсолютно недоступная для большинства людей и осторожно, испытующе выдающая приглашения избранным.

Готовы ли вы посетить страну запахов Тундры?

Итак, я вижу, что вы готовы и с нетерпением ждёте обещанного свидания…

Запахи Тундры

Позвольте вам напомнить, что восприятие запахов (в особенности запахов Тундры) зависит от вашего возраста, настроения, физического состояния, времени суток, ну и, конечно, времени года.

Чем пахнет Зима с её морозами и вьюгами?

Проснувшись утром, вы вдохнули давно забытый запах снега от наволочки—да-да, именно тот, морозной свежести, когда мать с шумом и треском втаскивала с улицы бельё в дом вместе с клубами морозного воздуха!

Запах Зимы—это густой аромат многократно перекипячённого чая, перебивающий сладковато-угарный запах угля печек перевалочных баз, едкая вонь от работающих круглые сутки автомашин, тракторов, вездеходов…

Это едва уловимый запах суеверного страха от внезапного зловеще-торжественного салюта северного сияния, расцвечивающего тёмно-звёздное небо.

Майские запахи… Пожалуй, самые волнующие в году.

Только поздним вечером слегка подмокшая под тёплым весенним дождём прошлогодняя трава приобретает ни с чем не сравнимый аромат затылочка только что выкупанного ребёнка.

Присядьте на берегу по-весеннему полноводного ручья—и, задумавшись, глядя на быстро бегущий грязноватый поток, вдруг впервые ощутите, что талая вода имеет запах влажной земли и мокрых листьев, смешанный с терпким ароматом невзрачных соцветий прибрежных полярных ив.

Но главный запах весенней Тундры—это запах Любви как ожидания, пробуждения и начала новой жизни. Просто встаньте рано утром и вдохните полной грудью воздух, которым невозможно надышаться и хочется пить крупными жадными глотками тонкие ароматы тёмно-синих прострелов и ярко-жёлтых маков, смешанные с запахами пёстрого лугового разнотравья, и даже, кажется, капли дождя пахнут чем-то невыразимо сладостным, что нельзя описать никакими словами.

Лето в Тундре запомнится вам в минуты романтичного настроя запахом торфяных озёр с водой цвета крепко заваренного чая и едва различимым ароматом хорошо выдержанного шотландского виски.

Хмурым вечером с моросящим дождём в тон вашему настроению тундровые озёра обдадут вас тяжёлым запахом застоявшейся воды, болотной тины и перегнивших водорослей.

Лёгкий ветерок принесёт вам запахи дыма от костров геологов, несравненные ароматы отварных оленьих рёбер из яранг оленеводов, смешанные с густым едким дымом кустов ивы, используемых как дрова.

Чем запомнился мне запах осенней Тундры? Пожухлая трава имеет легко различимый запах тления—запах уходящей натуры и безвозвратных потерь, а оседающий на губах дым далёких пожаров имеет явственный привкус горечи с неожиданно ставшей солёной слезою дождя.

Опавший лист в утренние часы вдруг напомнит пожелтевшие страницы зачитанных в далёком детстве книг, затхлый запах старости.

А знаком ли вам приторно-сладковатый запах свежей крови, поздней осенью пропитывающий воздух возле коралей (место, где забивают оленей)?

Вода в реках, отливающая цветом закалённой стали, несёт трудноуловимые запахи холодов, предвестников скорой зимы, и вдруг остро пахнёт рыбьей чешуёй в местах осеннего лова…

Итак, уважаемый читатель, я провёл вас по стране запахов Тундры. Что почувствовали вы? Приезжайте, и она, может быть, откроет вам новые, доселе неизвестные запахи и ароматы.

Плач Тундры

Из книги «Тени Тундры»

Эту песнь навеял мне неожиданно по-летнему тёплый ветер глубокой осенью в урочище Ольхон, вблизи старой могилы чукотского шамана, напоминанием о которой служила огромная куча выбеленных безжалостным северным солнцем оленьих рогов.

Это был голос Тундры, даже, скорее, пугающе-горестный её плач, подобный плачу по безвременно ушедшим родным, плачу брошенной женщины или незаслуженно обиженного ребёнка.

Прошло много лет, но и сейчас я слышу его во сне, различаю среди городского шума и суеты.

«Что ты сделал со мной, человек? За что? В чём я виновата перед тобой?

Да, я бываю неприветливой и даже суровой, но я такая, и разве ты, приходя сюда, не знал об этом? Да, гроздья моих туманов густы и холодны, мои метели и морозы жгуче злы, а ночи длинны и угрюмы.

Но разве не я расстилаю тебе ковёр из трав и цветов весной, пытаюсь отогреть тебя щедрым полярным солнцем во время короткого лета, разрываю надоевшую тишину гомоном перелётных птиц, осыпаю звёздами твои дороги зимой и ярче зажигаю голубые созвездья, чтобы освещать твои пути? Я открыла тебе все двери кладовых Заполярья, одарив несметными богатствами в виде уникальных месторождений золота, олова, ртути, вольфрама и платины.

Почему же ты так поступаешь со мной?

Разве ты не знаешь, что вездеходный след не зарастает пять лет, а на месте следов твоих тракторов и буровых остаются глубокие овраги, напоминающие незаживающие раны, что залитые соляркой, в обрывках ржавых тросов, ягели уже никогда не станут пастбищами для оленей? А сколько их ломало ноги в твоих незасыпанных канавах и траншеях, подобных глубоким разрезам на моём теле, сколько рыбы ты погубил, сливая отходы в мои некогда кристально чистые реки? Зачем ты оставил ржаветь миллионы бочек, сотни ёмкостей для горючего, тракторных саней, станков, тракторов, балков?

Твои некогда обжитые жилища, посёлки стали похожи на погосты, где один только северный ветер громыхает сорванными крышами и врывается в давно разбитые окна.

Остановись! Опомнись, человек! Ещё не поздно! Помоги мне! Я жду тебя!

Маргарита Стаканова (3 класс)

Малая Ничка, родное село…

С самого детства я проживаю в селе Малая Ничка Минусинского района Красноярского края. Мало кто слышал о этом небольшом селе в три улочки. Но для меня моя малая родина—это самое лучшее и замечательное место на свете. Моё село очень спокойное, здесь все друг друга знают. Можно, ничего не боясь, выйти прогуляться по улочкам с семьёй и с друзьями, поиграть и порезвиться на свежем воздухе в любое время года. В нашем селе есть большая школа, детский сад, сельский клуб, больница, магазины, детская площадка. Люди у нас воспитанные, все друг с другом здороваются. На улицах всегда можно встретить ребятишек, которые большой гурьбой играют в разные игры. Им не интересны компьютеры, телефоны и планшеты, они любят живое общение. А ещё раньше у нас в селе был свой небольшой пруд, летом мы всегда там купались. К сожалению, сейчас его разрушили, и больше нам купаться негде.

Но, даже несмотря на некоторые трудности и отсутствие крутых детских развлекательных центров, кинотеатров и всего прочего, я могу точно и с уверенностью сказать, что своё маленькое родное село я никогда не променяю на это. Здесь очень хорошо и уютно. Когда я вырасту, я обязательно получу профессию, которая важна для моего села, и вернусь сюда.

Дмитрий Косяков

Культ личности Бродского и его истоки

…Скоро, как говорят, я сниму погоны
и стану просто одной звездой.
Иосиф Бродский

Бродский, господа!

Видимо, действительно настало время поговорить о Бродском. Самая очевидная причина заключается в том, что Бродского в информационном пространстве стало слишком много. Складывается такое ощущение, что, кроме Бродского, вокруг вообще ничего не осталось. Если я сталкиваюсь с молодым (или немолодым) поэтом, то, как правило, его литературным и жизненным ориентиром оказывается Бродский. И, наверное, это неспроста.

В рекламе регулярной Красноярской ярмарки книжной культуры (КРЯКК), организуемой Фондом культурных инициатив Михаила Прохорова, фигурируют четыре персонажа: Булгаков, Пушкин, Достоевский, Бродский. Достоевского можно даже выкинуть:

Очевидно, что подобная реклама отражает и одновременно закрепляет определённое представление о русской литературе, о том, какие авторы в ней являются ключевыми, что в ней является самым важным. Каждый из указанных персонажей символизирует определённую эпоху: Пушкин — начало девятнадцатого века, Достоевский — вторую половину девятнадцатого века, Булгаков — первую половину двадцатого века, Бродский — вторую половину двадцатого века.

Не менее очевидно, что последние три автора выпячены литературным истеблишментом не за что-нибудь, а именно за их антиреволюционность. Во всяком случае, именно в этом качестве нам стремятся их преподносить. Насколько примитивен и несправедлив такой подход к Булгакову, разговор уже был. Настало время поговорить о Бродском.

Мода на Бродского стала всероссийской относительно недавно. В восьмидесятые больше говорили о Пушкине, в девяностые — о Булгакове. Примерно с нулевых имя Бродского стало понемногу навязать в ушах.

Недавно на тему Бродского «прорвало» даже журналиста Константина Сёмина и ролевика-реконструктора Клима Жукова[1]. И хотя Сёмин сам сознаётся: «Нас трудно назвать специалистами в области литературы», — но его с Жуковым можно понять. Наболело.

Сёмин констатирует: «Появляются граффити, появляются музеи, появляются экскурсионные программы и так далее и тому подобное. То есть это то, что становится частью нашего сегодняшнего… ну, что ли, образовательного минимума». А Жуков добавляет: «У нас в Питере даже есть кафе, которое называется „Бутер-Бродский“». Далее Сёмин приводит внушительную подборку видеоцитат, в которой различные официозные медийные персоны, деятели масскульта восхваляют Бродского. Можно говорить уже о настоящем культе личности — личности Бродского.

К этому можно ещё много чего прибавить. Например, профессор кафедры истории русской литературы МГУ Андрей Ранчин ещё в 2006 году говорил о «литературной канонизации Бродского» как о явлении исключительном, поскольку Бродский стал «единственным современным русским поэтом, уже удостоенным почётного титула классика». Его персоне посвящено колоссальное количество мемуарных текстов и всевозможных конференций.

В 2015 году в деревне Норинской, где поэт отбывал ссылку, восстановили избу, в которой он жил, и открыли в ней музей. В том же году была издана объёмная антология стихотворных и прозаических посвящений Бродскому, в которую вошли произведения почти двухсот отечественных и зарубежных авторов. В вышедшем в 2018 году художественном фильме о Довлатове Бродский сделался одним из главных героев. О Бродском снято свыше тридцати документальных фильмов. И так далее и тому подобное.

Критик Михаил Берг утверждает, что Бродского постигла «неизбежная, по крайней мере у нас в России, канонизация. То есть то упрощение восприятия, когда вместо сложного и прекрасного именно своей противоречивостью появляется грубо раскрашенная схема, памятник, которым, конечно, куда проще манипулировать. Его легче поставить визави или обнять (увы, он уже не

1. Бродский. Великая Посредственность // По-живому. https://www.youtube.com/watch?v=RCuOWFCDfdI Далее цитаты из этого ролика.

запротестует), на памятник можно опереться, а на его пьедестале нетрудно отыскать место и для себя»[2].

Поэтому вполне уместно рассматривать Бродского как культурный феномен. Более того, этот культурный феномен, масскультурный образ Бродского фактически подмял под себя реальные биографию и творчество поэта.

Не слабый, а неровный поэт

На сфабрикованность, сделанность фигуры Бродского, надо отдать им должное, обратили внимание и Сёмин с Жуковым.

Сперва они разбирают некоторые произведения Бродского и обнаруживают у него массу поэтических ляпов и ошибок. И приходят к заключению, что Бродский — поэт довольно слабый. Но, заявляя: «Тут не нужно специализироваться. Если человек закончил среднюю школу с оценкой по русскому языку больше чем „три", он будет иметь что сказать», — господа «левые» блогеры ставят себя в уязвимую позицию, поскольку всякий обожатель Бродского с лёгкостью парирует их заявления ссылкой на то, что Жуков и Сёмин не профессиональные литературоведы и лишь воспроизводят логику советского суда над Бродским, где свидетелями со стороны обвинения также выступали люди, далёкие от литературы.

Да и я, как литературовед, могу сказать, что их разбор выглядит крайне односторонним. Дело в том, что Бродский не слабый, а неровный поэт. У него правда есть немало вульгарных, беспомощных и откровенно занудных строк и произведений. Свидетельством этому — тот факт, что Бродский при исполнении своих стихов часто сбивался, путал слова и пропускал целые строчки. Стало быть, его стихи не были той песней, из которой слова не выкинешь.

Чего стоит хотя бы хрестоматийное «Как медленно душа заботится о новых переменах…», где слово «новых» совершенно излишне, граничит с тавтологией (разве бывают старые перемены?) и лишь выполняет роль растягивания строки до нужного размера. Встречается у него и вульгарная рифма, вроде «молчит — кричит».

Даже восторженные апологеты Бродского вынуждены сквозь зубы признавать, что «скоростью вращения словесной массы» поэт дорожил «больше, чем тяжестью отдельного слова», что сюжет, особенно в крупных вещах, у него не дружит с логикой[3].

Но есть ведь у Бродского и произведения яркие и талантливые. Разве не замечательно звучит:

> Еврейское кладбище около Ленинграда.
> Кривой забор из гнилой фанеры.
> За кривым забором лежат рядом
> юристы, торговцы, музыканты, революционеры.
> Для себя пели.
> Для себя копили.
> Для других умирали.

Авторская мысль, конечно, лукава: поставить в один ряд торговцев и революционеров и приписать первым добродетель последних; но сказано-то красиво — ничего не попишешь.

А то эдак ведь можно и у Пушкина собрать некоторые нецензурные цитаты, поэтические пустяки, не предназначавшиеся для печати, и заявить, что таково и есть литературное лицо нашего классика.

Я бы предъявил Бродскому иную претензию. Подняться на уровень истинно высокой поэзии его творчеству не позволяет то, что при вычурности и даже переусложнённости метафор и оборотов мысль, в них содержащаяся, слишком часто оказывается плоской и банальной.

Возьмём для примера стихотворение «1 января 1965 года». Вот строки:

> …задув свечу, пред тем как лечь.
> Поскольку больше дней, чем свеч,
> сулит нам календарь.

Расшифровав, получим: поскольку дней в нашей жизни больше, чем свеч (и почему и то, и другое нам должен сулить календарь?), то свечу перед сном стоит гасить. Автор потратил три строки на призыв к экономии свечей. Прекрасно. Читаем далее:

> И, взгляд подняв свой к небесам,
> ты вдруг почувствуешь, что сам —
> чистосердечный дар.

Расшифровка: человек — это подарок неба. Подарок кому? И почему чистосердечный? Бывает ещё и нечистосердечный подарок небес? Стоила ли эта мысль того, чтобы выносить её в финал стихотворения?

Аналогичную проблему я отмечал у Боба Дилана и Гребенщикова, хотя хронологически Бродский, конечно, пришёл к этому раньше. Но и Бродский не был первооткрывателем.

Такой же изъян отмечал Брюсов у символистов: «Я вовсе не прочь читать между строк. Но я требую, чтобы затаённое там действительно стоило того, чтобы его прочесть. Сколько я ни знаю символических произведений, в них „между строк" можно вычитать только такие изречения мудрости, как: „Красота оправдывает всё", „Истина, не оживлённая чувством, бессильна", „Любовь искупает всякий грех и возвращает душе невинность", „Художнику, унизившему свой божественный дар ради земных выгод, нет другой надежды, кроме нирваны" и т. д. и т. д. Почему подобные афоризмы

2. *Берг М.* Другой Бродский. http://mberg.net/rbr/
3. См. *Лурье С.* Свобода последнего слова // *Бродский И.* Письма римскому другу. СПб.: Азбука, 2011. С. 6.

были бы признаны банальностями в книге философа и почитаются откровениями, когда их надо выудить из драмы? Если уж поэтическому произведению таить в себе второе, тайное содержание, то пусть оно будет на уровне современной мысли, на уровне современной философии и науки!»[4]

Путь расшифровки текстов Бродского зачастую тоже не стоит того, чтобы быть пройденным, ибо в финале нас не ожидает никаких откровений. Именно поэтому подобная поэзия рассчитана на *поверхностного* и *непытливого* читателя.

Бродский в качестве символа

Однако со следующим выводом Жукова можно согласиться: «Никак не выйдет отнять от творчества Бродского формальную составляющую сущности его фигуры. Потому что [если] не было бы некоего политического скандала, некой политической фронды — никогда не было бы Бродского в том виде, в каком мы его знаем».

«Эта биография и эти реальные политические обстоятельства оказались для того, чем должен был стать Бродский для нас всех, гораздо более важным. Контекст оказался важнее собственно подтекста. Исторический, политический контекст оказался важнее содержания», — добавляет Сёмин.

Присовокупим сюда свидетельства главного биографа поэта Льва Лосева[5], а также литературоведа Валентины Полухиной[6] о том, что Бродский был воспринят в англоязычном мире как публицист, а не как поэт. Западные критики более чем холодно отнеслись и к его англоязычным стихам, и к его переводам на английский язык собственных русскоязычных стихов.

Действительно, большинству его популяризаторов глубоко плевать на действительное качество тех или иных творений поэта, поскольку он интересен масскульту в качестве символа. И фундаментом этому символу служат, конечно же, организованный властями СССР процесс против Бродского, полтора года ссылки и эмиграция. Не будь всего этого, интерес к Бродскому был бы крайне незначительным. Причём «друзья» Бродского настаивают на его антисоветизме ещё яростнее, чем обвинители на его процессе.

Выражая свою любовь к Бродскому, Чубайс подчёркивает его «несоветскость», банкир Пётр Авен — что Бродский помогал «отбросить то, что считалось необходимым и неизбежным для большей части советской литературы», Леонид Парфёнов — что «Бродский рос… несоветским поэтом. Даже вопроса не стояло: он не считал советскую поэзию за стихи». При этом Бродский оказывается для многих ораторов лишь поводом, чтобы поведать о «красном терроре и чекистском истреблении»[7].

Вот и историк литературы Самуил Лурье начинает своё эссе о Бродском не с чего-нибудь, а именно с фактов суда и преследования поэта[8]. Первым делом он отметает «слово „тунеядец“ в судебном приговоре и судебных фельетонах» на том основании, что «к моменту вынужденного отъезда Бродского за границу (1972) основной корпус собрания его стихотворений уже состоял не менее чем из тысячи страниц». Но, простите, если опираться *исключительно* на количество написанного, то придётся в литературные труженики записывать всякого графомана.

Следом Лурье объявляет, что причиной травли Бродского являлось то, что он писал «волшебные» стихи. И тут уж гонители Бродского (кстати, кто это: всё советское общество, советская власть, некоторая группировка во власти?) превращаются критиком в каких-то карикатурных бармалеев, ненавидящих всё прекрасное. Но если советское общество — это такое царство Карабаса-Барабаса, намеренно уничтожающее всё талантливое, тогда придётся признать всех публиковавшихся, обласканных властью и любимых читателями писателей бездарностями.

Придётся спустить собак на Маяковского, Шолохова, Евтушенко, Вознесенского, Окуджаву и ещё многих и многих. А чем подобное литературное судилище будет лучше того, которое было учинено над Бродским? Наши либералы лишь наизнанку воспроизводят «тоталитарную» логику, против которой якобы восстают. Их руки тянутся к тому же самому кнуту, которым в «Мастере и Маргарите» орудовал критик Латунский.

Права была Анна Ахматова, когда сказала по поводу суда над Бродским: «Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял»[9]. Действительно, биография Бродского перевесила его творчество.

Может быть, потому он в последние годы жизни и выступал против написания его биографии и в том числе против сведéния его личности к диссидентству. «Они [биографии] низводят литературу до уровня политической реальности. Вольно или невольно (надеюсь, что невольно) Вы упрощаете для читателя представление о моей милости. Вы — уже простите за резкость тона — грабите читателя (как, впрочем, и автора). А, — скажет французик из Бордо, — всё понятно. Диссидент. За это ему Нобеля и дали эти шведы-антисоветчики.

4. *Брюсов В.* Карл V // *Брюсов В.* Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1975. С. 125.
5. См. *Лосев Л. В.* Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008.
6. *Полухина В.* Литературное восприятие Бродского в Англии. http://www.stosvet.net/9/polukhina/
7. Видеоцитаты приводятся в ролике Жукова и Сёмина.
8. См. *Лурье С.* Указ. соч.
9. Цит. по: *Найман А. Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Художественная литература, 1989. С. 10.

И „Стихотворения“ покупать не станет…»—замечал Бродский в одном из писем.

«Вся страна сейчас снимает сериалы, ставит спектакли, носит цветы, сдаёт экзамены в школе и при поступлении в университет человеку, который эту страну дерьмом поливал с первой до последней минуты своей жизни фактически»,—резюмирует Сёмин и в этом стремлении поскорее подвести черту уподобляется тому самому французику из Бордо.

Сёмин в очередной раз демонстрирует позорнейшую для левого, для марксиста недиалектичность мышления, поскольку стремится видеть в живом человеке некую константу, нечто запрограммированное, неизменное, в то время как диалектика учит нас видеть вещи в развитии.

Даже любимый Сёминым Сталин, коего он защищает от нападок Бродского, умел, когда надо, более взвешенно смотреть на своих политических противников. Выступая на мартовском пленуме 1937 (!) года, он говорил: «Нельзя стричь всех под одну гребёнку…»[10]

Сёмин и иже с ним, конечно, возразят, что определённая «запрограммированность» личности есть, ибо «бытие определяет сознание». Но в том-то и дело, что и само бытие тоже диалектично и подвержено изменениям. Эпоха, обстоятельства меняются у нас на глазах, да и самому Бродскому пришлось неоднократно менять своё бытие, перемещаясь между столицей и глубинкой, наконец, оказавшись в роли эмигранта.

Бродский как жертва

Начнём с того, что в ранних (досудебных) стихах Бродского прямая критика советской власти отсутствовала, и с этим согласен Лев Лосев. Да, в этих стихах могло быть слишком много пессимизма и индивидуализма, больше, чем было принято в официальном советском искусстве, но антисоветизмом это назвать нельзя. Если уж на то пошло, то и сам Сёмин, будучи ярым сталинистом, смотрит на хрущёвский СССР с бо́льшим пессимизмом, чем официальное «оттепельное» искусство.

Итак, не будем торопиться «с первой минуты» записывать Бродского в антисоветчики и тем самым целиком отдавать его противоположному лагерю. Постараемся бегло просмотреть его биографию и вычленить наиболее показательные и существенные элементы.

С одной стороны, имеется свидетельство о том, что Бродский в 1960 году обсуждал с приятелем идею захвата самолёта с целью вылета за границу, а также пытался передать случайному американцу рукопись другого своего приятеля. Трудно судить, насколько серьёзно это свидетельство, тем более что задержавшее в связи с этим Бродского КГБ отпустило юношу через двое суток. Думается, что здесь главную роль всё-таки играли «друзья», а не будущий поэт.

Пожалуй, сильнее всего с режимом его могли поссорить вышедшая в 1963 году статья «Окололитературный трутень» и последовавший суд. Даже не приговор и наказание, а сам характер выдвинутых обвинений.

Статья в «Вечернем Ленинграде», подписанная Я. Лернером и ещё двумя штатными сотрудниками газеты, обвиняла Бродского в «формализме», «упадочничестве» и «паразитическом образе жизни». При этом авторы подошли к делу неряшливо, если не сказать—нечистоплотно: перепутали (или подкинули) некоторые стихотворные цитаты, приписали самому автору слова его персонажа, исказили некоторые слова и т. д. Такое кого угодно обозлит.

Суд вынес максимально строгий по статье о тунеядстве приговор—пять лет принудительного труда в отдалённой местности. Зачем всё это было нужно? К этому мы ещё вернёмся. Пока отмечу, что даже суд и приговор не то чтобы сразу поссорили Бродского с отечеством. Впоследствии он вспоминал, что ссылка оказалась одним «из лучших периодов» его жизни, «бывали и не хуже, но лучше—пожалуй, не было». Здесь у поэта было достаточно времени для уединённых раздумий и даже для творчества.

Трудился в ссылке Бродский старательно, несмотря на проблемы с сердцем. Надо сказать, что жизнь он всё-таки «повидал», чего нельзя сказать о большинстве его поклонников. И лентяем он отнюдь не был: умел работать интеллектуально и физически. В ссылке он пробыл всего полтора года благодаря поднявшейся международной кампании защиты, в которой принял участие сам Жан-Поль Сартр. Так что, ещё не будучи, по собственному признанию, «поэтом никакого ранга»[11], в Ленинград он вернулся уже знаменитым.

Да ради такой славы многие поэты были бы готовы и дольше пробыть в Архангельской области. Сам поэт в беседе с Петром Вайлем отмечал: «Мне наплевать, я-то считаю, что я вообще всё это заслужил»[12].

Бродский сделался чрезвычайно популярен, им стали активно интересоваться на Западе, брать интервью, приглашать на всякие мероприятия, но власти не спешили выпускать Бродского за рубеж. Понятно, что там интересовались им исключительно как жертвой показательного процесса. Это не могло не бить по самолюбию поэта.

10. *Сталин И.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Цит. по: *Роговин В.* 1937. http://www.trst.narod.ru/rogovin/t4/xxxiv.htm#ftn_21
11. См. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. http://lib.ru/BRODSKIJ/wolkow.txt
12. Рождество: точка отсчёта. Беседа Иосифа Бродского с Петром Вайлем. http://noblit.ru/node/1124

Бродскому не нравилось, что ему создают образ борца с советской властью, что его творчество оказывается в тени этого образа. Поэтому Бродский периодически на протяжении своей жизни восставал против такой политической трактовки своей персоны. Как-то в беседе с Соломоном Волковым он заявил: «Мне повезло во всех отношениях. Другим людям доставалось гораздо больше, приходилось гораздо тяжелее, чем мне».

Вообще, беседы с Волковым достаточно показательны: Волков всячески возвеличивает Бродского и подталкивает его к осуждению советского строя как «бульдозера», подминавшего «под себя всё независимое, творческое, свободолюбивое». В ответ на это Бродский бросает: «Я-то считаю, что я вообще всё это заслужил» и «Я отказываюсь всё это драматизировать!»

Эмиграция, слава, деньги

Из ссылки Бродский был возвращён досрочно, но уже в 1972 году органы предложили ему немедленно эмигрировать, а в случае отказа пригрозили «горячими денёчками». Итак, Бродский эмигрировал не по своей инициативе, а по принуждению, и, даже выбрав эмиграцию, он всё же старался оттянуть день отъезда. В объятия «свободного Запада» он изначально не стремился (как позже оттуда не стремился на Родину).

Конечно, Советский Союз Бродский покинул популярнейшим поэтом, а в Европу и США прибыл в качестве звезды, в ореоле мученика. Ему выхлопотали место преподавателя в Мичиганском университете. И это при том, что Бродский не имел не только педагогического, но и просто высшего образования, как и вообще способностей к преподаванию. Его «лекции» представляли собой простые беседы по душам со студентами. И вот за эти душевные беседы он получал неплохие деньги. Понятно, что всё это делалось неспроста.

Из Бродского усиленно лепили политическую фигуру. Этим занимались как собратья-эмигранты вроде Волкова, которым непременно хотелось, убеждая Бродского, убедить и себя, что они поступили правильно, покинув Родину. Этим занимались и представители западного истеблишмента. Изменилось бытие—изменилось и сознание, так что Бродский быстро «поплыл» в сторону заурядного антисоветизма с джентльменским набором пропагандистских клише.

Заметьте, что Нобелевскую премию Бродскому сочли возможным вручить только в 1987 году, когда он уже окончательно «дозрел». Его нобелевская речь была выдержана в «правильном ключе»: восхваление капиталистической «демократии» в противовес тому самому тоталитарному «бульдозеру», частных интересов в противовес интересам общества.

Выступление начиналось словами: «Для человека частного и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего, для человека, зашедшего в предпочтении этом довольно далеко—и в частности от родины, ибо лучше быть последним неудачником в демократии, чем мучеником или властителем дум в деспотии,—оказаться внезапно на этой трибуне—большая неловкость и испытание».

До своей идеологически выдержанной нобелевской речи Бродский успел наговорить ещё много чего: довольно грубо высказывался против ввода советских войск в Афганистан, хотя советские войска были приглашены туда законно избранным афганским правительством для помощи в борьбе с исламскими экстремистами, святость борьбы с коими ныне провозглашает «всё прогрессивное человечество».

И наряду с этим Бродский успел восславить американское вторжение во Вьетнам, а также порабощение индейцев испанскими колонизаторами—просто на том основании, что индейцы-де были дикарями и приносили человеческие жертвы:

> Всё-таки лучше сифилис, лучше жерла
> единорогов Кортеса, чем эта жертва.
> Ежели вам глаза суждено скормить воронам,
> лучше, если убийца—убийца, а не астроном.
> Вообще, без испанцев вряд ли бы им случилось
> толком узнать, что вообще случилось.

По мнению Бродского, дикари-индейцы должны быть благодарны испанским и прочим захватчикам и поработителям, ибо колонизаторы несли с собой «цивилизацию». Надутому лицемеру Бродскому следовало бы помнить, какое насилие и какой геноцид благословлял его собственный иудео-христианский бог Ягве, повелевший евреям завоевать Палестину и поголовно истребить всё местное население, состоявшее из множества племён.

Бог сказал военачальнику евреев Иисусу Навину: «Итак, встань, перейди через Иордан сей, ты и весь народ сей, в землю, которую я даю им, сынам Израилевым. Всякое место, на которое ступят стопы ног ваших, я даю вам, как я сказал Моисею: от пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата, всю землю Хеттеев; и до великого моря к западу солнца будут пределы ваши… Вот я повелеваю тебе: будь твёрд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь, Бог твой, везде, куда ни пойдёшь» (Нав. 1:2—4, 9).

Вот такой холокост, если верить Библии, учинили евреи в Палестине, «побив всё дышащее» (там же, 11:11). Обращаю эти строки к Бродскому как к еврею и как к христианину. Имеет ли моральное право иудей и христианин осуждать какие-либо примитивные народы за кровавые жертвоприношения, не обратив сперва внимание на бревно в собственном глазу? Ведь их бог, как справедливо

отметил заслуженный учёный С. А. Токарев, «по части неутолимой кровожадности превзошёл и ацтекского Уитцилопочтли, и финикийского Молоха»[13].

И тот же надменный взгляд колонизатора-европейца, а в сущности — пошляка и обывателя, присутствует в «Мексиканском дивертисменте» и «Мексиканском танго» поэта.

Думается, если бы Бродский не умер в 1996-м, он успел бы воспеть и бомбардировки Югославии, и вторжение в Ирак, и ещё множество других «гуманитарных интервенций». Возвышенная отстранённость и презрительное наплевательство Бродского при более пристальном рассмотрении оказываются принятием стороны победителей. Нейтральность — это всегда поддержка статус-кво.

Сразу ли после эмиграции или чуть погодя Бродский заболел европоцентризмом — идеологией, провозглашающей превосходство европейских народов и западноевропейской цивилизации над другими народами и цивилизациями? Бог весть, но служит он этой идеологии усердно.

Даже на смерть маршала Георгия Жукова отозвался стихотворением, в котором выразил западно-мещанский взгляд на Вторую мировую и на роль советского народа в ней. Бродский именует Жукова трупом и рифмует с лошадиным крупом, подчёркивает, что его «меч был вражьих тупей» (это, видимо, опять про то, что «воевали с черенками от лопат», хотя советская оборонная промышленность была одной из самых развитых в мире). И далее: «Сколько он пролил крови солдатской в землю чужую! Что ж, горевал?»

Простите, но война есть война, и вообще-то советские люди воевали, гибли и проявляли чудеса героизма не потому, что их погнал под пули Жуков или кто-то ещё. Люди лили свою кровь сознательно: защищали свою землю, свои семьи, а кое-кто и коммунистические идеалы. В то время как для Бродского историю вершат цари и полководцы, а народ — это пушечное мясо.

И какую альтернативу предлагает Бродский, с притворным сожалением говорящий о пролитой крови? Сдаться на милость захватчиков-нацистов? Уж они убивали бескровно — просто душили в газовых камерах, вешали и жгли. Где же в стихах Бродского осуждение варварской и захватнической политики фашизма? «Полный провал». Ах да, ведь гитлеровцы несли на восток цивилизацию, европейские ценности! А вот то, что «восточные варвары» «смело входили в чужие [европейские] столицы», это Бродского коробит.

Пьедестал для хулигана

Что же стало с вечным фрондёром, диссидентом и скандалистом? Когда он успел превратиться в одописца западных империй и одновременно в фигляра, отпускающего угодные толпе шуточки? Клим Жуков вполне справедливо вопрошает: «Эти фрондёры… яркие, необычные личности — чем они занялись, когда оказались за границей? Где их фрондёрство-то всё? Где фрондёрство Солженицына? Где великолепные выходки Бродского? Почему он не стал заниматься этим всем (если он против системы) в США?»

Михаил Берг тоже отмечает: «Бродский… несомненно, возмутитель спокойствия, его поведение также выламывается за рамки, но не столько приличий, сколько установлений. Непризнанный гений — и одиозное, претенциозное, амбициозное поведение»[14]. Вот только он забывает объяснить, почему за границей Бродский вдруг сделался совершенно беззуб и даже угодлив по отношению к европейскому обывательскому сознанию. Критиковать СССР, живя в нём, — это позиция; а ругать СССР, живя за границей, — это, извините, профессия.

Пожалуй, одним из немногих, кто обратил внимание на отрицательную эволюцию Бродского оказался Дмитрий Быков (Лурье лишь туманно отметил, что «его стихи семидесятых годов похожи на ранние не более… чем снег — на дождь»[15]).

Хотя я крайне негативно отношусь к творчеству Быкова и писал об этом, в нижеследующем я вынужден с ним согласиться: «В огромном корпусе сочинений Бродского поразительно мало живых текстов… Едва ли сегодняшний читатель без усилия дочитает „Шествие“, „Прощайте, мадемуазель Вероника“ или „Письмо в бутылке“ — хотя, несомненно, он не сможет не оценить „Часть речи“, „Двадцать сонетов к Марии Стюарт“ или „Разговор с небожителем“: лучшие тексты ещё живого, ещё не окаменевшего Бродского, вопль живой души, чувствующей своё окостенение, оледенение, умирание».

Выходит, что Бродский приехал из «бездушного» СССР ещё живым, чтобы медленно окостенеть на «свободном» Западе. И ведь абсолютно идентичная судьба была уготована многим. Например, тому же Тарковскому, снявшему свои лучшие вещи под «игом» советской цензуры, а отнюдь не на чужбине.

Но я говорю не только о творческой деградации, а ещё об интеллектуальном и нравственном падении Бродского.

Михаил Берг описывает плачевный финал эволюции поэта: «Постепенно Бродский из задушевного собеседника и, возможно, наиболее читаемого самиздатского поэта, из „нашего питерского человека“ с подпольной биографией и одного из родоначальников „второй культуры“ в глазах многих превратился в литературное начальство,

13. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М.: Издательство политической литературы, 1976. С. 361.
14. *Берг М.* Указ. соч.
15. См. *Лурье С.* Указ. соч. С. 10.

решающее судьбу грантов и стипендий. Он стал одним из символов перестройки, который как-то легко прибрали к рукам вознесённые на перестроечной волне постаревшие шестидесятники»[16].

Подобный взгляд на творчество Бродского позволяет лучше понять то, что говорят о нём другие критики. Вслушаемся в слова уже упомянутого здесь Самуила Лурье: «Отчуждение было для молодого Бродского единственным доступным, единственным осуществимым вариантом свободы. Поэтому разлука—с жизнью, с женщиной, с городом или страной—так часто репетируется в его стихах. Необходимо заметить, что свободу эту—от жизни, от времени, от страсти—Бродский добывает не только для себя; скорее он проверяет на себе её воздействие и возможные последствия».

Конечно, либерал Лурье всеми руками за «свободу» и против «страны»: он пишет «Государство» с большой буквы—для него это сказочный великан с единой злой волей, гоббсовский Левиафан. Но, даже говоря о жизни Бродского, он вынужден поставить страну и жизнь в один ряд, противопоставив им свободу и смерть. Бродский был духовно жив, пока сохранял связь со своей страной. А ведь эта страна—не какая-то мифическая Россия, которая существовала в головах советских диссидентов-неонационалистов и о которой можно было даже с большей лёгкостью грезить в эмигрантских ресторанчиках, а вполне реальный СССР.

Бродский *обязан* своим талантом советскому строю, советской культуре, советскому менталитету. Без них он—величина, стремящаяся к нулю.

Бродский как сверхчеловек

Теперь давайте обсудим, каковы же были, собственно, взгляды Бродского, какие идеи он выразил в своём творчестве. Жуков с Сёминым уличили поэта в элитаризме, индивидуализме, животном социальном расисме.

Самовозвеличивание, поза гения, которую принимал Бродский, в быту приводила к надменности, а в творчестве вынуждала «жить в состоянии поэтического фальцета»[17].

Действительно, Бродский настаивал, что «равенство… исключает братство», утверждал, что «Маркс в производстве не вяжет лыка» (см. его «Речь о пролитом молоке»). Но в своём неприятии коммунистической идеологии, пусть даже в её сталинизированном варианте, Бродский забегает далеко вправо—к биологическому расизму и отрицанию идеи прогресса.

В одном из интервью он так и заявил: «Я придерживаюсь теории, что на эволюционной лестнице человечества тоже нет равенства. Это мне впервые пришло в голову, когда я слушал одну из речей покойного Брежнева. Что не все люди—люди. Потому что если он—человек, то я—нет. Мы находимся на разных ступенях эволюции. Мы, грубо говоря, разные особи. Считается, что эволюция закончилась и всё застыло. Но одни виды человеческих особей пытаются уничтожить другие виды. На то и созданы законы, чтобы жизнь определялась не принципом выживания сильнейшего, а принципом сосуществования разных видов. Чтобы не было необходимости одним уступать место другим»[18].

Спору нет, Брежнев в период старческого маразма производил отталкивающее впечатление. Но повод ли это делить людей на биологические виды и провозглашать между ними войну? Бродский, само собой, записывает себя в представители высшего биологического вида, несмотря на свои фобии, заикание и диагноз «шизоидная психопатия». И, презрительно вытолкнув прочих на «низшую» ступень, объявляет себя жертвой их агрессии. Такая постановка вопроса не нова. С этого начинали нацисты: с объявления себя жертвами евреев, а своей агрессии—самозащитой, естественной борьбой за выживание.

Справедливо отметил Дмитрий Быков: «Бродский разрешает нам презирать». А Лурье невольно проясняет эту мысль: «Стихи [Бродского] описывали недоступный для слишком многих уровень духовного существования»[19].

Презрение к обывателям, к их мелкой жизни сквозит во многих произведениях поэта. И конечно, обыватель, мещанин достоин презрения. Вот только на чём же основывает Бродский своё право на презрение? Взглянем на стихотворение «24 декабря 1971 года»:

> В Рождество все немного волхвы.
> В продовольственных слякоть и давка.
> Из-за банки кофейной халвы
> производит осаду прилавка
> грудой свёртков навьюченный люд:
> каждый сам себе царь и верблюд.
>
> Сетки, сумки, авоськи, кульки,
> шапки, галстуки, сбитые набок.
> Запах водки, хвои и трески,
> мандаринов, корицы и яблок.
> Хаос лиц, и не видно тропы
> в Вифлеем из-за снежной крупы.

Совершенно отчётливо обывательские праздничные заботы противопоставляются религиозному смыслу праздника. Далее на этой антитезе и строится стихотворение. Вот они, презренные мещане: дерутся из-за банки халвы и позабыли о Вифлееме!

16. *Берг М.* Указ соч.
17. Там же.
18. Интервью с Иосифом Бродским // Московские новости №50, 23–30 июля 1995 г.
19. См. *Лурье С.* Указ. соч. С. 5.

И ведь отлично известно, что и сам Бродский был не прочь и по части халвы, и по части выпить, и по части прочих нехитрых удовольствий. Просто мещанский гедонизм он дополняет некоторыми интеллектуальными наслаждениями, а конкретно — чтением художественной литературы.

Ведь очевидно, что Иисус и Богоматерь являются для него не воплощением нравственных или религиозных ценностей (прихожанином Бродский вовсе не был), а литературными персонажами. С таким же успехом в других своих произведениях Бродский противопоставляет обыденности мир мифов Древней Эллады. Итак, тот, кто читает книги, автоматически перестаёт быть обывателем.

И только-то? Из этого поэт складывает себе недосягаемый пьедестал? А ведь кое в чём Бродский вместе со своим лирическим героем явно ущербен и убог по сравнению с обывателем. Например, те самые, празднующие с халвой и без Вифлеема, зачастую трогательно привязаны к своим родным, готовы многим жертвовать для них. Бродский же довольно равнодушен к родным и близким. В его стихах не сыщешь горячих отцовских или сыновних чувств.

Бродский превозносит себя над «толпой», но читателя как бы приглашает возвыситься вместе с ним. И это было бы прекрасно, если бы не включало в качестве обязательного элемента презрение к менее развитым и «одухотворённым».

Читатель оказывается в ситуации подданного голого короля: если он не убедит себя в том, что он понимает и обожает стихи Бродского, то он окажется «со всеми», в толпе, на низшем уровне духовного существования и даже эволюции, то есть недочеловеком. Нет, он обязан считать Бродского гениальным, обязан любить и «понимать» даже самые неудачные (особенно самые неудачные) стихи поэта. Если же кто-то критикует Бродского, то он просто унтерменш.

Такая логика льстит и запугивает одновременно. Знавал я некоторых поэтов, которые, вдохновляясь судьбой Бродского, стремились подражать ему: нигде не работали, сидели на шее у «родственников, которые… кормили и всё покупали» (см. «Июльское интермеццо» Бродского), даже в литературной сфере не проявляли особенного трудолюбия.

Бродский как продукт

Подражатели поэта просто не понимают, что возможность такой фигуры, как Бродский, была обусловлена особенной исторической обстановкой, и повторить его судьбу им никак не удастся.

Трепетное отношение на Западе к эмигрантам из СССР было возможно лишь в ситуации «холодной войны», да и то при условии принятия эмигрантом условий игры: бесконечных публичных выступлений против советского строя, советской политики и идеологии, против коммунизма и всего, что с этим связано, и, соответственно, восхваления западной «демократии», капитализма, буржуазных ценностей и т. д.

Но и в самом Союзе тоже можно было тунеядствовать вволю. С этим, конечно, боролись, но именно потому, что тепличные условия советской плановой системы, начиная где-то с шестидесятых годов, допускали такое паразитарное существование. Никто не голодал, граждане были воспитаны в духе коллективизма, а потому всегда готовы были обогреть и накормить бесприютного поэта или художника.

Диссидентские воспоминания полны рассказов о житье в каких-нибудь пустующих детских садах или на каких-нибудь лыжных базах, питании при каких-нибудь общественных столовых. Добра было много, и за ним особенно не следили. И чего бы не поделиться с ближним, если всё вокруг общественное? Попробовали бы те диссиденты понищенствовать сегодня, в условиях частной собственности, когда за каждую хлебную крошку идёт грызня, когда даже раздачу просроченной еды голодным прибирают к рукам бюрократические и коммерческие структуры.

Наконец, антикоммунистически настроенных диссидентов из либерального ли, из православно-монархического ли лагеря в послевоенном СССР карали несравнимо мягче, чем тех, кто позволял себе критиковать «линию партии» с коммунистических позиций. Можно это объяснить тем, что монархисты и либералы не вторгались в поле коммунистической идеологии, или тем, что переродившиеся вожди СССР уже сами перестали быть коммунистами и прониклись либеральным или черносотенным духом.

Как бы то ни было, но под бдительным оком партии гасились всякие попытки творческого развития марксизма. Достаточно вспомнить о разгроме книги академика Варги «Основные вопросы экономики и политики империализма», о сворачивании дискуссий об азиатском способе производства, о том, как были оттёрты и обречены на молчание философы Михаил Лифшиц и Эвальд Ильенков. И при этом под крылом комсомола грелись и вокруг издательства «Молодая гвардия» кормились советские «новые правые».

Помимо официальных запретов, работал и простой печальный фактор: большинство искренних и идейных коммунистов было физически уничтожено в годы сталинских чисток и Великой Отечественной войны. Сталин и Гитлер сделали своё дело. Так что осуждение культа личности и «оттепель» естественным образом дали дорогу не столько коммунистам, сколько их оппонентам. На идеологическом поле советские либералы скрестили шпаги с советскими националистами. Коммунистических, левых альтернатив советской идеологии практически не было.

Можно сказать, что между советским строем и строем мыслей диссидентов, включая Бродского, была органическая связь.

Бродский как консерватор

О чём спорили советские либералы и консерваторы? Например, о прогрессе. Советские либералы утверждали, что верят в прогресс. При этом понимали они прогресс не в духе марксовской или даже гегелевской диалектики, а в духе философов-просветителей—линейно-механистически. На этом держалось и представление о математической неизбежности коммунизма как суммы чисто технических усовершенствований: будет построено ещё столько-то заводов, космодромов и электростанций—и наступит коммунизм.

Консерваторы же, как и полагается, смотрели не вперёд, а назад. Их не интересовало будущее. Писатели-деревенщики печаловались об исчезающей деревне, вздыхали по красоте церквей и вековой народной мудрости. Они отвергали всё новое и всё иностранное. Бродский также постоянно подчёркивал, что не верит в прогресс. И в этом смысле он совершенно чужд классической буржуазной западной идеологии.

Неужели его западные кураторы проглядели, насколько Бродский, в сущности, враждебен либеральным идеалам? Или их настолько ослепил антисоветизм, что они готовы были приласкать абсолютно любого эмигранта и диссидента?

Дело в том, что семидесятые годы стали периодом правого разворота в самих США, а затем и в Европе, и во всём капиталистическом мире. Победное шествие неолиберальной идеологии сдвигало официальную идеологию и культуру капиталистических стран далеко вправо. Французская *буржуазная* революция уже не вызывала у французского официоза восторга, а Декларация независимости США ошибочно принималась американскими обывателями за коммунистическую пропаганду.

Западная буржуазия распростилась с идеалами своей молодости. Случайно или нет, но этот процесс последовал за сворачиванием «оттепели» в СССР.

Сёмин же и Жуков, как люди в истории дремуче невежественные, видят в советском диссидентстве, естественно, заговор, естественно, троцкистский. Жуков заявляет, что Бродского (и Солженицына) «специально в качестве оружия зарядили, чтобы обеспечить будущий контрреволюционный переворот готовыми страдальцами и мучениками». Сёмин: «Он попал в оттепелевский мейнстрим, попал в струю».

Что пытаются этим сказать ролевик и блогер? Что Хрущёв задумал развалить Советский Союз, дабы вырвать у себя из-под задницы трон? Это сродни сталинским обвинениям в том, что Троцкий, будучи вторым человеком в стране, подрабатывал шпионом немецкой разведки. Господам Жуковым и Сёминым не понять сложный, противоречивый ход истории.

Историк Вадим Роговин даёт более глубокое понимание «оттепели»:

«В последующей борьбе за лидерство победу одержал Хрущёв, инициатор линии на десталинизацию. Однако процесс десталинизации СССР, казалось бы, обнаруживший способность советской системы к самоочищению от язв сталинизма, был прерван новым „коллективным руководством“, свергнувшим Хрущёва.

Глубинной причиной этой затянувшейся на два десятилетия прерывности было состояние правящей партии. Она была настолько обескровлена сталинскими репрессиями и настолько подавлена гнётом партаппарата, что оказалась неспособной к самообновлению, превращению в жизнедеятельный организм и выдвижению из своих рядов политических деятелей большевистского типа.

Тоталитарный режим, рухнувший со смертью Сталина, оставил многочисленные метастазы, которые привели к новым формам перерождения советского общества, а затем—к крушению его социалистических основ»[20].

Одним из пробных шаров по сворачиванию «оттепели» и стал процесс над Бродским. Мир поехал вправо, начался демонтаж демократических завоеваний двадцатого века. Но ведь Бродский и сам выступает против этих завоеваний и воспевает косматую старину! Давайте продолжим рассмотрение мировоззрения поэта.

Одиночество, свобода, смирение

Пожалуй, наиболее яркими чертами поэзии Бродского являются пессимизм и чувство одиночества. Лурье утверждает, что острое переживание одиночества связано с силой стремления поэта к свободе: «Человеку не дано другой свободы, кроме свободы от других. Крайний случай свободы—глухое одиночество, когда не только вокруг, но и внутри—холодная, тёмная пустота»[21].

Действительно, строки об одиночестве можно найти практически в каждом стихотворении Бродского. Взять, к примеру, «Июльское интермеццо», в коем слышится «Без женщин» Вертинского:

> Как хорошо, что некого винить,
> Как хорошо, что ты никем не связан,
> Как хорошо, что до смерти любить
> Тебя никто на свете не обязан.

Однако критик излишне торопится со своим безапелляционным «не дано другой свободы». То,

20. *Роговин В.* Сталинский неонэп. М.: 1994. С. 169.

21. См. *Лурье С.* Указ. соч. С. 13.

что описывает Лурье,—это негативная свобода, «свобода от». Но ведь бывает и положительное понимание свободы—«свобода для». Свобода *от* других нужна поэту *для* творчества. Но если по завершении творческого акта не лишить поэта этой свободы, то она мигом оборачивается несвободой—отсутствием возможности с кем-то своим творением поделиться.

Пусть это, наконец, поймут все подражатели и последователи Бродского.

Пессимизм? Да, Бродский, безусловно, пессимист. Хотя бы потому, что его взгляд обращён в прошлое. Вещи и люди начинают интересовать его лишь тогда, когда они умирают или покидают его. Бродский противопоставляет свой пессимизм официозному, свыше декретированному оптимизму:

Глаголы без существительных. Глаголы—просто.
Глаголы,
которые живут в подвалах,
говорят—в подвалах, рождаются—в подвалах
под несколькими этажами
всеобщего оптимизма.

Каждое утро они идут на работу,
раствор мешают и камни таскают,
но, возводя город, возводят не город,
а собственному одиночеству памятник воздвигают.

Однако знаете, в этом что-то есть. Как пелось в детской песенке, кстати, советской: «Каждый делает что хочет, у людей довольный вид: кто желает, тот хохочет, кто желает, тот грустит». В периоды, когда силы реакции топчут подлинные источники счастья людей, а масскульт при этом рисует людям улыбки до ушей, пессимизм выглядит более здоровым состоянием, если борьба не представляется возможной. Впрочем, Бродский тут не открыл ничего нового: аналогичную позицию занимал Пушкин после разгрома декабрьского восстания, а также Герцен и Гёте.

Такое умонастроение называется резиньяцией. Шопенгауэр определяет его как избавление от воли к жизни, но не вследствие величайшего личного страдания, а вследствие нравственного прозрения, пробудившего чувство единства с миром. Лифшиц сближает резиньяцию с религиозно-аскетическим смирением перед неотвратимым ходом вещей[22]. Если ты не видишь возможности бороться, то постарайся разглядеть в неприглядном положении вещей некий высший смысл. Очевидно, и сам Лифшиц избрал такой путь.

Для Гегеля способом примирения с действительностью стал его «мировой дух», максима «всё действительное разумно» (позже Белинский и Маркс придадут этой максиме революционный смысл), а для Лифшица—материалистическая идея единства познающего субъекта и познаваемой им материи.

Подобное умонастроение в наши дни стало чуть ли не лейтмотивом всей отечественной поэзии. Авторы находят утешение и примирение с действительностью либо в зубоскальстве, злой иронии, либо в религиозном (или близком к религиозному) примирении с действительностью.

Обоготворённый язык

А что же выступает способом такого примирения у Бродского, что позволяет ему идти «мимо ристалищ и капищ, мимо храмов и баров»?

Бродский подчёркнуто метафизичен, надмирен, но в его религии есть нечто напускное, натужное. Истинным богом Бродского был не евангельский Иисус и не ветхозаветный Саваоф—для него они лишь литературные персонажи, а язык. Поэзия Бродского—это служение языку и при помощи языка. Он восхищался фразой Уистена Одена: «Время… боготворит язык». В его нобелевской лекции звучит важное признание: «кто-кто, а поэт всегда знает <…> что не язык является его инструментом, а он—средством языка». И ещё:

Всё, что творил я, творил не ради я
славы в эпоху кино и радио,
но ради речи родной, словесности.
(«1972 год»)

Это тоже вполне в духе времени. С шестидесятых годов набирают популярность идеи структуралистов: Барта, Фуко, Леви-Стросса и др. Структуралисты, а за ними и постструктуралисты, ставили превыше всего язык, считали его основной и последней реальностью. Лингвистическая философия действительно весьма удобный способ примирения с действительностью—она безопасна и политически стерильна. Но дело в том, что подобная философия ещё и творчески бесплодна.

Бродский не создаёт новых персонажей, не творит новые образы, он лишь снова и снова интерпретирует и комбинирует чужие. Вполне в соответствии с духом времени Бродский вступил в эпоху постмодернизма и растворился в ней, как в кислоте.

Впрочем, модернизм и постмодернизм—лишь разные лики буржуазного искусства. И к Бродскому вполне можно применить обращённую к буржуазному художнику девятнадцатого века фразу Михаила Лифшица: «Он насквозь проникнут рефлексией и знает лишь холодную страсть ко всем эпохам и стилям. Всё привлекает его и вместе с тем ничто в особенности». Так что творчество Бродского в соответствии с этим духом «оказывается миром стилизации, парафраз, индивидуальной ловкости и своеобразия»[23].

22. *Лифшиц М.* Очерки русской культуры. М.: Академический проект; Культура, 2015. С. 68.

23. *Лифшиц М.* Маркс // Литературная энциклопедия. Т. 6. 1932.

Почему они не выбрали Галича?

Я бы противопоставил Бродскому Александра Галича. Вот кто должен, по-хорошему, быть кумиром наших поэтов. Если угодно, он даже более критически настроен по отношению к советскому строю, неистово обличает сталинизм и не примиряется с наследниками Сталина. Галич открыто и неустанно нападает на советский быт и советскую культуру, но делает это последовательно и с достаточно твёрдой нравственной позиции: он разоблачает ложь, двуличие, показуху.

При этом Галич борется не за себя, как Бродский, а за простых людей, которым живётся трудно, рассказывает о трагической судьбе других литераторов.

Творческим достижением Бродского считают совмещение низкого и высокого стилей: языка советских коммуналок с языком классической поэзии. Но это совмещение успешно осуществил Галич, причём у него оно гораздо более оправданно и осмысленно. Галич бичует равнодушие и интеллектуальную ограниченность обывателей, героями его стихов и песен часто становятся заключённые и лагерная охрана.

У Галича грубо выражаются персонажи, с которыми автор себя не ассоциирует, у Бродского же грубые выражения смакует сам лирический герой.

Тюремный и обывательский мир Галич сталкивает с высшими материями: в вертеп к новорождённому Иисусу приходит некто в кавказских сапогах, классики российской и советской литературы оказываются в руках следователей и т. д.

Галич искренне верит в Бога, того самого церковного христианского Бога, которому надо ставить свечки и петь аллилуйю.

Галич также был затравлен и изгнан. Кстати, прослушивание его песен каралось суровее, чем чтение стихов Бродского, ведь Галич куда решительнее обличал окружающую действительность. На чужбине Галич не сделался пай-мальчиком и не кинулся петь дифирамбы рыночной демократии. Он быстро рассорился с руководством радио «Свобода», рассорился по принципиальным вопросам, хотя на радио ему платили неплохие деньги.

Ему не стали предлагать Нобелевскую премию: знали, что Галич—человек непослушный. И тем не менее наши интеллектуалы выбрали Бродского. Или выбор был сделан за них? Западным интеллектуальным истеблишментом, комитетом Нобелевской премии.

Звучит парадоксально, но Бродский меньше любил свою Родину, чем Галич, хотя Галич куда смелее и жёстче её критиковал. При этом Бродскому было почти нечего терять—он и без того жил за счёт родственников и друзей, а вот Галичу было. Галич состоял в Союзе кинематографистов, был членом Литфонда, его пьесы ставились в театрах, по его сценариям снимались фильмы…

Бродский от своей фронды выиграл в материальном плане, но в итоге утратил себя как поэт. А вот Галич потерял всё, но зато поднялся на новую ступень художественной правды. Как бы ни был до невнятности запутан литературный язык Бродского, Галич *сложнее* и *глубже*.

Как бы жестоко ни обличал Галич советский строй, он был настоящим другом своей страны, поскольку верно диагностировал те болезни, которые в конце концов и свели Союз в могилу. Например, герой песни «Тонечка» предал свою любовь, предал самого себя ради материальной выгоды:

> И с доскою будешь спать со стиральною—
> За машину его персональную!
>
> Вот чего ты захотел, и знаешь сам,
> Знаешь сам, да стесняешься…

Ведь это разоблачение главной смертельной язвы советского строя: общество, провозгласившее себя обществом равенства, оказывается, снова разделилось на богатых и бедных. И в роли богатых оказалась партийная номенклатура. А неравенство одинаково развращает и богатых, и бедных. Но советский официоз «стеснялся» сознаться в этом… вплоть до 1990 года, когда всякий стыд был отброшен вместе с красным флагом.

Хоть Галич и выступает против коммунизма вообще, но он разоблачает советское общество как предавшее собственные коммунистические идеалы.

И герой песни «Красный треугольник» тоже ведь женился именно ради выгоды и потому же заискивает перед своей женой:

> Взял я тут букет цветов покрасивее,
> Стал к подъезду номер семь, для начальников.
> А Парамонова, как вышла—стала синяя,
> Села в «Волгу» без меня и отчалила!

А брак по расчёту может быть только там, где нет равенства. Эту болезнь Галич диагностировал точно. Но советский официоз предпочёл лечить её враньём: греметь про «советскую семью образцовую» и проч. За официозом приучилась врать интеллигенция (лишившись права называться таковой), а там и народ. Кстати, если Галич решается описать положительных персонажей современной ему действительности, то он выискивает их на самых нижних этажах общественной иерархии—в простом народе.

Галич обличает советское общество и как общество контрреволюционное, предавшее октябрьские идеалы. Главный герой «Петербургского романса», полковник, вполне в духе приписываемой Черчиллю фразы рассуждает:

Мальчишки были безусы—
Прапоры и корнеты,
Мальчишки были безумны,
К чему им мои советы?!

Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды—
Они ж по ночам: «Отчизна!
Тираны! Заря свободы!»

Общество предало свои идеалы и потому привыкло врать. Где вы найдёте идейных коммунистов в брежневском СССР? Разве что замполит Саблин. И справедливость критики Галича не отменяется тем фактом, что в эмиграции он нашёл ещё больше мещанства, что радио «Свобода» оказалось ещё более жидоедским, чем сталинские борцы с космополитизмом.

Что воплощает Бродский

Подведём итоги. Иосиф Бродский—не бесталанный, но отнюдь не первостепенный поэт, оказавшийся в первых рядах по чисто политическим причинам, лишь косвенно связанным с поэзией. Бродский был сыном своей страны и своей эпохи со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами. Эмиграция не пошла ему на пользу, в отрыве от родной почвы он потерял себя: как поэт оказался не нужен, не смог творчески развиваться вне родной языковой среды, а как нобелевский лауреат оказался поставлен превыше всякой критики, что для поэта—верная смерть.

Для противостояния новым обстоятельствам, новой среде ему не хватило силы, интеллекта и убеждённости.

Не знаю, как насчёт всех людей, но поэтов можно оценивать по трём параметрам:

1. чувство;
2. интеллект;
3. убеждения.

Можно быть интеллектуально и морально слабым автором, но быть поэтом сильных страстей, уметь вызывать в читателях сильные эмоции. Либо, наоборот, можно при сдержанности чувств и не особенной моральной разборчивости всё же изрекать глубокие и интересные мысли, открывать людям если не сердце, то глаза. Наконец, можно завоёвывать читателя силой своих убеждений, чистотой своих принципов.

Как правило, эти пункты взаимообусловлены. Но если нет хотя бы одного из этих достоинств, то тут не поможет никакая техническая изощрённость, никакие языковые находки.

Бродский интеллектуально плосок, эмоционально вял и нравственно ущербен, так что все его формальные изыски оказываются румянами для пустоты. Стихи его не лишены приятности: слабым они помогают на время ощутить отрыв от действительности и в конце концов примириться с нею, но этого мало для того, чтобы считаться настоящим поэтом.

У Галича же присутствует твёрдая принципиальность: неприятие лжи, фальши и несправедливости. Из этого неприятия рождаются страстность и пронзительность его поэзии. Нельзя сказать, что Галич особенно интеллектуален, но порой он оказывается в состоянии высказать то, что не решались озвучить более высокие умы, именно потому, что Галич не боялся идти на открытый конфликт со своим окружением во имя чётко осознанных идеалов.

Бродский же оказался в столкновении с советской системой чисто случайно, ведь этот тип поэта естественным образом произрастал из советской почвы.

Весь мир, оба его лагеря вступили в реакционную фазу: СССР, а за ним и весь Восточный блок, клонился к развалу, разъедаемый либеральными и националистическими веяниями, страны капиталистического центра вступили на путь неолиберального демонтажа «государства всеобщего благоденствия»,—и Бродский был лишь пушинкой, гонимой этим ветром перемен. Он летел вправо вместе со всеми и в каком-то смысле, пусть сумбурно и с заиканием, выразил дух этого времени.

Так что же воплощает для современной публики Бродский? В качестве кого он оказался мил и вознесён?

Для нового поколения литераторов он воплощает успех и признание. Он стал современной Золушкой, пройдя путь от полной безвестности и отверженности к пьедесталу, славе и успеху, увенчанным премиями и званиями. Качество его стихов оказывается фактором второстепенным. Более того, если бы его стихи были ещё хуже, это ещё сильнее бы радовало и ободряло его последователей и заставляло превозносить его. Чем хуже поэт, тем проще с ним себя мерить.

Следует выделить ещё один момент. Почему популярность Бродского столь непомерно раздулась именно в последнее время? Почему он вытеснил из сознания современников даже Вознесенского с Окуджавой? Думаю, это связано с деградацией и развалом институтов художественного творчества в самой России. Скажем, членство в Союзе писателей уже больше ничего не значит, не сулит никаких преимуществ, премии и лауреатства также не сулят ни материальных выгод, ни даже внимания прессы и соотечественников.

Поэтому Окуджава, Евтушенко, Вознесенский, преуспевшие именно в качестве отечественных (советских) поэтов (и уж тем более страдавшие и преследовавшиеся Берггольц, Шаламов и Галич), уже не выглядят в качестве образцов для подражания, по их стопам не придёшь к успеху.

А современные «творцы» по большей части одержимы именно жаждой внешнего успеха.

Нынче по закону гегемонии уцелели лишь западные культурные институты: получение Нобелевской премии, как бы дискредитировано оно ни было, по-прежнему гарантирует материальное процветание и открывает многие пути. Поэтому получивший Нобелевку Бродский становится всеобщим кумиром. Это является ещё одной приметой эпохи всеобщего упадка культуры, когда культура сохраняется исключительно в самом центре мировой системы.

Аборигенам мировой периферии собственная высокая культура не нужна. У аборигенов должны быть национальные пляски вокруг костра. А поставщиком высокой культуры должен выступать центр. Аборигены должны внимать тем творцам, которых назначит и отметит центр. А на роль мирового центра у нас до последнего времени претендовали США и их младшие партнёры—Европа и Япония. Бродский, вне зависимости от качества своей поэзии, оказался в роли такого высочайше одобренного творца.

Истинная же ценность всякого поэта (как и любого человека) определяется не тем, сколько денег он загрёб и каких этажей системы он достиг, а тем, какому богу он служит. Для многих поклонников Бродского этим богом является престиж, воплощённый в Нобелевской премии. Для самого Бродского, как мы поняли, это был язык—бог структуралистов и постструктуралистов. Этот бог и не позволяет ему встать вровень с настоящими русскими классиками, богом которых были счастье и свобода человечества.

Если мы признаём этого бога российской интеллигенции, то фигура Бродского не должна заслонять от нас других, более сильных поэтов, которые глубже проникли в суть происходящих событий, а главное, относились к ним не пассивно-созерцательно, а деятельно, творчески, не щадя себя, противостояли наступающему злу и призывали на эту борьбу других.

Литературное Красноярье ∴ ДиН ПЕРЕВОД

Аскар Махкам[1]

Письмо, не отосланное бабушке

Перевод с узбекского Марины Саввиных

Дождь идёт, рассыпаясь, струясь и брызгая.
В горле неба блестит кинжал.
Жизнь, тебя из безбашенной яви вызволив,
Где нашла единственный свой причал?

Яд и мёд—от греха печаль ополаскивать—
Чашу духа нашла ты в пещере тьмы.
Серебристыми гривами ланей ласковых
Трепетала свобода твоей тюрьмы.

Кто спалил оперенье павлинье ангела?
Ложе месяца выгорело дотла.
Перепёлки ветреными беглянками
Прочь из клеток вырвались, как зола.

Палачи, побросав на бегу орудия
Пыток гибельных, кинулись кто куда…
Ветер, в панике ищущий правосудия,
Не найдёт внимания и суда.

Ибо нищий в могиле шаха покоится,
Как покоишься ты в голове моей.
Бессознательный знак моей тёмной совести,
Я вернусь к тебе на излёте дней.

Ты—со мною сердца саднящей ранкой,
Я однажды к стопам твоим припаду—
Моя пери согбенная, мусульманка,
За обиды твои мне гореть в аду…

Не вопить, не стонать, не плодить проклятия!
Не сносила ещё судьба железных сапог.
Это звёзды—на тысячу брызг разъятые—
Проросли сквозь растрескавшийся порог.

Это дождь… Прощай, отшельница бабушка!
Это дождь… Прощай, мне пора уже.
То не дух святой, тяжелее камушка,
Обезьянья тоска—на моей душе…

1. *Махкам Аскар* (1958–2007)—известный узбекский поэт, публицист, переводчик. Среди наиболее значимых его работ—перевод священной книги зороастрийцев «Авеста» на узбекский язык.

Анастасия Антонова

«Замечательная» история

Как раньше

— Тёмыч, у нас мальчик! — радостный папа вбежал в комнату.

Тёмычу, то есть мне, было всё равно, кто родится, — я был бы рад и сестре, и брату. Папа очень хотел сына, а мама — дочь. А узи, как мне объяснили, совершенно не хотело показывать пол до самых родов.

Брат родился! На том конце телефона, за три тысячи километров, две бабушки, слившись с одной трубкой, плакали так, как будто вообще только что узнали, что мама ждала ребёнка, и его рождение оказалось полным сюрпризом.

— Сделайте (хлюп)… фотографию (хлюп)… на крыльце роддома (хлюп-хлюп)… конвертик (хлюп)… с синей ленточкой (хлюп-хлюп)… ка-ак раньше-е-е-е (хлюпы затопили канал связи)…

Потом позвонила мама:

— Выписка завтра в два часа дня. Ради Бога, раздобудьте эту синюю ленточку! Я пообещала бабушкам, что будет «как раньше»!

На поиски синей ленточки были подняты силы всего нашего военного городка (не побоюсь сказать, всей нашей части). Искали на антресолях, чердаках и балконах, в кладовках, сараях и гаражах. Ни одной синей ленточки к вечеру найдено не было, зато нашлись два десятка мотков бельевой резинки (как новые!), дюжина шпагатов и один ветхий канат. Уже было решили, что папа купит атласную ленту в «большом» городе утром, как тётя Лена, мама моей подруги Аськи, принесла три капроновых рулона: два красных, один синий.

— Откуда? И зачем красные?

— Из прошлого века. От верещагинской тройни остались. Маша ими помидоры подвязывала. Пусть на всякий случай будут.

Тётя Лена взялась постирать и погладить все три ленты.

Я остался ночевать у Аськи, а её родители до глубокой ночи помогали папе собирать кроватку, гладить бельё и делать уборку.

Утром мы все составили список дел.

Для тёти Лены — убрать неубранное и приготовить обед, чтобы немного разгрузить маму.

Для дяди Юры, Аськиного папы, — купить два букета цветов и конфеты.

Для папы и меня — забрать маму и брата из роддома в городе.

— А я?! — обиженно завопила Аська.

— Будешь мне помогать, — сказала тётя Лена.

— Я тоже хочу на выписку! Я уже приготовилась!

Аська приволокла в комнату сине-голубую связку воздушных шаров и победно смотрела на нас.

— А что, пусть едет с нами. И фотографии на крыльце роддома как раз сделает, — сказал папа.

В двенадцать тридцать наша маленькая делегация построилась у машины. Папа и я были «при параде» и с цветами, на Аське — платье, в косы вплетены две красные капроновые ленты («причёска «как раньше»), в руке — шары.

— Просто загляденье! — сказали тётя Лена и дядя Юра почти хором. — Ну, с Богом!

Аська захотела сесть впереди, но папа сказала, что она с шарами весь обзор загораживает. Нехотя она пересела назад, но из-за шаров стало тесно нам вдвоём.

— Дядя Паша, а можно мы шары в окно вытащим? Поедем как в День пограничника, только вместо флага — синие шары! И всем будет понятно, что мы едем в роддом за мальчиком! И все будут нам бибикать!

Папа согласился. Сначала шары держал я. Когда мы выехали на шоссе, нам и правда все бибикали: те, кто двигался навстречу, — радостно, а те, кто был за нами, — раздражённо, потому что шары не хотели ехать спокойно, а постоянно маячили перед машинами.

— Дай сюда, ты не так держишь!

Аська почти отобрала у меня шары, но как раз в этот момент папа решил резко перестроиться в правый ряд, и на секундочку мы оба отпустили руки… Этого было достаточно, чтобы навсегда попрощаться с шарами.

— Что ты наделала? — прошептал я.

— Это ты что наделал? — Аська зашипела.

— Аська! Нам каюк. Синяя ленточка тю-тю вместе с шарами!

— Ты дурак? Зачем ты её привязал?!

— Чтобы не потерялась!

Аська хлопнула себя рукой по лбу и помотала головой: мол, совсем ты, Тёмыч.

— Что теперь делать?

— Думать! — Аська надулась и плюхнулась спиной на сиденье.

Остаток пути мы ехали молча. Папа ничего не заметил.

На въезде во двор роддома Аська стала быстро расплетать одну из кос, затем свернула красную ленточку и засунула её в пакет на выписку.

Папа забрал пакеты, не обратив внимания ни на отсутствие шаров, ни на Аськино «преображение».

А затем мы ждали у крыльца роддома. Я решил, что очень вежливые мама с братом пропустили вперёд всех девочек, потому что банты на конвертах были либо красные, либо розовые. И вот, наконец, выходит мама, а глаза у неё на очень мокром месте. А с ней выходит медсестра с конвертом, перевязанным красной ленточкой! Я уже напрочь забыл про подмену ленты! Папа остановился как вкопанный с протянутыми букетами.

— Что, всё-таки девочка?.. — тихо спросил он.

Мама замотала головой и как-то зло посмотрела на папу.

— Папаша, принимай малышку, не задерживай очередь! — раздался весёлый голос сзади.

И папа принял «малышку».

— Иди скорей, я вас сфоткаю, — Аська толкнула меня к крыльцу.

Она успела сделать пару снимков, как тот же весёлый голос сказал:

— Девочка, иди к своей семье, сфотографирую вас всех вместе! Какая замечательная многодетная семья!

Аська и слова не успела вымолвить, как оказалась рядом с нами.

— Внимание… — предупреждает фотограф.

— Бедная женщина, тяжело ей придётся… Посмотри на старшенькую: голова растрёпанная — папа даже косы толком не смог заплести… — слишком громко раздалось из толпы ожидающих.

«Щёлк-щёлк-щёлк!» — вышла серия фотографий.

На этих фото у Аськи выпучены глаза, а папа, мама и я (и, кажется, даже брат) смотрим на неё.

— Что будем делать с фотографией для бабушек? — спросил я, когда мы сели в машину и немного успокоились.

Подумав, папа ответил:

— Отправим в чёрно-белом варианте. Как раньше.

«Замечательная» история

Экскаватор сгребал снег с улицы. Снег в его ковше был похож на неровные шарики пломбира в вазочке для мороженого. Экскаватор это видел. А вот напарник-самосвал нет.

— Давай быстрее, нам ещё второй участок расчищать, — бурчала машина.

Маковки церкви, у которой они работали, были похожи на конфеты «Трюфель» в золотистых обёртках.

Экскаватор заметил и это. А самосвал продолжал ворчать:

— Чего ковш разинул? Чисти скорее!

Вертолёт, пролетавший над ними, был похож на весёлую стрекозу. Экскаватор было засмотрелся на него, но самосвала проревел:

— Ехать пора! Спустись с небес на землю! А то откажусь от тебя, возьму другого напарника.

Девочка в шапочке с динозавриком подпрыгивала от нетерпения. Она привела маму на звук гудения больших машин. Девочка видела, как они трудились, чистили дорогу навстречу весне. Ей хотелось сказать им спасибо.

Первым был самосвал с ярко-оранжевым, как апельсин, кузовом. Девочка махала самосвалу изо всех сил! Но вечно спешащая машина проехала мимо, даже не взглянув на малышку.

Девочка с удивлением посмотрела на маму.

— Давай попробуем ещё? — предложила та.

Экскаватор отстал от самосвала. Он ехал, повесив ковш. Неужели оттого, что он всё замечает, одни проблемы? Как вдруг на тротуаре он увидел девочку, похожую… на динозаврика! Она улыбалась и махала ему двумя руками. И мама девочки улыбалась и махала ему. Экскаватор приподнял ковш от радости. Он замедлил ход и просигналил свою самую весёлую, самую *замечательную* мелодию.

Персики

Бабушка бы сказала, что в доме случилась буря. Её ветер разрушил самое хрупкое на свете — мир в семье.

В ванной льётся вода. Дёргаю ручку — закрыто на защёлку. За дверью — приглушённые всхлипывания. Мама думает, я не знаю, почему она там прячется. Но я-то знаю.

Вздыхаю. Иду на поиски папы. По звуку прихожу в кабинет. Папа барабанит по клавиатуре как ненормальный. Как будто вбивает не текст статьи, а гвозди в доску. Нет, папу лучше не трогать.

Слева плачет мама. Справа злится папа. А я посерединке. Но что толку быть серединкой, когда вокруг тебя ничего нет?

Бабушка бы сказала: бери ситуацию в свои руки. Бабушка никогда не зовёт меня Кнопкой и доверяет непростые дела: жарить ровные оладушки, собирать клубнику и даже ходить одной на родник, хотя мне всего одиннадцать. Но сейчас я теряюсь. Усмирить бурю — это не то же самое, что прополоть грядки. Вздыхаю. Набираю номер.

— Ба, у нас буря.

— В стакане?

— Не… Мироразрушительная. Мама плачет, папа клавиатуру ломает.

Бабушка думает.

— Достань из копилки деньги и иди на рынок.

— Зачем?

— Им надо напомнить. Напомнить, с чего всё начиналось.

В жестяной коробке с прорезью я храню деньги не на новые ролики, а «на всякий случай». Например, когда нет сдачи у доставщика пиццы. Или когда родителям немного задерживают зарплату. Или вот как сегодня.

Выхожу из квартиры на цыпочках. Хотя, если я сейчас хлопну дверью, мама с папой и не заметят.

До рынка рукой подать. У прилавка закрываю глаза. А лучше бы закрыть нос, чтобы не чувствовать запах арбузов. Покупаю то, что мне нужно, и убегаю от арбузного шлейфа. Не сегодня.

Захожу домой, прислушиваюсь. Клавиатура молчит. Вода не льётся. Может, уже без меня всё произошло?

Нет. Мама в гостиной уткнулась в книгу. Папа на кухне.

В ванной мóю и аккуратно вытираю «голубей мира». Складываю в бумажный пакет. Несу папе.

Папа замечает меня только тогда, когда дотрагиваюсь до его плеча:

— А, это ты, Кнопка... Что тут у тебя?

Папа заглядывает в пакет. Хмурится, как будто что-то вспоминает. Вдруг... улыбается.

— Спасибо тебе, дочка... спасибо...

Папа целует меня и идёт... нет, он уже летит к маме. Я за ним.

Папа садится рядом с мамой, нежно берёт за руку и кладёт в неё красный персик. Мама сначала не понимает, что произошло. А когда понимает, то опять плачет. Но уже в папиных объятьях.

— Ба, у нас «ми-и-ир на зе-емле-е-е», — пропеваю знаменитую строчку.

— Умница! Видишь, им надо было просто напомнить... — бабушка смеётся в трубку.

— Ба, а расскажи историю ещё раз!

— Как-то папа и мама поссорились. Они тогда не были парой, просто дружили. Но папа был уже влюблён и, чтобы признаться в чувствах, подарил маме персики. Так всё и началось.

Слева сидит мама. Справа сидит папа. А я — посерединке. Как косточка в персике.

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Алина Скородумова (3 класс)

Что важнее всего?

Весенние воды и солнечный свет.
Шагаем с подружкой по лужам.
Болтаем о многом, ведь тайн у нас нет,
Давно мы с Маринкою дружим.

Болтали, смеялись, и тут ни с чего
Спросила Маринка: «Что важнее всего?
Важнее всего в нашей жизни?»

Вот это вопросик! Задумались мы
И стали мечтать, какие вещи нужны,
Нужны нам для полного счастья!

Компьютер, смартфон и поездка в кино.
Увидеть бы море! Уж снится оно.
Мне папа давно обещает.

И тут нам навстречу мужчина идёт.
В коляске мужчина мальчишку везёт.
Большой. Почему же в коляске?

«Болеет, — шепнула подружка моя, —
Не может ходить». Тут увидела я
Смартфон, о котором мечтала.

Он держит его, а в глазах счастья нет,
Не радуют игры и солнечный свет,
Не радует даже прогулка.

И поняли мы, что важнее всего
Здоровье — не деньги, не купишь его,
Здоровье родных и знакомых.

И солнце, и травы, и дождь в летний зной,
И мирное небо над головой —
Всё это дороже подарков.

Мы видим, мы дышим, по лужам бежим.
Мы дружбой своею всегда дорожим.
И как по команде мы крикнули враз:
«Не это ли счастье, подружка, для нас?»

Людмила Назаренко

У телевизора в гостях

Блошонок Кузя — домашний любимец

Патологическая страсть моего мужа к сладкому чаю привела меня поздним субботним вечером к соседям. За сахаром: дома не нашлось ни ложечки, а погода никак не располагала к походу в дальний круглосуточный магазин. Соседки не было дома. Супруг её, Иван Николаевич, вид имел отчего-то растерянный и озабоченный. К тому же он был взлохмачен и покрыт пыльными махрами от коленок вытянутых треников до самых плеч.

— Вот, Кузя потерялся, — смущённо пробормотал сосед.

— Вы кота завели? — поинтересовалась я.

Сосед смутился ещё больше.

— Блошонок Кузя, — как-то неопределённо сказал сосед, тревожно заглядывая под круглый стол, пыль под которым он, видимо, и собирал, когда я так некстати ввалилась.

Я понимающе кивнула: все мелкие котята бегают, прячутся и озорничают. Моя сахарная просьба соседа явно обрадовала, и он отсыпал бы мне целых полкило в полиэтиленовый пакетик, но я удовлетворилась парой столовых ложек. Иван Николаевич проводил меня несколько поспешно, как мне показалось.

Котёнок так и не показался.

Воскресным утром мы, по обыкновению, задержались с завтраком, и я ещё только укладывала тосты и ломтики сыра на красивой тарелке, когда к нам явился озабоченный Иван Николаевич.

— Извиняюсь, что так рано, но у меня важное дело до Михал Андреича.

Мне подумалось, что речь пойдёт о новом питомце четы Васильевых — котёнке Кузе. Муж мой по профессии ветеринар, и к нему частенько обращаются с вопросами о четвероногих любимцах друзья, знакомые, соседи.

Иван Николаевич для вида немного помялся, а потом довольно бодро сообщил:

— Проблема у меня образовалась в связи с новым жильцом, ты бы помог каким советом, Андреич. Зверюшки ведь по твоей части…

— Да, Оля мне рассказывала, что у вас котёнок появился, — с готовностью подхватил Миша, поощряя растерянного соседа к продолжению.

— М-м, не совсем чтобы котёнок, — снова замямлил Иван Николаевич. — Я тут блошонка завёл… Кузей зовут…

— Кого? — опешил звериный доктор, потряс головой и переспросил удивлённо: — Кто у вас завёлся, я что-то не совсем понял?

— Блошонок Кузя, — оживился сосед, увидев возросший интерес к его персоне, — ручной, домашний. Я его дрессирую, и он уже на Кузю откликается: мигом выпрыгивает. Подковать не подкую, а выучить каким-то штукам — это мы запросто.

— А откуда он у вас взялся? — Миша уже немного пришёл в себя, но на соседа смотрел теперь с некоторым подозрением. — Надеюсь, вы его не купили?

— Первый этаж, сами понимаете, — охотно пустился в разъяснения сосед, — блохи иногда из подвала забираются. Моя-то хозяйка потравить хотела, да я не дал. Защитил, значит, животинку. Мы даже повздорили по этому поводу с Татьяной. Три дня уж не разговариваем. Я ей толкую: вреда, мол, никакого от малюток нет, из холодильника они ничего не таскают, нигде не гадят, шуму от них не наблюдается. А что кусают, так в основном меня. Она, видать, из-за вредности, не особо блошкам по вкусу пришлась.

— Так всё-таки кусают? — чему-то обрадовался мой муж.

Я едва сдерживала смех и принялась разливать чай, чтобы не нарушать серьёзности мужского разговора.

— Что там с того кусания! Деликатные ребята: пару раз за день и укусят, и не так зверски, как комар. Да и не зудят громко опять же. А занятие по дрессировке я себе нашёл интересное: прыгают и скачут наперегонки, глядеть забавно. Особенно молодой этот, Кузя, значит, — сосед вдруг помрачнел и обеспокоенно спросил: — Кормить-то чем их можно, кроме крови? Как там наука рекомендует?

Тут уж я не выдержала и выскочила из кухни, якобы что-то срочное вспомнила. Но далеко не пошла, чтобы не пропустить чего-нибудь интересного. Сдавленно хрюкнула в салфетку, погремела немного посудой в буфете и притихла.

— Так, кроме крови, они ничего и не едят, — жутко серьёзно разъяснял Миша. — Всё-таки беспокоят?

— Да нет, это я беспокоюсь за них. Не повредили бы себе здоровье, я ведь пивком частенько балуюсь. А когда и покрепче рюмочку пропущу…

Я чуть салфеткой не подавилась.

— А-а, вы об этом,—по-прежнему серьёзно отреагировал мой муж.—За них не беспокойтесь, алкоголь им навредить не может. Пойдёт ли на пользу, не скажу. Тут надо бы специальную литературу почитать. А вот вреда не будет уж точно.

— Вот спасибо, голубчик, Михал Андреич! Утешил ты меня, ей-богу.

Два дня спустя встретила я по пути в магазин мрачного Ивана Николаевича.

— Случилось что-нибудь?—забеспокоилась я.

— Татьяна моя, злыдня, извела-таки моих питомцев.

— Неужели потравила?

— Нет, одурманила керосином да собрала в банку, пока вялые были. Тряпицей прикрыла и Степановне с третьего этаже отдала. На пару действовали, злоумышленницы.

— А Степановне-то блошенята зачем?—поразилась я.—Тоже дрессировкой заняться надумала?

— Корыстная она баба! Кто, говорит, долги ей отдавать не будет, тому блох в квартиру напустит.

Сосед понуро побрёл дальше, а я так и осталась стоять посреди дорожки с раскрытым от удивления ртом. Потом опомнилась, привела лицо в порядок и направилась дальше по своим заурядным делам.

У телевизора в гостях

— День и ночь работаю! Никакого отдыха!—расшумелся телевизор субботним утром.—День и ночь! А благодарность где?

— Ночью люди… э-э… спят,—осторожно заметила нарядная ваза с пышным букетом алых роз.

— Я выключаю свет ровно в полночь,—заявил солидный торшер.—И отправляю спать и детей, и взрослых. Все в доме должны ложиться в свои кровати не позже полуночи, скажу я вам.

— А с десяти утра до двенадцати ночи мало, по-вашему?!—возмутился телевизор.—У меня, если хотите знать, уже все кнопки дёргаются и глаза плохо видят. Осталось только голос потерять,—сварливо продолжал телевизор,—и можно вызывать доктора. Вот что я вам скажу: беру отпуск—и всё тут! Отдохну как следует, недели две. Может, и в дом отдыха съезжу.

— Это кто же вас повезёт, интересно знать?—ехидно спросила табуретка с гнутыми ножками, которыми она очень гордилась.—Хозяин на своей машине вряд ли согласится вас доставить.

— Возьму такси! Мне же полагается вознаграждение за хорошую службу.

Конечно, ни в какой дом отдыха телевизор не поехал, но включаться в телесеть категорически отказался. Ровно на две недели. Об этом он сообщил хозяевам в заявлении, которое ему помог составить компьютер. Обычно компьютеры всем помогают писать письма и сочинять заявления.

— Как же мы теперь без новостей будем?!—огорчилась хозяйка, прочитав заявление.

— Из Интернета будем узнавать,—утешил её хозяин.—Зато глаза немного отдохнут. И наконец отремонтируем комод.

Вот так весь дом остался без телепередач. Больше всех расстроилась девочка Леся, любившая вечернюю сказку для малышей. И ещё кот Барсик, который привык дремать вечерами под концерты классической музыки.

Тем временем телевизор наслаждался отдыхом. Он читал газеты, пересказывал всем новости своими, а не чужими словами. Короче говоря, с толком тратил свободное время. На третий день газеты показались ему скучными, на четвёртый он заметил, что торшер дремлет под его рассказы, а ваза-цветочница всё время любуется своим отражением в зеркале.

На пятый день телевизор затосковал. Ему казалось, что о нём все забыли. Никто не подходил по утрам—проверить программу на полочке. Да и самой программы не было. Её просто забыли купить. Любимое кресло хозяина передвинули ближе к торшеру, в другой угол гостиной. Теперь вечерами читали газеты, или играли в шахматы, или включали компьютер. Маленькое креслице девочки Леси переехало к дивану—там куклы устраивали свои балы и готовили праздничное угощение в игрушечной посуде на игрушечной плите. Кот Барсик и вовсе перестал появляться в гостиной, он стал поклонником кулинарного искусства хозяйки и даже решил брать у неё уроки. Научиться взбивать сметану он надеялся всего за одну неделю.

Конечно, по утрам с телевизором все здоровались. Из вежливости и по привычке. Телевизору стало совсем плохо, у него даже внутри всё заболело, и появилась страшная мысль, что теперь он и включиться совсем не сможет. Проверить он не решался, ведь до конца отпуска было ещё целых восемь дней. От ужаса на него напал хриплый кашель, и эти странные звуки очень беспокоили торшер: он крутил головой и оглядывался, но так и не смог понять, что за странное гавканье ему померещилось. К вечеру о болезни телевизора догадался компьютер, у него ведь сильно развиты способности воспринимать и анализировать любые звуки.

— Это совершенно новая и очень опасная болезнь—синдром отсутствия тепла,—вздыхая, объяснил телевизор цветочнице.

Вазочка эффектно смахнула слезу лепестком розы, украдкой взглянула в зеркало и мелодично произнесла:

— Ах, что же теперь будет?! Мне так жаль, так жаль! Хотя это и смахивает на обычный бронхит…
— Мы не можем допустить развития заболевания,—строго сказал компьютер легкомысленной вазочке.—У него совсем пропадёт голос. Вы только представьте себе телевизор без голоса!
— Ужас!—вскричала цветочница.—Но я ничем не смогу помочь, ведь я такая неопытная.
— Сей недуг нервного происхождения, если я вас правильно понял?—раздался спокойный голос торшера.—Так нужно укрепить нервную систему телевизора.
— Как же это сделать, по-вашему?—поинтересовалась антикварная табуретка, как всегда, ехидно.—Мне кажется, проще всего заставить его работать. Глупая затея с отпуском не могла закончиться хорошо.
— А давайте все придём в гости к телевизору,—робко предложила пухлая диванная подушка с вышитой крестом пушистой кошкой.—Развлечём его или подарим маленькие подарки.
— И что же можете подарить лично вы?—неприятным голосом спросила табуретка.
— У меня есть изумительная запасная наволочка, на ней изображён такой красивый большой леопард. С ним всегда можно словечком перекинуться, когда нет никакой телепрограммы.
— И у меня есть отличный подарок,—вставил солидный старинный комод, не сказавший до сих пор ни одного словечка,—резная шкатулка из самого дальнего угла моего нижнего ящика будет отлично смотреться рядом с леопардом.
— А хорошо, если бы пришли и кухонные обитатели. Чайник прекрасно поёт, а кофеварка знает много очень смешных историй,—задумчиво пробормотал книжный шкаф.
— Вот здорово будет!—радостно подхватила настольная лампа в пёстром абажуре.—Настоящая вечеринка для всех под названием «В гостях у телевизора»!
— Почему под названием?—удивился книжный шкаф.—Настоящие гости у настоящего телевизора.
— Решено!—заключил комод.—Отправляем приглашение в кухню.

Как всегда, с приглашением помог компьютер, и получилось оно красочное и очень понятное.

А сам телевизор всё это время молчал: от огорчения он так утомился, что крепко уснул.

На следующий день ровно в два часа дня—очень удобное время, когда хозяева на работе, а дочка их в школе,—возле телевизора начали собираться вещи из гостиной и кухни. Пришёл даже кот Барсик, которому забыли отправить приглашение. «Раз я не по приглашению, а сам по себе, то могу и подарка не дарить,—решил кот.—Лишних игрушек у меня нет, а сосиски телевизор не ест. К тому же сосиски не мои, а холодильника. Их ещё выпросить надо!»

Зато все остальные гости принесли подарки, даже табуретка с гнутыми ножками прихватила где-то маленькую пуговку и торжественно вручила её телевизору.
— Спасибо вам, друзья!—смущённо бормотал телевизор.—Так празднично и приятно, будто у меня сегодня день рожденья.
— Пусть сегодня и будет днём рождения телевизора!—важно объявил кот Барсик, чтобы никто не заметил, что он пришёл без подарка.

Леся вернулась из школы, когда веселье в гостиной было в самом разгаре: книжный шкаф рассказывал анекдоты, гости смеялись, кот громко одобрительно мяукал, а табуретка с гнутыми ножками даже пыталась танцевать. Девочка в удивлении застыла на пороге, никто её не заметил.
— Друзья!—воскликнул счастливый телевизор.—Теперь я вам сделаю маленький подарок. Сейчас мы вместе посмотрим мой любимый мультик «Телевизор кота Леопольда».
— Мя-ау! А почему Леопольд? При чём здесь Леопольд, если у нас есть я?!—возмутился Барсик.
— Так это же режиссёр так назвал,—пояснил диван с важным видом.—Может, его кота так зовут.
— Нет, должен быть Барсик—и точка!—кипятился кот.—Я вот даже читать умею!
— Давайте же посмотрим фильм,—примирительно предложил компьютер.—Нам сразу станет ясно, каков этот Леопольд.
— Сегодня главный—телевизор. Пусть покажет нам то, что ему самому нравится,—вмешалась вазочка.

И телевизор начал киносеанс!

Хозяйка с хозяином вернулись с работы поздно и очень удивились тишине, царившей в доме. Хотя… из гостиной раздавались какие-то звуки.

Леся сидела в кресле перед телевизором и прижимала к себе кота, а на экране нарядный Леопольд в шляпе и галстуке шёл по сказочной улице и размахивал сказочным портфелем.
— Разве отпуск у нашего «Самсунга» уже кончился?—пробормотала хозяйка.
— Отпуск тем и хорош, что кончается раньше, чем успевает надоесть,—заметил хозяин.—Давай-ка тоже присядем. Этого фильма я ещё не видел.

Отставка комода

Внушительный комод был самой старинной и громоздкой вещью в доме. Если не считать автомобиля. Но его и нельзя считать: он в дом не заходит, так как двери узковаты и комнаты немного тесны. Комод был весь резной, с громадными ящиками для разных вещей—больших и маленьких, немного скрипучий. Когда ящики открывали, он был недоволен и жаловался густым низким голосом:

— Нельзя класть такие тяжести… хрип-скрип… ящики болят. Я уже давно заслуженный и должен отдыхать. Вот уйду в отставку — и вещи все выкину!
— В отставку выходят только военные, — возразил начитанный книжный шкаф.
— Я и есть военный, — признался комод. — Смолоду служил.
— В каком же чине, простите? — пискнула антикварная табуретка.
— Я дослужился до генерала, командовал здешним мебельным штабом.
— О! О! — послышалось со всех сторон. — Ах, как интересно!

Только компьютер отнёсся к рассказам мебельного генерала критически.
— А у вас бумага о присвоении звания есть? — поинтересовался он.
— Потерялась, наверное, — огорчился комод.
— Чем приставать с глупостями к уважаемому ветерану, лучше бы помогли восстановить документ! — возмутилась этажерка.
— Я могу найти форму присвоения звания, — примирительно предложил книжный шкаф. — У меня на самой верхней полке военная энциклопедия есть.
— У меня справочники быстрее открываются. Я сам и напечатаю, и подпись поставлю, — сказал компьютер.

Он совсем не собирался со всеми ссориться.

На следующий день после работы Хозяйка с Хозяином застали в комнате странную картину: нижний ящик комода был выдвинут до конца, часть вещей даже вывалилась на пол. Поверх кучи лежало два листочка: «Представление о присвоении звании генерала штаба мебельных частей» и «Прошение об отставке».
— Ирина, ты только посмотри! На одной бумаге напечатано, что нашему комоду присвоено звание генерала «в тысяча девятьсот неизвестно каком году». Интересно, почему это неизвестно?
— Что тут неясного? — ответила Хозяйка Ирина, заглянув в листочки через плечо Хозяина. — Просто это было так давно, что наш Комодыч забыл точную дату. А прошение об отставке подписано вчера, потому что устал от хранения вещей он ещё год назад.
— А может, мы его в реставрацию отправим?
— Нет! — возразила Хозяйка. — Вдруг его там неправильно отреставрируют? Он ведь такой старинный, а выглядит совсем ещё неплохо.
— Но пустые ящики занимают так много места. И куда же мы денем все эти вещи? — растерялся Хозяин.
— Всё нужное сложим в шкаф, а ненужное… отнесём в сарай. Там места ещё много.

Всем известно, что хозяйки не любят выбрасывать вещи, не подумав как следует.
— А почему бы комоду не отдать на хранение лёгкие вещи? Лесина одежда и куклы его вряд ли утомят, — нашёлся Хозяин.
— И Барсиковы мышки и мячики, — добавила Хозяйка. — А чтобы наш пенсионер не обиделся, мы подадим наши предложения на бумаге.

Комоду совсем не хотелось оправляться на реставрацию. И он написал на предложениях хозяев: «Резолюция. Согласен на все детские и кошачьи вещи. Ваш Комод». Не обошлось без помощи компьютера, конечно. Он ведь умеет писать письменными буквами поверх текста на листе.

Наш дом — Красноярье

Сочинения участников краевого литературного конкурса

Эмма Гордиенко

12 лет

Круговорот зимы в Норильске

Ну вот опять!!! Опять объявляют задержку рейса по погоде: в Норильске метёт.

Сентябрь. После летнего отпуска пора возвращаться домой, в Норильск, и мы едем в аэропорт Ростова-на-Дону. Вокруг так красиво! Жёлто-красно-оранжевые деревья вызывают ощущение праздника, как будто осень прощается со мной. Улетать не хочется, но я всё равно огорчаюсь, когда слышу объявление: беспокоит неизвестность. В который раз томимся вот так, в ожидании!

Сидим час. Второй… Рейс всё задерживается. И только через пять с половиной часов мы, наконец, вылетаем. Ещё четыре часа — и будем дома.

Самолёт приземлился. Через «рукав» мы входим в здание аэропорта в Алыкеле, выдыхаем. Пока получаем багаж, снова поднимается ветер. Выходим, а на улице снег. Снег! Снег!! Снег!!! Ветер швыряет мне в лицо пригоршню злых, кусачих, словно осы, снежинок. Сейчас пурга ведёт себя как мой папа, когда считает, что я слишком долго «сижу в телефоне». Почему пурга сердится? Может быть, просто заждалась меня? Или так странно радуется моему возвращению? Нет, на радость это не похоже.

Снег везде: и в небе, и на земле, и в воздухе! Теперь ярких осенних красок я не увижу целый год, и тот праздничный осенний фейерверк, которым провожал меня Ростов, ещё не раз вспомнится в ледяную норильскую стужу.

И всё же гораздо ярче воспоминания другие…

Очередной день среди полярной ночи. Солнце не показывалось уже около месяца. Я опять смотрю в окно. Настроения нет, тоскливо. Мечтаю о лете. Мама, как волшебница, почувствовала это и решила меня порадовать. Я сижу и наблюдаю, как за окном кружатся снежинки, и вдруг слышу щелчок.

«Кажется, мама открывает морозилку…» — думаю я. И тут она ставит на подоконник рядом со мной белую мисочку с ярким солнышком на боку, а в ней — голубика из нашей таймырской тундры. Оказывается, мама сохранила её для меня!

Я аккуратно двумя пальцами беру самую крупную ягодку и кладу её в рот. Какая же она вкусная!!! Ледяной сок взрывается во рту кислой сладостью и окутывает ароматом летней осени.

Звучит странно? Но август — это на «материке» ещё лето, а в Норильске в августе уже осень в самом разгаре!

Сейчас каждая ягода — словно отражение тех прекрасных моментов в моих воспоминаниях. Снова бросаю взгляд в окно, вспоминая, как мы эту голубику собирали, и в отражении на фоне стылой тьмы вдруг появляется мой друг: он дразнится синим языком и хохочет. И я смеюсь вместе с ним!

…Мы тогда ездили на природу двумя семьями. Когда вошли в лес, нас сразу окружили зелёные ёлочки, радуя густым хвойным ароматом. Грустные лиственницы стеснительно стояли в сторонке, потому что их мягкие, бархатные иголки уже пожелтели и начали осыпаться. Берёзы и осины на горке ссорились за право осыпать всех нас осенним золотом. Мы с другом подбирали шишки и перебрасывались ими. На бегу успевали собрать горсть голубики и закинуть её в рот, а потом дразнили друг друга синими-пресиними языками, захлёбываясь от хохота. Когда моя мама увидела нас, сама громко рассмеялась и покачала головой. Ведь она собирала ягоды в корзину, а мы — в рот.

Тут из-за ёлок выбирается гордый папа. Он несёт корзину, полную грибов. Мне любопытно, и я сую в его корзину нос. Ой!

— Папа, это же поганка! — трогаю серый гриб пальчиком.

Папа лишь насмешливо фыркает и говорит:

— Ты что, дочь, не в курсе, что здесь ядовитых грибов вообще нет? — потом задумчиво бормочет: — Если они, конечно, не растут возле промышленных предприятий, — и подмигивает: — Говорят, даже если здешние грибы выглядят подозрительно, надо просто пожарить их с лучком, опята получатся — просто объеденье! Но это только здесь, в заполярной тундре.

Я недоверчиво смотрю на него и оборачиваюсь к маме. Она весело улыбается и согласно кивает, а потом со смехом советует мне:

— Лицо руками не трогай, а то тоже синим станет.

— И вовсе эта голубика не голубая! — бормочу я, разглядывая почти чёрные ладони.

Зато какая вкусная! А сколько потом, когда приехали домой, отмывали руки от въевшегося в кожу сока!

Доев последнюю ягодку, забираюсь на подоконник и вспоминаю ту чудесную летнюю осень! А за ней и другие такие же волшебные моменты.

…Синий пуховик, белый шарф в инее, тёплые рукавички. А на носу солнечные очки с сильно затемнёнными стёклами!

Я выдыхаю прозрачное облачко пара, которое медленно расплывается в золотистых солнечных лучах. Мороз кусает щёки, а солнце, высокое и горячее, приятно согревает, когда поворачиваешь к нему лицо. Откуда-то слышится нервная дробь: прозрачные капли звонко стучат в ледяную корку, покрывшую снег у стены жилого дома. Поднимаю голову и вижу матово-белые клыки громадного вампира!

Да нет же, это сосули, которые свисают с крыши над девятым этажом здания. Они длиннее моего роста почти в два раза! В такие дни у стен лучше не ходить, ведь эти «сосульки», если рухнут с двадцатипятиметровой высоты, не просто могут нанести травму человеку, но и убить его. Сосули торопятся таять, ведь как только яркое солнце перешагнёт зенит, мороз начнёт выбираться из теней и отвоёвывать город обратно.

Возможно, кто-то сейчас задаётся вопросом: почему я в солнечных очках? Всё потому, что солнце светит так ярко, так отражается от понемногу проседающих сугробов, покрытых застывшей снежной глазурью, что до слёз слепит глаза.

Это конец апреля, норильская зимняя весна. Уже в самом разгаре белые ночи, ещё немного, какой-то месяц, — и начнётся полярный день. Во дворе у подъездов снега нет совсем: грейдеры выгрызли его почти до асфальта, только в центре осталась громадная снежная гора. У её подножия копошатся карапузы, в своих ярких пуховиках похожие на разноцветных пингвинов. Подхожу ближе. Мамочки болтают в сторонке, а серьёзные и сосредоточенные дети… лепят куличики! Никакой «золотистой корочки» из песка, сплошной снег в разноцветных пластиковых ведёрках — любимая весенне-зимняя игра норильских малышей!

…А вот заполярное лето очень короткое, зато такое разное! Оно бывает ветреным и прохладным, полным звенящего комарья и кусачей мошкары. Бывает серым и дождливым, пахнущим влажной прошлогодней травой. А ещё иногда бывает сухим и жарким. И буйно цветущим.

Где ещё вы можете увидеть одновременно золотые жаркú и нежный лиловый кипрей, куртинки солнечных полярных маков и коврики устеливших землю фарфоровых дриад, «букетики» маленьких хрупких колокольчиков и пышные охапки горько пахнущей пижмы? А недавно мне говорили, что прошлым летом в городе видели настоящие ромашки!!!

Но каким бы ни было лето, норильчане нет-нет да и вспомнят зиму. И если соскучатся, отправляются к водопаду на Красные камни, который находится в ущелье Хараелахского горного массива. Это недалеко от города, туда вполне можно добраться даже пешком.

Когда поднимешься на нижнюю ступеньку каскада и опустишь руки в воду, их аж судорогой сводит, до того она ледяная! Это потому, что водопад рождается из снежных пластов, которые никогда не тают до конца. А если такой «зимы» окажется недостаточно, то можно подняться ещё выше, туда, где летом спит громадный нетающий сугроб. Не важно, что между бурыми камнями зеленеет трава, а вокруг мелкими белыми кисточками на тёмно-зелёных глянцевых кустиках, белыми бисеринками цветёт брусника: здесь прячется наша летняя зима. И хоть снег здесь плотный и крупнозернистый, под жарким июльским солнцем поиграть в снежки очень даже весело!

Вот такой он противоречивый, мой обычно-необычный заполярный Норильск.

Яна Веденеева

17 лет, 10 класс

Близкое сердцу село

Я люблю своё село и не представляю себя отдельно от него. Трудно говорить о том, что ты больше всего любишь и к чему привык с малых лет. Начнёшь рассказывать, а всё время кажется, что самое главное ты сказать забыл. Поэтому я решила показать отдельные часы, а порой и минуты жизни моего Субботино, а главное, рассказать, каким я мечтаю видеть его в будущем.

Когда на разноцветные крыши домов опускается вечер, а моё село стоит на берегу среди сумерек, покачивающихся на гамаке проводов, я тоже стою перед ним и смотрю на запад, куда медленно садится солнце. Я протягиваю вперёд руку, и моя рука переплетается с пальцами-антеннами, и я прощаюсь с селом до завтра. Я отправляюсь спать, а моё село ещё долго не засыпает своими окнами.

И ночью иногда слышно, как оно вздрагивает от разных звуков, которые наполняют его сердце, большое, доброе и нежное.

А утром, новым утром, село опять просыпается, заполняя всё вокруг и всю меня шумом своего дыхания. И, умыв свои улицы, расправив горы-крылья, село говорит мне: «Доброе утро!» Доброе утро, родное село!

А вы бывали в селе? Нет? Тогда я проведу вам экскурсию по моему селу Субботино. Мы идём

по центральной, самой длинной, улице Ленина. Здесь и мой дом. И здесь же недалеко моя школа: большая, светлая, самая лучшая школа на свете! С годами, думаю, моя школа станет богаче: появятся бассейн, тир, ещё одна спортивная площадка, ещё один спортивный зал и, главное, каток! Это мечта всех субботинских ребятишек, больших и маленьких! Все эти мечты смогут стать реальностью, если мы сами, став взрослыми, не уедем из села, а будем преображать его и воплощать мечты в действительность.

В нашем селе много улиц: Октябрьская, Крупской, Красного Знамени, Буденного, Чапаева, Садовая, Лесная, Красных Партизан, Кривенко.

Семён Устинович Кривенко — уроженец нашего села, Герой Советского Союза, совершивший подвиг при форсировании Днепра в годы Великой Отечественной войны. Мы гордимся своим земляком и тем, что наша школа носит его имя.

Со временем в нашем селе будет ещё больше улиц: уже сейчас закладываются новые дома, привлекаются специалисты сельского хозяйства. В моём селе живут хлебодары. Есть такое хорошее слово. Значит, наши люди дарят хлеб. А ещё мои земляки занимаются выращиванием клубники (виктории, по-нашему). Это огромный труд — вырастить в условиях Сибири такую сладкую и ароматную ягоду величиной с детский кулачок! Наша ягода славится даже за пределами Красноярского края.

Я представляю будущие ягодные плантации так: огромные территории с ягодными посадками обрабатываются специальными машинами, даже ягоду собирает чудо-техника, а человек руководит всем этим, сидя за пультом управления.

Мы продолжаем нашу экскурсию. В нашем селе есть два огромных по территории сада, в которых выращиваются плодово-ягодные культуры: жимолость, смородина, малина, клубника, черноплодная рябина, облепиха, слива, груша, яблоки, абрикосы и даже виноград. Там работают люди, доказывающие своим трудом, что в наших условиях, на нашей щедрой земле может расти всё! В будущем, наверное, наш госсортоучасток вырастит персики, нектарины, киви, манго, ананасы и прочие заморские диковины! Я верю: так будет!

Раннее февральское утро. Ослепительно-голубое небо. Ослепительно-белый снег. Такой чистый и свежий он только у нас. Солнечные лучи, слабые и несмелые, ещё не разогнали лёгкий туман над Саянами. Начинается новый день.

Именно в этот час я иду, уже взрослая, по моему любимому селу, иду в час, когда улицы ещё пустынны, лишь изредка прошуршит по дороге машина, да где-то вдалеке раздаётся разноголосое петушиное пение. И снова тишина, которую нарушает только щебет птиц. Иду, смотрю, вспоминаю, сравниваю: ведь прошло пятнадцать лет…

Вот мой детский сад, куда я ходила когда-то малышкой, школа, где прошли мои лучшие годы детства, а вот мимо меня проезжает новый комфортабельный автобус. Наверное, привёз очередную группу туристов на экскурсию. Как же всё изменилось вокруг: новые дома, вдали виднеется канатная дорога, которая поднимает на вершину горы всех желающих полюбоваться красотой местного ландшафта сверху или покататься на горных лыжах. На противоположной стороне горы — прекрасная горнолыжная трасса. А на вершине горы приветливо распахнул свои двери дом отдыха, откуда открывается прекрасный вид на село. Всё это стало возможным благодаря новой программе развития сельского туризма. В тайге построен санаторий, в котором можно подлечить сердце и прочие недуги. Свежий воздух, завораживающие пейзажи и чистая родниковая вода делают своё дело! Словно белый корабль, появляется за поворотом наша красавица церковь! Ей уже больше ста лет! Она восстановлена силами моих односельчан и действует. Люди идут и едут сюда по зову души и сердца.

Моё село просыпается: бегут на уроки ребята, как бегали когда-то и мы, снуют по дороге машины, спешат на работу взрослые (теперь есть где работать: появилось много рабочих мест), малышей ведут в детский сад, он у нас один из лучших в районе.

Я рада встрече со своим селом, всегда красивым, в любое время года, всеми любимым и солнечным. Так улыбнись же ему и ты и скажи: «С добрым утром, моё обновлённое, близкое сердцу, родное моё село!»

Анастасия Каменева

12 лет

Знать прошлое, любить настоящее, думать о будущем…

Боготол — небольшой город. Я в нём родилась, здесь же родились мои родители, бабушки и дедушки, поэтому этот город я считаю своей малой родиной и очень люблю его.

Многое об истории города мне рассказала моя бабушка Каменева Антонина Ивановна. Начнёт невзначай, как-то загадочно: «А знаешь ли ты, Настюша, что основан Боготол-то в тысяча восемьсот девяносто третьем году как железнодорожная станция с крупными железнодорожными мастерскими?» Я машу рукой: «Знаю, Боготол готовится отметить свой сто двадцать восьмой день рождения». Потом задумываюсь: мой город живёт более ста лет, конечно, он сильно изменился. Каким он был, какой сейчас, и каким он будет? Мы идём с бабушкой не спеша, я молчу

и размышляю про себя над этими вопросами. Взгляд останавливается на табличке с названием улицы. «А ведь история города отражается в названиях улиц: Пролетарская, Зубова, Братьев Вишняковых, Братьев Маслёнкиных, Кирова, 40 лет Октября, Вокзальная, Элеваторная!» — озаряет меня. Одни улицы хорошеют, например, Кирова. Четырёхэтажные здания в начале улицы стали двухцветными, отчего даже помолодели. А дома на моей улице Опытной — стареют, горбятся, врастают в землю.

Бабушка часто рассказывала мне, какой красивой была эта улица двадцать — тридцать лет назад. Строились новые дома: каждый хозяин старался выстроить дом лучше, чем у соседа. «Тогда они казались великанами, не то что нынче», — как-то грустно улыбается бабушка. Я её понимаю. Некоторое время идём молча, поворачиваем на улицу Братьев Вишняковых. «Бабушка, кто такие Вишняковы, почему улицу назвали в честь них?» — спрашиваю я. Лицо бабушки светлеет: «Хорошие ребята, от рук бандитов погибли. Почему бы не назвать в честь них хотя бы улицу?» Во мне просыпается гордость за моих великих земляков: Шикунова Николая Павловича — Героя Советского Союза, Трегубовича Виктора Ивановича — кинорежиссёра, народного артиста РСФСР, Тарасенко Андрея Викторовича — чемпиона мира по пауэрлифтингу, Антонова Леонида Ивановича — педагога, писателя, почётного гражданина города Боготола. Я горжусь, что меня с ними объединяет наш город.

«Что-то домой не хочется. Может, куда-нибудь сходим?» — прищуриваю правый глаз и смотрю на бабушку. «Куда?» — интересуется она. «В парк», — ляпнула первое, что пришло мне в голову. «Э-хе-хе, парк. Где он? Вот раньше-то парк был так парк!» Бабуля, минуту помолчав, начинает вспоминать; кажется, что она на моих глазах молодеет. Парк культуры и отдыха считался одним из самых уникальных мест отдыха в городе. В нём собиралось большое количество жителей и гостей города: днём молодые мамы с колясками, пожилые люди и подростки. Старушки и старички тихонько сидели на скамейке, читая книги или слушая музыку по радио, ребятня развлекалась на аттракционах. Сколько их было! Особенно любили «Лодки» и «Клетки». Ещё бы! Кто больше раз заставит «Клетку» проделать «солнышко» или выше раскачается на «Лодках»? У меня замирает сердце. Слушая бабушку, я представляю себе, как лечу на этих «Лодках» или «Колесе обозрения» над городом. Ух!

Закрываю глаза и задумываюсь. Да, действительно, мы долго не гуляли с моей бабушкой. То, что она сейчас увидит в парке, точно приятно удивит её. Наш молодой парк «Сфера» хорошеет с каждым днём. Ухоженные клумбы, зелёные газоны, удобные скамейки, горки для детей, беседки… А вот от зоны отдыха «Книжкин парк» бабушка будет в восторге. Сказочные фигуры Бабы Яги, Емели со щукой, избушки на курьих ножках всегда в окружении детей. Там даже есть рябиновая аллея. Нет, парк в нашем городе теперь современный и хорошеет год от года. «Да, не ожидала таких перемен!» — восторженно произносит бабушка.

Дальше наша прогулка по городу привела в Свято-Никольский храм. Я беру бабушку за руку и спрашиваю: «Храму столько же лет, как и городу?» — «Что ты! Храм построили в конце восьмидесятых годов прошлого века, — отвечает бабушка, и как-то по-особому мягко звучит её голос. — Храм построили на деньги прихожан, а когда администрация узнала о том, что купола возводят, приказала подогнать краны и разрушить, но люди стеной встали и не позволили это сделать. Много людей приходит в храм. По желанию прихожан открыли воскресную школу».

Мы входим в храм, я рассматриваю старинные иконы. Чудная тишина наполняет меня, мне легко и свободно.

На обратном пути я не иду по улицам города, мне кажется, я лечу, лечу на крыльях любви к нему. Я ощущаю своим сердцем, что это мой город. Он есть у меня, как мать, как небо над головой, как воздух, которым я дышу. Я хочу помнить прошлое моего города, потому что, зная прошлое, можно полюбить настоящее и думать о будущем.

Богдан Коменда

4 класс

Человеку нужна Родина

Великую землю, любимую землю,
Где мы родились и живём,
Мы Родиной светлой,
Мы Родиной милой,
Мы Родиной нашей зовём.

Родина — удивительное слово. У всего на свете есть своя родина: у каждого деревца, у листика и даже у ручейка. У берёзки — это лес, у листика — ветка, у ручейка — неглубокий овражек. Для меня родина — это место, где я родился, сказал первое слово, сделал первый шаг, где я живу и расту, где живут мои родные, друзья, где меня любят и понимают.

Наш посёлок Добромысловский — это частичка Идринского района, малая часть Красноярского края, а в целом — России; это моя малая родина.

Посёлок со всех сторон окружён лесами, лугами и полями.

Какая красота у нас зимой! Солнце ярко светит, искрится снег, весь он рассыпчатый, как песок, весело скрипит под ногами. Бывает, потрескивает

мороз (иногда он очень лютый), дует, завывая, пронзающий ветер. На небе ни облачка, солнце нахмурилось. И всё равно в родном селе всё кажется красивым и чистым. А как чудесно и необычно в заснеженном лесу!

Живописен пейзаж весной, когда всё утопает в буйном цветении черёмухи, вишни, ранеток.

В моём селе главным местом считается парк, где есть аллея Славы—это память о тех, кто отдал свои жизни в Великую Отечественную войну, чтобы жили мы. Летом 2020 года в парке состоялось торжественное открытие небольшого мемориала, на которое собрались жители посёлка. Называется он Мемориал землякам, ушедшим с территории Добромысловского сельского совета на фронт защищать Родину. В центре его белоснежный обелиск, а по краям на плитах чёрного мрамора золотыми буквами высечены имена тех, кто увековечил себя подвигом, защищая родные места. Это святое место.

Рядом с парком находится современное модульное культурное пространство «Доброе».

А посёлок, говорят, получил название от фамилии землемера Добромыслова, который проводил межевание земель. Хорошее и доброе имя, и жители соответствуют ему: всегда приходят на помощь, если кого-то из односельчан коснулась беда, много у нас отзывчивых людей.

Только вслушайтесь в названия улиц: Садовая, Мира, Гагарина, Ворошилова! Но главная улица названа именем Героя Советского Союза Леонида Георгиевича Храпова, призванного на фронт двадцать третьего июля 1941 года.

Наша школа основана в 1989 году и тоже носит имя Л.Г. Храпова. Она стоит на виду, красивая, светлая. Въезжаешь в посёлок и сразу видишь её. Школа наша современная, она реализует проект «Точка роста», поэтому хорошо оборудована. У нас много спортивных достижений. В краевых научно-исследовательских проектах мы тоже показываем хорошие результаты. Я горжусь своей школой, это мой второй дом.

Мой посёлок особенный, но в нём люди, так же как во всей нашей необъятной Родине, работают в сельском хозяйстве, в разных учреждениях, в магазинах, на фермах, в полях, и они всегда готовы помочь друг другу. На моей малой родине, как и в других местах, соблюдаются народные традиции: отмечают общенародные и знаменательные даты, чтят память погибших героев, провожают новобранцев на службу в армию, чествуют знаменитых людей, ветеранов труда.

У нас живут люди разных национальностей: белорусы и украинцы, мордва и чуваши, хакасы и немцы; они вместе трудятся, отдыхают, проявляют интерес к культуре других национальностей.

Здесь, как и по всей стране, люди берегут и охраняют природу. У нас есть база отдыха «Дивная» с горнолыжной трассой, где отдыхают местные жители и приезжают горожане и люди из других регионов.

Начиная с конца июля, в наших лесах начинается сбор грибов. Особенно прославились наши места лисичками, которые идут на импорт в другие страны. Я мечтаю, чтобы у нас проводился краевой фестиваль «Добромысловская лисичка» по примеру «Минусинского помидора». У нас есть чем удивить гостей. Когда я подрасту, я напишу такой проект и прославлю свой посёлок.

На мой взгляд, жизнь ребёнка в селе гораздо лучше, чем в городе. Недаром дети из города едут на каникулы в село. Тут можно бегать по широким полям, ловить рыбу в пруду, собирать ягоды и грибы в лесу! У меня много таких знакомых городских ребят и родственников.

Родные места вселяют радость и успокоение в душу, придают уверенность, вдохновляют на хорошие дела.

Думая о родине, о любви к ней, о красоте природы, я невольно вспоминаю строки А.М. Пришвина, который сказал: «Рыбе—вода, птице—воздух, зверю—лес, степи, горы. А человеку нужна Родина».

Я просто уверен, что когда мы вырастем, мы не только сохраним свою малую родину, но сделаем нашу Россию ещё прекраснее, ещё могущественнее, ещё богаче.

стр. 107 Ангарский Дмитрий
Ангарск, 1967 г. р.

Творческий псевдоним Иващенко Дмитрия Анатольевича, родившегося в Железногорске-Илимском. После окончания десятилетки поступил в Иркутский политехнический институт, но был призван в ряды СА. Службу проходил в Чехословакии, в пехотном полку. Учился в Иркутском госуниверситете на отделении журналистики, Литературном институте имени А. М. Горького. Автор книг «На ветру» (2006), «Встречи и разлуки» (2010). Член Союза писателей России.

стр. 184 Антонова Анастасия Юрьевна
Душанбе (Таджикистан), 1989 г. р.

Родилась в городе Шелехов Иркутской области. Окончила Смоленский государственный университет в 2011 году (специальность «преподаватель английского и немецкого языков»); в 2013 году получила степень магистра педагогических наук. В настоящее время работает преподавателем-фрилансером. Член Творческого объединения детских авторов России (ТО ДАР) и литературно-художественного объединения «Страна Детства». Публиковалась в журналах «Шалтай-Болтай» (Великобритания), «Сверчок» (Франция), «Радуга» и др. Дипломант и победитель различных литературных конкурсов. Участник Международного фестиваля «Славянская лира» (Минск, 2021), участник Совещания молодых писателей в Челябинске (2021) и Вологде в рамках Беловских чтений (2020).

стр. 59 Аушева Елена
Ханты-Мансийск, 1976 г. р.

Родилась в Казахстане. В 2003 году, после замужества, переехала в Ханты-Мансийск. Пишет стихи и прозу. Автор трёх стихотворных сборников. Один из них был выпущен в печатном виде, остальные — в электронном. В 2020 году отдельной книгой вышла сказка для детей «Лурик — лунный кот. Эра полной луны».

стр. 98 Ахадов Эльдар Алихасович
Красноярск, 1960 г. р.

Родился в Баку. Российский писатель. Окончил Ленинградский горный институт. В течение 10 лет руководил краевым литературным объединением при Государственном центре народного творчества Красноярского края и краевой литературной студией «Былина» для незрячих и слабовидящих. Автор более 30 книг поэзии и прозы. Основатель сайта «Миры Эльдара» и международного русскоязычного поэтического конкурса «Озарение». Произведения автора публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Мурзилка», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Кукумбер», «Сибирские огни», «Неизвестная Сибирь», «День и ночь», «Обская радуга», «Intelligent New-York» и др. Обладатель многочисленных литературных премий и наград.

стр. 113 Бимаев Анатолий Владимирович
Абакан, 1987 г. р.

Родился в Красноярске. Окончил юридический факультет Хакасского государственного университета. Публиковался в журналах «Абакан», «Сибирские огни», «Нева», в альманахе «Порог-АК», в сборнике «Антология молодых авторов Хакасии», в газете «Мол», в интернет-изданиях «Пролог» и «Za-Za». Участник 9-го и 12-го Форумов молодых писателей России и стран ближнего зарубежья. Участник Совещания молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока (Томск, 2015). Участник регионального совещания сибирских авторов (Новосибирск, 2016).

стр. 3 Бурляев Николай Петрович
Москва, 1946 г. р.

Советский и российский актёр, кинорежиссёр; народный артист РФ. Окончил актёрский факультет театрального училища имени Б. Щукина и режиссёрский факультет ВГИКа (мастерская М. И. Ромма, Л. А. Кулиджанова). Снимался в картинах Андрея Кончаловского, Андрея Тарковского, Григория Рошаля, Юрия Победоносцева и др. С 1992 года — генеральный директор киноконцерна «Русский фильм». Президент Международного кинофестиваля славянских и православных народов «Золотой Витязь». С 26 июля 2010 года — член Патриаршего совета по культуре РПЦ. Член Союза писателей России.

стр. 55 Валеев Марат Хасанович
Красноярск, 1951 г. р.

Родился в Краснотурьинске Свердловской области. Рос и учился в селе Пятерыжск в Казахстане. Служил в стройбате в 1969–1971 годах, строил военные объекты. После армии работал сварщиком в тракторной бригаде. Окончил факультет журналистики КазГУ имени Аль-Фараби (Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области «Ленинское знамя» (Железинка), «Вперёд» (Экибастуз), «Звезда Прииртышья» (Павлодар). В 1989 году был приглашён в газету «Советская Эвенкия» (с 1993 года — «Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края, в которой прошёл путь от рядового корреспондента до главного

редактора. Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор нескольких сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишинёве, Москве. Член Союза российских писателей. С 2011 года живёт в Красноярске.

стр. 158
Васильев Геннадий Михайлович
Красноярск, 1959 г. р.

Журналист, поэт, исполнитель авторской песни. Родился в Томске. Отслужил в армии, потом по комсомольской путёвке оказался на КАТЭКе, в Шарыпово. Учился заочно в Иркутском университете на факультете журналистики. Работал в газетах «Красноярский комсомолец», «Свой голос», «Евразия», «Деловая Сибирь», вёл еженедельную программу на красноярской студии «Авторадио», участвовал во всевозможных медиапроектах. Участник Всероссийского совещания молодых литераторов в Ярославле в 1996 году.

стр. 111
Голубь Игорь
Калининград, 1984 г. р.

Поэт, прозаик, член Союза писателей России, руководитель Совета молодых литераторов Калининградской области. Редактор и издатель всероссийского молодёжного литературного журнала «Веретено», составитель и издатель антологии молодёжной поэзии России «111». Автор пяти поэтических сборников (2015–2020), сборника рассказов «Жить» (2020). Публиковался в журналах «Подъём», «Бельские просторы», «Наш современник», «Симбирскъ», альманахах «Образ» и «Арина». Лауреат литературной премии «Молодой Петербург» (2018).

стр. 152
Гусаченко Геннадий Григорьевич
Бердск, 1942 г. р.

Родился в Новосибирске. Окончил филологический факультет Дальневосточного госуниверситета по специальности «журналист-востоковед» (японский язык). Служил на Тихоокеанском флоте, работал оперуполномоченным уголовного розыска во Владивостоке, электриком на китобойных судах, учителем в сельской школе, егерем в уссурийской тайге, корреспондентом в газетах Приморья и Новосибирской области, машинистом электровоза на Западно-Сибирской ж. д., офицером-воспитателем в кадетском корпусе. Публиковался в печатных журналах «Горница», «Охотничьи просторы», «Человек и закон», «Юный натуралист», «Новый Енисейский литератор» и других изданиях. Были опубликованы романы «Жизнь-река», «Рыцари морских глубин», «Китобойная одиссея», «Долгая дорога в Рай», «Слуги сатаны», «Золото империи», сборники повестей и рассказов.

стр. 47
Деменюк Андрей Фомич
Санкт-Петербург, 1960 г. р.

Родился в Красноярске, с 2011 года проживает в Санкт-Петербурге. Геолог. Стихи публиковались в красноярских краевых и городских газетах, коллективных сборниках, журнале «День и ночь» (№5/2013 и №2/2020). Выпущен авторский сборник стихов «Акцент ночи» (Красноярск, «Кларетианум», 1998).

стр. 67
Дмитриев Андрей
Нижний Новгород, 1976 г. р.

Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Член Союза журналистов РФ. Публиковал стихи и прозу в сетевых изданиях «Полутона», «Этажи», «Артикуляция», «45-я параллель», «Дегуста.ру» и «Лиterraтура», в альманахе «Новый Гильгамеш», в журналах «Нева», «Дружба народов», «Крещатик», «Новая Юность», «Юность», «Prosōdia», «День и ночь», «Бельские просторы», «Байкал», «Нижний Новгород», «Гвидеон» и др.

стр. 147
Зирихгеран Ахмедхан
Махачкала, 1976 г. р.

Родился в ауле златокузнецов Кубачи и с малых лет работал рядом с отцом и братьями. Первый литературный опыт — зарисовка «Сон» — был опубликован в Интернете. Впоследствии печатал свои произведения в следующих изданиях: альманах «Кавказский экспресс» (2017), журнал «Дагестан» (№1/2018), «Дагправда» (приложение «Горцы» №4 (43)/2018) и многих других. Дипломант и лауреат различных литературных конкурсов: XVII международного литературного Волошинского конкурса (2019), III Всероссийского медиаконкурса «Кавказ.doc», конкурса Министерства информатизации, связи и массовых коммуникаций РД на лучший антиэкстремистский и антитеррористический контент и др. Член литературного клуба «Верба» (Махачкала). Член Союза российских писателей.

стр. 104
Кальнов Денис Валерьевич
г. Каменка (Пензенская область), 1991 г. р.

Родился в Мурманске. Ранее печатался лишь в американском русскоязычном журнале «Чайка» (Seagull Magazine), в литературно-философском журнале «Топос», а также в русско-французском литературном проекте «СлоВолга».

стр. 171
Косяков Дмитрий Николаевич
Красноярск, 1982 г. р.

Выпускник филологического факультета Красноярского государственного университета, Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка»). Арт-критик и искусствовед, журналист, поэт-мелодекламатор, руководитель

Совета молодых литераторов Красноярского края, автор и ведущий дискуссионных клубов, преподаватель, сценарист кино и театра. Публикации в журналах «День и ночь», «Дети Ра».

стр. 52

Максимычева София
Ярославль, 1964 г. р.

Родилась и живёт в Ярославле. В детстве посещала художественную школу, библиотеки и читальные залы. Опубликовала рассказ в журнале «Юный натуралист». Училась в техническом вузе. Работала в государственных учреждениях, освоила бухгалтерское дело, была звукооператором на радио, вела свой бизнес. С поэзией дружила всегда, но сама стала писать стихи лишь несколько лет назад. Публикации на интернет-порталах и в альманахах «Великороссъ», «Ликбез», «45-я параллель», «Белый мамонт», «Топос», «День и ночь», «Луч». Финалист конкурса «Рыбье царство» (журнал «День и ночь»). Шорт-листер конкурса «60 плюс» (журнал «Москва»).

стр. 85

Маркаров Валериан Владимирович
Тбилиси (Грузия)

Родился в семье тбилисских интеллигентов. С отличием окончил факультет истории Тбилисского университета, впоследствии изучал бизнес и менеджмент в США и Израиле. Занимался преподавательской деятельностью, трудился в ряде международных организаций и дипломатических миссий. Колумнист и писатель, чьи романы переведены на несколько языков мира и получили признание экспертов на международных литературных конкурсах. Публиковался в грузинских, российских, канадских и греческих литературных альманахах и журналах. Автор книг «Всему своё время», «Гении тоже люди… Леонардо да Винчи», «Легенда о Пиросмани» и др. Победитель и лауреат многих международных литературных конкурсов.

стр. 187

Назаренко Людмила Витальевна
Варна (Болгария), 1953 г. р.

Родилась в грузинском селении Гомбори (Кахетия). Вместе с семьёй часто переезжала: жила в Москве, Луцке, Владимире, Саратове, Мичуринске, Ростове-на-Дону, Гомеле, Тбилиси и других городах СССР. В 1981 году окончила Саратовский институт механизации сельского хозяйства, затем получила специальность бухгалтера. Работала снабженцем, технологом, программистом станков с ЧПУ, администратором компьютерного центра, главным бухгалтером проектного института и строительно-экспертной организации, риелтором в Москве. Печатается с 2005 года. Под псевдонимом «Ольга Волошина» публиковала рассказы, очерки, сказки для детей в журналах «Берегиня», «Пушкино», «Зарубежные задворки», газете «Моя семья». Вместе с сестрой (под псевдонимами «Анна и Ольга Волошины», «Сёстры Волошины») опубликовала около десятка книг в издательствах «Рипол классик», «Этерна», «Центрполиграф», АСТ.

стр. 135

Нескоромных Вячеслав Васильевич
Красноярск, 1958 г. р.

Родился на Алтае, вырос на Камчатке. Окончил Иркутский политехнический институт, где проработал 30 лет. Окончил аспирантуру (заочно) Московского геологоразведочного института. В данный момент работает в Сибирском федеральном университете, профессор. Лауреат литературных конкурсов и конкурсов на лучшую научную книгу. В 2020 году вышел исторический роман «Сны командора» об истории Русской Америки и участии в этих событиях камергера Николая Резанова. В 2021 году вышел роман «Завет Адмирала».

стр. 164

Пахомов Владимир Анатольевич
п. Спенсер (США), 1948 г. р.

В 1971 году окончил геологический факультет ДВПИ (Владивосток). С 1971 по 1978 год работал в ПГО «Приморгеология» в должности геолога, начальника отряда, старшего геолога, с 1978 по 1993 год — в ПГО «Севвостгеология» на Западной Чукотке и Центральной Колыме в должности геолога, начальника партии, главного геолога экспедиции. С 1993 по 1998 год работал для ряда американских компаний в России, Украине, ближнем и дальнем зарубежье. В 1998 году эмигрировал в США. Данная публикация является журнальным дебютом автора.

стр. 70

Подольский Леонид Григорьевич
Москва, 1947 г. р.

Российский писатель, член Союза российских писателей и Союза писателей Москвы. Главный редактор альманаха «Золотое руно» (2014–2018), электронного портала «Золотое руно», председатель одноимённого клуба современных писателей в Центральном Доме литераторов, лауреат Международной премии «Писатель XXI века», премий «Леонардо», «Лучшая книга года», «Герой нашего времени». Кандидат медицинских наук. Автор книг «Потоп», «Эксперимент», «Идентичность» и др.

стр. 49

Попов Евгений Александрович
Санкт-Петербург, 1948 г. р.

Родился в Краснодарском крае. Окончил радиоаппаратостроительный техникум, затем — Литературный институт имени А. М. Горького. Первые публикации — в газетах «Северный рабочий» (Северодвинск) и «Ленинское знамя» (Тосно) в 1975 году. Впоследствии сотрудничал с журналами «Нева», «Аврора», «День и ночь», публиковался в альманахах «День поэзии — XXI век», «Поэзия», «День русской поэзии», в «Литературной газете», «Литературной России», антологиях и др. Поэт и прозаик, автор книг «Птицы в городе», «Сильное небо»,

«Западно-восточный ветер», «Памятник тяжёлой волне», «Открытое дерево», «Четырёхгорка», «Генкины паруса» и др. Член Союза писателей России.

стр. 65

Потапова Наталья Васильевна

Челябинск, 1972 г. р.

Поэт, прозаик. Родилась в Челябинске. Окончила Челябинский базовый медицинский колледж по специальности «медсестра» (1993), факультет специальной психологии Челябинского государственного университета (2005). Является внештатным корреспондентом газеты «Милосердие и здоровье» и волонтёром МБУ «Центр „Аистёнок“—детский дом №2 г. Челябинска». Выпускница Литературных курсов ЧГИК 2019 года. Автор книги стихов «Если сердце» (2000), сборника стихов и публицистики «Избранное» (2015), сборника очерков «Ныряю в прошлые года» (2019), сборника рассказов «Лекарство от боли» (2019). Финалист, лауреат и победитель различных конкурсов: «Литера Артель» (2017), «Прекрасен наш союз…» (2018), «Комсомолу—100» (2018), «Мгинские мосты» (2019). Мультфильм на её стихи стал лауреатом фестиваля «Словече». Участник IX и X Межрегиональных совещаний молодых писателей (Челябинск, 2018, 2019).

стр. 53

Пшеничная Вита Валерьевна

Псков, 1969 г. р.

Член Союза писателей России с 2004 года. Публикации (стихи, проза, эссе, критика) в изданиях: «Литературная Россия», «Слово», «Родная Ладога», «Север», «Наш современник», «Волга—XXI век», «Письма из России», «День и ночь», «Венский литератор», «Дарьял» (Осетия), «Знацы» (Болгария) и др. Автор нескольких поэтических сборников и одной книги прозы, цикла рецензий на стихи разных авторов, критических статей, эссе. Победитель и лауреат ряда российских и зарубежных литературных конкурсов («Литературная Вена», «Рождественская звезда», «Живое слово», «Мир без войн и насилия», «Степные сполохи»). Дипломант Международного литературного фестиваля «Золотой Витязь-2020».

стр. 45

Ребров Андрей Борисович

Санкт-Петербург, 1961 г. р.

Один из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских—на Валааме, в Оптиной пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском монастырях—оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь СП России, действительный член ИППО. Лауреат всероссийских литературных премий. Академик ПАНИ, АРС и др. Имеет церковные и государственные награды. Главный редактор журнала «Родная Ладога».

стр. 24

Ромашков Юрий Валерьевич

Красноярск, 1988 г. р.

Родился в Красноярске. Затем переехал в деревню Старая Кузурба Ужурского района. В конце 1990-х—новый переезд, на этот раз в Шарыповский район, деревня Александровка. В 2009 году окончил исторический факультет Енисейского педагогического колледжа. После службы в рядах Вооружённых сил РФ поступил на исторический факультет Красноярского педагогического университета имени В. П. Астафьева, который окончил в 2014 году. С 2011 года и по сей день работает научным сотрудником фондов Енисейского краеведческого музея имени А. И. Кытманова. В 2014 году вышел первый сборник стихов «Стихи из-под шкафа». Лауреат Фонда Астафьева (2019).

стр. 23

Роменко Олег Сергеевич

Белгород, 1977 г. р.

Родился в Белгороде 16 июня 1977 года. Поэзия и проза публиковались в журналах и альманахах Белгорода («Звонница» и «Светоч»), Москвы («Наш современник»), Симферополя («Белая скала»), Краснодара («Родная Кубань»), Нижнего Новгорода («Нижний Новгород» и «Земляки»), Кирова («Ротонда»), Красноярского края («Истоки» и «Литкультпривет»). Лауреат областных литературных конкурсов. Автор книги стихотворений «Волны времён» (2020).

стр. 69, 84, 134, 170, 186, 191

Синяя тетрадь

Красноярский край

Сочинения участников краевого литературного конкурса для школьников «Наш дом—Красноярье».

стр. 37

Смирнов Михаил Михайлович

Москва, 1953 г. р.

Родился в селе Есаулово Красноярского края. В 1975 году окончил Ленинградский финансово-экономический институт. Сорокалетнюю трудовую и служебную деятельность проходил в Иркутской области, Липецке, Нижегородской, Московской и Мурманской областях и Москве. Участник боевых действий в Республике Афганистан в 1981–1983 годах. Работал в промышленной, финансовой и банковской сферах, являлся государственным военным и государственным гражданским служащим. С 2004 года живёт в Москве. Прозаик, член Союза писателей России с 2014 года, состоит на учёте в Московской городской организации СП России. Автор 24 романов в 34 томах, изданных в Москве, Уфе, Южно-Сахалинске и Екатеринбурге. Наиболее известные из них: «Сокровища Белого моря», «Жертва», «Набат тишины», «Венский узел», «Конечный бенефициар», «Тайны Сахалина».

стр. 51 **Смирнов Роман**
Электросталь (Московская область), 1979 г. р.

Работает в городе Ногинске, проживает в родном городе Электросталь. Публикации в журналах и электронных изданиях «HomoLegens», «Prosodia», «Твоя Глава», «45-я параллель», «Топос», «Образ», «Поэтоград», «Графит», «Сетевая Словесность», «Идель», «Казань», «Formasloff», «Фабрика Литературы», «Textura», «Чайка», «Гостиная» и др. С 2019 года член «Союза писателей XXI века».

стр. 109 **Шубникова Галина Николаевна**
Советск (Кировская область), 1959 г. р.

Стихи пишет с юности. Публиковаться начала с 2018 года. Выпускница курсов литературного мастерства ЧГИК. Победитель литературных конкурсов «Солнечные часы» (2020, 3 место), «Серебряный голубь России» (2020, 3 премия), финалист конкурса имени Н. Мельникова «Яблоки в траве» (2020) и др. Публикации в журналах «Страна Озарение», «Союз писателей», «Новый Ренессанс», «Ротонда».

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В. Н. Наговицын

РЕДАКТОРЫ
Марина Наумова-Саввиных
Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.
Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Александр Астраханцев — Красноярск
Наталья Ахпашева — Абакан
Юрий Беликов — Пермь
Глеб Бобров — Луганск
Елена Буевич — Черкассы
Вера Зубарева — Филадельфия
Александр Кердан — Екатеринбург
Сергей Кузнечихин — Красноярск
Андрей Лазарчук — Санкт-Петербург
Евгений Минин — Иерусалим
Виталий Молчанов — Оренбург
Миясат Муслимова — Махачкала
Александр Орлов — Москва
Олеся Рудягина — Кишинёв
Анна Сафонова — Южно-Сахалинск
Андрей Тимофеев — Москва
Владимир Шемшученко — Санкт-Петербург
Нина Ягодинцева — Челябинск

В оформлении обложки использована картина Виктории Исаенковой.

ИЗДАТЕЛЬ
АНО РИЦ «День и Ночь».
ИНН 770 207 0139

Расчётный счёт
4070 3810 4004 3000 0496
В филиале «Сибирский» банка ВТБ ПАО в г. Новосибирске
БИК 045 004 788
КПП 540 643 001
Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя: 660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3, т. +7 950 991 4349
Почтовый адрес: 660133, г. Красноярск, ул. 3 августа, д. 22, оф. 4
Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 10.10.2021
Дата выхода в свет: 31.10.2021
Тираж: 1200 экз.
Цена свободная
Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт» г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+